

Адам Нэвилл Номер 16

Аннотация

Лондон. Респектабельный дом в престижном районе. И «нехорошая» квартира, в которую уже полстолетия никто не входит и из которой никто не выходит.

Сету, ночному портье, тоже не следовало открывать дверь с номером 16, какие бы странные звуки ни проникали наружу. Не стоило переступить роковой порог и молодой американке Эйприл, неожиданно получившей квартиру в наследство от бабушки, чья кончина не менее таинственна, чем ее жизнь. И в чьем дневнике содержится намек на давнее событие, столь же страшное, сколь и необъяснимое...

Адам Нэвилл

НОМЕР 16

*Посвящается Рэмси Кэмбеллу,
Питеру Краутеру и Джону Джерольду.*

Я хочу, чтобы мои картины производили такое впечатление, словно между ними прошел человек и оставил след своего присутствия и воспоминаний, как улитка, проползая, оставляет после себя слизь.

Фрэнсис Бэкон, 1909-1992

ПРОЛОГ

Сет остановился и пристально посмотрел на дверь шестнадцатой квартиры, как будто пытаясь увидеть сквозь золотистую тиковую обшивку, что творится внутри. Подозрительные звуки послышались, еще когда он спускался с девятого этажа и пересекал лестничную площадку. Точно так же, как в три последние ночи во время дежурного обхода здания.

Выйдя из оцепенения, Сет отпрянул от двери и быстро шагнул в сторону. Его долговязая тень скользнула вверх по противоположной стене, раскинув руки, словно в попытке за что-нибудь ухватиться. От этого зрелища Сет вздрогнул.

— Черт!

Ему не нравилась западная часть Баррингтон-хаус, хотя он не смог бы сказать, чем именно. Наверное, здесь просто слишком темно или лампы развешаны как-то неправильно. Старший портье утверждал, что с ними все в порядке, но, когда Сет поднимался по лестнице, ступени освещались неровно. Создавалось впечатление, будто тени абажуров тянутся к спускающемуся по ступеням человеку, выбрасывают перед собой колючие конечности, еще не успев показаться из-за поворота, и по временам Сету даже казалось, что он слышит шорох одежды и «топ-топ-топ» чьих-то решительно приближающихся шагов. Только никто так и не появлялся, и, заворачивая за угол, Сет ни разу никого не встретил.

Однако шум в шестнадцатой квартире тревожил его куда больше каких-то там теней.

Потому что в поздний ночной час в этом элитном квартале Лондона обычно стояла ни с чем не сравнимая тишина. Улицы вокруг Баррингтон-хаус, за Найтсбридж-роуд, были тихими сами по себе. Лишь изредка вокруг Лаундес-сквер проезжала машина. Внутри же дома ночной портье в крайнем случае мог вдруг заметить, что электрические лампы на площадке жужжат, словно рой насекомых, бьющийся в неподатливое стекло. Но с часу ночи до пяти утра все жильцы спали. За дверьми квартир слышались лишь невнятные шорохи.

К тому же в шестнадцатой никто не живет. Старший портье как-то сказал, что квартира пустует больше пятидесяти лет. Но уже четвертую ночь подряд внимание Сета было приковано к ней. Потому что за дверью что-то стучало, билось. До сих пор он списывал это на обычные шумы старого здания. Здания, которое простояло уже больше ста лет. Может быть, форточку распахнуло сквозняком. Что-нибудь в этом роде. Но сегодня ночью стук сделался настойчивым. Он стал громче. Он был каким-то осмысленным. И приблизился. Казалось, он адресован Сету, и время выбрано специально — именно тот момент, когда в два часа ночи он идет через площадку к следующему лестничному пролету, тот самый час, когда температура тела падает и происходит большинство смертей. Час, когда Сет, ночной портье, отрабатывает жалованье, совершая обход девятиэтажного дома, осматривает все лестничные пролеты и площадки. Но ни разу до сих пор он не слышал ничего похожего на эту внезапную бурю звуков.

Мебель загрохотала по мраморному полу, как будто в прихожей шестнадцатой квартиры опрокинули стул или столик. Может быть, даже перевернули или вовсе разбили. Ничего

подобного вообще не должно быть — даже днем — в столь уважаемом доме, как Баррингтон-хаус.

Встревоженный, Сет смотрел на дверь, будто ожидая, что та распахнется. Его глаза были прикованы к латунной цифре 16, начищенной так ярко, что она казалась отлитой из белого золота. Сет даже не смел моргнуть, он боялся перевести взгляд и обнаружить источник возмутительного шума. Увидеть нечто, чего не сможет вынести. Он даже задумался, хватит ли сил в ногах, чтобы быстро спуститься на восемь этажей. Возможно, спасаясь бегством.

Он задушил в себе эту мысль. Жаркая волна стыда пришла на смену внезапному испугу. Ему тридцать один год, он взрослый мужчина шести футов ростом, а не ребенок. Ему платят за охрану дома. Хотя, нанимаясь на эту работу, он не предполагал, что придется заниматься чем-то еще, кроме как обеспечивать свое вселяющее уверенность присутствие. Теперь он обязан во всем разобраться.

Стараясь не замечать стука собственного сердца, который отдавался в ушах, Сет подошел к двери и прижался левым ухом к щели почтового ящика. Тишина.

Он потянулся к узкой крышке. Если встать на колени и толкнуть внутрь металлическую пластину, лампы с лестничной клетки осветят часть прихожей.

Но что, если там окажется кто-нибудь?

Сет замер, затем отнял руку.

Входить в шестнадцатую квартиру запрещено всем без исключения — это вдолбил в него старший портье, когда полгода назад Сет только устроился на ночную работу. Подобные строгие правила вполне обычны для охраняемых домов Найтсбриджа. Даже выиграв изрядную сумму в лотерею, простой смертный еще поборолся бы за возможность получить апартаменты в Баррингтон-хаус. Трехкомнатные здесь стоили не меньше миллиона фунтов, а содержание обходилось в дополнительные одиннадцать тысяч в год. У многих обитателей хоромы были набиты антиквариатом, некоторые оберегали свою частную жизнь не хуже военных преступников и рвали все бумаги, прежде чем выбросить в мусор, который выносил обслуживающий персонал. Помимо шестнадцатой, в доме было еще пять пустующих квартир, в которые так же было строго запрещено входить. Однако во время ночных обходов Сет ни разу не слышал, чтобы из них доносился подозрительный шум.

Может, кому-нибудь разрешили остановиться в шестнадцатой и кто-то из дневных портье позабыл сделать запись в журнале? К несчастью, они оба, и Джордж, и Петр, недоверчиво нахмурились, когда Сет в первый раз упомянул о непонятных звуках, сдавая утром вахту. Значит, остается только одно логичное объяснение: в квартиру проник посторонний.

Но в таком случае злоумышленнику пришлось бы подниматься снаружи по приставной лестнице. Сет обходил дом вокруг десять минут назад, и ничего подобного там не было. Можно, конечно, пойти разбудить Стивена, старшего портье, и попросить его отпереть квартиру. Но Сету совершенно не хотелось беспокоить начальство в столь поздний час — у Стивена жена-инвалид. Все свободное время между сменами он посвящает ей и к концу дня полностью выматывается.

Опустившись на одно колено, Сет толкнул крышку почтового ящика и взглянул в темноту. Холодный ветер ударил в лицо знакомым запахом: древесно-камфорным ароматом гигантского бабушкиного гардероба, который в детстве был для Сета настоящей тайной комнатой; этот же запах ассоциировался с читальными залами университетских библиотек и музеями, построенными в эпоху королевы Виктории. Скромное напоминание о прежних обитателях и старине, предполагающее скорее их отсутствие, чем присутствие.

Тусклые лучи, падавшие из-за спины Сета, высветили за дверью пятючок прихожей. Ночной портье различил смутные очертания телефонного столика у стены, темный дверной проем справа и несколько квадратных метров пола, выложенного плитками из черного и белого мрамора. Остальное пространство терялось в тенях или крошечной тьме.

Сет сощурился из-за противного сквозняка, бывшего прямо в лицо, и попытался

рассмотреть что-нибудь еще. И снова неудача. Однако волосы зашевелились у него на голове.

Сет услышал, как нечто увесистое, завернутое в простыню или большой ковер, перемещают короткими рывками подальше от узкой полоски света, проникающего из коридора. Звуки удалялись в глубь квартиры, постепенно затихая, и наконец смолкли.

Сет подумал, что надо крикнуть в темноту, бросить ей вызов, однако не мог заставить себя раскрыть рот. Его вдруг охватило пронзительное ощущение, будто за ним наблюдают. И это внезапное осознание собственной уязвимости и того, что он стал предметом пристального изучения, едва не заставило его опустить крышку почтового ящика, встать и отойти назад.

Портье был в смятении. Рассуждать логично не получалось. Он так устал. Вымотался до предела, все валится из рук, ничего не ладится, он просто бредит. Ему тридцать один, но из-за ночных смен он чувствует себя на все восемьдесят. Очевидно, сказывается постоянный недосып, обычный для тех, кто работает по ночам. Но Сет никогда в жизни не страдал галлюцинациями. В квартире номер шестнадцать кто-то есть.

— Господи!

Открылась дверь. Внутри. Где-то в затененной части квартиры. Должно быть, примерно в середине коридора. Она щелкнула и, медленно, со скрипом распахнувшись во всю ширь, ударилась о стену.

Сет не двигался и даже не моргал, просто стоял и ожидал приближения из темноты чего-то неведомого.

Но было только это ожидание и еще тишина.

Правда, она длилась недолго. Сет кое-что уловил. Звук был слабый, но он нарастал, как будто нацеленный ему в лицо.

Гул доносился из недр тихой необитаемой квартиры. Какой-то рокот, очень похожий на тот, что слышится внутри больших морских раковин. Наводящий на мысль о далеких ветрах. Возникло странное ощущение, будто за дверью раскинулось громадное пространство. Там, в темноте, в которой он ничего не может разглядеть.

Дуновение изнутри усиливалось, пока Сет, скорчившись, всматривался в щель. Ветер нес с собой что-то. Отзвук чьего-то голоса, далекого, но все еще различимого. Голоса, который словно расходится концентрическими кругами на многие мили. Нет, здесь не один голос, голосов множество. Но крики так далеки, что слов никак не разобрать.

Сет отстранился от двери, его разум лихорадочно выискивал разумное объяснение. Может быть, где-то открыто окно? Вероятно, включено радио или работает телевизор? Нет, невозможно, ведь в квартире никто не живет.

Ветер дул теперь ближе, и голоса сделались громче. Они постепенно набирали силу вместе с движением воздуха. И хотя слов все равно было не понять, интонации угадывались безошибочно, наполняя Сета сначала все нарастающим беспокойством, а затем настоящим ужасом.

Это были крики напуганных до смерти. Кто-то визжит. Женщина? Нет, не может быть. Теперь звук приблизился, он напоминал вопль животного. Сету вспомнился бабуин, которого он однажды видел в зоопарке, тот ревел, растягивая вишневые губы и выставляя черные десны и длинные желтые клыки.

Вопль унесло прочь, его сменил хор стонов, преисполненных отчаяния, где каждый будто пытался заглушить другие на холодном ветру. Истерический крик нарастал, перекрывая остальные звуки. Они внезапно откатились назад, словно увлеченные прибоем, и Сет почти разобрал то, что говорил ему голос.

Он опустил крышку почтового ящика, и немедленно повисла глухая тишина.

Поднявшись и отойдя от двери, Сет попытался собраться с мыслями, но ему мешал грохот сердца, отдававшийся в ушах. Портье утер со лба пот рукавом пуловера и ощутил, как сильно пересохло во рту — словно он наглотался пыли.

Сету нестерпимо хотелось бежать вон из здания, вернуться домой и лечь спать — покончить со всеми странными ощущениями и острыми впечатлениями, которые

провоцируют бессонницу. Ведь причина именно в ней.

Перепрыгивая через две ступеньки застеленной ковром лестницы, Сет промчался по западному крылу до самого нижнего этажа, быстро прошагал мимо стойки портье и вышел из Баррингтон-хаус через парадный вход. Он остановился на тротуаре и, запрокинув голову, считал светлые каменные балконы, пока не дошел до восьмого этажа.

Все окна до единого закрыты, ни одно даже не приоткрыто, все наглухо заперты, стекла плотно сидят в белых рамах, а интерьер шестнадцатой квартиры к тому же скрыт плотными занавесками, и днем, и ночью задернутыми, от Лондона и остального мира.

Но волосы у Сета все равно шевелились, потому что он по-прежнему слышал над головой, или в голове, все тот же свист далекого призрачного ветра и чьи-то невнятные крики, словно они спустились вниз вместе с ним.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Сразу из аэропорта Эйприл отправилась осматривать свое наследство. Добраться до нужного места оказалось несложно: прямо из Хитроу по синей ветке метро Пикадилли-лайн до станции «Найтсбридж».

Вынесенная наверх по бетонным ступенькам спешащей и толкающейся человеческой массой, Эйприл со своим рюкзаком оказалась на тротуаре. Она так долго ехала, что перед глазами до сих пор стоял мертвенный свет подземки. Если карта не подвела, это и есть Найтсбридж-роуд. Девушка шагнула в толпу.

Кто-то подтолкнул ее сзади, чей-то острый локоть отпихнул в сторону, и Эйприл немедленно сбилась с ритма этого странного города. Она ощущала себя лишней и совсем маленькой, что вселяло в нее чувство вины, но в то же время злило.

Эйприл пересекла узкий тротуар и спряталась под навесом магазина. Колени одеревенели, она обливалась потом под кожаной курткой и клетчатой рубашкой. Несколько секунд Эйприл постояла, наблюдая, как мимо течет, колышется, извивается людской поток, декорацией которому служит Гайд-парк, теряющийся в тумане.

Было трудно сосредоточиться на каком-то одном здании, на чьем-нибудь лице или витрине, потому что Лондон находился в непрестанном движении, обтекал все статичные конструкции. Тысячи людей вышагивали по улице или пересекали ее, стоило красным автобусам, белым фургонам, грузовикам и легковушкам на секунду остановиться. Эйприл хотелось охватить взглядом все сразу, узнать, понять, где здесь ее место, однако из-за потоков энергии, расхлывшихся по улице в разные стороны, мыслительный процесс затормаживался, она часто моргала, как будто разум сдался и желал заснуть.

Эйприл проследила взглядом по карте в путеводителе самый простой и короткий маршрут до Баррингтон-хаус. Она проделывала это, наверное, уже в сотый раз с тех пор, как восемь часов назад села в самолет в Нью-Йорке. Все, что ей требуется, — дойти до конца Слоун-стрит, затем повернуть налево на Лаундес-сквер. На такси она все равно не подъехала бы ближе, чем на метро. Дом двоюродной бабушки расположен где-то на площади, значит, там ей останется только отыскать нужный номер. Прекрасно, прямо камень с души! Стоило Эйприл представить, как она вглядывается в вывески и пытается понять, в какую сторону идти по улицам вроде этой, как ей делалось не по себе.

Давно пора отдохнуть. Она не спит всю последнюю неделю, с тех пор как выяснилось, что ее ждет поездка в Лондон и осмотр неведомого наследства, оставленного им с матерью бабушкой Лилиан. В самолете Эйприл удалось лишь немного подремать. Но разве удастся выспаться в столь суматошном городе?

Короткая прогулка от метро до Лаундес-сквер укрепила Эйприл в подозрении, что ее двоюродная бабушка была далеко не бедна. Уже по карте, увидев, что квартира расположена неподалеку от Букингемского дворца, Белгравии с многочисленными посольствами и знаменитым универсамом «Харродс», Эйприл заключила, что последние шестьдесят лет жизни ее двоюродная бабушка провела отнюдь не в трущобах. Однако эта догадка никак не

подготовила Эйприл к первой встрече с Найтсбриджем: белые дома с высокими окнами и черными перилами тянулись к небу, дорогие автомобили стояли вдоль тротуаров, тонкие белокурые англичанки с отрывистой речью вышагивали в туфлях на каблуках. Рядом с их дизайнерскими сумочками ее рюкзак казался мусорным мешком. В байкерской куртке, в закатанных джинсах и «конверсах»,¹ с распущенными черными волосами, как у Бетти Пейдж,² Эйприл ощущала себя крайне неловко и все ниже опускала голову от смущения и неуверенности человека, попавшего не в свою среду.

По счастью, на Лаундес-сквер немногие стали свидетелями ее замешательства: две арабские женщины, вышедшие из серебристого «мерседеса», да еще высокая блондинка, русская, которая сердито беседовала по телефону через закрепленную на ухе гарнитуру. После суматохи Найтсбридж-роуд от элегантной площади веяло спокойствием. Многоквартирные дома и гостиницы выстроились ровным прямоугольником вокруг вытянутого овала парка в центре, за оградой которого виднелись низкие деревца и голые клумбы. Непринужденное изящество зданий вселяло умиротворение в атмосферу, оставляя городской шум где-то позади.

— Не может быть!

Неужели теперь им с матерью принадлежит здесь квартира? Во всяком случае, до тех пор, пока они не продадут ее за кругленькую сумму. Эта мысль сейчас же пронзила Эйприл. Ей захотелось здесь жить. Двоюродная бабушка провела в этом месте больше шестидесяти лет, и Эйприл важно понять почему. Все здесь утонченно, безупречно, пронизано историей. За каждой дверью ей представлялся безукоризненно вежливый и равнодушный ко всему дворецкий. Здесь должны жить аристократы. И еще дипломаты. И миллиардеры. Люди, не похожие на Эйприл и ее мать.

— Господи, мама, ты просто не поверишь, — пробормотала она вслух.

Эйприл знала бабушку по одной-единственной детской фотографии. На ней было забавное белое платьице, повторявшее наряд ее старшей сестры Мэрилин, бабушки Эйприл. На том снимке Лилиан держала сестру за руку. Девочки стояли рядом во дворе их дома в Нью-Джерси, кисло улыбаясь. В тот момент Лилиан и Мэрилин были ближе друг к другу, чем когда-либо после. Во время войны Лилиан уехала в Лондон, поступив на секретарскую должность в армию США. Там она познакомилась с одним англичанином, летчиком, и вышла за него замуж. Домой она так и не вернулась.

Наверное, сестры все-таки переписывались или посылали друг другу открытки, потому что Лилиан знала о появлении на свет внучки. В раннем детстве Эйприл получала от двоюродной бабушки поздравления с днем рождения. В конверт обязательно были вложены английские деньги, фунты, — красочные бумажки с изображениями королей и герцогов, батальными сценами и бог знает чем еще. И с водяными знаками, которые проступали, если посмотреть купюру на свет, что казалось девочке настоящим волшебством. Ей всегда хотелось оставить себе фунты, не менять на доллары, которые на их фоне казались игрушечными фантиками. И еще всегда хотелось побывать в Англии. И вот она здесь, впервые в жизни.

Лилиан исчезла из их жизни много лет назад. Эйприл еще не исполнилось десяти, когда от бабушкиной сестры перестали приходить рождественские открытки. Мать была постоянно занята, воспитывая ребенка в одиночку, поэтому не обратила на это особого внимания. Когда умерла бабушка Мэрилин, мать написала Лилиан на ее адрес в Баррингтон-хаус, но ответа не получила. Поэтому они решили, что Лилиан тоже умерла там, в Англии, где прожила жизнь, о которой они ничего не знали, и слабенькая связь между поколениями оборвалась навсегда.

Однако два месяца назад пришло письмо от нотариуса, в котором тот сообщал им, как последним живым родственникам, о наследстве, оставшемся после «печальной кончины Лилиан Арчер». Эйприл с матерью до сих пор не пришли в себя от изумления — Лилиан

¹ Фирма «Конверс» специализируется на выпуске кедров и повседневной обуви. (Здесь и далее прим. перев., кроме особо оговоренных.)

² Бетти Пейдж — звезда эротического фото, секс-символ 50-х годов.

умерла всего каких-то два месяца назад, а они в результате унаследовали квартиру в Англии! Найтсбридж, Лондон — это вам не шуточки. И сейчас Эйприл стоит перед этим самым Баррингтон-хаус, перед громадным белым зданием, которое величественно возвышается на краю площади. Вверх бегут этажи из благородного белого камня — классицизм, однако же с легким намеком на ар-деко, проявившимся в узорах вокруг оконных проемов. Дом был настолько прекрасен и горделив, что Эйприл ощущала лишь робость, глядя на широкие стеклянные двери в латунных рамах, на корзины с цветами и узорчатые колонны по обе стороны мраморной лестницы.

— Невероятно!

За своим отражением в старинном стекле парадных дверей Эйприл видела длинный, застеленный ковром коридор с высокой стойкой портье в конце. За стойкой она разглядела двух аккуратно подстриженных мужчин в серебристых жилетах.

— Вот черт!

Эйприл засмеялась над собой. Нормальная жизнь словно вдруг превратилась в кинематографическую фантазию! Ощущая нелепость происходящего, она еще раз сверила адрес в бумагах, полученных от нотариуса. Письмо, контракт и документы о передаче прав на недвижимость теперь послужат ей ключом. Ключом от этого дома.

Никаких сомнений. Это тот самый дом. Их дом.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Он появился снова, осмотрел Сета с противоположной стороны улицы. На этот раз он стоял у края тротуара между двумя припаркованными машинами, а не ежился на крыльце магазина и не выглядывал из переулка, как в предыдущие три раза.

Сегодня фигурка придвинулась ближе, привлекая внимание портье, и в существе угадывалась растущая уверенность. Нисколько не тревожимый косым дождем, некто, не двигаясь, пристально смотрел вперед. Прямо на Сета. Некто.

Сет решил, что это мальчик, но определить наверняка не смог. Хотя голова безмолвного наблюдателя уже не терялась в тени, лица из-за капюшона грязной парки Сет так и не разглядел. Просто какой-то бездельник слоняется по улицам, вместо того чтобы сидеть в школе, как полагается в это время всем детям, у которых есть родители. И стоит незнакомец прямо напротив паба «Зеленый человечек», над которым живет Сет.

Может, ребенок просто дожидается отца или мать, засидевшихся в баре. Однако все внимание мальчика было сосредоточено на Сете. К тому же он стоял на том же самом отрезке Эссекс-роуд, где и в прошлые три раза, когда у Сета был выходной.

Ребенок выглядел весьма странно, закутанный с головы до ног в полинялую парку защитного цвета. Или серого? Было сложно определить оттенок на фоне сумерек и влажного серебристого воздуха, под закопченной красной вывеской, предлагающей жареных кур на вынос. Но это точно настоящая старая штормовка. Сет сто лет таких не видел. Даже не думал, что их до сих пор выпускают.

Еще на незнакомец были брюки. Не мешковатые джинсы, не спортивные штаны, какие носит большинство современных мальчишек, а именно брюки. Форменные школьные брюки. Плохо подогнанные и слишком длинные, как будто достались от старшего брата. Наряд довершали черные ботинки на толстенных подметках. Их Сет тоже давным-давно не встречал, со времен начальной школы. А в начальную школу он ходил в первой половине семидесятых.

Обычно, пробираясь по этому району Лондона, Сет старался не всматриваться в прохожих, особенно старательно он избегал глаз встречающих подростков. Многие из них были в подпитии, и Сет знал, к чему может привести открытый взгляд.

В этой части города полным-полно необузданной молодежи. Дети слишком рано приобщаются к атрибутам взрослости и слишком увлеченно играют в зрелость, искореняя в себе истинные черты юности. Но этот мальчик был совсем не таким. Он выделялся из общей

массы своей беззащитностью, своим одиночеством. Он напоминал Сету его самого в детстве, и Сет смотрел на него с состраданием. Все воспоминания о том времени были для него болезненными, пронизанными ужасом перед хулиганами — который он до сих пор ощущал, словно привкус озона, — и острыми приступами тоски, овладевавшими им уже двадцать лет, со дня развода родителей.

Но больше всего Сета удивляло странное и внезапное чувство, какое каждый раз предшествовало появлению загадочного ребенка. От его фигуры веяло такой силой, что Сет неизменно переживал легкое потрясение и растерянность, как будто его внезапно окликнули или чья-то рука вынырнув из толпы, вдруг подхватила его под локоть. Не то чтобы он пугался, но каждый раз вздрагивал. Пробуждался. Однако ощущение чего-то важного исчезало раньше, чем разум Сета успевал на нем сосредоточиться. Точно так же и мальчик. Он никогда не задерживался надолго. Лишь давал знать, что наблюдает за Сетом.

Но сегодня было по-другому. Фигура в длинной куртке замешкалась у края тротуара.

Сет поднял глаза прямо на незнакомца. Он ожидал, что столь пристальное внимание заставит ребенка опустить голову, смутиться под настойчивым взглядом. Ничего подобного, тот даже не дрогнул. Мальчишка в длинной куртке чувствовал себя совершенно непринужденно, он просто смотрел на Сета из темных глубин нейлонового капюшона, отороченного мехом. Казалось, он простоял в одном положении так долго, что вот-вот сольется с улицей, превратится в статую, безразличную к людям. Создавалось впечатление, что прохожие вообще не замечают мальчика.

Скоро ситуация стала неловкой. Разговор казался неизбежным. Пока Сет придумывал, как лучше окликнуть ребенка, стоявшего на другой стороне улицы, дверь за спиной распахнулась.

Сета окатила волна шума из бара. Кто-то выкрикнул «сука!», затем стул со скрежетом проехался по деревянному полу, бильярдные шары стукнулись друг о друга, раздался взрыв пьяного смеха, и за всем этим из музыкального автомата лилась негромкая песня о любви, словно стараясь утихомирить буянов. Сет поглядел на ярко-оранжевую дверь паба, но никто не вошел и не вышел. Звуки еще выплескивались, пока створка закрывалась под собственным весом, но постепенно затихали, а в следующий миг жаркое и шумное помещение снова отрезало от улицы.

Сет перевел взгляд обратно — мальчик исчез. Выйдя на проезжую часть, он оглядел мокрую улицу из конца в конец. Ребенок в длинной парке будто испарился.

«Зеленый человечек» был последним домом Викторианской эпохи, уцелевшим на углу запущенной улицы. Теперь красоту его кирпичной кладки и наружных контрфорсов портили кучи мусора на тротуаре. Снаружи, сквозь мутные окна паба, пережившие бомбежки Второй мировой и, по-видимому, с тех пор не мытые, было трудно рассмотреть что-либо, кроме рекламных плакатов, прилепленных к стеклам изнутри. Была здесь даже реклама «Гиннеса», которую Сет помнил с детства. Теперь нарисованный стакан с пивом выцвел до зеленовато-лимонного оттенка обсосанной лакричной конфеты. Афиши, зазывавшие на грядущие мероприятия, вроде «Вечеров викторины» и «Небесного футбола на большом телеэкране», были яркими и красочными только в тех местах, где стекла промыло дождем.

Сет прожил здесь достаточно, чтобы начать разбираться в посетителях и порядках «Зеленого человечка». Некоторые завсегдатаи принадлежали к биржевым спекулянтам на пенсии. Эти по-прежнему занимались делами, прямо в баре, и их мощный ист-эндский акцент невольно наталкивал на мысль, что он притворный. Захаживали сюда и те, кто, как Сет, перебивался случайными заработками. Подобные клиенты с утра до ночи пропивали последние деньги или просаживали их в игровых автоматах. Прочая разношерстная публика терялась в сумраке, словно часовые, которых забыли сменить с поста. Последних представителей субкультуры Сету было не с кем сравнить: до сих пор он не сталкивался с персонажами, являвшими собой новые образчики личности, деградировавшей в результате какой-то трагедии, душевной болезни или пьянства. Сколько еще протянет он сам, прежде

чем впадет в такое же состояние? По временам Сету казалось, что он уже там.

Сет чувствовал усталость оттого, что проснулся поздним утром, проспав всего несколько часов. Он встряхнулся, прогоняя воспоминание о пристально глядевшем мальчишке, и шагнул к двери паба. Пора платить за жилье: каждую неделю он заносит в паб семьдесят фунтов. Перешагнув через собачью кучку, Сет вошел внутрь.

Перед глазами замелькало, как будто он балансировал на чьих-то плечах. Сет бегло оглядел бар: желтые глаза со всех сторон, следы пены на высоких бокалах, пачки сигарет «Ламберт» и «Батлер», злобная лисья морда за стеклом, батарея шампанских бутылок в настоящей паутине, маленькая всклокоченная собачка перед мешком с объедками, форменная футболка «Арсенала» и одна-единственная некогда хорошенькая женщина со взглядом все еще притягательным, но оценивающим. Несколько голов повернулись к Сету, когда тот вошел, но тут же дернулись обратно.

Сет кивнул Куину, стоявшему сегодня за прилавком. Голова у Куина была такая, словно ее вытесали топором. По безволосому белому черепу до розового лба тянулся блестящий шрам. Куин сдержанно кивнул в ответ и облокотился на стойку, принимая у Сета деньги.

— Там сейчас был ребенок, — произнес Сет.

Куин наморщился, и очки поползли вверх по переносице.

— А?

Музыка играла громко, а на другой стороне барной стойки, построенной квадратом, орал мужик со щеками багровыми, словно сырая говядина.

— Там, на улице, был ребенок. Смотрел на паб. Ты его видел?

— Чего?

— Мальчик. На улице. Смотрел прямо на окна паба. Может, ты заметил?

Куин поглядел на Сета так, словно эти слова подтверждали его давнишние подозрения: «А у парня-то с головой не все в порядке. Еще бы, все время один да один. Девчонки у него нет. В гости к нему никто не заходит».

Пожав плечами, Куин отвернулся, чтобы положить деньги в кассу.

Чувствуя себя полным идиотом, Сет уже собирался двинуться к выходу, но кто-то преградил ему дорогу.

— Привет, сынок.

Это был Арчи. Арчи из Данди,¹ хотя он уже больше двадцати лет не навещал оставшихся там жену и детей. Он жил при пабе, убирая комнаты наверху и занимаясь мелким ремонтом. Смешно, ведь именно Арчи производил львиную долю всяческого мусора и поломок.

Маленький и по-стариковски костлявый, Арчи скорее шаркал, чем ходил. Однако он до сих пор мог похвастать невероятной копной седых волос, остриженных под саксонский шлем. Бугристое лицо, обрамленное бакенбардами, казалось, принадлежало доброму дедушке. И еще Арчи постоянно называл Сета «сынок», но только потому, что не мог запомнить его имя.

— У тебя есть табачок? — спросил Арчи.

Сет кивнул. Он протянул старику смятую пачку «Олд Холборн» с горсткой табака на самом дне.

Арчи заулыбался.

— Да ты настоящий друг, сынок.

Из нижней челюсти старика торчал одинокий зуб, резец, на который Сет вечно таращился. Точно так же, как и на очки с толстыми линзами, приклеенными к пластмассовой оправе липкой лентой.

— У меня весь вышел. Деньгу получу только во вторник, — сообщил Арчи, улыбаясь собственным башмакам.

— Слушай, Арчи. Ты не видел мальчишку, который болтается возле бара? Он еще носит куртку с капюшоном.

¹ Данди — город в Шотландии, административный центр, расположенный на заливе Ферт-оф-Тэй.

Но, получив табак, Арчи утратил интерес к разговору. К тому же он был пьян, и ему требовалось сосредоточиться, чтобы свернуть самокрутку. Сет вышел из паба и вернулся на крыльцо, затем сунул ключ в замочную скважину и побрел по темной лестнице к номерам над баром.

Плинтус первого лестничного марша выкрашен в цвет свежей крови. Стены оклеены белыми обоями с гроздьями винограда, пожелтевшими и отслоившимися на стыках. Кое-где большие куски оторваны и виднеется штукатурка.

Оказавшись на темной площадке первого этажа, Сет сориентировался по свету, падавшему из дверного проема общей кухни. Он ощутил запах мокрых, залитых пивом полотенец в стиральной машине. Кто-то недавно жарил на старой газовой плите бекон, и на ней остался застывший жир. Его запах смешивался теперь с вонью гниющего мусора — значит, Арчи до сих пор не вынес мешки. В них обитают мыши, но крыс пока что нет.

Напротив кухни располагалась ванная комната. В верхнюю половину двери было вставлено матовое стекло, впрочем, слишком прозрачное, чтобы гарантировать уединенность. Сет включил свет и заглянул внутрь узнать, починили ли душ над ванной. Еще нет.

— Вот дерьмо! — выругался он, удивляясь, что до сих пор ждет, когда ремонт сдвинется с мертвой точки.

Тридцать один год, два искусствоведческих диплома, а он вынужден мыться над раковиной.

Сет преодолел второй лестничный пролет, ведущий к его комнате. Перила были выкрашены в тот же цвет убийства, что и плинтусы во всем здании, зато цвет и узор ковра успел трижды смениться, пока Сет забирался на второй этаж. В соседних комнатах жили еще два человека, с которыми он никогда не разговаривал. Поднявшись, Сет оказался в крошечной темноте.

Он ударился коленом обо что-то острое.

— Черт!

Сет взмахнул руками и принялся шлепать ладонью по стене, нащаривая выключатель с разбитой пластмассовой клавишей, которую когда-то хорошо приложил чей-то кулак. Все светильники были снабжены таймером. Вскоре под потолком загорелись лампочки без абажуров.

Коридор, в который выходило три двери, все красного цвета, казался еще угрюмее и теснее из-за старой мебели, прижатой к стенам. Крайне опасно в случае пожара. Спеша добраться до комнаты, пока не погасли лампы, Сет пробирался между изломанными костями старой софы. Когда он достиг двери, коридор снова погрузился в темноту. Сет шлепнул по ближайшему выключателю и выиграл еще пять секунд света, пока возился с ключами. Едва он перешагнул порог комнаты, тьма снова поглотила пространство за спиной.

Когда год назад Сет в первый раз оказался в «Зеленом человечке», комнату ему показывал Арчи. И постарался сейчас же смыться, поскольку готовить жилище к прибытию нового постояльца входило в его обязанности. Ни на одном окне не было москитной сетки, и только на левом болтались матерчатые занавески цвета выкройки из дамского журнала, не одно десятилетие провалявшегося в приемной у врача. Подвижную створку правого окна намертво перекосило в раме.

— Ничего себе, — произнес Сет, полный ужаса и недоверия.

Однако Арчи только моргнул в ответ.

У стены напротив окон стояла двуспальная кровать, матрас на которой отличался полосками в духе Освенцима и пятнами, словно оставшимися после группового изнасилования. Из мебели в комнате имелось два кое-как собранных гардероба и маленький комод у постели. До сих пор хранивший следы от чашки и испачканный косметикой, он создавал в комнате несколько успокаивающую иллюзию женского присутствия.

Рядом с прикроватной тумбочкой торчала одинокая батарея, выкрашенная желтой краской и испещренная темными каплями. Засохшая кровь. Сет так и не смог оттереть ее и как-то спросил у Арчи, кто жил в номере до него. В ответ Арчи поднял брови и произнес:

— Девушка. Симпатичная девчушка. Никак не могла поладить со своим парнем. Каждую ночь они цапались. А до нее жил по-настоящему странный тип. Тихий, вроде тебя. Но когда явилась полиция, его застукали вместе с падчерицей. И с ее подружкой.

В комнате пахло старым ковром, который долгие годы продержали в гараже. Но здесь, по крайней мере, было сухо.

Сет даже не пытался привести жилье в порядок, он просто перевез свои вещи и смел с ковра какие-то осколки. Комната пребывала в таком плачевном состоянии, что любые попытки что-либо исправить казались тщетными. И теперь из-за стопок старых журналов и воскресных газет помещение казалось захламленным и в то же время необитаемым. Безрассудство привело его сюда, отчаяние вынудило остаться.

Сет помнил, как, заночевав здесь в первый раз, исходился жалостью к себе, ощущением полной заброшенности и страхом, что все эти чувства задушат его, если он позволит им разрастись. Однако он не мог надеяться на другое жилье, приехав в Лондон с двумя десятками никому не нужных картин, подписанных его именем. И Сет убедил себя, что из этой комнаты с двумя выходящими на южную сторону окнами получится отличная студия. Как у старых мастеров.

Сет затворил за собой дверь и запер ее. Другие постояльцы часто напивались, падали в темном коридоре, и Сет ощущал себя в безопасности, только когда дверь была закрыта на ключ. Он бросил рюкзак на кровать и включил чайник, затем выключил. Открыл холодильник, вспомнив, что еще осталась банка пива из упаковки, купленной позавчера.

Опустившись на край постели, Сет окинул взглядом груды картонных коробок в углу. Все его художественные принадлежности пылились в них. Картины, упакованные в пластиковые пакеты, стояли в гардеробе. За последние полгода он не сделал ни единого наброска и сам не знал, то ли с живописью наконец-то покончено навсегда, то ли однажды он все-таки к ней вернется.

Сет пил из банки, не утрудив себя поисками стакана. Он собирался съесть сэндвич, однако так устал, что, сев, уже не хотел подниматься. Как был, в уличной одежде, он прилег на застеленную покрывалом кровать, потягивая холодное пиво. Пора выбираться отсюда. Он начнет прямо завтра. Решится на следующий шаг.

Сет поглядел на часы: четыре. В половину шестого идти на работу. Решив, что полегчает, если он немного поспит, Сет поставил банку на пол, повернулся на бок и закрыл воспаленные глаза. Ему приснилось, будто он заточен в некоем месте, которое не снилось ему лет с одиннадцати.

Вход в комнату преграждала железная решетка, выкрашенная густой черной краской. Вместо окон — две арки по обе стороны от нее, также забранные вертикальными прутьями. Другого входа не было.

Задняя стена, две боковые и потолок, венчавший прямоугольное помещение, были сложены из гладкого белого камня. Полированные мраморные плиты леденили босые ноги Сета. Оказываясь здесь, он постоянно переступал на месте — ему казалось, что подошвы посинели от холода и больше никогда не согреются.

В комнате площадью в какие-нибудь пятнадцать квадратных футов не было ни украшений, ни мебели. От стужи у Сета ломило спину, однако пол был слишком студеным, чтобы садиться на него голым задом.

С потолка свешивался плафон на медной цепи. Лампочка помещалась внутри стеклянного куба, похожего на древние фонари, какие крепились на наружные стенки карет. От нее день и ночь лился яркий желтый свет. Сет никак не мог удержаться от соблазна согреть в его лучах пальцы, но каждый раз, когда он протягивал руки и касался стекла, оно

оказывалось холодным.

Сквозь железные прутья Сет видел лиственный лес: мокрый, густой, буйно разросшийся. Кроны деревьев были темно-зелеными, небо, нависавшее над высокими макушками, — низким и серым. Три широкие ступени вели из его тюрьмы вниз, в высокую траву, огибавшую по широкой дуге строение и раскинувшуюся до самого леса. Через решетку задувал ледяной ветер.

Мир Сета сводился всего к нескольким краскам.

Он находился в этом месте, потому что позволил привести себя сюда и запереть. Больше он ничего не знал. Хотя в нем жило еще размытое воспоминание о том, как когда-то давно его навещали родители. Папа и мама пришли вместе. Отец, кажется, был в нем разочарован, мать переживала, однако пыталась это скрыть. Один раз Сета навестила сестра с мужем. Они стояли у нижней ступени лестницы, и зять все время шутил, пытаясь его развеселить. Сет растягивал губы в улыбку, пока не заболело лицо. Сестра почти все время молчала. Кажется, она боялась Сета, словно больше не узнавала в нем брата.

Он уверял, что у него все хорошо, однако был не в силах описать, что чувствует на самом деле, заточенный в этой странной каменной комнате. Не мог объяснить это даже себе самому. Когда родные исчезли из виду, он ощутил комок в горле.

Ничего не понимая, почти ничего не помня, Сет не знал, как долго находится в помещении и, главное, по какой причине он заперт, однако он точно знал, что останется здесь навсегда — вечно мерзнущим, вечно голодным, встревоженным и переступающим с ноги на ногу из-за невозможности присесть.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Она будто ступила на борт роскошного пассажирского лайнера, «Титаника» или «Лузитании». Внутри Баррингтон-хаус напоминал съемочную площадку тридцатых годов, подготовленную для фильма о морском путешествии и заснятую в сепии на медную пластину.

Эйприл словно в тумане шла через холл за рослым старшим портье, Стивеном, в восточное крыло здания. Стены коридоров были обтянуты шелковыми обоями и залиты золотистым светом ламп под абажурами из узорчатого стекла, и повсюду веяло особым запахом традиций. Не как в церкви, но близко к тому: полироль для дерева и металла, живые цветы и ароматы ценных, старательно хранимых вещей, которые нечасто проветривают. Похоже на старинный частный музей, куда не пускают обычную публику.

Стивен, шагая впереди, показывал дорогу и рассказывал:

— Здесь у нас сорок квартир в двух корпусах, между ними расположен сад для жильцов, благодаря которому солнечный свет попадает во все комнаты. Сначала устройство здания кажется непонятным, однако если вы представите большую латинскую букву «эл» с дорожками по внешнему контуру, то скоро научитесь определять свое местоположение. Под домом имеется гараж на двадцать автомобилей, но, боюсь, у вашей тети не было парковочного места.

— Ничего страшного, у меня все равно нет машины. Да и в метро я раньше не ездила, мне нравится.

Старший портье улыбнулся.

— Метро может надоесть, мэм.

— Эйприл. Зовите меня Эйприл. А то кажется, будто мне уже лет двести.

— Кстати, вы запросто доживете до весьма преклонного возраста. Ваша тетя умерла в восемьдесят четыре.

— Двоюродная бабушка. Лилиан приходилась сестрой моей бабушки.

— Тем не менее возраст почтенный. — Портье помолчал и обернулся через плечо. — Я по-настоящему скорблю о вашей потере... Эйприл.

— Благодарю вас. Но только я ни разу ее не видела. Хотя все равно грустно. Лилиан

была последним представителем старшего поколения нашей семьи. Мы даже не подозревали, что она до сих пор живет... И что живет вот так, в подобном месте. Я хочу сказать, здесь все такое красивое. Мы не слишком состоятельны и не потянем даже плату за обслуживание — примерно столько я зарабатываю за год. Так что я недолго здесь пробуду.

Скорее всего, когда они продадут квартиру, ни ей, ни матери не придется работать довольно долго, если придется вообще когда-нибудь. Они станут богатыми. Само это слово казалось неуместным, даже нелепым, по отношению к ним. Однако больше на наследство никто не претендовал; Лилиан умерла бездетной, а мать, как и сама Эйприл, была единственным ребенком в семье. Род угасает. И если она в свои двадцать восемь что-то не предпримет, семейство Бекфордов исчезнет с лица земли вместе с ней, последней старой девой.

— Здесь как в сказке! Мама с ума сойдет, когда я расскажу ей о доме. О том, что здесь есть портье и все такое. К подобной роскоши можно и привыкнуть!

Стивен кивнул, улыбаясь вежливо, но натянуто. Он казался усталым и в то же время чем-то обеспокоенным, но явно не татуировками, которые выглядывали у Эйприл из-под рукавов рубашки. Отражаясь в зеркале лифта, эти картинки напоминали комиксы.

— Значит, вы не были знакомы с вашей тетей? — осторожно поинтересовался портье, как будто решая, стоит ли о чем-то ей рассказать.

— Нет. Мама еще немного помнит ее, но плохо. К тому же Лилиан никогда не была особенно близка с бабушкой Мэрилин. Во время войны их пути разошлись. В детстве я не понимала всего этого. Если бы у меня была сестра, я бы ее любила. Мы думали, что Лилиан давным-давно умерла. Мать окружали вечные заботы: она воспитывала меня одна, ей было не до родственников. А я была совсем крошкой.

Эйприл понимала, что говорит несвязно, но из-за волнения не придавала этому значения.

Стивен закусил нижнюю губу, затем вздохнул.

— Боюсь, ваша тетя была не вполне в себе, Эйприл. Она была милой женщиной. Очень доброй. И я говорю это не из вежливости, мы все здесь ее любили. Но она была очень стара, и ее умственное здоровье пошатнулось давным-давно. Я служу в доме уже десять лет, мой предшественник проработал столько же, и он говорил, что в его памяти Лилиан осталась точно такой же. Несколько лет назад мы организовали для нее доставку продуктов на дом, посыльный приходил каждую неделю. Обычно управляющий сам обналичивал ее чеки, чтобы платить вместо нее по счетам.

— Я ничего не знала. Наверное, мы с мамой вам отвратительны.

— Я вовсе не собираюсь вас осуждать. В этой части города подобное случается сплошь и рядом. Люди отчуждаются от своих родственников, обрывают все связи. Причиной тому деньги. Однако здоровье Лилиан продолжало ухудшаться. В последние годы стало особенно плохо. По большому счету ей не следовало бы оставаться в Баррингтон-хаус. Однако здесь был ее дом, и все мы — портье и обслуживающий персонал — делали все возможное, чтобы она осталась.

— Как великодушно с вашей стороны.

— О, на самом деле это не составляло труда. Мы всего лишь приносили ей хлеб и молоко, ходили для нее по магазинам. В общем, старались помочь, чем могли. Только мы все время переживали, как бы она не упала или... — Он сделал паузу и откашлялся. — Не потерялась.

— У нее не было друзей?

— Лично я не замечал. Все время, что я работаю здесь, к ней никто не приходил. Видите ли... — Стивен снова замолк и потер рот. — Она была весьма эксцентричная. Это если говорить вежливо, а я не хочу выказать неуважения.

Портье явно смутился, даже голос понизил. Он имел в виду «сумасшедшая».

Эйприл хотелось узнать как можно больше о двоюродной бабушке, оставившей им с матерью целое состояние в виде лондонской недвижимости. Когда они продадут квартиру,

Эйприл как-нибудь вознаградит людей, облегчавших престарелой леди последние годы жизни. Мать не станет возражать. Ей тоже будет совестно — точно так же, как сейчас было Эйприл. Хотя они ни в чем не виноваты. С их стороны невнимание не было сознательным пренебрежением. Лилиан, приходившаяся им дальней родственницей, жила на другой стороне земного шара.

— А вы помните ее мужа, Реджинальда? — спросила Эйприл. — Если не ошибаюсь, в войну он служил летчиком.

Стивен отвернулся, его голубые глаза бегали по сторонам; он смотрел куда-то поверх головы Эйприл, будто проверяя, в порядке ли лампы в лифте. Они горели тускло, отбрасывая мутные тени на панели красного дерева и латунную отделку.

— Нет... Он умер раньше, чем я поступил сюда на работу. Однако могу предположить, что его кончина очень сильно повлияла на Лилиан.

— Почему вы так думаете?

В этот момент лифт с сопеньем остановился, раздался металлический щелчок. Дверцы плавно отворились, и Стивен поспешил выйти.

Эйприл последовала за ним на лестничную площадку. Пол был застелен темно-зеленым ковром, стены отделаны в тех же сдержанных тонах, что и коридоры внизу. Напротив лифта располагалась батарея парового отопления, скрытая узорчатой решеткой, которая напоминала могильную ограду времен королевы Виктории. Над радиатором поблескивало широкое зеркало в золоченой раме, а по обе стороны от лифта вверх и вниз уходили лестничные пролеты. На стенах над ступенями Эйприл заметила гравюры в изящных рамках. На площадку, расположенные друг напротив друга, выходили две деревянные двери с латунными номерами.

— Вот мы и приехали. Тридцать девятая квартира, на самом верху. К сожалению, батареи здесь греют слабо, поэтому я поставил переносные радиаторы в спальню и кухню Лилиан — единственные, насколько я понимаю, комнаты, которыми она пользовалась. Обогреть мне скоро придется забрать.

— Конечно.

Эйприл разглядывала аккуратно подстриженный седой затылок Стивена, пока он громыхал связкой ключей, выуживая нужный. Она заметила, какие у портье мускулистые плечи под блестящим серым жилетом. Он явно бывший военный — наверное, именно такие служащие нравятся обитателям дома. Должно быть, ее двоюродная бабушка чувствовала себя в безопасности, когда рядом был Стивен.

— Боюсь, в квартире беспорядок. Лилиан не хотела, чтобы приходила горничная, и никому не позволяла ничего трогать. Не знаю, выбрасывала ли она что-нибудь за последние шестьдесят лет. Как бы там ни было, вот ключи. Внизу, в сейфе, хранится запасной комплект, это обычная практика на какой-либо непредвиденный случай. Теперь мне пора идти. Сегодня рабочие должны осматривать спутниковые тарелки на крыше. Если вам что-нибудь потребуется, звоните на стойку портье. До половины седьмого дежурит Петр, потом его сменит Сет, ночной портье. Я же нахожусь в доме почти круглосуточно, без выходных. Связаться со стойкой можно по телефону в кухне. Просто поднимите трубку, и телефон сам соединит вас.

Стивен посмотрел Эйприл в глаза. Наверное, он догадался, что ей не хочется оставаться в квартире одной.

— Боюсь, Эйприл, работы у вас здесь будет невпроворот. Полагаю, уборку не делали несколько лет, и это единственная квартира в доме, где сохранилась неперестроенная ванная комната. Если решите продавать квартиру, с ней хлопот не оберетесь. Возможно, придется полностью ее переделать, чтобы назначить достойную цену.

Стивен оставил Эйприл перед открытой дверью и зашагал вниз по лестнице.

Вероятно, в квартире были задернуты шторы, потому что, хотя Стивен и зажег свет в прихожей, разглядеть что-либо с площадки, кроме запущенного, захламленного коридора, не представлялось возможным. От одной мысли, что предстоит войти внутрь, Эйприл

почувствовала себя беззащитной и виноватой, как будто явилась сюда незаконно.

Тлен десятилетий не желал оставаться в квартире. Уже с лестницы тянуло дряхлостью. Словно из гардероба бабушки в Джерси, который с сороковых годов не претерпел ни малейших изменений. Однако здешний запах ощущался в тысячу раз сильнее. Как будто окна никогда не открывали, и все в квартире было древним, выцветшим и пропыленным. Прошлое жило здесь и не собиралось уходить. Как и во всем доме, честно призналась себе Эйприл, когда утих восторг первых впечатлений. Сумрачные лестницы и темные коридоры. Словно она вернулась назад во времени. Может быть, жильцам нравится такое? Привычная обстановка или что-нибудь в этом роде.

Эйприл заглянула в помещение и поймала себя на нелепом желании окликнуть бабушку по имени. Потому что, как ни странно, жилище не казалось необитаемым.

Старший портье несколько не преувеличивал: Лилиан жила в собственном замкнутом мире. Прихожая задыхалась под грузом старых газет, журналов и пластиковых пакетов, поблескивавших раздутыми боками Эйприл заглянула в один из них рядом с вешалкой для пальто. Он был набит рекламными проспектами, пестрыми лазутчиками современного мира, которым не было места здесь. Однако же их почему-то хранили, правда в заточении.

Ковер под подошвами похрустывал. При тусклом свете ламп, в чьих стеклянных абажурах покоились полчища мертвых бабочек, она разглядела, что ковер протерт до самой основы. Там, где некогда вился замысловатый узор в красных и зеленых тонах, теперь торчали нити цвета прессованной соломы. Вся середина была вытоптана.

Мебель в длинной прихожей явно принадлежала к разряду антикварной. Между кипами пожелтевших газет выглядывали темные сверкающие ножки из полированного дерева. Вышитые сиденья стульев были частично скрыты побелевшими от пыли телефонными справочниками. Резное дерево, перламутровые инкрустации и матовое стекло со сложными орнаментами торчали кое-где из-за мусорных мешков, явно униженные подобным соседством. Эйприл не особенно разбиралась в истории, но даже она знала, что такие комоды, часы и стулья перестали выпускать еще в сороковые.

Стены были обиты кремовым шелком с вертикальными серебристыми полосками, теперь ткань пожелтела, а вдоль плинтусов и под деревянными панелями в тех местах, где пролилась и высохла вода, тянулись грязные коричневые пятна. На ощупь стены показались Эйприл ворсистыми, словно вытертый мех звериного чучела. И если бы не горы хлама и разводы на стенах, квартира выглядела бы весьма элегантно. А может, и нет.

На кухне, где пол был устелен растрескавшимся желтым линолеумом, обнаружилось несколько допотопных электрических приборов. Темные шкафчики висели на стенах, некогда чистых, но теперь сплошь испещренных пятнами. Конфорки на плите покрывал слой пыли, дно глубокой раковины совсем пересохло. Лишь по столу можно было заключить, что им когда-то пользовались. На доске сохранились зарубки от ножа, а в хлебнице — крошки. Под столешницу был задвинут одинокий стул, обтянутый тканью в шотландскую клетку.

Скудный быт двоюродной бабушки внезапно наполнил Эйприл грустью. Однако по-настоящему ее горло сжалось, когда на глаза попался серебряный заварочный чайник на подносике с изображениями птиц Британских островов, рядом с которым притулился пакетик лимонного печенья. Эйприл показалось, что она сейчас расплачется.

Тут же помещались одинокая фарфоровая чашка, ситечко, сахарница и жестяная чайная коробка. Золотая каемка на чашке наполовину стерлась — наверное, последний предмет из сервиза. Может быть, свадебный подарок, преподнесенный им с Реджинальдом Эйприл коснулась ручки, но так и не заставила себя взять хрупкую вещь. Это чашка Лилиан, она пила из нее. В полном одиночестве, здесь, на кухне, у маленького стола, рядом с пластмассовым мусорным ведром с откидной крышкой, в окружении вещей, скопившихся едва ли не за целое столетие. Эйприл шмыгнула носом. Понятно, почему богачи, состарившись, отправляются в пенсионные деревни во Флориде и разъезжают по полям на гольф-мобилях в рубашках поло. Какой смысл быть не как все, если кончишь вот так?

Эйприл утерла глаза.

— Ты ведь могла переехать и жить с нами.

В стенных шкафах Эйприл обнаружила горы посуды: три фарфоровых обеденных сервиза, неполных и расставленных как попало. Тут же оказались старые сковородки и кастрюли. Не похоже было, что в последние годы ими пользовались, кроме одной, со следами пригоревшего молока. И если не считать трех консервных банок с супом и нескольких пакетов сдобного печенья, никакой еды в кухне не было. В холодильнике Эйприл нашла пластмассовую бутылку со скисшим молоком. Двоюродная бабушка жила на чае с печеньем да консервированном супе и дотянула при этом до восьмидесяти четырех.

Стивен ни слова не сказал о кончине Лилиан. Интересно, как она умерла? В квартире?

Эйприл сбросила с плеч рюкзак и прислонила его к кухонному столу. Она никак не могла избавиться от ощущения, будто незаконно вторглась в чужой дом. Ее уже пугала мысль о том, что придется провести здесь ночь. Найдутся ли в квартире чистые простыни? А если бабушка умерла в постели? Эйприл вдруг захотелось вызвать Стивена и не отпускать, пока он не расскажет все, что знает.

Усилием воли Эйприл заставила себя успокоиться. Она устала, вымоталась, нервы натянуты — конечно, ведь она не ожидала столкнуться со всем этим. Просто надо помнить, что ей выпал счастливый жребий. Нечто совершенно новое, лежащее за пределами прежнего жизненного опыта.

Однако когда Эйприл открыла дверь в гостиную, решимость снова покинула ее. Она смогла продвинуться в комнату шага на два. Почему Стивен не рассказал о цветах? О целом снопе коричневых стеблей с осыпавшимися лепестками? Они занимали все пространство до подоконника широкого окна, выходившего на Лаундес-сквер. словно букеты на старых могилах, вялые, поблекшие. Увидев кучу иссохших веточек и листьев, выделявшуюся в мутном сумраке, Эйприл ощутила, как по спине к основанию черепа пробежали мурашки. Должно быть, цветы приносили сюда на протяжении долгих лет. Ворох все рос и рос. Сплошь розы, судя по лепесткам, сохранившимся на вершине горы, темным, словно вино. Окно позади стога скрывали плотно задернутые серые шторы, затканые золотой нитью.

Эйприл включила верхний свет, чтобы как следует рассмотреть цветы и фотографии на стенах, однако сумрак не рассеялся полностью, и она решила отдернуть занавески. Эйприл перегнулась через иссохший ворох и попыталась раздвинуть полотнища, но... Она отпрянула от окна, с изумлением глядя на аккуратные красные стежки.

— Что за черт?

Одинокая сумасшедшая Лилиан накрепко сшила шторы красной ниткой, после чего навалила под окном цветочный курган, занявший полкомнаты. Эйприл обернулась, окидывая гостиную взглядом мебели нет, пол покрыт толстым слоем пыли, однако верхняя часть стен и потолок очищены от паутины, поэтому фотографии прекрасно видны. Все стены были увешаны черно-белыми карточками в старинных рамках. Нижние висели примерно в метре от пола, ряды поднимались до самого потолка. И на всех снимках была запечатлена одна и та же пара. На всех до единой.

Красавец с тонкими усиками, как у Дугласа Фэрбенкса-младшего,¹ с напомаженными волосами и ровным пробором. Эйприл первый раз в жизни видела мужа своей двоюродной бабушки.

У него были умные темные глаза и заразительная улыбка. От одного взгляда на фотографию Эйприл невольно заулыбалась. Реджинальд почти на всех изображениях был в костюме и при галстуке или в серых брюках и белой рубашке, расстегнутой у ворота. На одном снимке он сидел в плетеном кресле, а у его ног лежал маленький терьер. В мускулистой руке он частенько сжимал трубку. Рядом, совсем близко, неизменно стояла с гордым видом Лилиан; иногда она держалась за локоть мужа или же выступала из-за спины Реджинальда, положив кисть ему на плечо. Она будто не могла от него оторваться. Казалось,

¹ Дуглас Фэрбенкс-младший — актер, сын Дугласа Фэрбенкса, знаменитого голливудского актера эпохи немого кино.

она любила его так, что сходила с ума, стоило ему на минуту отлучиться.

Лилиан и сама была красавицей. С большими карими глазами и высокими скулами, которые так редко встречаются в наши дни, она походила на кинозвезду сороковых. Всегда элегантно одетая, будь то костюм для вечернего чая, короткое коктейльное платье или бальный наряд, ниспадающий до носков сверкающих туфель. Но больше всего Эйприл поразило то, как супруги смотрели друг на друга. Такой взгляд нельзя симитировать. Теперь это печальное, темное, пропыленное пространство, в котором Лилиан жила, бродила и мечтала, вдруг сделалось более понятным. Когда-то здесь обитали двое, их никак нельзя было разлучать. И квартира пребывала в трауре, потому что сердце вдовы разбилось. Наверное, она сошла с ума от горя, которое так и не утихло. Неужели и в наше время вот так же разбиваются сердца?

Эйприл знала: Реджинальд умер в конце сороковых. Прослужив всю войну в Королевских военно-воздушных силах Великобритании, преодолев сотни невообразимых опасностей, этот счастливый красивый мужчина, у которого была прелестная молодая жена, внезапно скончался. Подробностей она не знала, но бабушка рассказывала матери, что это случилось после войны. Вот все, что они знали. Коротенькое устное сообщение, переданное одной одинокой женщиной другой, дошло до Эйприл.

Зато теперь фрагменты прошлого Лилиан окружают ее со всех сторон, ими набиты коробки в прихожей, и их наверняка найдется еще немало в оставшихся трех спальнях и столовой. Кстати, кажется, Стивен что-то упоминал о чулане в подвале здания?

Эйприл планировала недели за две избавиться от пожитков Лилиан и быстро продать квартиру. Но теперь она передумала. Ей хотелось задержаться здесь и разузнать все о двоюродной бабушке и ее муже. Ей хотелось изучить, вникнуть, собрать и сохранить в памяти. Это вовсе не старый хлам. Все это что-то значило для Лилиан. Все без исключения.

У бабушки должны остаться письма. Может быть, дневник. Предстоят раскопки не хуже археологических между визитами к нотариусам и возней с документами. Если работать быстро, возможно, еще и Лондон удастся посмотреть. Однако важнее всего Лилиан. И если придется обналичить остатки своих сбережений и бросить работу, что ж, так тому и быть. Она узнает о бабушке все, что только возможно.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Переодевшись в униформу, с чашкой чая в руке Сет вышел из комнаты для персонала в надежде, что Петр уже спустился в гараж под домом, где стояла его ржавая развалюха. Однако тот еще только натягивал поверх пропотевшей полиэстеровой рубашки красный анорак, дожидаясь Сета. Ухмыльнувшись, дневной портье взял вахтенный журнал.

— А Сет снова видел призрака! Мы ухохотались над твоим отчетом. Может, Сет по ночам хлещет виски, вот ему и мерещится всякое? — Петр закатил глаза и опрокинул в горло воображаемый стакан.

— Я не писал, будто что-то там видел. Я сообщил о беспорядке, о шуме. Кто-то был в шестнадцатой квартире, оттуда доносились голоса.

Но Петр пропустил его слова мимо ушей.

— По ночам ты должен полировать ручки. Я говорил Стивену, но он меня не слушает. Если бы ты занимался работой, у тебя бы не оставалось времени на привидения.

Шуршащий анорак и ухмыляющаяся физиономия исчезли за дверью.

Сет больше не станет записывать, что бы ни случилось. К черту! Он свое дело сделал — если произойдет кража, он предупредит.

Портье рухнул в кресло и снова задумался о сне, который видел днем. Сон оставил по себе какое-то ностальгическое чувство и смущение. В детстве ему частенько снились кошмары, в которых он оказывался в той каменной комнате. Он пытался кричать, но голос странным образом пропадал, и его против воли заталкивали в помещение. Кошмары начали мучить его примерно в то время, когда из семьи ушел отец. Раз за разом Сет все больше

привыкал к странной комнате. На самом деле это был склеп, который он видел наяву в заброшенной части кладбища, где покоился его дед. Цветы здесь лежали сплошь увядшие, а имена почивших стерлись с табличек и надгробий. Это место наводило страх. Сет никак не мог смириться с тем, что мама и папа тоже однажды умрут, покинут его и окажутся под какой-нибудь плитой. И что он сам умрет. Отец говорил ему, улыбаясь: «Еще не скоро, Сет». Но его все равно преследовал образ холодного мраморного склепа, запертого на замок, с решетками на окнах, через которые внутрь почти не проникает свет. Он представлял себя заточённым в нем. Мертвым. Он стоит по ту сторону решетки и плачет, зовя маму и папу, они не слышат его. Сет смотрит, как родители удаляются между надгробьями. Обычно было отчетливо видно, как они садятся в белый «аллегро»¹ и уезжают. Он рыдал и бился в истерику.

Сет встряхнулся. Даже сейчас вспоминать об этом неприятно. А уж в детстве страх перед той комнатой так сдавливал грудь, что он едва мог дышать.

Надо бы позвонить маме. И отцу. И сестре. Сон вызвал в нем такое желание. Сет даже вспомнить не мог, когда в последний раз разговаривал с кем-нибудь из родных. Нет, пусть лучше все останется как есть.

Он вздохнул и поглядел на планшет с расписанием, чтобы хоть как-то отвлечься. Из сорока квартир в доме сейчас занято только двадцать. Все точно так же, как и четыре последние смены на прошлой неделе.

Пентхаусы либо принадлежали баснословным богачам, приезжавшим только по выходным, либо их в складчину снимали служащие крупных лондонских компаний. И хотя в некоторых квартирах обитали весьма беспокойные жильцы, Сета редко тревожили. Правда, он заметил, что напротив тридцать девятой, расположенной в восточном крыле, сделана приписка. Кто-то туда въехал. Хозяйка, старушка Лилиан, умерла. Пару месяцев назад, кажется, прямо в такси. Стивен рассказал ему об этом на следующий день после происшествия, но Сет ни разу не видел Лилиан во время ночных дежурств. Она никуда не выходила по вечерам. Теперь в списке жильцов появилась Эйприл Бекфорд. Сету стало интересно, какая она.

Допив чай, портье вышел в сад, разбитый во дворе между двумя корпусами здания. Он свернул, а затем закурил тонкую сигарету, слушая журчание фонтана. Воспоминания о сне померкли, и он даже обрадовался, что предстоит ночная работа. Обязанностей было не много: только совершить обход да вписать в журнал новых жильцов. Это не так угнетает, как пребывание в «Зеленом человечке», к тому же здесь гораздо приятнее. Как-то раз, еще до того, как устроился в Баррингтон-хаус, Сет даже видел фотографию дома в журнале «Хеллоу!», который писал об одном жившем здесь футболисте. Идеальная работа для художника, прямо как у мастеров прошлого, подумал он тогда, однако Сет перестал рисовать, стоило ему занять место за стойкой. Теперь он подозревал, что уселся в кожаное кресло портье для того, чтобы забыть и быть забытым, наиболее удобным способом выпасть из течения жизни. И осознание этого уже несколько его не тревожило.

Окурочек полетел в фонтан, и Сет вернулся в фойе. Он зевнул очередная бессонная ночь. Подростки-арабы кружили по Лаундес-сквер на гоночных автомобилях. Сет поглядел на часы: еще десять часов до того момента, когда он сможет уйти и погрузиться в глубокий сон. Лучше всего в лишенную сновидений кому.

Когда Сет пролистывал программу телепередач в «Ивнинг стандарт», его внезапно прервал звонок внутреннего телефона. На медной панели загорелась красная лампочка сороковой квартиры.

— Какого лешего тебе нужно? — прошептал он себе под нос.

Это был мистер Глок, плеябой средних лет родом из Швейцарии, самый большой грубиян, какого когда-либо встречал Сет. Он поднял трубку, чтобы замолкла оглушительная трель.

— Сет на проводе.

¹ Английский автомобиль марки «Остин». (Прим. ред.)

— Такси до Хитроу! Немедленно! — Мистер Глок повесил трубку.

Он, как ни один другой обитатель дома, подтверждал давнее подозрение портье, что богачи — весьма гнусная братия. Когда Сет только поступил на службу, жильцы и их баснословные состояния вселяли в него смущение, как будто бы в свете их присутствия становились особенно заметны пятна на галстуке, потертости на ботинках и дыры в его биографии. В обществе толстосумов Сет робел. Но через полгода, в течение которого он выносил за самовлюбленными зазнайками зловонный мусор и наблюдал бесчисленные сцены перед стойкой, слышал их нарочитый акцент и видел вульгарную мебель, его благоговение постепенно перешло в откровенную неприязнь. В нем не осталось уважения почти ни к кому из жильцов. В особенности к Глоку. Работа консьержем породила в Сете уверенность, что деньги любят худших.

Портье поднялся на лифте до четвертого этажа, где, как он знал, уже стоят чемоданы Глока. По дороге Сет вытирал лицо бумажным полотенцем. Из-за шершавой бумаги нежная кожа на лбу и щеках горела. В кинотеатре на него чихнул один азиат, и Сет опасался, что подхватил от чужеземца какую-нибудь тропическую болезнь. Он промокнул шею, чувствуя, как запершило в горле. Затем он вспомнил тот жутко холодный ветер, которого наглотался, заглядывая в щель почтового ящика шестнадцатой квартиры, и поморщился. Ему показалось, что во рту до сих пор стоит привкус пыли.

Когда с Глоком и его чемоданами было покончено, Сет свернул сигарету, глядя, как такси отъезжает от тротуара и выруливает на площадь. Он сказал себе, что в эту смену больше не придется вылезать из кресла. Чувствовал он себя паршиво. Першение в горле перешло в острую боль. Рубашка под блейзером липла к спине.

Однако отдых за стойкой оказался весьма недолгим. Теперь услуги портье потребовались миссис Шейфер, престарелой жене американского биржевого брокера, покончившего с делами по причине болезни. Они проживали в двенадцатой квартире.

Стоя на крыльце перед парадной дверью, миссис Шейфер жала на звонок. Все нарастающий трезвон, несущийся из-под стойки, в полной мере отражал степень ее негодования. Супруга брокера показалась Сету еще более гротескной, чем обычно, — с волосами, собранными в неряшливый пучок при помощи шарфов, из-под которых выбивались отдельные пряди, падая на одутловатое лицо. Хеллоуиновская тыква в бандане. Сет содрогнулся от отвращения. Как дама позволяет себе появляться на людях в подобном виде? Да еще такая богатая дама?

Сет впустил ее в дом, нажав кнопку за конторкой. Миссис Шейфер ворвалась в фойе, топая толстыми ножищами, ее лоб бороздили суровые морщины.

— Почему это... — Последовала долгая пауза. — Там что-то не работает!

Миссис Шейфер указала на входную дверь. Сет поморщился. Хотя он не раз наблюдал ее истерики и был знаком с необузданным темпераментом миссис Шейфер, она каждый раз пугала его. Эта женщина безумна. Только старший портье, обладавший безукоризненными манерами и мягким голосом, способен ее утихомирить.

Она двинулась к стойке короткими неверными шажками.

— Не беспокойтесь! — выкрикнула она Сету.

Миссис Шейфер вскинула руку, сделавшись на миг похожей на динозавра, тучное тело подалось вперед, короткие, словно у зародыша, ручки хищно потянулись к Сету. Она считала, что портье должен кидаться к дверям и открывать их перед ней лично, как будто она особа королевской крови. Также существует традиция сопровождать мадам от лифта до дверей квартиры. Придумал все это Петр, вечно жаждущий чаевых, однако Сет отказывался принимать участие в подобном представлении. Сет с горечью думал о напрасно приобретенном образовании — четыре года в школе искусств, затем магистратура, — которое он растрчивает теперь на то, чтобы ублажать сумасшедшую богатую хамку, терроризирующую своего маленького жалкого мужа прямо на глазах обслуживающего персонала.

Мистер Шейфер редко выходил из дома. И в те исключительные моменты, когда все-

таки это случалось, рядом с ним неизменно вышагивала его визгливая супруга. Сам он напоминал марионетку с иссохшими деревянными конечностями, безвольно болтающимися над землей, как будто большинство нитей были обрезаны. Жена в необъятных юбках волокла старика за собой, поминутно его браня, тогда как он прилагал все усилия, чтобы сохранить равновесие, делая один медленный шаг за другим. От обоих Шейферов разлило застарелым потом.

Сет, встав у своего кресла, проговорил:

— Добрый вечер, — так тихо, что едва слышал сам себя.

Миссис Шейфер снова возбужденно взмахнула руками, и ее лицо начало багроветь.

— Вызовите Стивена! Сейчас же позвоните Стивену!

Она перестала вопить, только когда у нее за спиной открылись дверцы. На мгновение звук отвлек внимание женщины, после чего она втиснулась в лифт. Ее последняя тирада перешла в пронзительный визг, в котором Сет не разобрал ни слова. Он не собирался тревожить Стивена — к тому моменту, когда миссис Шейфер доберется до квартиры, она обо всем забудет.

В эту ночь Сету не было покоя. Кажется, все ослы, обитающие в доме, сговорились, чтобы заставить его потрудиться. К девяти часам вечера миссис Пзалис из двадцать второй квартиры успела трижды посетовать на плохой телевизионный сигнал. В точности, как и миссис Бенедетти из пятой. Портье записал все жалобы в журнал, заметив, что работники компании, установившей спутниковую тарелку, уже два раза со времени его последней смены поднимались на крышу. В половину одиннадцатого миссис Сингх из девятнадцатой доложила о запахе дыма в западном корпусе, и не успел Сет выйти, чтобы проверить, как миссис Рот из восемнадцатой позвонила с той же претензией. Пожарная сигнализация молчит, однако все равно придется сходить и посмотреть.

Если Сингх и Рот чувствуют дым внутри дома, значит, что-то горит в шестнадцатой квартире — в той части здания, которую он собирался избегать во время всех трех положенных за дежурство обходов.

— Вот дерьмо!

Сет поднялся на девятый этаж. Едва выйдя из лифта и остановившись на площадке, он тоже почувствовал вонь: паленого мяса, горелых тряпок и чего-то, похожего на серу. Но дыма не обнаружилось, двери были холодные, а мусорные баки стояли пустые. Но миазмы в воздухе висели омерзительные — подобного рода смрад обычно надолго задерживается в помещении, где произошел пожар. Сильнее всего запах ощущался из-под двери восемнадцатой квартиры. Здесь жила старая миссис Рот.

Сет огляделся по сторонам и сейчас же вспомнил, за что не любит верхние этажи здания. Хотя, если честно, и все остальные тоже. Даже в самые светлые летние вечера, когда закатное солнце заливало площадки заодно с электрическими лампами, ему казалось, что здесь мрачно. Старое коричневое дерево, тусклая латунь и толстый зеленый ковер будто поглощали весь свет, в особенности на лестничных пролетах. Сет знал, что в старых домах встречаются вечно затененные углы. И хотя на лестницах и в коридорах обычно никого не было, дом переполняла кипучая энергия. В воздухе что-то роилось и покалывало, словно отголоски некой прошлой деятельности были заперты в доме и не находили выхода.

Сет спустился на восьмой этаж, тяжело дыша, с затуманенной от жара головой. Он решил, что быстро пройдет через площадку, не задерживаясь, пусть даже и учует какой-то запах, услышит грохот и скрежет за дверью шестнадцатой квартиры. Но получилось по-другому.

Перепрыгивая через две ступеньки, Сет едва не сбил кого-то с ног. Сгорбленную фигуру в белом. Она стояла в нескольких шагах от двери шестнадцатой квартиры.

— О господи! — выдохнул он едва слышно и ощутил, как все волосы на голове встали дыбом.

Существо развернулось к нему. Какой-то миг Сет не мог вспомнить морщинистое лицо и всклокоченные жидкие седые волосы. Но затем его осенило. Испуг прошел, и Сета

захлестнула волна облегчения. Это же миссис Рот! Но только в ночной рубаше, совершенно одна и явно не в себе.

— Он вернулся! — произнесла старуха, едва не плача.

Ее тоненькие, как палочки, руки и сведенные артритом пальцы дрожали. Из-под легкой шелковистой ткани ночной сорочки выпирали острые кости плеч и таза. Невероятно тощие ноги, перевитые венами, торчали из-под подола. Ступни со скрюченными пальцами были босы.

— Он вернулся за мной.

Миссис Рот было девяносто два. Сет невольно задался вопросом, как ей удалось спуститься на целый лестничный пролет. Миссис Рот почти все время проводила в постели и лишь дважды в неделю выходила куда-нибудь на ланч в сопровождении Айми, своей сиделки-филиппинки, и с помощью костылей.

Застыв на месте, Сет глядел на старуху. Он силился протолкнуть ком в горле, но глотать было слишком больно.

Миссис Рот указала скрюченной рукой на дверь шестнадцатой квартиры.

— Откройте дверь. Я хочу увидеть своими глазами.

Сет отрицательно покачал головой.

— Я не имею права, миссис Рот. Давайте я отведу вас в постель.

Разозленная, она шлепнула его искореженной костлявой клешней, в какую превратила ее руку болезнь.

— Не желаю я в постель!

Лунатизмом миссис Рот не страдала. И, несмотря на возраст, кажется, никогда не испытывала ни малейшей растерянности. На самом деле она в любой ситуации была неизменно грубой и неприятной особой. Хотя миссис Рот редко беспокоила Сета по ночам, о сценах, какие она закатывала дневным портье, ходили легенды. Даже старший консьерж боялся ее.

— Прошу вас, мэм. Вы не должны здесь оставаться.

Сет осознал свою ошибку, как только раскрыл рот.

Лицо старухи побагровело от ярости. Она развернулась к нему, нацелив Сету в лицо палец, согнутый, словно крюк, так что костяшка второго сустава оказалась у него прямо перед глазами.

— Да как вы смеете!

Обычно как следует начесанные и идеально уложенные жиденькие волосы теперь стояли дыбом. Несколько прядей свисали на уши, а сквозь те, что еще оставались на голове, виднелся бледный череп, усеянный печеночными пятнышками. Шея у старухи была цыплячья, и кожа над ключицами болталась, словно растянутая шкура. Она напоминала птицу. Птицу с длинным клювом и бешеными глазами, у которой из пупырчатого тельца торчит всего несколько перьев.

— Говорю вам, он вернулся! Я его слышала. Я слышала, как он хохочет!

Кто-нибудь другой на его месте, наверное, попытался бы подавить смех или нервную улыбку, столкнувшись с сумасшедшей девяностолетней старухой в ночной рубаше, но на ее решительном лице и в безумных ревматических глазах отражалось нечто такое, чего Сет испугался. К тому же он и сам кое-что улавливал из-за закрытой двери.

Сет решил на отчаянный шаг. Он приблизился к миссис Рот, сочувственно качая головой.

— Я знаю. Я уже несколько раз слышал в квартире шум. Но кто там может быть?

— Что? Не валяйте дурака! Говорите громче!

Сет кивнул на дверь.

— Там, в квартире. По ночам. Я докладывал начальству — о шуме, о грохоте. В коридоре. Мебель опрокидывалась. И что-то еще.

Остренькое личико миссис Рот залила болезненная бледность. Мелкая дрожь в ее хрупких обезьяньих конечностях превратилась в настоящие конвульсии. Сет подумал, что

она может упасть, и подошел еще ближе, чтобы поддержать ее под локоть. Старуха вцепилась в него, ища опору, и опустила голову.

— Нет, — прошептала она и добавила, на этот раз уже себе самой: — Нет, но...

Она посмотрела на Сета, словно оправившийся от испуга ребенок.

— Отведите меня домой. Хочу к Айми. Позовите Айми. Где моя Айми? Хочу Айми!

Чувствуя себя крайне неловко, поскольку стал свидетелем ее слабости, Сет медленно подвел миссис Рот к лифту и нажал на кнопку вызова в полированной латунной пластине. Он вдруг понял, что его рубашка снова промокла насквозь.

Стонущие тросы, казалось, поднимали массивную, но элегантную кабину целую вечность. И все это время едва живой Сет пытался успокоить миссис Рот, толкая ей об Айми и постели, пока старуха не рявкнула:

— Заткнитесь, просто заткнитесь, и все!

Она махнула рукой перед его лицом.

Когда Сет открыл наружные дверцы и завел миссис Рот внутрь кабины, женщина крепко зажмурила глаза. В этот момент она показалась еще более ветхой и сгорбленной, словно кто-то заставил ее вспомнить особенно болезненное переживание. Подкосившее ее, лишившее немногих остатков того духа, что еще жил в этом хрупком теле.

Дверь квартиры на девятом этаже так и осталась открытой, но Сет позвонил, чтобы поднять с постели Айми, которая проворно выскочила из маленькой комнаты в конце длинного коридора. Придерживая на груди голубой халат, словно оберегая свою невинность от порты, она выхватила у Сета миссис Рот и бросила на него возмущенный, сердитый взгляд, прежде чем захлопнуть дверь. Она не слушала тихих объяснений консьержа. Миссис Рот принялась плакать и шмыгать носом, как только увидела Айми.

— Сука, — бросил Сет закрытой двери.

Он съехал на лифте в комнату для персонала на цокольном этаже и там тяжело задумался. О ком говорила миссис Рот, стоя под дверью шестнадцатой квартиры?

ГЛАВА ПЯТАЯ

— Мама, она вообще ничего не выбрасывала. Всю свою жизнь. Я не шучу. Видела бы ты ее одежду. У нее в комнате сотни платьев, костюмов, пальто и всего-всего. Начиная с сороковых годов. И все это сохранилось. Прямо какой-то музей истории моды. Мы получили в наследство музей. Коллекцию Лилиан. И некоторые платья такие красивые!

Эйприл вышагивала взад-вперед по спальне двоюродной бабушки, прижимая к уху сотовый телефон. Она знала, что мать никогда не оценит того, что обнаружилось в лондонской квартире. Во всяком случае, пока сама не увидит. А она не увидит, потому что патологически боится перелетов. Эйприл же просто не в силах подобрать слова, чтобы описать свои находки и передать атмосферу квартиры: увядшую роскошь, пронизывающее все вокруг ощущение потери; хаотическую линию обороны, которую пожилая женщина выстроила, защищаясь от внешнего мира; потревоженную сокровенную жизнь, все еще отчетливо различимую в пустых комнатах, с ее ритуалами и привычками, которые существовали долгое время, но теперь лишились смысла.

Два помещения, маленькие спальни в конце заваленного хламом коридора, были под завязку набиты мусором. В обеих комнатах Эйприл обнаружила по односпальной кровати под старинными пуховыми одеялами и толстым слоем пыли. Вокруг кроватей громоздились картонные коробки и старые чемоданы, набитые какими-то антикварными вещичками. Оставалось загадкой, что со всем этим делать. Чтобы провести полную ревизию, потребуются недели, даже месяцы.

Хотя бы пол в спальне Лилиан между двумя большими гардеробами и комодом не был захламлен. Здесь также имелась широкая кровать и красивое бюро с тремя запертыми ящиками, ключи от которых найти не удалось, — Эйприл подозревала, что именно здесь хранятся личные бумаги бабушки. А такого количества флаконов от духов, согнанных в

целое стадо на крышке комода, она не видела никогда в жизни. Косметические компании давно уже не производят подобных флаконов, не делают для кремов и теней фарфоровых баночек, содержимое которых теперь окаменело и растрескалось, словно иссохшая почва неведомой планеты.

— Мама, я хочу забрать одежду с собой. Мне кажется, ее платья будут мне как раз. Разве это не здорово? Я примерила две шубы и три шляпки, они как будто на меня сшиты.

— Детка, где ты будешь все это хранить? В нашем-то домишке? Ты же знаешь, у нас нет места. И подумай о цене, милая. У нас просто нет денег на перевозку, да и ты теперь говоришь о том, чтобы бросить работу. Я за тебя беспокоюсь.

— Не стоит. Мама, скоро мы не будем считать копейки.

— Еще как будем, если ты продолжишь в том же духе. Надо мыслить реалистично, милая. Возможно, квартиру не удастся продать сразу.

— Я оплачу перевозку из своих сбережений. Вещи Лилиан, которые мне понравились, я сразу же отправлю морем, а ты пока сложишь все в подвале.

— Милая, это будет стоить целое состояние. Ты не сможешь привезти все сюда, тебе придется продать одежду в Англии.

— Нет. Я не буду торопиться. Я могу пожить здесь, пока квартира не будет продана, и спокойно все разобрать. Вот мебель придется продать. Я совершенно ничего не понимаю в антиквариате, поэтому надо будет вызвать оценщика, который определит истинную стоимость. Однако по-настоящему личные вещи я хочу оставить себе. Мама, они такие красивые. Это всего лишь одежда, фотографии и кое-какие безделушки.

— Ой, детка, я даже не знаю. Ты ведь собиралась уехать на пару недель, чтобы освободить и продать квартиру, и вот теперь рассуждаешь, словно полоумная.

— Мама, мама, это же наша история! Мы не можем просто выбросить все на помойку. Я имею в виду фотографии Лилиан и Реджинальда, они прямо надрывают сердце. Они оба были такие красивые. Как кинозвезды. Ты просто не поверишь своим глазам, когда их увидишь. Здесь, на этих стенах, висят портреты женщины из нашей семьи. Женщины с таким потрясающим вкусом и чувством стиля! Она уже стала моим кумиром. Ты ведь знаешь, как я отношусь к подобным вещам.

Однако голос матери звучал устало, не стоило так ее волновать. Мало того что единственная дочка уехала за море, так еще и собирается притащить в их стерильный домик в Нью-Джерси что-то неведомое и чуждое — есть отчего всерьез забеспокоиться. Эйприл надо было выкладывать новости постепенно, однако она не могла сдерживать воодушевления.

Дома, в Нью-Йорке, она сама занималась одеждой в стиле ретро, вдохновляясь как раз сороковыми — пятидесятыми годами, и продавала дизайнерские и винтажные наряды на Сент-Марк-плейс. И последние пять лет Эйприл едва сводила концы с концами, которые в итоге не сошлись, и она осталась без приличного послужного списка, без квартиры и без средств к существованию. Однако с нынешним уловом на интернет-аукционе eBay можно выручить тысячи. Тем не менее Эйприл не собирается продавать все — большую часть нарядов, вернувшись домой, она будет носить сама, ходить в них по каким-нибудь ретро-клубам в центре или в Гринвич-Виллидж. Это ведь наследство, ее двоюродная бабушка в прежние времена носила эти платья.

Одежда была исключительного качества, Эйприл обнаружила шесть совершенно новых бальных нарядов из шелка и тафты, два десятка шерстяных и кашемировых костюмов, а в чехлах — еще штук сорок кремовых и черных платьев, подогнанных точно по фигуре, которые бабушка, наверное, носила в шестидесятые с одинокой ниткой жемчуга. Увидев же украшения, Эйприл громко ахнула от восторга: три шкатулки разноцветных брошей, ожерелий и серег, спутанных клубками.

Нашлось и старомодное белье, которое перестали выпускать в начале семидесятых, причем некоторые бабушкины пояса и корсеты были явно сделаны в сороковые. Эйприл давно мечтала обнаружить нечто подобное среди подержанной одежды, на гаражных распродажах и без устали посещала распродажи закрывающихся фабрик и комиссионки в

поисках ретро-аксессуаров для собственного гардероба или для своей лавки. В спальне же Лилиан хранилось столько одежды, что можно было начинать бизнес с нуля или устроить большой аукцион.

В верхнем ящике комода лежало не меньше тридцати нетронутых упаковок с настоящими нейлоновыми чулками «Минк» и «Коктейль Китти». Некоторые неношеные пары из самых старых до сих пор покоились, завернутые в шелковую бумагу, на дне плоских картонных коробочек, на крышках которых рельефно выделялись сведения о производителе.

Лилиан была не в силах избавиться ни от одной детали своего гардероба. Времена и стили менялись, а она словно застыла на одном месте, храня все, пока примерно в начале шестидесятых вовсе не перестала покупать новую одежду. У нее вообще не было ничего современного. Значит, она так и одевалась в старомодном классическом стиле вплоть до самой смерти. И если это так, то наследственность налицо: Эйприл тоже почти всегда одевалась в духе пятидесятых.

Лишь коллекция обуви Лилиан разочаровывала. Если не считать пары бархатных лодочек на кубинском каблуке и двух пар серебристых босоножек, Лилиан сносила все свои туфли. Каблуки стерлись до подметки, кожа растрескалась или пошла глубокими складками — это уже не восстановить. Создавалось впечатление, что двоюродная бабушка много ходила пешком, но крайне редко меняла обувь.

— Мама, послушай, все будет хорошо. Все отлично. Просто я действительно устала. Я на ногах с половины шестого. Все это так волнительно и печально, и не знаю, как еще сказать. У меня до сих пор не укладывается в голове, что Лилиан жила здесь. Найтсбридж — это как у нас Парк-авеню. С теми деньгами, которые лежат у нее на счетах, и, продав квартиру, мы разбогатеем, мама! Слышишь? Мы будем богаты.

— Ну, мы не знаем этого наверняка. Ты же говоришь, в квартире нужен ремонт.

— Мама, это элитная недвижимость. Квартиру оторвут с руками. Даже в ее теперешнем состоянии. Это же пентхаус, мама.

Эйприл услышала трель дверного звонка — словно маленький молоточек, обезумев, забился внутри колокольчика.

— Мама, кто-то пришел. Мне надо бежать, да к тому же телефон садится.

— Садится? Ты что, разговариваешь со мной по сотовому? Это обойдется нам в целое состояние!

— Мама, люблю тебя. Убегаю. Позвоню, как только узнаю что-нибудь определенное.

Эйприл чмокнула трубку и выбежала из кухни к входной двери, чтобы впустить старшего портье.

— Кажется, я действительно хочу знать, какой она была. В особенности под конец жизни. Просто она оставила все это. Чтобы...

«...Я разгадала», — хотелось сказать Эйприл. Лилиан сделала все возможное, чтобы она не смогла махнуть на все рукой и продать вещи. Создавалось впечатление, будто покойная силой вовлекает ее в свой безумный мирок. Эйприл вздохнула, входя в кухню вместе со старшим портье.

— Обещаю, что не задержу вас надолго, я так вымоталась. Так устала, что грежу наяву. Наверное, сейчас не самый подходящий момент, чтобы задавать вопросы, однако... У меня от всего этого голова идет кругом.

Эйприл не могла скрыть волнение. Она закашлялась и отхлебнула глоток черного чая — обычно она пила кофе, но кофе у Лилиан не оказалось.

Рабочий день Стивена закончился, и он снял галстук, но, хотя шел уже одиннадцатый час, на портье все еще была белоснежная форменная рубашка и серые брюки — должно быть, почти вся его жизнь протекала в этом доме.

Эйприл сидела за кухонным столом — кухня оказалась единственным местом, куда можно было пригласить гостя, — а Стивен прислонился к тумбе, держа в руке чашку чая.

Он согласно кивнул.

— Должно быть, на вас обрушилось сразу столько всего. Я подумал сначала, что вам будет проще, поскольку вы не были знакомы с Лилиан. Хотя, с другой стороны, то, что вы не знали ее, вероятно, наоборот, все осложняет. Вы хотите узнать о ней до того, как расстанетесь с квартирой.

— Здесь очень много вещей. И я уже увидела кое-что такое, что напоминает мне меня самое. Если можно так сказать.

Стивен улыбнулся, словно собираясь сделать признание.

— Можно. Я сразу же заметил фамильное сходство. В глазах. Забавно. Очень часто жильцы на закате дней сходятся с нами, обслуживающим персоналом, ближе, чем со своими родственниками.

— Хотя, как я могу догадаться, обычно никто не считает вас за людей.

— О, на это мы не обращаем внимания. Нам платят за то, чтобы мы исполняли свою работу. Но когда много лет работаешь у кого-нибудь в доме, невольно делаешься частью жизни этого человека. Вроде как членом семьи.

— Вы любили Лилиан?

— Да. И дневные портье тоже. Хотя сомневаюсь, чтобы ее знал кто-нибудь из ночной смены. С ними она никогда не сталкивалась.

— Почему так?

Стивен пожал плечами.

— Она всегда старалась вернуться домой задолго до наступления сумерек. — Он видел, что Эйприл смутилась, и попытался развить свою мысль. — Когда твоя смена составляет двенадцать часов, это просто неизбежно. Мы не подсматриваем за жильцами, но подобные мелочи замечаешь невольно. К тому же нам платят за то, чтобы мы все замечали.

Стивен явно готовил Эйприл к чему-то. Она видела, что этот человек обладает безупречными манерами, он настоящий профессионал, который не станет сплетничать или болтать попусту. Наверное, персоналу это запрещено. Но она так устала, ей просто хочется, чтобы он был с ней откровенен. Если к Лилиан никогда не ходили гости, у нее не было друзей, значит, служащие в Баррингтон-хаус были ее единственными собеседниками. Похоже, в последние годы портье составляли все общество Лилиан. И от одной мысли о жизни, которая была известна только им, Эйприл снова впала в уныние.

Она устало улыбнулась Стивену.

— Прошу вас, Стивен. Вы можете быть со мной откровенны. Мне необходимо зацепиться за что-нибудь, прежде чем я начну ворошить прошлое. Любопытство меня погубит.

Старший портье кивнул, затем поглядел на свои ботинки, облизнул губы.

— Как я уже говорил, Лилиан была весьма эксцентричной.

— Но в чем именно это выражалось? В смысле, разговаривала она сама с собой или?..

— Да. Разговаривала. Половину времени она пребывала в своем собственном мире. Внутри своего сознания. И она всегда казалась несчастной, когда возвращалась в этот мир.

Эйприл ощутила, как у нее опустились уголки рта.

— Но случались и моменты, когда она просто лучилась светом. Она была такой грациозной. И еще у вашей бабушки были безупречные манеры. Действительно аристократические. Хотя обычно мы видели ее всего лишь раз в день, когда она выходила. Каждый божий день. В одиннадцать, прямо с боем часов. Однако...

— Продолжайте.

Стивен теперь улыбался смущенно.

— В наши дни не часто увидишь женщину в шляпке. Под вуалью. Но Лилиан никогда не выходила без шляпы. Или без перчаток. И она всегда была одета в черное. Как будто бы соблюдала траур. Она была у нас местной достопримечательностью. Все в этом районе ее знали. И заботились о ней. И местные жители, и продавцы в магазинах, и таксисты обязательно приводили ее домой, когда понимали, что она заблудилась.

— Что значит «заблудилась»?

Стивен пожал плечами.

— Ваша бабушка обычно отправлялась на прогулку в добром здравии. Но затем внезапно теряла ориентацию, и ее требовалось доставлять домой. В большинстве случаев она приходила в себя при виде дома. И в итоге, если была возможность, я посылал вслед за ней кого-нибудь из свободных консьержей. Или же шел сам. Она никогда не забиралась далеко, но зато никогда не следовала одним и тем же маршрутом. Она постоянно отыскивала какой-то новый путь.

— Звучит это ужасно.

Стивен пожал плечами, его лицо приобрело беспомощное выражение.

— Но что мы могли поделать? Мы ведь не сиделки.

— Хотела бы я знать, что творилось у нее в голове.

— У двери она каждый раз говорила мне: «Ну, всего хорошего, Стивен! Если мы больше не свидимся, не поминайте лихом». И при ней все время были одни и те же вещи. Маленький чемоданчик и зонтик, как будто она куда-то уезжает. Однако каждый день она через пару часов возвращалась. Больше всего мы беспокоились, как бы она не заблудилась в городе. Иногда таксисты, заведя ее, останавливались и говорили: «Садитесь, Лил, я подброшу вас до дома». И если она была готова вернуться, то садилась в машину, отвечая: «Сегодня я не смогу уйти дальше. Не сегодня. Но завтра я попробую еще разок». И так повторялось изо дня в день, без исключений. Все это подтверждают. И ее всегда привозили домой. Я по временам думал, что это не так уж плохо, ведь она по-прежнему в состоянии общаться, хотя бы с обслуживающим персоналом. Все вокруг знали вашу бабушку Лилиан.

— А что это за цветы? Наверное, в комнате их целая тысяча.

Стивен пожал плечами.

— Она никогда не рассказывала мне, для чего они, зачем она их собирает. Но сколько я ее помню, она всегда возвращалась домой с цветами. И каждый раз с розами. Ее дважды заставляли за тем, что она воровала их в палисаднике Честерфилд-хаус в Мейфэре. К счастью, я знаком с тамошним старшим портье, поэтому каждый раз все обходилось. Но могло бы кончиться плохо. Она даже вытаскивала цветы из мусорных баков или уносила из цветочных магазинов, забыв уплатить.

— Как же она умерла? В свидетельстве о смерти сказано, что это был сердечный приступ.

Стивен потер рот. Он явно избегал смотреть Эйприл в глаза. Он дважды пытался ответить, но каждый раз осекался.

— Прошу вас, Стивен. Расскажите.

— Она умерла в такси, на заднем сиденье, Эйприл. Она сильно испугалась. Во время одной из своих обычных прогулок. Один водитель заметил ее. Она была совершенно растеряна. И на этот раз дошла до самой Мраморной арки. На моей памяти она никогда не забиралась так далеко, и это порядочное расстояние для женщины ее возраста. Но в тот день все было по-другому. Видите ли, обычно, когда кто-нибудь ее находил, она разговаривала сама с собой и размахивала зонтиком или тростью. В этом не было ничего необычного. Мы все наблюдали ее за этим занятием Лилиан будто увлеклась спором с кем-то невидимым. И обычно она впадала в такое состояние, в такое волнение, незадолго до возвращения домой. Или же, как я уже говорил, когда ее находили и подвозили до дома. Но в то утро, когда она умерла, таксист говорил, что Лилиан казалась совсем больной. По-настоящему изможденной. Она стояла, привалившись к решетке парка, совсем бледная и едва не падая. Она была чем-то сильно расстроена и держалась на ногах из последних сил. Поэтому водитель остановился и помог ей сесть в такси. Но она так и не вышла из ступора, как случалось обычно. Она казалась потрясенной чем-то, больше не сознавала, где находится и куда ее везут. Водитель вышел из машины и позвонил на главный пульт, попросил нас вызвать «скорую». Но Лилиан умерла, не дождавшись. Мне показалось, это был обширный инфаркт. Так я тогда подумал. Но самое странное... Знаете, она вышла из транса перед смертью, когда такси въехало на площадь. Водитель видел ее лицо в зеркале. Огорченное. Она была по-настоящему

раздосадована. Или даже испугана чем-то. Или кем-то. Как будто кто-то сидел в машине рядом с ней.

Эйприл посмотрела в чашку на остатки чая. После долгого неловкого молчания она заговорила:

— Возможно, ей было бы лучше в каком-нибудь специализированном учреждении?

— Да, наверное. Но ее навещала медсестра, и, когда она приходила, Лилиан была в полном порядке. Эксцентричная, однако же вменяемая и в ясном уме, способная позаботиться о себе. Она была довольно сильной женщиной для своего возраста, и только когда выходила из дома, когда покидала здание, вот тогда она... Теряла рассудок.

Наверное, Лилиан страдала от какой-то болезни: Альцгеймера, деменции. Если бы только они с мамой знали...

— Бедная бабушка Лилиан.

Но Стивен, кажется, не обратил на слова Эйприл никакого внимания. Он был погружен в собственные мысли.

— Однако самое странное в тот день, — внезапно проговорил он, — оказалось у нее в сумочке.

Старший портье, озадаченно хмурясь, рассматривал свои ботинки.

— У нее там лежал билет на самолет. До Нью-Йорка. Вместе с паспортом, срок которого истек пятьдесят лет назад. По-видимому, в последний раз Лилиан действительно собралась покинуть нас навсегда.

После того как Стивен ушел, Эйприл поужинала макаронами под соусом песто, купленными в магазинчике на Моткомб-стрит, а затем наполнила ванну. В ванной комнате не было кабинки, и над стальным краном в разводах не было душа. Эйприл присела на пуфик рядом с ванной, наблюдая, как толстая струя воды звучно ударяет по стертой эмали. Трубы за выпцветшей пятнистой стеной пели и стонали. Дожидаясь, пока наполнится ванна, Эйприл вышла, распаковала привезенную с собой одежду и выложила косметичку на комод в комнате Лилиан.

Она поймала себя на том, что придумывает себе занятия. Пытается отвлечься от мысли, что придется ночевать в этой квартире, и старается не задаваться вопросом, чем занималась здесь по вечерам Лилиан. Две дальние спальни давно уже не использовались по назначению и были приспособлены под кладовые, так что едва ли бабушка заходила сюда, разве только для того, чтобы пополнить свою сокровищницу. В гостиную же она только приносила свежие цветы, под которыми в снопе перед окном скрывались увядшие в прах. Эта комната была для бабушки священна. Всю мебель в столовой покрывал толстый слой пыли. В квартире не нашлось ни телевизора, ни хотя бы работающего радиоприемника. Эйприл уже обнаружила старый сломанный приемник в бакелитовом корпусе, завернутый в газету и засунутый в недра ящика с оловянными кружками. Однако, за исключением радио и нескольких книжек, ни одна из которых не относилась к современным изданиям, Эйприл даже представить не могла, чем ее двоюродная бабушка развлекалась в одиночестве на протяжении множества вечеров. Неудивительно, что Лилиан разговаривала сама с собой — Эйприл пробыла здесь только день, но уже готова последовать ее примеру.

Приняв ванну — причем за это время ее глаза трижды слипались и она погружалась в дремоту, длившуюся, пока не остывала вода, — Эйприл вернулась в спальню и закрыла дверь. Белье под старинным стеганым покрывалом казалось чистым, но она не смогла заставить себя лечь на простыню. На верхней полке шкафа нашлись одеяла, и Эйприл соорудила из них постель прямо поверх покрывала.

Эйприл погасила свет, и ее поначалу поразила наступившая темнота. Она даже помедлила, прежде чем лечь, но усилием воли заставила себя успокоиться — она слишком устала, чтобы нервничать. В свежем белье и чистой футболке с надписью «Social Distortion»¹ Эйприл свернулась клубочком, лежа лицом к двери, как делала всегда, если ночевала в

¹ Популярная панк-группа, созданная в Калифорнии в 1978 г. (Прим. ред.)

незнакомом месте.

Устроившись, она прислушивалась к далекому шуму машин, изредка проезжавших через Лаундес-сквер. Она сознательно переключила медленно текущие мысли на Лондон, не позволяя им сосредотачиваться на этом месте, бродить по квартире, блуждать по странным захлавленным комнатам, объатым темнотой и тяжким молчанием.

Подтянув колени к животу, Эйприл зажала между теплыми бедрами сложенные вместе ладони — эта привычка осталась у нее с детства. Она сейчас же осознала, что проваливается в глубокий сон, который продлится много часов, до самого утра Эйприл уносило все глубже и дальше отсюда. Наконец ее разум успокоился. Но только не комната, оставшаяся по ту сторону сомкнутых век.

Эйприл не стала отвлекаться на шорох и негромкий топот ног, стремительно переместившихся от двери в изножье постели. Это просто сосед по квартире, Тони, — зашел, по обыкновению, на цыпочках, чтобы быстренько забрать что-то, забытое в ее комнате. Слишком измученная, чтобы разлепить глаза, где-то в недрах сознания Эйприл была твердо уверена, что Тони скоро уйдет. Уйдет.

Но в таком случае что еще ему нужно, зачем он остановился у постели, склонившись над ней? Эйприл ощутила это затянувшееся присутствие, затем — колено, упирающееся в край матраса.

Она в панике проснулась, испарина высыхала на лбу. Совершенно потеряв ориентацию в пространстве, Эйприл уставилась в кромешную тьму. Она села на постели и спросила: «Чего тебе нужно?»

Вопрос остался без ответа, и несколько секунд Эйприл не понимала, где находится и как сюда попала.

Пока в памяти не всплыло несколько главных деталей. Нет здесь никакого соседа, нет никакого Тони. Она в Лондоне. В незнакомой квартире. У Лилиан. В таком случае кто...

Одной рукой Эйприл зашарила по столику у кровати, отыскивая лампу. Нашла. Принялась нащупывать выключатель, тяжело дыша. Стоя на коленях, она сознавала, насколько ее тело уязвимо для этой фигуры, так близко возвышающейся в темноте. Пальцы Эйприл коснулись старой керамической подставки с кнопкой выключателя — тяжелое основание лампы качнулось. Темную комнату вдруг затопил блеклый свет.

Никого. Она одна в комнате.

Все жилы и нервы в ней расслабились от облегчения. Эйприл хватала ртом воздух, как будто только что взбежала вверх по лестнице. Это просто занавески колыхались от сквозняка или же скрипели сами по себе древние половицы. Так часто бывает в старых зданиях, к которым еще не привык.

Эйприл закрыла лицо руками. Потрясение проходило, оставляя по себе болезненное ощущение собственной глупости.

Однако же только что пережитые стресс и ужас перед чужим присутствием повлияли на нее так сильно, что Эйприл уже не хотела забыться глубоким сном, она устроилась полусидя и оставила свет, который горел всю ночь. Подобное она делала давным-давно и всего один раз в жизни, после того как посмотрела «Изгоняющего дьявола».

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Вскоре после полуночи жильцы перестали дергать Сета. Запах серы и гари на верхних этажах рассеялся после третьего осмотра, когда портье таки обнаружил источник вони в мусорных баках. Однако слабость все равно не позволила ему сосредоточиться на «Ивнинг стандарт» и лишь усилилась, когда он опустился в кресло. Почти сразу голова его стала поминутно падать на грудь. Что было странно: обычно Сет начинал засыпать, самое раннее, часа в два пополуночи. Должно быть, виной тому вирус, который его организм старательно перерабатывал во что-то, кроме высокой температуры и першения в горле.

Сет решил вздремнуть несколько минут. Тогда он проснется освеженный и сможет

сидеть с открытыми глазами хотя бы следующие несколько часов.

Портье провалился в глубокий сон.

Ему показалось, что он проспал всего несколько секунд к тому моменту, как его разбудило некое стремительное движение рядом и промельк чьей-то тени.

Встревоженный, Сет выпрямился.

В холле никого не было.

Он содрогнулся, но вскоре расслабился, откинувшись на спинку кресла.

Портье снова задремал.

Но опять проснулся спустя мгновение, потому что на этот раз он был твердо уверен: чья-то щека прижалась к прозрачной входной двери напротив его стойки. Однако, когда Сет резко распахнул глаза и подался вперед, шумно откашливаясь, все, что он увидел в темном стекле, — собственное отражение: суровое художавое лицо с темными, пристально всматривающимися глазами.

Разволновавшись, Сет спустился на цокольный этаж, выкурил две сигареты, выпил чашку кофе. Однако, несмотря на попытки взбодриться, стоило ему сесть обратно в кресло за стойкой, как он тут же начал клевать носом. Сет устроился поудобнее и нырнул в призывные глубины сна.

Вдруг он услышал шорох одежды у самого уха. И еще голос. Кто-то позвал:

— Сет. — А затем снова: — Сет!

Он резко подскочил в кресле и огляделся, сердце часто билось. Сет поднялся, бормоча извинения в ожидании увидеть кого-нибудь из жильцов в пижаме облокотившимся на стойку. Но поблизости никого не оказалось. Ему все привиделось. Как же так? Ведь кто-то наклонился к самому уху! Он ощутил прохладное дыхание на своей коже.

Перед глазами стояли синие пятна от ярких белых ламп, висевших над стойкой.

Все еще встревоженный, Сет вернулся к своему креслу, включил телевизор и растер лицо ладонями, пытаясь взбодриться. Все без толку, он никак не мог справиться с неумным желанием разума погрузиться в сон.

На краю леса показался невысокий силуэт. Закутанный в серую штормовку с опущенным на лицо капюшоном, некто просто смотрел, как Сет стоит в каменной комнате, вцепившись в холодные прутья решетки. Переминаясь с ноги на ногу, Сет сглотнул комок в горле в надежде, что незнакомец не исчезнет и не пройдет мимо.

Сияясь улыбнуться, он понял, что совершенно не владеет мышцами лица — должно быть, со стороны кажется, будто он вот-вот заплачет. Сет оставил попытки растянуть губы и помахал рукой. Куртка с капюшоном даже не шевельнулась в ответ. Сет смутился и уронил руку, подумав, что ему, пожалуй, стоит забиться в угол и больше никогда никого не беспокоить. Именно для этого он здесь.

Силуэт отделился от деревьев и двинулся вперед. Некто медленно шагал по высокой траве, огибая заросли темной крапивы, пока не дошел до подножия ступенек. В урнах по обе стороны лестницы торчали сухие коричневые стебли. Гость поднял на него глаза, но под капюшоном Сет не смог разглядеть лица.

— Как тебя зовут? — спросил мальчик.

— Сет.

— Почему ты здесь?

Сет посмотрел на свои ноги. Помедлил, проглатывая комок в горле, поднял голову и пожал плечами.

— Не знаю.

— Я знаю. Ты поддался страху и спятил. Точно так же, как и я. Ты пробудешь здесь целую вечность, а потом окажешься в другом месте, гораздо хуже этого.

Внутри своей каменной темницы Сет ощутил, как холод скользнул по животу. Он весь покрылся гусиной кожей, перед глазами замелькало, стало трудно дышать.

— Что, испугался до чертиков? — поинтересовался мальчишка.

Слезы жгли лицо, и Сет так вцепился в решетку, что онемели пальцы. Он сжимал железные прутья все сильнее, хотя и понимал, что на руках останутся синяки.

— Теперь ничего не исправишь, — проговорил Сет тонким надтреснутым голосом.

— Неправда, — уверенно возразил незнакомец в капюшоне. — Я могу тебя вытащить.

— Но у нас будут неприятности, — сказал Сет и тут же возненавидел себя за эти слова.

— Да кому какое дело? Между прочим, о тебе больше никто не думает. Тебя забыли.

Сет хотел поспорить, но понял, что так и есть.

— Так ты хочешь выйти? — спросил мальчик, выискивая что-то в глубоком кармане.

Сет кивнул, сдерживая слезы.

Из куртки мальчик вынул большой железный ключ. Но Сет смотрел вовсе не на ключ — он не мог отвести глаз от руки гостя. Кисть покрывали багровые и желтые пятна, и от одного взгляда на них становилось дурно. Кожа будто когда-то расплавилась, а затем снова затвердела. Некоторые пальцы были склеены друг с другом.

Изуродованные, они сомкнулись на головке ключа в форме бабочки и повернули его в замке. Механизм застонал, а затем зарешеченная дверь отворилась.

От испуга не в силах сделать по мраморному полу хотя бы шаг, босоногий Сет так и стоял, сотрясаемый дрожью. Мальчик вернулся к основанию лестницы и посмотрел на Сета. Он снова сунул руки в карманы теплой куртки и замер в своей обычной позе: непринужденной, но выжидательной.

Небо над лесом потемнело. Либо вечереет, либо тучи сгустились над деревьями. Сет интуитивно понимал, что ему надо поторапливаться и принимать решение. Остаться или уйти? Казалось, будто еще одни, гораздо более широкие, ворота распахнулись в мир за стенами каменной комнаты, но, если Сет замешкается, они снова захлопнутся и он останется в заточении. Кроме того, они с мальчиком привлекут внимание, если будут топтаться здесь вдвоем. У него было такое чувство, что их в любую минуту может увидеть кто-нибудь из-за деревьев.

Сет отважился пройти через решетчатые створки и ступить на траву слабыми ногами, отвыкшими от физических нагрузок. Он подумал, что его конечности похожи сейчас на тщедушные стебельки петрушки, позабытой в выдвижном ящике холодильника.

Сет стоял на краю поляны, с удивлением ощущая травинки под подошвами, привыкшими к каменному полу, и дуновение ветерка на обнаженной коже. Он заволновался, увидев тропку, которая терялась в густом лиственном лесу.

Провожатый в капюшоне двинулся по дорожке к деревьям. Сет зашагал следом.

На краю леса он в последний раз оглянулся через плечо на свою комнату с желтой лампочкой. Мальчик впереди приглашал идти следом — он просто ждал и смотрел на Сета, пока тот не поравнялся с ним и не встал рядом под мокрыми деревьями.

— Куда мы пойдём? — спросил Сет.

— Подальше от этого места.

Сет сглотнул и ощутил, как его охватывает паника.

— Если вернешься туда, мы уже никогда не сможем тебя вытащить. Ты так и останешься там. Как обычно и бывает. Полным-полно народу сидит взаперти. Я все время их вижу. Они не знают, как выбраться на свободу.

— Что ты имеешь в виду?

— Сет, очень немногие из вас еще живы. Большинство находится здесь постоянно, и после смерти ты снова попадешь сюда. Уже надолго. — Капюшон кивнул в сторону мраморной тюрьмы. — Вот так все и происходит. Вы привыкаете к темноте, привыкаете ничего не видеть. Ничего не помнить. Потом вы словно оказываетесь ночью посреди моря. Вам холодно, вы тонете, и никто не приходит на помощь.

Сет нервно прохаживался из стороны в сторону.

— Я твой друг, Сет, — произнес мальчик особенно убедительно, как-то по-взрослому. — Тебе повезло, что мы пришли. Ты можешь нам доверять.

— Я знаю, знаю. Спасибо. Правда, спасибо.

Сету стало легче, он ощущал одновременно благодарность и смущение. В голове роились вопросы, однако не хотелось раздражать нового товарища, выпустившего его из склепа.

— Но кто?.. Ты все время говоришь «мы» и «они».

Мальчик побрел дальше, прочь от темницы Сета, будто не услышав вопроса. Нависающие ветви и мокрые кусты шуршали по нейлоновой куртке. Сет шел следом, они шагали все быстрее и вскоре удалились от склепа настолько, что Сет усомнился, сумеет ли его найти. Он насквозь промок от росы, крапива хлестала по лодыжкам.

— Не бойся, Сет. Поначалу окружающее будет казаться непривычным, но пройдет немного времени, и все наладится. Мне было всего десять, когда я застрял. Застрял в бетонной трубе рядом с игровой площадкой.

— Неужели в трубе?

— А потом приятели прикончили меня петардами.

Мальчик в куртке с капюшоном замедлил шаг. Он вынул руки из карманов, и Сет успел увидеть изуродованные суставы и багровую плоть, прежде чем рукава сползли, закрывая кисти до кончиков пальцев.

— Теперь, выбравшись из своей тюрьмы, Сет, ты увидишь все таким, какое оно есть на самом деле. А затем начнешь делать то, что тебе предназначено.

— Правда?

— Да. Тебе предстоит запечатлевать в красках то, что ты видишь. Они покажут, как именно. Ты станешь блестящим художником, приятель. Самым лучшим. Они мне сами сказали. Но конечно, ты будешь кое-что делать и для нас.

— Разумеется! — воскликнул Сет, внезапно разволновавшись, хотя пока совершенно не понимал, что ему предстоит.

— Сначала тебе будет по-настоящему страшно. Но вернуться ты уже не захочешь. Я ни разу не захотел с тех пор, как меня вытащили из трубы.

Сет кивнул, наслаждаясь новым чувством, охватившим его за пределами склепа. Да, все теперь совершенно по-другому — настоящая свобода, которую невозможно описать словами. Ощущение не поддавалось определению, однако же заставляло Сета дрожать от счастья. Как будто он всю жизнь ждал именно этого, но потом позабыл. Он даже не мог вспомнить, когда последний раз испытывал воодушевление.

Скоро лес вокруг начал редеть. Воздух сделался холоднее, небо вылиняло до водянисто-серого оттенка.

— Это мой участок, — сказал мальчик в капюшоне. — Хочу показать тебе, где я застрял. Как я уже говорил, многие люди после смерти возвращаются в подобные места и не могут выйти. Пока совсем не стемнеет. Тебе бы не понравилось сидеть в темноте, приятель. Не-а. Я видел, на что она похожа, — это конец всего. Но мы тебя научим обходить других местных обитателей. Они чокнутые. Ты не должен таким становиться.

Они вышли из леса и оказались на большом замусоренном пустыре. Жидкая травка клочками прорастала из грязи, в которой Сет то увязал, то поскользнулся.

Слева вдалеке высилось несколько жалких построек с пластиковыми навесами вместо крыш и окнами, затянутыми драным полиэтиленом. Лачуги отделяли друг от друга полосы земли, поросшей сорняками. Перед домами раскинулась детская площадка.

Мальчик с Сетом сразу направились к ней. Приходилось переступать то через кучки собачьего дерьма, то через битые бутылки. Провожатый в капюшоне принялся подпрыгивать и напевать что-то себе под нос. Кажется, он был очень доволен тем, как все складывается.

На игровой площадке возвышалась горка, четверо качелей с пластмассовыми сиденьями свисали на цепях с общей железной рамы, и еще имелась карусель — ржавые «гигантские шаги» с крестом деревянных перекладин наверху. Последняя была намертво закреплена в бетонном основании. Яркая краска на всей конструкции облезла до коричневатого металла, отполированного маленькими грязными ладошками. В песочнице по соседству грудились битые стекла и обломки пластмассы. В дождевой луже мокли останки

куклы с треснутой головой. Под волнистыми светлыми волосами темнела дыра, рана казалась настоящей. Еще у игрушки не хватало глаза. Сет содрогнулся. Рядом с куклой валялось несколько страниц из порнографического журнала. Сет краем глаза увидел на цветастом снимке женщину с раздвинутыми ногами, пухлыми вишневыми губами она сжимала собственный палец.

— Паршивое местечко, — произнес мальчик.

Сет кивнул и пошел вслед за ним в сторону двух огромных жилых домов башенного типа, поднимавшихся так высоко в облачное небо, что пришлось задрать голову. Света в окнах не было, и строения казались заброшенными. Их стены покрывали граффити, сделанные на высоте роста ребенка, на дорожках вокруг грудился мусор.

Сет посмотрел под ноги: шуршащие пакеты, банки и жестянки с выцветшими наклейками, автомобильная шина, часть мотора, разбитый телевизор и еще колготки. Видимо, они столько раз успели намокнуть под дождем и снова высохнуть, что Сет не сразу понял, какая кошмарная тварь нацелила на него свои длинные щупальца. На некоторых плитках дорожки еще остались детские рисунки мелками — розовым, желтым и голубым. Дождь не полностью смыл их. А дождь прошел только что. Бетонные плиты были мокрыми, и лужи на тротуаре не успели просохнуть. Сет решил, что здесь всегда сыро, и содрогнулся. Он обхватил себя руками. Даже летом здесь ужасно. Чем ближе они подходили к домам, тем сильнее становился запах мочи и отбеливателя.

Между двумя большими башнями налетел ветер, Сет поежился. Он поднял глаза — показалось, что дома накренились и вот-вот упадут на него. Сет схватился за каменную стену, чтобы удержаться на ногах.

Вскоре они подошли к мелкому отвратному ручью, пересекавшему бескрайнюю унылую равнину, где среди тощей травы было полно экскрементов и битого стекла.

От ярко-оранжевой почвы на берегах и в пойме пахло так, как обычно пахнет под кухонными раковинами, где хранятся пластиковые бутылки. Под ногами вода сонно струилась между проржавевшей жестянкой и сломанной игрушечной коляской, в каких девочки возят кукол. С белой пластмассовой рамы свисали лохмотья красной парусины. Чуть ниже по течению Сет увидел большую серую сточную трубу. Внутри ее зева на бетоне расплзлось оранжевое пятно. Сет взглянул на мальчика в капюшоне, и тот молча кивнул в ответ. Кошмарное место, чтобы умереть.

Они перешли на другую сторону ручья. Пейзаж не менялся, насколько хватало глаз: заброшенные лужайки, пустые игровые площадки, мусор и два громадных дома-башни, возвышающиеся над застывшей равниной, которой не видно конца.

— Здесь есть еще туалеты, — произнес мальчик, не поднимая головы, чтобы взглянуть на Сета. — Никогда их тебе не покажу. А в некоторых квартирах я находил людей.

— Они тоже застряли?

Собеседник кивнул, и Сет содрогнулся.

— Ты не можешь их вызволить?

Парнишка пожал плечами, затем ответил:

— Не-а. С ними покончено. Я видел маленького мальчика, азиата, с пластиковым мешком на голове, который он не может снять. Он не понял ни слова из того, что я ему говорил. Еще там была пожилая женщина, надышавшаяся паров из водогрейного котла. Она просто лежала на линолеумном полу совсем больная. И еще я нашел мужчину, тот мне очень не понравился. Он сидел на стуле у горячей конфорки и просил, чтобы я посмотрел, как он мочится.

— Может, пойдем? Я замерз, — сказал Сет.

— Да. Я просто хотел показать тебе мое прежнее место.

— Спасибо.

— Большинство людей видит свои места во снах, которые забываются к утру. А когда люди умирают, уже слишком поздно. Они возвращаются и ждут наступления темноты.

Они шагали обратно в сторону леса по той же дороге, какой пришли сюда.

— Кто тебя вытащил? — задал Сет последний вопрос, едва они покинули замусоренный пустырь.

— Один человек, — последовал ответ. — Он художник, как и ты. Некоторые люди, ваши общие знакомые, поступили с ним очень плохо.

— Кто?

— Он хочет тебе помочь. Он твой друг. Ты с ним увидишься, Сет. Уже скоро. Но сначала тебе предстоит многое сделать.

Сет, вздрогнув, распрямился в кресле и не сразу понял, где находится. Он огляделся по сторонам: полукруглая конторка с внутренним телефоном; металлическая панель с сигнализацией от воров и с пожарной сигнализацией, проведенной во все квартиры; портативный радиоприемник, желтые стены вокруг стойки портье, искусственные растения, ровная стопка журналов «Татлер» и «Лондон мэгэзин» на плетеном кофейном столике, мониторы камер слежения, мерцающие желтовато-зелеными экранами. Встревоженный, Сет ожидал, что кто-нибудь сейчас же на него закричит или хотя бы, встав перед конторкой, осуждающе покачает головой, ведь портье заснул на дежурстве.

Никого не было. В шахтах обоих лифтов за раздвижными металлическими створками стояла тишина. Входная дверь заперта. Никто не подходил к стойке и не видел его спящим.

Сет взглянул на циферблат: почти четыре утра. Он проспал больше трех часов. Судя по боли в пояснице, все это время он так и просидел в одной неудобной позе. Сет выдохнул и поправил галстук. Медленно повернув голову, он услышал, как хрустнули шейные позвонки — мышцы разогревались, обретая прежнюю эластичность. Теперь он вытянул ноги. Обе колени затекли.

Сет никогда еще не спал на работе так крепко. Заснуть на несколько часов кряду — это что-то новое, немыслимое. И опять этот кошмар. Он вспомнил кое-какие обрывки, но вспомнил достаточно, чтобы понять: он снова видел то место. Каменная комната, склеп на краю леса. Но были и некоторые отличия: в первом сне отсутствовал мальчик в капюшоне, с обожженной рукой.

Им оказался тот самый парнишка, что смотрел на Сета у паба. Значит, его собственное подсознание породило загадочную фигуру. С поразительной ясностью Сет вспомнил, каково быть ребенком. Ощущения вернулись к нему, во сне он плакал от отчаяния. Соленые разводы на щеках растрескались, когда Сет зевнул. Ему почти захотелось снова задремать, чтобы опять пережить восторг освобождения, радость от новообретенной компании, предвкушение приключений.

Но вместо того он задрожал и с трудом глотнул. Горло саднило, лицо пылало от жара. Сету хотелось лечь на пол и умереть, но чувство долга заставило его поглядеть на мониторы. Окидывая взглядом экраны, он никого не заметил ни на черно-белой улице перед домом, ни на дальней дорожке за внутренним садом, ни в гараже под домом.

Но в следующий миг Сет замер и поглядел влево. Он потянул носом, поднялся и поспешно обнюхал рукав своего пиджака, затем обе ладони. От них воняло серой, порохом и еще густым жирным дымом, который получается, когда что-то жарят на открытом огне. Сет весь пропитался этими запахами, точно так же, как его конторка, стойка портье и весь холл до самых лифтов.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Насколько удалось разглядеть в тусклом утреннем свете, пробивавшемся между занавесками, в спальне не было зеркал, поэтому Эйприл заглянула в ванную, пошарила на подоконнике за жалюзи и в маленьком чуланчике, где хранились половики и бутылка с чистящим средством, но ничего так и не обнаружила. Еще минут пять она осматривала две дальние комнаты, но там искомого не оказалось.

Эйприл вернулась в хозяйскую спальню и заглянула в коробки с косметикой в поисках

карманного зеркальца — тщетно. Тогда она обратила внимание на пустое место над комодом, между двумя деревянными столбиками — когда-то на них явно крепилось овальное зеркало.

Заинтригованная, Эйприл вернулась в ванную и обнаружила над раковиной четыре небольших отверстия, просверленных дрелью и заткнутых коричневыми заглушками. Следы от шурупов, на которых некогда крепился шкафчик. Шкафчик, у которого наверняка были зеркальные дверцы.

Над ванной Эйприл заметила еще два отверстия. Эти были пошире, для длинных шурупов, которые глубоко входят в стену, чтобы удерживать большое зеркало. Оно тоже исчезло. Но ведь в ванной не меняли мебель и не делали ремонт — значит, и зеркало, и шкафчик были сняты не для того, чтобы подкрасить выцветшее пятно или заменить треснувшую плитку. Водянисто-желтые стены, заляпанные высохшими мыльными брызгами, много лет никто не обновлял.

Вернувшись в коридор, Эйприл внимательно осмотрела длинные стены, тянувшиеся до дверей дальних комнат. Накануне проходное помещение удостоилось лишь беглого взгляда: было неприятно рассматривать их. Ее ужаснули грязные разводы и оборванные кое-где обои. Неужели Лилиан была настолько больна, так давно лишилась жизненных сил? Эйприл было трудно смириться с подобным зрелищем, поскольку она помнила, какой до абсурда аккуратной была бабушка Мэрилин и какой элегантной и изумительно ухоженной представляла Лилиан на фотоснимках.

Мысль о таинственном исчезновении зеркал неприятно зудела в голове, пока Эйприл сознавала полное отсутствие каких-либо декоративных элементов на стенах квартиры. Ни единой картинке в рамочке, никаких украшений во всем коридоре. То же самое в кухне и в трех спальнях. Вчера она этого не заметила. Но сейчас, чем пристальнее она разглядывала старые обои в захлавленной прихожей и комнатах, тем чаще натывалась на отверстия от шурупов и стальную фурнитуру, на которых крепились картины, зеркала, полочки, в какой-то момент снятые бабушкой и вынесенные из квартиры. Эйприл была уверена, что когда откроет коробки и чемоданы в спальнях, превращенных в кладовки, то не обнаружит там ни акварелей, ни морских набросков, ни охотничьих трофеев, ни картин маслом, ни чего-нибудь еще, чем Лилиан с Реджинальдом оживляли свое жилище.

Все это было убрано, и не просто снято со стен, но вообще вынесено за порог. Стивен сказал, Лилиан была барахольщицей. За те годы, что он служил в доме, она не выбрасывала ничего. Значит, единственное место, где могут обнаружиться картины и зеркала, — чулан в подвале. Эйприл, нахмурившись, тронула маленький черный ключ, прицепленный к кольцу вместе с ключами от входных дверей.

— Миссис Лилиан ничего не выкидывала, — подтвердил Петр.

Он так ужасно потел. Пиджак, кажется, был ему невозможно мал, и налитое кровью лицо покрывала испарина. Эйприл пришла на ум сосиска для хот-дога, розоватое мясо которой просвечивает сквозь тонкую кожицу. И еще этот портье непрестанно болтал с такой наигранной веселостью, в которой не ощущалось ни живости, ни юмора. У Эйприл от вежливой улыбки уже болели мышцы, а он все раздражал ее бесконечными вопросами, в основном о деньгах, не давая возможности ответить.

— Может быть, у миссис Лилиан там хранится золото? Может, какая-нибудь коробка набита денежками? Тогда вам уже не придется покупать лотерейные билеты!

В итоге они все-таки спустились в подвал. К тому, что обслуживающий персонал называл «клетями». Из обители миллионеров, высланной темными коврами, с дверьми из тикового дерева, тяжелыми занавесями и мраморными полами, они попали в преисподнюю, благополучно существующую под роскошным молчаливым верхним миром, которому она служила.

Здесь, внизу, тянулись крашенные цементные стены, неровные, в масляных пятнах и царапинах полы, кольца проводов и кабелей в изоляции свисали с потолка. Чернокожие уборщики медленно проходили с ведрами и бутылками чистящих средств, и в свете ламп их кожа казалась угольно-черной с багровым отливом. Надписи на стальных дверях

предупреждали о высоком напряжении, громадный бойлер пыхтел, булькал и сотрясал бетонный пол под тонкими подошвами «конверсов» Эйприл. А дальше шли клетки. Лабиринт темных кубических ячеек, набитых велосипедами, коробками и какими-то громоздкими предметами, скрытыми под слоем пыли. По отсеку на каждую квартиру. Эйприл понадеялась, что Петр оставит ее одну, когда отопрет клеть.

— Вот и ваш номер.

Снова коробки и длинные простыни на раздутых чемоданах. При открытой двери в чулане еще оставалось немного места, чтобы войти.

— Спасибо, Петр. Теперь я справлюсь сама.

— Так я вам могу помочь снять ящики.

— Я справлюсь, честное слово. Если мне понадобится помощник, я обязательно обращусь к вам.

Эйприл пришлось повторить это трижды, потому что Петр стоял, придвинувшись вплотную, потел, улыбался и стрелял глазами мимо нее, рассматривая коробки. Когда портье наконец убрался, вытирая мокрый лоб, Эйприл спросила себя, куда же подевалась радость грядущих открытий. От одного взгляда на это барахло она чувствовала усталость. Все равно переезд, только в сто раз хуже. Хотя официально вещи принадлежали ей, Эйприл не ощущала их своими, а вещей было так много, что она не знала, что с ними делать, даже если все они представляли ценность. Легкомысленная часть ее существа сейчас же предложила выбросить все и пойти осматривать достопримечательности.

Начав с краю, Эйприл принялась снимать простыни и уже скоро оказалась в окружении старых занавесок и слежавшегося постельного белья, старомодных лыж и теннисных ракеток в чехлах, одеял в шотландскую клетку, рыболовной удочки и плетеной корзины для пикников, двух старых чайных сервизов, потемневших серебряных кубков и шести пар резиновых сапог. Помимо прочего Эйприл обнаружила пропавшие зеркала — восемь штук разнообразных форм и размеров, — упакованные в оберточную бумагу, старательно перевязанные веревками и аккуратно уложенные в коробки.

А в плоских деревянных ящиках с такими старыми, разъеденными ржавчиной петлями, что те почти обратились в прах, Эйприл нашла картины, которые некогда украшали стены жилища Лилиан и Реджинальда. Морские пейзажи и греческие статуи в карандаше, литографии и групповые снимки летчиков ВВС Великобритании. Дальше шли большие картины. Одну Эйприл нашла у задней стенки ближе к полудню, когда желудок уже ворчал от голода, а пустая бутылка из-под минеральной воды каталась под ногами. Но Эйприл сейчас же позабыла о еде, как только сняла с картины упаковочную бумагу, и ей открылся портрет двоюродной бабушки Лилиан и ее мужа Реджинальда, запечатленных в полном блеске чьей-то талантливой рукой. Она в первый раз увидела их обоих в цвете. Несколько секунд Эйприл смотрела на них не моргая.

Это был портрет в полный рост. Величественная Лилиан глядела с него, как будто нисколько не гнушаясь тем жалким местом, куда теперь оказался заточен ее ставший бессмертным образ. Платиновые волосы зачесаны назад под сверкающей диадемой, лоб фарфорово-гладкий. Идеальный нос, тонкие дуги бровей и полные алые губы довершали ошеломляюще прекрасный облик. На руках переливались атласные перчатки до локтей, ожерелье сверкало на царственной шее, длинное белое платье обрисовывало прелестные изгибы тела. Но поразили Эйприл серые глаза. В них было больно смотреть, но не смотреть было невозможно. В глазах отражалось живое любопытство и интеллект. И еще страсть. Но самое главное, эти глаза были уязвимы. Очень уязвимы.

В образах на портрете Эйприл почудилась печать грядущей трагедии; она знала, что все достоинства Лилиан после смерти обожаемого мужа постепенно сменятся безумием. Создавалось впечатление, что художника позвали как раз вовремя, чтобы он запечатлел необычайные ум и красоту женщины до того, как они обратятся в нечто совершенно иное и в конце концов исчезнут с ее путающей и печальной кончиной на заднем сиденье наемного экипажа.

Сложно было поверить и в то, что в мире существует второй столь же привлекательный и неординарный мужчина, когда-либо носивший военную форму, как тот, что стоял рядом с этой светской красавицей. Изысканный разрез глаз и длинные темные ресницы уравнивались у Реджинальда мужественным подбородком и выразительными скулами. Небольшая горбинка на носу, который был сломан и сросся чуть кривовато, казалась единственным недостатком, не только не портившим его, но, напротив, придававшим той же пикантности, какую придает дуэльный шрам. Хотя на висках Реджинальда блестела седина, основная масса волос была черной как смоль.

Супруги держались за руки. Их пальцы были переплетены. На этот невольный интимный жест Эйприл тотчас же обратила внимание. Несколько неожиданно для столь официального портрета, но вполне уместно. Доказательство взаимной привязанности, которую они не могли скрыть даже в миг, когда их запечатлевали для вечности.

Горло у Эйприл сжалось. Глядя им в глаза, она прошептала: «Простите». Простите за то, что она роется в личных вещах. Собирается продать все то, что они собирали при жизни, что было для них дорого. Эйприл ощущала себя разбойником, взломщиком, развязным маленьким негодяем с пыльными руками и грязными щеками, которых она касалась каждый раз, поправляя волосы, выбившиеся из-под алой головной повязки.

Их квартиру и мебель, большую часть ценностей и антиквариата, явившихся из другого времени и другого мира, придется продать как можно выгоднее, чтобы оставить эту картину, изысканное зеркало от туалетного столика и одежду, которую Эйприл будет примерять перед зеркалом бабушки. Эти предметы поедут с ней в Штаты, чтобы бедная ветвь семейства могла восхищаться гордыми и прекрасными людьми, с которыми им посчастливилось состоять в родстве.

Стемнело рано, уже в четыре пополудни улицы погрузились в океан черноты, и вот теперь в стекла еще забарабанил дождь. Все трубы и батареи в квартире накалились так, что к ним невозможно было прикоснуться, и холод отступил в углы, ушел к окну спальни Лилиан. Эйприл как следует согрелась горячей ванной и острым ливанским обедом на вынос и теперь, предвкушая, как будет примерять платья Лилиан, буквально сгорала от волнения, словно маленькая девочка, которой мама позволила поиграть со своей косметикой. Настало ее время. После утомительного дня, проведенного в подвале среди памятных вещей, которые требовалось оценить и продать, вечер будет посвящен модному показу прошлого. Эйприл пройдет по этому мрачному дому маленьким ярким привидением, явившимся, чтобы наряжаться для давно минувших вечеров и дней.

К тому времени, когда часы пробили десять, Эйприл уже перемерила темные костюмы, платья без рукавов, сияющие бальные наряды, меховые накидки и полагающиеся ко всему этому шляпки с дымной вуалью, от которой взгляд немедленно делается загадочным, чего невозможно добиться никакими тенями. Просто поразительно, как на ней сидит вся эта одежда — плотно, но не сковывая движений, лишь подчеркивая стройные бедра и небольшую упругую грудь.

Эйприл завалила кровать сшитыми на заказ нарядами из твида, шерсти, кашемира, шелка, атласа и громыхающими деревянными плечиками. Ей удалось собрать волосы в узел по моде начала сороковых, она закрепила прическу шпильками из фарфоровых баночек Лилиан. Эйприл наложила крем из собственных запасов, нарумянилась и напудрила симпатичное личико со вздернутым носом, после чего поддалась искушению и прыснула старинными духами из хрустального флакона на шею и на бледные запястья.

В туфлях на кубинском каблуке или в сверкающих серебристых босоножках, в зависимости от наряда — короткий костюм с приталенным пиджаком или бальное платье с прозрачной накидкой, — Эйприл вышагивала, скакала, кружилась, усаживалась в эффектную позу перед овальным зеркалом, спасенным из чулана, а грязно-коричневый интерьер бабушкиной спальни служил угрюмой декорацией ее представлению.

В тусклом свете нейлоновые чулки Лилиан поблескивали на стройных лодыжках

Эйприл. Тонкие, словно паутина, и гладкие, словно стекло, они придавали ногам изящность, какой невозможно добиться с помощью подделок, продающихся в Америке. С ногтями, покрытыми кроваво-красным лаком, нарумяненными щеками и кукольным взглядом из-под накладных ресниц, которые нашлись в том же ящике, где и длинные оперные перчатки, Эйприл кружилась и танцевала джайв. Она перевоплотилась, двоюродная бабушка внезапно ожила — и в атмосфере вокруг, и внутри самой Эйприл.

Упиваясь этим действием, она не сознавала течения времени и уже не думала о том, что надо разобрать коробки и позвонить оценщикам антиквариата, позабыла о грядущих сложностях с продажей недвижимости. Эйприл выбросила из головы все, кроме настроений и образов прошлого, неожиданно заполнивших воображение и проливших свет на душу. Двоюродная бабушка и ее муж молча взирали с картины, которую Стивен повесил над заваленным вещами комодом.

Как это волнительно!.. В следующий миг Эйприл застыла на месте. Она выждала секунду и снова посмотрела через плечо, словно актриса в немом кино. В зеркале отражалось только ее лицо, искаженное испугом.

Быстрый промельк за спиной, рывок из сумрака. Неясные очертания кого-то длинного и тонкого, с красным пятном в том месте, где любой ожидал бы увидеть лицо.

Уловив стремительное движение в глади зеркала, Эйприл развернулась и попятилась, словно кошка, ожидающая удара.

Теперь Эйприл не увидела ничего — лишь отражение двух платяных шкафов по обе стороны от смятой постели. И еще себя, окаменевшую на месте и одинокую.

Эйприл перевела дух, к ней вернулось самообладание. Она выпрямилась, ощущая, как ледяные кристаллики холодят кожу, но затем все-таки тают. Эйприл проглотила комок в горле.

Ничего там не было. Из-за слабого света и грязных пятен на абажурах ей что-то померещилось в зеркале, но там не было ничего. Однако же Эйприл, чуть пошатываясь, прошла через комнату, поспешно выскочила в коридор, добежала до входной двери и там застыла, тяжело дыша.

Неужели в этом давно потонувшем в тишине месте, где только тени и хлам, все время прятался некто на тонких ногах? К лицу существа накрепко прилипло что-то красное — образ, способный родиться только в кошмаре.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Три пассажира, ехавшие с Сетом в автобусе, слышали, как тот разговаривает сам с собой. Они делали вид, будто не замечают мужчину, бормочущего себе под нос. Смутившись оттого, что его внутренний голос стал слышен, Сет перестал шептать и принялся рассматривать улицы за окном. Он попытался отвлечь разум от бессвязного мысленного диалога.

Что с ним происходит? Сложно сказать. Трудно вспомнить, каким он был до того, как все началось. Обычная человеческая жизнь стала казаться ему странной. Чуждой. Сет не знал, просветление это или же он просто лишился рассудка.

Лицо горело, кожа сделалась чрезмерно чувствительной. Каждое движение вызывало в суставах болезненный скрежет. Мышцы, будто вымоченные в кислоте, сердито огрызались на малейшее усилие. Пульсирующая головная боль заставляла его щуриться от яркого света, а по временам и вовсе закрывать глаза. И чем сильнее Сет удалялся от своей комнаты, тем хуже себя чувствовал. Внизу, на улицах, сидели нищие, выставив на холодный тротуар ноги, укрытые грязными белыми одеялами, но эти люди, по крайней мере, заслуживают спасения, заслуживают второго шанса, тогда как Сета все-таки ожидает неизбежная гибель, распад физический и ментальный. Именно так он себя ощущал. Долгая и запутанная цепочка разочарований, привычки, неудачные выборы и периоды рефлексии довели его до нынешнего состояния.

Теперь он никак не мог остановить поток мыслей, они неслись вскачь, постоянно меняя направление, и вспыхивали внезапно, словно пожар в душе. Создавалось впечатление, будто жалкие ошметки его прежнего «я» уцелели только для того, чтобы наблюдать за происходящей трансформацией.

Злясь на самого себя, Сет пытался понять, с чего он вдруг покинул «Зеленого человечка». Жар мешал ему забыться сном, и отдых свелся к нескольким часам беспмятства между сменами в Баррингтон-хаус. И каждый раз, когда он просыпался, оказывалось, что болезненное потное тело превратило постель в холодную вязкую лужу. Солнечный свет, проникавший сквозь тонкие шторы на окнах, больно бил по глазам, отчего Сет стонал, а потом плакал, прижимая подушку к лицу. Если же он сбрасывал одеяла, чтобы немного остыть, то быстро замерзал, и приходилось снова натягивать отсыревшую ткань на съезжившееся тело. В итоге в три пополудни он поднялся, чтобы попить воды и проглотить обезболивающее. Наверное, именно в этот момент призрачное чувство долга, некая печальная пародия на протестантскую трудовую этику, заставило его одеться и отправиться на работу.

Но было здесь и что-то еще. Сет чувствовал себя едва ли не обязанным вернуться. Как будто его ждало какое-то важное дело, связанное с его странным сном и почему-то имеющее отношение к миссис Рот.

Выйдя из автобуса, Сет доковылял от угла Гайд-парка до Лаундес-сквер. Пот заливал лицо, он снова пропитал насквозь рубашку и джемпер на спине. Из пор выделялось столько липкой жидкости, что даже подкладка пальто успела отсыреть, пока Сет втащился на верхнюю ступеньку служебного входа. Каждый шаг отдавался взрывом в голове и ударом в нижней части спины, прерывистое дыхание больно клокотало в горячих легких, но он все равно накурился до тошноты.

— А-а-а, — простонал Сет, зажимая ладонями горящие уши, когда появился Петр.

— Ты не поверишь, что сегодня произошло. Теперь разразится большой скандал. Этот Джордж отправился «бомбить», когда должен был сидеть в здании. Не могу же я отвечать за весь дом, пока он пропадает где-то целую вечность...

Сет свернул на лестницу и спустился к комнате для персонала, сжимая руками голову и хрупкий, но невыносимый груз внутри. Менингит. Наверное, ткани мозга воспалились и давят на стенки черепа. Голос Петра преследовал Сета.

— Придется ему заплатить за свою отлучку. Ведь у нас в контракте сказано, что служащим запрещено зарабатывать в других местах, помимо дома. Это же просто несправедливо. Почему он себе позволяет...

Ночью Сет запросто может умереть в своем кресле за полукруглой конторкой. Вдруг тот сон был прелюдией к коме? Да, он довел свой разум до полнейшего истощения, медленно разрушал себя, пока не осознал, что в существовании больше нет смысла, и вот теперь природа стремится избавиться от него, чтобы освободить других от тяжелого груза. Сет захихикал, затем зашмыгал носом.

В комнате для персонала он разделся до трусов и носков и над раковиной обмыл торс холодной водой, затем бумажными полотенцами вытер подмышки, шею и поясницу. К тому моменту, когда Сет облачился в униформу — серые полиэстеровые брюки, белую синтетическую рубашку, пуловер, галстук и темно-синий блейзер, — все тело снова было липким от пота.

Сет потушил свет и прилег на маленькую кушетку рядом с кулером. Прихлебывая горячий лимонный напиток, напичканный парацетамолом, Сет дожидался начала смены.

Следующие несколько часов болезнь не давала ему что-либо делать, только существовать внутри ее. Сет раскачивался в кресле из стороны в сторону, стискивая ладонями пылающее лицо. Яркие лампы в холле обжигали глаза, булькающие радиаторы угрожали обратить тело в пепел. Накрывшись своим пальто, Сет то и дело проваливался в беспмятство.

Вскоре после полуночи портье почувствовал в здании чье-то присутствие. Будто бы

некто чужой, запертый на ночь вместе с ним, скользил по полу, бесцельно бегал вверх-вниз по лестницам и время от времени переезжал на лифте с этажа на этаж. Так мог бы вести себя заскучавший неугомонный ребенок, оказавшийся в большом доме.

Полчаса спустя Сет с трудом выдернул себя из кресла. Он слышал шорох одежды и топот быстрых маленьких ног. До сих пор звуки раздавались слишком далеко, откуда-то из глубины или сверху, и не вызывали беспокойства, но последняя их волна пронеслась мимо стойки, мимо его конторки, а следом заскрежетала и стукнула дверь пожарного выхода, через которую можно было пройти в западное крыло.

Выйдя на лестницу, Сет услышал слабый топот бегущих ног, будто кто-то поднимался этажом выше. Затем настала тишина. Портье отправился выяснять, что случилось.

Квартиры на первом и втором этажах западного крыла пустовали. Одна была выставлена на продажу, хозяева остальных жили за морем, следовательно, здесь не должно находиться никого, способного так шуметь. Но кажется, кто-то все-таки здесь был.

Любим звукам можно найти разумное объяснение: ветер гуляет в вентиляции, горничная или сиделка с какого-нибудь верхнего этажа — Сет знал как минимум двух — сошла вниз, чтобы выкурить сигаретку или позвонить по мобильному, а может, кто-то из жильцов спускался по лестнице, но обнаружил, что забыл дома бумажник, и вернулся в квартиру.

Над головой Сета, у следующего пролета, вдруг заморгала лампа, но в остальном все было в точности так, как бывало всегда в этот ночной час. Или же нет? Появился запах. Снова. Слабый, но явственно ощутимый, и чем дальше заходил Сет в своем расследовании, тем сильнее он становился. Шагая по коридору и приносясь, Сет ощущал в воздухе серу. Как будто совсем недавно кто-то чиркнул спичкой. И еще дым — так обычно веет от одежды, если постоять у костра. Но к этому запаху примешивался еще один: еды. Да, как будто что-то жарится на гриле, мясной запах, словно от каплюющего в огонь животного жира. Точно так же пахло прошлой ночью из шестнадцатой квартиры.

— Какого лешего?

Поднимаясь, Сет останавливался у каждой двери и приносясь к щели почтового ящика в попытке определить, не готовит ли кто-нибудь мясо. Однако запах усиливался ближе к центру лестничной площадки, совершенно исчезая у дверей. Как будто шлейф вони оставил по себе кто-то, прошедший по коридору.

На лестнице было тихо, и, поскольку не осталось сил подниматься дальше, Сет спустился на свой этаж и сел за конторку. Он не мог держать глаза открытыми из-за болезненного давления внутри головы и провалился в глубокий сон.

Когда снова послышался шум, портье взглянул на часы: чуть больше половины второго. На этот раз звуки были более настойчивыми. Из-за стойки Сет услышал, как в западном крыле щелкнул, застонал, пришел в движение лифт. Он уехал по темной шахте куда-то на верхние этажи.

Кто-то его вызвал Сет посмотрел на металлическую пластину под конторкой. Красный огонек бежал по цифрам, пока не стало ясно, что лифт остановился на восьмом этаже в западном крыле. В семнадцатой квартире последние четыре месяца никто не живет, поскольку мистер и миссис Ховард-Бродерик переехали в свои апартаменты в Нью-Йорке. Шестнадцатая квартира, как прекрасно знал Сет, пустует уже полвека.

Он наблюдал со своего кресла за подсвеченной панелью. Следил, как опускается лифт. Этаж за этажом, с восьмого вниз, в фойе. К нему, прямо к стойке портье.

Лифт затормозил с гидравлическим всхлипом и стукнул, остановившись. Дверцы остались закрытыми.

Сет робко выдвинулся из-за конторки и прошел через холл. Он заглянул в маленькое окошко на внешней двери лифта, но не увидел ничего, кроме отражения задней стенки. Испугавшись, что внутренние дверцы могут разбегаться, пока он смотрит в окошко, Сет отступил назад и нажал на кнопку, открывая лифт.

Кабина была пуста. Он не увидел ничего, если не считать собственного бледного лица, глядящего из зеркала.

Сет фыркнул и поморщился. Он снова ощутил запах дыма и горелой плоти, который здесь был гораздо сильнее, чем на лестнице.

Сет захлопнул наружную дверь и закрыл глаза. Это короткое упражнение вымотало его. Он слишком болен, чтобы переживать из-за дурного запаха или неисправного лифта. Вирус накинута на него с новыми силами, и Сету казалось, что даже самое незначительное усилие вот-вот прикончит его. Он с трудом стоял на ногах и цеплялся за перила, спускаясь к служебному помещению, чтобы глотнуть воды из кулера.

Но отдохнуть не удалось. Когда Сет вернулся за стойку и упал в кожаное кресло, оказалось, что ночные тревобления только-только начинаются.

В два часа уже второй раз за ночь лифт западного крыла клацнул, остановившись в холле. Но на этот раз в нем был пассажир.

Сет поднялся с места и облокотился на стойку, моргая и чувствуя, как перед глазами все плывет. Щурясь от мигрени, волны которой пульсировали в голове, он увидел, как из кабины выползло нечто с несчетным количеством ног, и только когда тварь подкатилась к конторке, Сет узнал морщинистую физиономию миссис Шейфер.

Завернутое в просторное шелковое кимоно, ее пухлое тело пронеслось по ковру с поразительной скоростью. Голова, похожая на набитый мешок, запрокинулась назад, отчего плечи казались совсем узкими. Волосы, небрежно собранные под пестрым шарфом, были мокрыми. Несколько выбившихся прядей липли ко лбу и вискам.

— Сколько можно просить, чтобы работу сделали как следует? — Голос миссис Шейфер срывался на крик. — Они только и занимаются тем, что лазят на крышу, а изображения все нет и нет! Эти люди вообще что-нибудь понимают в спутниковых тарелках?

Она и раньше высказывала подобные претензии. По ковру за миссис Шейфер тянулся скользкий след, с ее брюха сочилась какая-то жидкость. От нее разило тухлым мясом.

— Мой муж, — заявила она Сету, который поднес ладонь к лицу, чтобы защититься от вони, — очень важный человек. Ему необходимо смотреть деловые новости. Он не ради развлечения просиживает перед телевизором.

Короткая передняя лапка замахала у него перед носом, подчеркивая серьезность слов. На конце тоненькой конечности болталась крохотная человеческая ладошка.

— Мне нужен Стивен, немедленно!

Сет попятился.

Повернув громадную голову на жирной шее, миссис Шейфер вдруг выкрикнула:

— А ты еще кто такой?

Она обращалась к мальчику в куртке с капюшоном, который стоял у входной двери и смотрел на Сета через холл.

— Я же говорил. Ты будешь видеть все таким, какое оно на самом деле, — проронил гость.

Он не обращал внимания на миссис Шейфер, а она тем временем прокатилась по холлу обратно, выкрикивая, что ей нужен старший портье, и наконец ее раздутое тело втиснулось в кабину лифта. Когда Сет снова взглянул на входную дверь, мальчик уже исчез. В фойе опять было пусто и тихо, если не считать жужжания ламп на стенах. И запаха горелого мяса.

Сет вышел из-за стойки и осмотрел ковер на предмет оставленных миссис Шейфер пятен — ничего. Он готов был расплакаться. Когда Сет вернулся на место, конторка и мониторы камер слежения показались больше, чем прежде, они нависали и надвигались, пока не загнали его в самый угол. Вдруг входная дверь отодвинулась куда-то, будто он посмотрел на нее через широкий конец подзорной трубы.

Сет зажмурился и накрылся пальто с головой, ощущая на лице собственное влажное дыхание. Скинув ботинки, он сполз на пол за конторкой и свернулся калачиком.

— Нам нужна помощь, — проговорил старческий голос. — Прошу вас, пойдёмте со мной.

На этот раз к Сету обращался сам мистер Шейфер. Но только Сет никогда раньше не видел его таким.

Совершенно голый, мистер Шейфер подковылял к стойке на длинных костистых ногах с желтыми потрескавшимися ногтями. Конечности казались усохшими, ребра выпирали под тонкой синеватой кожей. Крючковатый нос, небритые щеки, седая голова, будто бы слишком тяжелая для тонкой шеи. Ниже впалого пупка Сет увидел огрызок пениса, сморщенную мошонку и поспешил отвести глаза. Мистер Шейфер был истощен до крайности, оставалось загадкой, почему он еще жив.

— Не могли бы вы подняться к нам? — вежливо спросил мистер Шейфер, его манера общения всегда разительно отличалась от грубости крикливой жены.

Невольно подчинившись, Сет поднялся и вышел из-за стойки. Он оказался на голову выше сморщенного старика. Мистер Шейфер, словно дитя, уцепился за локоть Сета длинными пальцами. В его прикосновении не было никакой силы.

Медленно, как будто старик двигался по канату, Сет повел мистера Шейфера к лифту, во все глаза глядя на чудовищный горб, изуродовавший спину и плечи престарелого жильца. Под туго натянутой кожей топорщился целый холм из переплетенных хрящей и черных вен. Сет почувствовал отвращение, но в то же время и острое желание потрогать и выяснить, твердый ли он.

— У вас что-то случилось?

Сет сейчас же осознал всю глупость подобного вопроса — достаточно того, что мистер Шейфер спустился к стойке портье в чем мать родила, а его жена превратилась в чудовищную арахиду. Но мистер Шейфер не упомянул ничего такого, он лишь пробормотал что-то насчет «подходящего момента».

Как только они вошли в квартиру на шестом этаже, Сет немедленно закрыл рот и нос рукавом пиджака, но это не спасло его от вони. По стенам коридора, тянувшегося через просторную квартиру, выстроились мешки с мусором. На каждый была наклеена желтая бирка с пометкой «Медицинские отходы».

Двери всех комнат, выходивших в коридор, были распахнуты. Внутри царил коричневатый сумрак, словно вонь сделалась видимой. Повсюду грудились такие же мусорные мешки, громоздились стопки газет и журналов, стояли тарелки с остатками засохшей еды и валялась смятая одежда — создавалось впечатление, что за время долгого и убогого житья здесь супруги ничего не выбрасывали. Мокрый ковер под ногами Сета покрывали какие-то белесые пятна.

Сиделки нигде не было.

— Где ваша жена? — поинтересовался Сет напряженным шепотом.

Мистер Шейфер воздел свою цыплячью лапку и махнул перед собой в сторону гостиной, расположенной в конце коридора.

— А сиделка? — спросил Сет, отчаянно пытаясь совладать с голосом. — У вас ведь есть сиделка.

— От нее никакой пользы, — заключил мистер Шейфер и заморгал мутными глазками. — С вашей помощью мы справимся.

— Что я могу для вас сделать? Снова телевизор барахлит?

Старик прервал его, помотав седой головой:

— Все будет хорошо.

Голос его изменился, что показалось Сету крайне неприятным: в интонациях угадывалось что-то льстивое, и улыбка сделалась хитрой. Хуже того, когда они шли к сумрачной гостиной, старый Шейфер принялся издавать вздохи, показавшиеся Сету какими-то сексуальными; старик ковылял все быстрее, отчего его голова резко подпрыгивала и опускалась рядом с плечом Сета. Иссохшие пальцы стиснули его локоть.

В дверях комнаты Сет испугался, что его стошнит. В дальнем углу он увидел миссис

Шейфер. Она сидела на корточках, опустив голову, повернувшись к ним жирной спиной. Все еще одетая в несвежее кимоно, она оглянулась и оторвала от пола огромные ягодицы. Сету показалось, что от этого незначительного движения по комнате пошла новая волна зловония и устремилась прямо ему в горло.

Мистер Шейфер выпустил руку портье и взволнованно заковылял по гостиной. Неуклюжий, он был сейчас похож на оживший скелет ребенка, который делает первые шаги по склепу, на ребенка, у которого одна нога короче другой.

Миссис Шейфер пристально наблюдала за Сетом, ее крошечные налитые кровью глазки яростно сверкали неодобрением, но в то же время и от предвкушения.

— Вы в состоянии помочь несчастному старику принять лекарство?

Мистер Шейфер прошаркал на своих птичьих ногах к картонной коробке с китайскими иероглифами и чернильной таможенной печатью. Его острые пальцы выудили длинную резиновую трубку и старый стеклянный шприц с большим металлическим кольцом. Старик бросил все на грязный пол, после чего занялся следующей коробкой. Полистироловая упаковка соскользнула и упала к его уродливым ногам. Мистер Шейфер вытащил банку, под тяжестью которой едва не опрокинулся навзничь.

— Помогите же ему! — прорычала миссис Шейфер.

Сет стряхнул с себя ошеломленное оцепенение и кинулся к мистеру Шейферу. Он принял у старика стеклянную банку. Она была покрыта пылью и наполнена желтоватой жидкостью. Нечто аморфное цвета сырой почки, законсервированное в сыворотке, прижималось к стеклу. Когда это нечто шевельнулось и открыло маленькие черные глаза, Сет выронил склянку.

— Осторожнее! — прокричала миссис Шейфер.

Ее муж упал на колени и завозился под ногами у Сета. Его бедро было перетянато резиновым жгутом.

— Лекарство гораздо дороже, чем вы можете себе представить, а осталось у нас не так много! Вы что, идиот? Вы хоть что-нибудь можете сделать как следует? — В голосе миссис Шейфер звенели истерические нотки. — Мы платим вам жалованье и взамен просим не так уж много!

Старик устроился на полу, зажав банку коленями. Он поспешно ткнул в металлическую крышку иглой шприца, а его голова начала трястись, точно в припадке, а лицо совершенно исказилось, как будто он был готов улыбнуться или же разрыдаться.

Маленькое существо в сыворотке несколько раз сжалось, словно пытаясь защититься. Однако шевеление за мутным стеклом только раззадорило мистера Шейфера, он принялся тыкать в крышку с удвоенной энергией. Струйка слюны стекала у него с подбородка, раскачиваясь, словно маятник, в ритме яростных движений. Когда беспорядочная атака на металлическую крышку увенчалась успехом и он проткнул дырку, в банке зашипело. Возможно, это был лишь выходящий воздух, однако Сет решил, что звук больше похож на тоненький крик.

— Вы безнадежны! — с возмущением сказала Сету миссис Шейфер.

Когда ее муж наконец просунул иглу в банку, Сет отступил назад и закрыл рот руками. Из сосуда выплеснулось немного желтой сыворотки и потекло по стеклянной стенке. Сету хотелось думать, что внезапный взволнованный визг издал старик, однако он знал, что на самом деле то был крик боли маленького существа.

Всю жидкость, какую мистер Шейфер набирал в шприц, он, не теряя времени даром, вводил себе в пах. Сет отвернулся.

— Тебе хорошо, дорогуша? — поинтересовалась миссис Шейфер у мужа. — Уже действует?

Она обратилась к Сету:

— Мы заказали мальчиков. Обычно они подсовывают девочек. Но в этой партии точно мальчики.

— Вроде бы мне лучше, — пробормотал мистер Шейфер, однако казался при этом

смущенным и неуверенным.

Это был не тот ответ, который рассчитывала услышать супруга. Ее лицо налилось кровью, громадное тело заколыхалось под кимоно.

— А я тебе говорила, что не стоит менять марку! — Она развернула гневное лицо к Сету, как будто ища у него поддержки. — Он меня не послушал, потратил целое состояние на этот хлам. Пока еще посылка дойдет из Китая! Румыния ближе, и от их товара хотя бы был результат!

Мистер Шейфер казался подавленным и еще более изможденным, чем раньше.

— Мне не понравились последние поставщики. Я тебе говорил. Они мошенники.

— А кто не мошенник? — воскликнула миссис Шейфер. — И что теперь будет со мной? Ты ведь еще несколько месяцев назад знал, что приближается мое время.

Мистер Шейфер поднял голову и улыбнулся Сету.

— Это может сделать он.

Кажется, его слова успокоили жену.

— Ладно, тогда не стой столбом, — бросила она портье.

— Что? — удивился Сет.

Мистер Шейфер покачал головой.

— Очередной идиот. Что-то ты туго соображаешь.

— С тем же успехом они могли бы посадить за стойку обезьяну, — подхватила миссис Шейфер.

Супруги засмеялись, кажется впервые за долгое время наслаждаясь перемирием.

Старик поднялся и сунул в руку Сета монетку.

— Вот. Надеюсь, это поможет.

Сет раскрыл ладонь — на ней лежал десятипенсовик.

— Теперь понятно, — заметила миссис Шейфер. — Вот, что ему нужно. Как я сама не догадалась? Но мы и так платим за обслуживание, вы не имеете права требовать чаевые!

Сет пытался отодвинуться от мистера Шейфера. Пальцы старика внезапно замелькали, словно вязальные спицы, теребя пряжку на ремне Сета.

— Что вы делаете? Прошу вас, не надо. Я не хочу!

— А вас никто и не спрашивает. Думаете, Стивен обрадуется, когда узнает? — проговорила из угла миссис Шейфер.

Сет оттолкнул настойчивые руки мистера Шейфера от своей ширинки. Все его внимание теперь сосредоточилось на миссис Шейфер — он отшатнулся.

— Господи, нет!

Она в углу оторвала тело от пола и медленно задрала кимоно, обнажая зад в жалкой пародии на соблазнительный жест. Сет, высвободившись из рук старика, успел увидеть влажную щель с серыми краями и чем-то розовым внутри, разверзшуюся посреди волосатого брюшка.

— Ну? — закричала старуха.

— Будь осторожен, Сет! — раздался голос за спиной.

В дверном проеме гостиной стоял мальчик в куртке с капюшоном.

— Кто это такой? — завизжала миссис Шейфер, опуская широкий подол и милостиво скрывая складки плоти.

— Что все это значит? — спросил Сета мистер Шейфер.

Его глазки забегали по сторонам, а рот растянулся в зловещую рану.

— Но что мне делать? — спросил Сет у мальчика.

Голос у него срывался, челюсть мелко дрожала.

— Ты должен их прикончить. Они этого заслуживают.

— Позвони Стивену! — завопила миссис Шейфер мужу.

— Я и сам собирался, — ответил тот и заковылял через комнату к телефону, который стоял на стопке медицинских каталогов.

— Но как? — спросил Сет, впервые ощущая себя таким слабым и бесполезным. — Я не

могу.

— Ты обязан. Они давно должны были умереть. Они сами это знают.

Портье стиснул зубы, чувствуя, как успокоительно теплая волна гнева приходит на смену смятению и страху. В следующий миг обжигающая сила растеклась по конечностям. Миссис Шейфер, по-видимому, почувствовала перемену.

— Скорее, дорогой, — крикнула она мужу. — Мне кажется, он не в себе!

Старик застонал под тяжестью трубки. Он сощурился, глядя на кнопки, и его палец задрожал над одной. Сет подскочил и выхватил телефон, мистер Шейфер вцепился в аппарат.

— Как вы смеете? — возмутился он. — Отпустите, а не то пожалеете!

Сет оттолкнул старика — тот упал на грязный ковер и застонал. Телефонный аппарат полетел следом и с треском ударил по черепу, обтянутому пергаментной кожей.

— Ну теперь держись! — выкрикнула миссис Шейфер и пронзительно завывала.

Сет посмотрел на мальчика — тот кивнул. Он схватил за медное основание торшер, стоявший за грудой развалившихся картонных коробок, и дернул, разом оторвав его от пола и от стены. Электрический провод остался в розетке. Сет прошел в угол гостиной, где тряслась бесформенная туша миссис Шейфер. Она перестала визжать, чтобы спросить:

— Вы что, из ума выжили?

— Надеюсь, что так. — Сет ударил по обращенному к нему лицу.

— Ой, — произнесла паучиха, оглушенная антикварным светильником из орехового дерева и металла.

Она села прямо и попыталась напустить на себя величественный вид: откинула со лба прядь окровавленных волос и выпятила губы, словно собираясь накраситься помадой.

Сет снова ударил, теперь сильнее. Все мышцы на спине и руках напряглись, словно он орудовал топором.

— Готово, — сказал мальчик за спиной, и его голос частично заглушил треск черепа.

Сет засмеялся, чтобы в рыданиях не упасть на колени. Миссис Шейфер перестала болтать, однако ее губы все еще шевелились. Сет поднял лампу за основание и снова и снова опускал ее на противное лицо в надежде, что пухлое тело перестанет дрожать под кимоно. Оно, казалось, не думало замирать, и тогда портье принялся бить торшером в брюхо. После второго удара Сет услышал, как в рыхлом животе что-то порвалось, и туша наконец-то осела и обмякла.

— Жена, жена, моя жена! — слабо выкрикивал мистер Шейфер, не в силах подняться с пола.

— Не щади его, — посоветовал мальчик в куртке с капюшоном. — Они всегда жалеют в конце самих себя, но они заслуживают подобного исхода.

Сет согласно кивнул и прошелся по коврам, чтобы расправиться с мистером Шейфером. Под ногами что-то чавкало — жидкость, натекая из-под кимоно миссис Шейфер.

— Главное — начать, потом уже не так трудно, — с удивлением сообщил Сет мальчику. — Дальше просто выходишь из себя и разъяряешься.

— Совершенно верно.

— Но поразительней всего то, что они просто пустое место. Под конец они ничего не значили.

Мальчик в капюшоне взволнованно закивал.

Сет ударил лампой мистера Шейфера — будто огромная металлическая нога наступила в лесу на кучу хвороста.

— Этой ночью ты должен увидеть кое-что еще, Сет. Мне велели показать тебе, — сказал мальчик в куртке с капюшоном.

— Пожалуйста, не надо! Только не туда.

Сет стоял перед дверью шестнадцатой квартиры. Обшивка из тикового дерева сияла, словно золоченая, а из-под двери на зеленый ковер в коридоре сочился красноватый свет. Сет ощущал в помещении неумолимое движение, которое переполняло его ужасом. А вместе с

движением угадывал и звук, который он уже слышал раньше, но не смог определить. Голоса. Они звучали со всех сторон, сменяли друг друга, но возвращались снова и снова, как будто заело пластинку. Слабые, словно крик запертого в дальнем доме ребенка, услышанный зимним днем как раз в тот миг, когда солнце опускается в черные тучи. Жалобный писк. А следом раздался настоящий хор. Звук доносился из квартиры, но при этом со всех сторон сразу. Откуда-то сверху.

Сет окаменел от страха, он пытался шагнуть назад, но дверь просто придвинулась к нему.

— Ты должен, — сказал мальчик. — Он хочет показать тебе всех остальных, тех, кто заперт и не может выбраться. Они все ждут. Он откроет его специально для тебя, дружище.

Извиваясь и отбиваясь руками и ногами от загустевшего воздуха, который клубился за спиной и словно подталкивал его вперед, Сет пытался сопротивляться. Он интуитивно знал, что если переступит порог этой квартиры, то случится нечто жуткое. Ему придется столкнуться с чем-то таким, отчего у него замрет сердце.

В следующий миг они стояли в залитом красным светом коридоре по другую сторону двери, хотя Сет ее так и не открыл. Стояли бок о бок. Он и мальчик, от которого несло паленым мясом, порохом и сожженным картоном. Этот запах заполнил ноздри, запершило в горле. Стало трудно дышать, а кружащий на месте крик толпы приближался, словно с объятый ужасом игровой площадки. Он доносился откуда-то из недр помещения, словно за одной из тяжелых дверей жил неистовый смерч, куда родило множество людей, и их затягивало внутрь воздушного столба, снова и снова вертело по кругу, оставляя несчастным единственную способность — кричать.

Сет чувствовал, что обязательно упадет куда-то глубоко вниз, стоит ему открыть не ту дверь, и понесется с невероятной быстротой на звук голосов.

Мальчик стоял за спиной.

— Давай, приятель.

Его присутствие подталкивало Сета вперед. Ноги онемели, по ступням бегали мурашки, челюсть окаменела, и он с трудом дышал. Однако же Сет продвигался по черно-белым мраморным плиткам прихожей. Старомодные стеклянные лампы лили грязное мерцание, которое не достигало скрытого в темноте потолка и не могло толком осветить красноватые стены. Цвет стен сгущался до багряного оттенка бычьей крови вокруг больших картин в золоченых оправах. Тяжелые рамы походили на оконные, жизнь за которыми замерла под напором разрастающейся пустоты.

Пустота притягивала взгляд. Высасывала его из тела, оставляя позади лицо. Она подталкивала к плоской темноте на картинах, где изображалось полное отсутствие чего-либо. Сет холодел, он боялся высоты, как будто мог провалиться в картины.

Однако если долго вглядываться в ничто внутри рам, можно кое-что рассмотреть. Пусть смутное, размытое, похожее на бледную рыбину из темных стоячих забытых вод.

Сету показалось, что он видит то тут, то там какой-то быстрый промельк. Мерцание серых костей, лицо, быстро обернувшееся через плечо, желтые шелкающие зубы. Потом все исчезло. Или же это просто игра блеклого света, который искажает истинные контуры того, что рождается из мазков краски?

Когда Сет проходил мимо самого большого прямоугольного полотна, он совершенно отчетливо увидел отсыревшие кирпичные стены шахты, отстающие от рамы картины, а внутри тоннеля — бледный силуэт кого-то, спешно удирающего прочь, но задом наперед.

Постепенно, по мере того как Сет видел все больше и больше фрагментов обширного темного пространства, внутри рам проступали все новые контуры, они обретали все более ясные очертания. Сами же картины стали похожи на далекие неосвещенные комнаты. Внутри их что-то корчилось и извивалось, лица были отвернуты или закрыты от света. От некоторых картин веяло физическим присутствием, рябая человеческая кожа походила на сброшенную одежду, лишенную четких контуров, поскольку внутри не осталось ни мышц, ни костей. Тусклая телесная оболочка дергалась, силясь освободиться от тонких булавок,

пришпиливавших ее к стенам в пятнах ржавчины или гнили.

А затем Сета понесло вперед. Двигаясь рывками против своей воли, он летел мимо обитателей множества темных комнат по ту сторону рам. Чтобы глядеть прямо перед собой или под ноги — куда угодно, лишь бы не на жуткие стены и то, что с них свисало, — Сет пытался совладать с мышцами шеи, запрещая себе вертеть головой. Однако он все равно улавливал очертания людей боковым зрением или же видел на картинах впереди, потому что глаза упрямо отказывались повиноваться. Сет стиснул зубы, чтобы не кричать при виде извивающихся тварей, обглоданных до костей, разорванных на куски; ошметков плоти, изодранных, словно тряпки. Время от времени в пустоте мелькали смазанные побелевшие лица, искаженные криком. Вдруг на стенах с обеих сторон начала формироваться какая-то жуткая масса, словно кто-то бросил клич и призвал всех обитателей картин собраться вместе.

Неясные лица, в которых было что-то животное, вскоре стали тесниться на границе темноты, конечности замелькали чаще. Но все терялось в полумраке, будто стоило увидеть эти существа при свете, и потрясение было бы слишком велико даже для сна. Однако женщины все так же упорно пытались показать Сету желтые зубы, а мужчины, согнутые в три погибели, страдали от такой невозможной боли, что их искаженные криком лица синели и расплывались по краям.

В следующий миг Сет оказался в комнате примерно посреди коридора, где вихрь свистел еще громче. Ему пришлось заслонить глаза и присесть на корточки, чтобы не упасть, он задрожал от ледяного ветра. Он приносил с собой сотни голосов, и каждый рассказывал свою безумную историю.

— *Прямо о стену. О стену. Разбил прямо о стену!*

— *Я не могу. Не буду. Он сказал, что вернется. Надо ждать здесь. Я знаю, что холодно, но жди здесь, любовь моя.*

— *Раздроби его. Сломай.*

Сет подглядывал сквозь растопыренные пальцы, замирая от ужаса, но все равно желая увидеть тех, кто разговаривает, кричит и визжит рядом с ним.

Побелевшие лица стонали, но не открывали глаз. Они возникали и исчезали на фоне темных стен.

— *Я его выхаркал. Выхаркал собственное сердце!*

Это что, обезьяна? Похоже, у той твари вокруг рта растет шерсть!

— *Он идет. Он спускается сюда. Вот теперь придется за все заплатить сполна!*

Неужели у пожилой женщины могут быть такие зубы?

— *Прости меня. Прости, пожалуйста. Кажется, я тону.*

Сет увидел, как три существа, похожие на детей, с огромными головами и кукольными телами, цепляются за мокрые кирпичи в канализационной трубе.

— *Неужели все спят? Прошу прощения, но неужели все спят? Мне нужен врач, а дверь заперта. Простите, что пришлось вас разбудить, но все огни потушены.*

Все стены в краске. Потолок в краске. Она до сих пор не высохла. Красная с темным отливом, похожая на кровь или мокрую ржавчину.

Сет повернул голову, чтобы взглянуть на черный клюв, произнесший:

— *Кровь. Здесь все в крови.*

Он исчез, и Сет увидел, как чьи-то передние ноги взбрыкнули, погружаясь в жидкие тени.

— *О господи!*

Здесь не нашлось углов, где заканчивались бы стены, упираясь в потолок. Там, где недавно было замкнутое помещение, теперь раскинулось бесконечное пространство.

Слева от Сета, на уровне глаз, возникли четыре женщины, стоявшие на четвереньках. Все суставы у них были неестественно вывернуты, зубы и волосы росли из серо-розовой плоти пучками.

— *Эй! Есть здесь кто-нибудь? Кто ты? Помоги мне, пожалуйста!*

И вся эта процессия синюшных тощих тварей тащила бесконечной вереницей из

мрака на краю комнаты, оттуда, где должен был находиться потолок. Следуя друг за другом на параличных ногах или бесполезных копытах, щелкая и лязгая зубами, оскаленные, словно деревянные лошадки, кошмары двигались на фоне кромешной тьмы. Которая тоже двигалась, клубилась.

Сет вскрикнул, и жуткая костлявая фигура с раздуваемыми ледяным ветром клочьями волос рванулась к нему на четвереньках, но затем внезапно рухнула или же была отдернута назад. Вперед выдвинулся, работая локтями, некто иной, одетый в мешковатый балахон и с защитными глазницами. Монстр шипел от отчаянного желания добраться до Сета, но в своей слепоте был не в силах его отыскать.

«Я бодрствую? Умоляю, скажите. Или же я сплю?»

Все уроды висели в застывшем воздухе вокруг Сета. В бескрайнем море газированной нефти, где все они тонули, всплывали и снова погружались в глубины. Комната превратилась в кошмарный котел, в котором увязли все эти существа, едва ли сознававшие присутствие друг друга. Некоторые слепо натыкались на других и либо набрасывались на них, либо безумно вопили от ужаса. Остальные болтались молча, накрепко пригвожденные к движущейся черной массе, а затем растворялись в пустоте. Ревом ветра был вопль десятков тысяч плоток. Сета едва не вывернуло наизнанку от тошноты, когда он осознал, что является всего лишь мелкой помехой в бесконечном бурлящем потоке.

Сет закрыл глаза. Он поднялся, пытаясь бороться, в надежде нащупать дверь, через которую можно выскользнуть. Но двери не было. Он снова принялся подглядывать сквозь пальцы, однако в кромешной темноте не смог разглядеть даже собственные ноги. И твари из потока воздуха то и дело задевали его. Что-то похожее на язык ткнулось ему в руку. Высушенная щетинистая морда уперлась в живот. Она говорит или кусает? Тонкие пальцы дотронулись, а затем принялись шарить по лицу. Их кончики были холодными, но настойчивыми в своих изысканиях, будто не ожидали нащупать его в темноте. Невидимая рука сжалась на ноге Сета, закричала женщина, чья-то кожа в коростах скользнула по тыльной стороне ладони. За спиной послышались кошмарные эротические стоны, и Сет ощутил лихорадочное движение чего-то шершавого и влажного, нацелившегося на него из темноты.

Сет рванулся туда, где некогда были стены. Он успел сделать всего несколько шагов, как температура воздуха резко упала. Тело заledenело. Он трясся с такой силой, что стало трудно дышать. Сет даже с зажмуренными глазами понял, что стоит на краю обрыва. Пол комнаты съезжился до маленькой платформы среди бескрайней ночи. Тьма напирала, удушая, сминая, доводя до безумия. И вся она устремлялась к площадке, на которой он стоял, как будто бы комната была единственным спасательным плотом в студеное море черноты.

Сет упал и вцепился в половицы, а изуродованные и расчлененные существа, которых он ошибочно принял за персонажей с картин в коридоре, сомкнулись над ним.

Из сна его выдернул телефонный звонок — Сет с криком очнулся. У него вырвался придушенный вопль, который неожиданно перешел в тоскливое рыдание — подобного звука Сет не производил еще ни разу в жизни. Но по мере того как ярко-желтый свет над стойкой портье проникал в обезумевшее сознание, а надежное кожаное кресло вжималось в спину, рыдания Сета превращались во всхлипывания.

Слезы высыхали на лице. Он откашлялся, прочищая горло от слизи. Сет так и сидел, вцепившись в подлокотники, пока кровь не отхлынула от пальцев, — наверное, мозг отдал приказ держаться, спасая его от падения с головокружительной высоты.

Сет огляделся по сторонам, и знакомые предметы помогли ему стряхнуть с себя пережитый ужас. Родной мир камер слежения, планшетов, внутренних телефонов вновь окружал его, прогоняя из сознания клочки удушливой темноты. Кошмар рассеялся, а вместе с ним, к счастью, и ошеломляющая уверенность, что все недавно увиденное происходило на самом деле.

Он болен. По-настоящему болен. Несомненно, болен.

Кому-то понадобился портье. Кто-то звонит. Господи, давно ли? Который теперь час? Сет развернулся в кресле и схватил трубку с пульта.

Он кашлянул и тут же рефлекторно проговорил в телефон:

— Сет у аппарата.

На линии помехи. Но чей-то голос прорывался сквозь треск и шорохи.

— Сюда, — услышал Сет.

Или «туда»? Голос мужской, ему не знакомый. Портье поглядел на пульт. Красная лампочка моргала напротив квартиры номер шестнадцать.

Сет выронил трубку.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Зеркало было повернуто к стене. Всю ночь в нем отражались благородные Лилиан и Реджинальд, запечатленные в масле, а не Эйприл, испуганно съезжившаяся на кровати.

Эйприл отвернула зеркало, потому что оно напугало ее. Но это всего лишь высокое зеркало, которое стоит в темной комнате, в старой квартире, в странном городе, где размышляет и грезит усталая и взволнованная девушка, ошеломленная всем увиденным. Просто разуму, перегруженному информацией, померещилось чье-то присутствие. Ничего больше.

Тусклый утренний свет забрезжил в оконных рамах, просочился сероватой дымкой сквозь капроновые занавески. Эйприл не стала задерживать на ночь портьеры, чтобы не чувствовать себя в ловушке, хотя окна, выходящие на Лаундес-сквер, едва ли могли служить путем к спасению. Все лампы тоже до сих пор горели, заодно с люстрами под потолком.

Поражаясь тому, как сознание изобретает разные страхи, чтобы помучить ее, Эйприл выбралась из кровати и взглянула на небо — темное, подернутое оранжевыми полосами. Казалось, будто ночь уже в девять утра собирается заявить на землю свои права.

Усталая и напряженная, словно не спала ни минуты, Эйприл раздвинула капроновые занавески, впуская в комнату как можно больше света. Когда она расправляла складки тонкой ткани, что-то ударилось об пол у ног и покатилося. На ковре лежало перевернутое сине-белое блюдо, а рядом с ним — ключ с брелоком в виде бабочки. По размеру он вполне соответствовал ящикам бюро. Эйприл сейчас же подошла к массивному темному комоду рядом с изножьем кровати.

Ключ повернулся в первом замке с негромким щелчком, который Эйприл не столько услышала, сколько ощутила пальцами.

Внутри оказалось множество билетов — на поезд, на самолет, даже на морское путешествие. Все они накапливались в течение года, после чего их стягивали красной резинкой и укладывали в верхний ящик бюро. Однако ни один не был прокомпостирован, проштампован или надорван по линии контроля. Здесь хранились билеты для путешествий запланированных, но так и не совершенных. И на многих пунктом назначения были Соединенные Штаты. Начиная с 1949 года Лилиан пыталась покинуть дом.

Эйприл вспомнила слова Стивена о том, что, выходя из Баррингтон-хаус на ежедневную прогулку, Лилиан каждый раз прощалась, словно навсегда. И что в день смерти при ней был маленький чемоданчик с просроченным паспортом и билетом на самолет — она явно собиралась отправиться за море. Но почему же Лилиан перестала общаться с сестрой и родственниками, если Соединенные Штаты были столь важным для нее местом, куда она так стремилась попасть? Что-то не сходится.

Эйприл слышала о ритуалах, какие исполняют люди одержимые, о том, как они неукоснительно следуют своими нерациональными маршрутами, и все это лишний раз подтверждало, что двоюродная бабушка лишилась рассудка. Ее сознание помрачилось четыре десятилетия назад. Надев старинную шляпку с вуалью, Лилиан выходила из дома, намереваясь отправиться в Америку, но через час неизменно возвращалась — в смятенных

чувствах, потеряв ориентацию в пространстве, чтобы затем успокоиться и на следующий день начать все сначала. Если бы речь шла не о ее бабушке и благодетельнице, Эйприл просто улыбнулась бы подобной нелепице, но она вместо того задалась вопросом: почему в наше время такой богатой престарелой даме позволяли на протяжении многих лет совершать подобные прогулки?

В следующем ящике лежали копии свидетельств о рождении Лилиан и Реджинальда, старые негашеные марки, медали Реджинальда, его обручальное кольцо и локоны волос в пластиковом пакете. Под всем этим покоились толстые стопки бумажек: квитанции, страховки, счета за квартиру, аккуратно разложенные по конвертам. Двоюродная бабушка была столь же дотошной, сколь безумной. Эйприл решила, что обязана разобраться во всем этом.

В нижнем отсеке бюро, если только не существует еще какого-нибудь сейфа или банковской ячейки, помещались последние, до сих пор неизвестные, остатки бабушкиного наследства. Эйприл ударил в нос сильный, но не лишенный приятности запах карандашных опилок, пыли и высохших чернил. Он завис облачком перед ее лицом, а затем быстро вернулся в темный деревянный ящик, который, как видела Эйприл, был заполнен книгами. Все в простых обложках, изданные в те времена, когда на печать и переплет смотрели как на искусство. Каждый том был либо в холщовой, либо в кожаной обложке. Пропыленные и позабытые, эти книжки, однако, проливали свет на финал жизни двоюродной бабушки.

Открыв красный томик, лежавший сверху, Эйприл обнаружила разлинованные страницы, исписанные от руки, однако без дат. Она пролистала несколько негнущихся страниц и скоро поняла, что записи, сделанные неуверенной рукой, отделены друг от друга вложенными листами.

Почерк с трудом поддавался расшифровке. Это «б»? То, что сначала показалось похожим на «п», было все-таки «н». Все буквы так сильно заваливались вправо, что согласные буквально лежали на строках, вжимая гласные в голубые линейки. Эйприл пробежала глазами последнюю запись. В ней говорилось что-то о том, что «утром надо попробовать еще раз». И «пойти через Бэйс-уотер-роуд, которую я не видела много лет».

Вернувшись к первой странице, Эйприл принялась водить пальцами по строкам и шевелить губами, словно ребенок, который учится читать. Она медленно продиралась через текст дневника, пропуская целые предложения и абзацы, когда начинала совсем путаться в буквах. Однако мало-помалу отдельные слова становились понятными, иногда даже обрывки фраз вроде: «...дальше, чем до сих пор. Много лет назад». Или: «Существуют щели, через которые можно проскочить, куда он не посмеет последовать. Или же ждать». Кажется, написано именно так, но Эйприл не была уверена, а глаза уже разболелись от напряжения. В спальне было слишком темно для подобной работы.

Эйприл отложила тетрадь, вынула из ящика еще пять. Почерк в них был таким же, как и в первой, но хотя бы в одной из книжек над записями были проставлены месяцы, правда, над ними часто появлялся знак вопроса — июнь? — как будто Лилиан сомневалась в дате.

Всего дневников оказалось двадцать, и Эйприл выложила их на крышку бюро, строго соблюдая очередность, с которой те были помещены в ящик, рассудив, что Лилиан хранила тетради в хронологическом порядке, следовательно, внизу лежали самые старые.

Действительно, в последней книжке почерк оказался гораздо разборчивее. Он прекрасно читался, и на строчки было приятно посмотреть. И исправлений не нашлось, как будто все записанное на бумаге сначала старательно взвешивали в уме.

Отложив на потом все телефонные звонки, Эйприл вернулась к кровати и легла на пахнущую плесенью гусиную перину. Она наугад раскрыла первую тетрадь.

«Хайгейт и Хемпстед Хит теперь потеряны для меня окончательно. С этим я смирилась. Я ходила туда, чтобы видеть воочию места наших совместных прогулок. Но теперь они останутся лишь в моей памяти. И собора Святого Петра я не видела по меньшей мере полгода. Я не могу выйти в город. Это слишком трудно. После того случая в подземке я

покаялась больше никогда не ездить на метро. Нехватка воздуха и тревога проявляются достаточно сильно даже на улице, но внизу, в этих тесных тоннелях, становится тяжелее вдвойне. Даже послеобеденные походы в библиотеку и Британский музей в Блумсбери теперь под запретом.

„Неужели и это тоже?“ — с отчаянием спрашиваю я себя каждый раз. Когда же закончится эта попытка, и с чем я останусь в итоге? Стеснение в груди и помутнение в глазах случались дважды в читальном зале, ощущение похоже на медленно разрастающуюся мигрень. У меня с собой была вода. Во второй раз какой-то мужчина с несвежим дыханием пытался воспользоваться моим состоянием.

Доктор Харди все равно уверяет, что я совершенно здорова. Но как я могу быть здорова? Доктор Шелли утверждает, будто я страдаю агорафобией, он считает, что это как-то связано с детскими воспоминаниями. Скоро придется отказаться от услуг умников с Харли-стрит.¹ Я не посмею рассказать им о зеркалах. Оставшиеся тоже придется отправить в чулан».

Большинство записей в дневнике были примерно того же содержания. В них фиксировались приступы изнеможения и странные физические ощущения, пережитые бабушкой в различных местах Лондона, которые Эйприл не только не могла представить, но даже отыскать на карте. И в целом получалось, что Лилиан страдала от панических атак каждый раз, когда оказывалась слишком далеко от Баррингтон-хаус.

Постепенно записи превращались в список мест, куда бабушка отправлялась, чтобы уехать или, точнее, бежать из Лондона. Многочисленные железнодорожные станции: Юстон, Кингс-кросс, Ливерпуль-стрит, Пэддингтон, Чаринг-кросс, Виктория. Лилиан пыталась добраться до вокзалов, но не выдерживала нервного напряжения в сочетании с неприятными, парализующими мышцу симптомами, какими сопровождалась все ее попытки. Это свое состояние она скоро начала именовать «болезнью».

Иногда Лилиан пыталась определить крепость границ, за которыми, как она ощущала, заканчивалась ее свобода. По временам ее навязчивые путешествия приобретали характер настоящей разведывательной операции.

В некоторых записях фигурировали другие люди, которых Лилиан никогда не описывала, поскольку ее покойный муж, к которому она обращалась в своих дневниках, и без того прекрасно их знал.

«Я не могу зайти в восточном направлении дальше Холборна. На западе граница проходит гораздо ближе. Сегодня мне пришлось звонить Марджори из автомата, чтобы отменить наш обед. В этом направлении я не могу продвинуться дальше резиденции герцога Йоркского. Мост вне пределов моей досягаемости, Холланд-парк с тем же успехом может находиться в Китае, учитывая, как далеко я могу теперь забраться.

С каждым новым отказом девочки все больше недоумевают. Я слышу это по их голосам. Они нервничают, находясь рядом со мной, хотя они настолько добры, что пытаются это скрыть, как будто все время обедать в Мейфэр для них самое обычное дело. Если я и дальше буду отменять встречи и отклонять приглашения, боюсь, у меня вообще не останется друзей. Я рада, что хотя бы возможность переходить на другой берег за мной сохранилась, и это не случайность. На Вестминстерском мосту мне мешали дважды — каждый раз, когда я гордо вскидывала голову и ступала на мост, на меня нападали такие сильные головокружение и слабость, что я теряла сознание, и прохожие усаживали меня на скамейку, словно несчастную слепую.

Сию минуту с этим сложно смириться, когда я сижу дома и пишу тебе, и мое сознание спокойно и ясно, как будто все у меня в жизни ладится. Но, идя по набережной до Гросвенор-роуд, я могу в лучшем случае красться, словно тяжелораненая кошка, и глядеть на Уондсворт, как будто это потерянный рай. Хотя, пока ты был жив, милый, меня никогда не тянуло в этот

¹ Улица в Лондоне, на которой расположены кабинеты преуспевающих врачей.

район. Но я бы с радостью кинулась туда даже босиком и без гроша в кармане и пробежалась бы по бетону между строительными кранами, если бы это означало освобождение от него и той болезни, которую он во мне вызвал. Остальные тоже больны. Меня им не одурачить. Беатрис уже больше года не ходит дальше Клариджа. А когда я рассказала ей, что приступ одолел меня в Пимлико, она перестала ко мне заходить, как будто я заразная. Она такая трусиха и к тому же ужасная грубиянка. Мы не можем держать прислугу. Беатрис же переносит наше заточение на тех, кто ни в чем не виноват. Она даже мысли не допускает, что за всей этой возмутительной ситуацией стоит он. Шейферы относятся ко мне не так плохо, однако постоянно жалуются на больные ноги, как будто оба уже глубокие старики. Их глупые головы накрепко засели в песке, дорогой мой. Пока их еще навещают немногие старые друзья, они говорят себе, что им нет нужды выходить из дома. Кстати, они так и не рассказали, что случилось в тот день, когда они пытались сбежать из Лондона через Кингс-кросс».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Ослабевший, с пустым, сведенным судорогой желудком, Сет проснулся у себя в комнате. Помочившись в большую кастрюлю и попив теплой водопроводной воды из старой бутылки, он несколько ожил и немного привел себя в порядок, когда самый сильный жар чуть-чуть спал.

Сквозь тонкие занавески светили электрические лампы многоквартирного дома позади «Зеленого человечка». Спустились сумерки, и уже темнело. Будильник сообщил, что сейчас четыре часа. При той жизни, какую вел теперь Сет, отсутствие дневного света казалось неизбежным. Когда он осознал этот факт, то даже подумал, что солнце при случае либо зарядит его энергией, либо убьет.

Наверху, над «Зеленым человечком», царила тишина — другие жильцы либо были еще на работе, либо ушли прогуляться, либо сидели в баре. Скоро они вернутся и примутся жарить в кухне яичницу с беконом. Ничего другого никто из них не готовил, только этот нехитрый завтрак. От одной мысли о еде желудок Сета сжался.

Завернувшись в пуховое одеяло, Сет спустил ноги с постели и отважился на один шаг, который требовалось сделать, чтобы достичь холодильника. Он включил чайник, открыл дверцу и вынул пластмассовую бутылку с молоком. Ванильного оттенка свет ударил по глазам. Молока оставалось на донышке, Сет понюхал его. Наверное, оно скисло еще утром, пока он спал. Без молока он не сможет съесть хлопья, а хлеба нет. Сет окинул взглядом полки и обнаружил корку сыра, несколько баночек с приправами, закрытых разноцветными крышками, три бульонных кубика, соевый и вустерский соус, засохший зубчик чеснока и полпачки сушеных грибов. Все это, ни вместе, ни по отдельности, не годилось в качестве полноценной еды. На раскладном столике в центре комнаты лежали два маленьких яблока, которые успели сделаться мягкими и запылились. Есть их все равно что кусать подушку.

Выбора нет, придется выйти из дома.

Ощувив слабость, Сет присел на край кровати и свернул самокрутку. От трех затяжек у него закружилась голова.

Может, стоит вымыться над раковиной внизу, прежде чем рискнуть дойти до супермаркета? Сет отверг эту идею. Место нечистое, оно для нечистых.

Чайник уже кипел. Сет залил кипятком чайный пакетик и положил в кружку четыре ложки сахара — это поддержит его на пути до магазина «Сейнсбери». Он прихлебывал чай, глядя в пол. Грея ладони о кружку, Сет размышлял о галлюцинациях последних нескольких дней и ночей, и его удивляло собственное спокойствие. Жуткая природа кошмаров, их погребальная тематика, вселяющие ужас ситуации, повторяющиеся из ночи в ночь, постоянное присутствие ребенка в капюшоне — все это, без сомнения, повод задуматься о собственном умственном здоровье. Но Сету все происходящее казалось вполне естественным и даже необходимым, включая казнь Шейферов в финале долгого мучительного сновидения.

Он старался не сосредотачиваться на мысли, что бы случилось потом в их запущенном жилище. Смутные воспоминания о едва различимых привидениях из шестнадцатой квартиры до сих пор больно ударили по нервам.

Зато впервые за целый год Сет удивлялся себе самому. Никогда еще кошмары не казались такими реалистичными, хотя он не станет доискиваться до причины. Он и так несчастен и обессилен до крайности, не следует переживать из-за очередного доказательства того, что он сбился с пути, каким идут все остальные. Инертность уничтожила мотивацию, изоляция превратила его в параноика, бедность добила — все это Сет понимал. Стоит оказаться в подобных условиях, и предсказать собственные реакции уже невозможно. Считается, что человеку искусства полезно преодолевать трудности. Только вот какого именно искусства и какой ценой?

Месяц назад один равнодушный врач пытался в очередной раз прописать ему «прозак».

— Перестаньте трудиться по ночам. Эта работа вам явно не подходит, — сказал доктор со скучающим видом, занеся ручку над бланком рецепта.

Но все не так просто, хотелось возразить Сету. Это люди превращают меня в маньяка. Они выматывают меня, опустошают. Изоляция от них — моя единственная защита. Я должен бодрствовать, когда они спят, и спать, когда они просыпаются.

— К черту!

Сет поднялся и загасил сигарету в блюдце, которое использовал в качестве пепельницы. Из него торчало уже больше двадцати окурков, жестких и загнутых, словно пальцы древней марионетки. Облачко серого пепла поднялось над тарелочкой, когда Сет переставил ее на обеденный стол. На что, интересно, похожи его легкие? Пожалуй, стоило бы их нарисовать — картину разложения одного человека, его мысли, эмоции, моральные принципы, представленные в красках и формах препарированного тела. Может, позже он попытается сделать набросок.

Сет снова сел и свернул еще одну самокрутку.

Хотя одежда была измятой и отсыревшей, а рукава и штанины немного сели, Сет натянул то же, в чем ходил два дня назад. От всех вещей веяло холодом.

На улице было трудно отчетливо разглядеть что-либо. Как будто смотришь на мир сквозь лобовое стекло автомобиля, у которого плохо работают «дворники». Темнота поглощала желтый свет фонарей. Морось размывала контуры предметов. Но, остановившись на тротуаре под потрескивающей вывеской, рядом с сочащимися влагой водосточными трубами «Зеленого человечка», Сет ясно увидел одно: маленького мальчика в куртке с капюшоном. Тот стоял на другой стороне улицы и терпеливо дожидался его между двумя припаркованными машинами.

Сет вздрогнул при виде паршивца, сопровождавшего его через все ночные кошмары. Однако когда прошло первое острое потрясение, Сету почудилось в маленькой фигурке оскорбительное высокомерие, он представил под темным капюшоном хитрую мордочку, нахально ухмыляющуюся при виде изумления и тревоги на лице своей жертвы.

Сгорбившись под дождем, Сет засунул руки глубже в карманы пальто и зашагал прочь от паба и наблюдающего за ним мальчишки.

Порывистый ветер трепал непокрытые волосы. Полотнища газет, отяжелевшие от воды, прилипали к ногам. Отпихивая от себя бумажный комок, Сет потерял равновесие и завалился на витрину книжного магазина. Стекло выдержало его вес. Он выпрямился, выругался и попытался прибавить шаг, сражаясь с пронизывающим ветром и колючей изморосью. Даже автобусы и автомобили на проезжей части, кажется, тяжело сопели, сопротивляясь силе, несущейся по улице, словно морская волна. Подняв голову навстречу дождю и клубящемуся туману, Сет обругал вселенную шлюхой.

Рядом с газетным киоском был стенд со «Стандарт», где выделялся заголовок: «Полиция оставила надежду разыскать Мэнди».

Гнев превратился в стыд. Тот ребенок в капюшоне стоит под дождем, в холоде и

темноте. Поддавшись импульсу, Сет развернулся и вскинул руку. Но в воздухе она затрепетала, слабая и нерешительная. Ты отмахиваешься от последних дней или показываешь им большой палец? Или же это подобие рэперского приветствия, единственно подходящего здесь и гарантирующего ответ со стороны подрастающего поколения? Сет спрятал кисть в карман и дождался, пока проедет автобус, заслонивший ту часть тротуара, где он в последний раз видел мальчика в капюшоне. Ребенка уже не было.

Стирая с носа капли дождя, Сет развернулся и отправился в «Сейнсбери». В карманах джинсов завалялось всего девять медных монет, поэтому придется пойти туда, где можно расплатиться картой.

— Чертов мальчишка, — буркнул Сет себе под нос и проскользнул между двумя женщинами под зонтиками, устремляясь к пешеходному переходу напротив лавки чучельника.

В супермаркете явно творилось что-то странное.

Несмотря на то что полки были заставлены разнообразными товарами, Сет не находил ничего съедобного.

Как всегда, десятки людей толкались и задевали друг друга локтями, наполняя проволочные корзинки. Сет удивлялся, как они находят для себя что-то подходящее. Ему даже захотелось остановить кого-нибудь и спросить, как приготовить и съесть то, что взяли с полки. Однако при взгляде на молодую женщину, оказавшуюся рядом, Сет испытал отвращение. Что у нее с кожей? Рябая, розово-серая с белыми вкраплениями, похожая на тушенку из банок с самооткрывающейся крышкой. Красные ноги женщины вызвали в Сете оторопь. Несмотря на декабрь, она была в шлепанцах. Ступни напоминали размороженное мясо, а желтые, словно когти крокодила, ногти нависали над краем резиновых подметок. От ее одежды веяло сыростью.

Сет отошел от перезрелых помидоров, в которые женщина тыкала пальцем. Он не сможет взять что-либо из сырых овощей, зная, что это рябое личико побывало рядом. Женщина развернулась к Сету и отодвинула его локтем, чтобы получше рассмотреть твердые сухие луковицы. Ее мутные глаза тускло поблескивали. Вдруг зазвонил сотовый телефон. Достав его из сумочки, женщина откинула голову, радуясь возможности покричать в трубку на публике.

Сет отошел в сторонку. Все остальные овощи тоже были несвежими. Когда он взял в руки пучок зеленого лука, тот безжизненно повис между пальцами. Увидев же, что стоит лук фунт и семьдесят пять пенсов, Сет смял его и швырнул на желтые листья китайской капусты.

Он испытывал отчаянный голод, но разве здесь можно найти хоть какую-то пригодную еду? Отвернувшись от лотков, Сет бросил в корзинку сельдерей и кочан салата.

— Компост. Я покупаю компост, — проговорил он, широко улыбаясь.

Сет подошел к фруктам. Бананы были коричневыми, груши вялыми. Апельсины уже разобрали, а все остальное тоже было мягким, потрескавшимся, белесым от пестицидов, увядшим, старым или гнилым.

Люди рядом с ним, с серыми лицами, со щеками, усеянными шрамами от прыщей, сутились, выхватывая из пластмассовых корзинок и с полок резиновые шампиньоны, рыбное филе с душиком, жирный фарш, дорогий импортный чили в банках, в которых плескалась мутно-красная бальзамическая жидкость.

Сет прошел по другой галерее, но не смог заставить себя остановиться, потому что увидел, как толстая старуха берет с полки брикеты топленого сала в вошеной бумаге. Женщина была почти лысая, и от нее несло потом. Сет даже сквозь ткань пальто и розовый кардиган ощутил ее спину: мясистую и скользкую, едва ли не поросшую грибами.

Он потряс головой и закрыл рот и нос рукавом пальто, из недр желудка поднялась пустая отрыжка. Сет почувствовал, что слабеет, и привалился к длинному холодильнику, набитому замороженной бумагой, которую продавали под видом картофеля для жарки. Он уперся руками в колени и глубоко задышал, приходя в себя, прежде чем двинуться дальше.

Во всех проходах на него чихали, кашляли и пихали локтями. Лица детей походили на маски для Хеллоуина — резные ухмыляющиеся тыквы. Малыши тыкались ему в ноги и преспокойно пожирали конфеты, от которых разило химикалиями. Неряшливо одетые старцы в грязных тренировочных штанах шаркали вдоль полок с консервированной фасолью.

Рядом с хлебным отделом Сет ощутил нестерпимый запах человеческой мочи: соленый, пронзительный, свежий.

— Господи боже мой! — воскликнул он, надеясь найти поддержку у пары в грязных джинсовых куртках и расклешенных джинсах — эти покупатели брали маленькие бесформенные булочки из экологически чистой муки. — Вы чувствуете запах? Это же моча!

Молодые люди подняли на Сета бледные лица, похожие по цвету на рыбье брюхо, а затем переглянулись. Когда они в последний раз спали? Темные круги под глазами походили на синяки. Они ничего не ответили и повернулись к Сету спиной, как будто бы тот бредил.

Уронив корзинку на плиточный пол, Сет так яростно потряс головой, что все вокруг поплыло. Стиснув кулаки, он смотрел на ряд именинных тортов: разноцветная глазурь была в отпечатках пальцев. Кто-то отломил кусок от шоколадного торта со сливочной помадкой и положил обратно на полку.

Запах мочи сделался еще сильнее у тех полок, где лежали индийские лепешки и питы. Сет заметил, как женщина в аккуратном деловом костюме, с завязанными в хвост сальными волосами, положила испорченный торт со сливочной помадкой в свою корзину. Ее кожаные туфли были растянуты непомерно длинными ступнями с толстыми мужскими пальцами. Сету захотелось уйти отсюда.

В его теле все еще живы отголоски недавней лихорадки, вот почему мир видится таким. Время от времени его пробиравал озноб, и Сет засовывал руки за пазуху. Пронзительно сияющие белые лампы под потолком били по глазам, и он щурился.

Тележка ударила Сета по лодыжкам. Матрона с тремя детьми, толкавшая ее, бросила на Сета колючий взгляд и обнажила желтые лошадиные зубы. Изо рта у нее разило прокисшим йогуртом.

— Твою ж мать! — воскликнул Сет надтреснутым голосом.

Тетка прижала детей к ногам и зашаркала прочь, время от времени оглядываясь через плечо. Даже с десяти футов он видел над ее губами усы.

На банках с консервированным тунцом, которые Сет собрался купить, оказалась какая-то липкая дрянь с кислым запахом. Испорчены. Он положил тунца на место. В банках с сардинками, как он знал, все серебристые рыбки будут набиты коричневыми икринками. Сет снова ощутил отрыжку и вытер со лба мутный пот.

Заглянув в соседний проход, он не поверил своим глазам: толпа в вонючих пальто расхватывала пакеты с рисом, в которых сквозь полиэтилен отчетливо виднелся свежий мышинный помет.

У него в корзине не было ничего, кроме вялого сельдерея и подсохшего салата. Сет положил туда же несколько бутылок воды без газа. Металлические ручки больно впились в нежные пальцы. Он выбросил салат с сельдереем. Надо купить какие-нибудь консервы — то, что уже не испортится, до чего не дотрагивались, не нюхали и на что не дышали. Но только не рыбу. Он хотел чего-то съедобного и не оскверненного, лучше всего даже безвкусные макароны, сделанные металлическими роботами, выстроившимися длинным рядом в стерильном фабричном цехе. Сет не желал ничего, что могло входить в контакт с человеком.

Суп! Ну разумеется! Он улыбнулся и быстро зашагал по центральному проходу, озираясь по сторонам и читая вывески над головой. Когда он шел по длинной главной галерее в третий раз, у него уже болела шея, а нужный указатель он так и не увидел.

Кто-то тронул его за локоть.

— Сэр?

Сет развернулся вокруг своей оси и увидел чернокожего в белой рубашке с синим галстуком. Белки его налитых кровью глаз были желтоватыми. Над карманом рубашки виднелась пластиковая бирка с именем: Фабрис.

— Суп, — поспешно проговорил Сет, измученный, отчаявшийся найти с кем-либо общий язык. — Суп. Суп! Не могу найти суп.

Он выговаривал слова медленно и невнятно, то и дело хватая ртом воздух. Белое вещество у него в голове слиплось в большой ком, как будто нарочно мешая расставлять слова в нужном порядке. Язык распух и едва ворочался. Сет много дней ни с кем не общался, кажется, он успел забыть, как воспроизводить речь. Сет прочистил горло так энергично, что охранник отступил на шаг и выставил перед собой руки светлыми ладонками к потолку.

— Нет, нет, — успокоил его Сет. — Суп. Мне нужен суп. Не могу отыскать чертов суп. — Наконец-то голос снова его слушался. — Где, черт возьми, суп?

— Следуйте за мной, сэр, — сказал Фабрис.

Сет улыбнулся и кивнул.

— Суп должен быть в жестяных банках, — пояснил он охраннику. — Вода у меня есть. Но мне нужен суп в банках, к которым никто не прикасался. Люди... Ну, вы знаете, вы ведь здесь работаете. Не выношу еду, которую кто-то трогал. Здесь, в Лондоне, люди нечасто моются.

И у них такая одежда. От нее воняет! Кто-то помочился на хлеб, Фабрис!

Сет шагнул обратно к фруктам и овощам. К Фабрису присоединились еще двое чернокожих в синих брюках и галстуках. Вчетвером они точно отыщут суп.

— Но что за странное место для него выбрали, прямо рядом с газетами. Все консервы обычно стоят там, — заметил он, взмахнув свободной рукой. — Непонятно...

Фабрис деликатно потянул к себе корзину Сета.

— Не стоит. Все хорошо, — сказал тот, тронутый заботливым жестом. — Я сам понесу. И не надо называть меня сэром.

Но Фабрис все же забрал корзинку.

Он и еще двое парней, которые теперь улыбались и даже сдерживали смех — наверное, их развеселило замечание о том, как нелепо ставить консервированный суп рядом с газетным стеллажом, — шли за Сетом след в след плотным полуколосьем. Они уверенно провели его мимо газет и сигаретного киоска, но только когда Сет ощутил на лице холодный ветер, проникший с темной улицы сквозь главный вход, он понял, что происходит. Никакого супа ему не будет. Фабрис с товарищами выгоняют его из супермаркета.

Стоя в дверях, Сет развернулся к трем охранникам и вдруг заметил, что на него смотрит целая толпа. Три женщины за кассами даже перестали подносить покупки к красному глазу, чтобы наблюдать его изгнание из магазина.

— Но почему? За что? — спросил Сет.

И в этот момент он увидел ту мамашу с тремя детьми, у которой были длинные желтые зубы и усы, — она стояла рядом с менеджером в пиджаке и при галстукке на фоне замороженных оранжевых кур, от которых разило антисептиком. Должно быть, матрона нажаловалась на него.

В Сете разыгралось оскорбленное чувство справедливости.

— Как? Вы вышвыриваете меня из-за этой суки с щетинистой мордой?

Фабрис с товарищами смотрели на него, и на их лицах ничего не отражалось.

— Она наехала на меня тележкой. Возмутительно! А какого качества у вас продукты! Радуйтесь, что к вам вообще кто-то приходит.

Фабрис шагнул к нему.

— Я вынужден просить вас уйти, сэр.

— Да пошли вы все! — выкрикнул Сет, и в голосе против его воли прозвучали торжествующие нотки.

Он театральным жестом запахнул пальто и принялся протискиваться через толпу наружу, мечтая поскорее выйти из залитого ярким белым светом супермаркета.

К тому времени, как Сет под дождем добрался до главной улицы, он сотряслся неудержимым утробным хохотом, отдававшимся болью в мышцах и грозившим его задушить. На несколько мгновений Сет ощутил совершенную свободу и невесомость.

Страхнув с себя воспоминания о пережитой стычке, Сет зашел в ближайший банкомат и получил купюру в десять фунтов. Нищий, сидевший в картонном поддоне, попросил мелочи.

Дождь припустил сильнее, но Сету по-прежнему был нужен суп. С наличными можно зайти в круглосуточный мини-маркет — там бывают почти любые консервы. Дороговато, но разве ему оставили выбор? К тому же силы вот-вот покинут его. С этого момента придется радовать своими визитами местных лавочников.

На холоде, под дождем Сету было трудно поверить, что недоразумение в «Сейнсбери» действительно имело место. До сих пор с ним никогда не происходило ничего подобного. Сет хорошо себя вел, был хорошо воспитан. Это все влияние большого города. Он творит с людьми ужасные вещи: делает волосы засаленными, а кожу — серой и рябой. У всех вокруг серые лица из-за спертого воздуха, выхлопов, пыли, мутной воды в трубах, проложенных во времена королевы Виктории, гнилой еды по бешеным ценам, стресса, одиночества, боли. И ничего здесь не работает: ни фонари, ни телефоны, ни провода, ни дороги, ни поезда. Ни на что нельзя положиться. И еще эта тьма, бесконечная ночь, сажа и черный воздух. У Сета в груди что-то сжалось, стало трудно дышать. Где все кошки и собаки, где розовые младенцы в колясках?

Хозяин мини-маркета никогда не спал. Выходец из Бангладеш, с угольно-черной кожей и полузакрытыми глазами, он шлепал по клавишам кассового аппарата, не глядя под пальцы.

— П-сиба, с-сэр, — твердил он день и ночь при свете флуоресцентных трубок над головой.

Он продавал водку подросткам и сигареты детям. В этом районе было опасно отвечать отказом. Под «Зеленым человечком» и на автобусной остановке вечно валялись битые бутылки.

— У вас есть суп? — спросил Сет.

— Да, с-сэр.

Хозяин махнул в глубину лавчонки. Сет протиснулся мимо пожилых ирландцев, которые топтались, переругиваясь, у полки с двухлитровыми бутылками сухого сидра. От стариков воняло. Сегодня отовсюду воняет. Неужели у людей нет времени помыться?

Заодно с шестью банками супа Сет купил крекеров, спрессованных какой-то машиной до твердости деревяшки. Еще он захватал бутылку отбеливателя и воду. На эти покупки ушли почти все десять фунтов.

Его лицо было скрыто в тени капюшона, но голова чуть поднята и склонена набок — мальчик поджидал Сета, в то время как тот рысцой бежал домой по мокрым зеркальным тротуарам. На этот раз все иначе, контакт неизбежен — ребенок перешел на его сторону улицы. Сет мысленно улыбнулся. Может быть, разговор с живым воплощением персонажа, порожденного безумным подсознанием, прогонит привидение из снов?

Сет замедлил шаг и остановился под стеной паба. Мальчик ждал у края тротуара. От дождя его куртка защитного цвета сделалась черной.

Сет поглядел на небо, на непроницаемую муть, из которой в свете уличных фонарей обрушивались серебристые водопады, затем вытер ладонью лицо. Пальто намокло и отяжелело, однако было тепло. Мышцы расслабились, кожа горела — Сет уже перешагнул грань, за которой не чувствуется ни слабость, ни усталость, ни голод. Он поглядел сверху вниз на ребенка: тот терпеливо наблюдал за ним.

— Я часто тебя здесь вижу. У тебя неприятности?

Последовала долгая пауза, после чего мальчишка помотал головой. Сет вроде бы успел заметить под капюшоном на уровне подбородка что-то красное, но утверждать наверняка не стал бы.

— Ты заблудился? Тебе некуда пойти или что?

Голова снова отрицательно качнулась.

— Но тогда в чем дело? Почему ты здесь? Нет, ты, конечно, можешь гулять где угодно.

Никакой закон этого не запрещает.

Ребенок ничего не ответил.

— Но на улице так сыро, — закончил мысль Сет и снова посмотрел на небо.

— Отстань от меня, — отозвался мальчишка, пожав плечами.

Голос звучал достаточно уверенно, и Сет понял, что парнишка несколько не испуган.

Сет улыбнулся, но почувствовал, что его улыбка не дошла до адресата — под капюшоном словно царили тишина и пустота.

— И холодно, — пробормотал он.

Ребенок снова пожал плечами. Один из сорванцов, что гуляют допоздна, называют старших по имени, дома не бывают, звонят в дверь, когда семейство усаживается за стол, и глядят пустыми глазами на тех, кто на них орет. Сет чувствовал в этом юнце что-то жесткое и нечувствительное, но не низменное, не злобное, не преступное. Мальчик просто потерял, но не сетует на свое положение и не жалеет себя.

— Значит, твои родители в пабе? — поинтересовался Сет и немедленно понял, насколько глупо и подозрительно прозвучал вопрос.

Примерно так, наверное, говорят седовласые старички, высунувшись из уютной машины и похлопывая по пассажирскому сиденью, когда приглашают чужого ребенка прокатиться. Сету вовсе не хотелось, чтобы мальчик принял его за педофила.

Тот отрицательно помотал головой, после чего осмотрел улицу. Было что-то безнадежное в том, как он окинул взглядом дорогу.

— Тебе лучше пойти домой, там тепло. Можно посмотреть телевизор. — Что бы еще придумать, чтобы установить контакт? — К чему болтаться по улице? В такой-то дождь.

Нет ответа. Сет подумал, не дать ли парнишке денег на сладости или сигареты, но вспомнил, что наличных не осталось. Сет вздохнул и развернулся, чтобы уйти.

— Бывало и похуже.

— Ты хотя бы встань под крыльцо, промокнешь же до костей.

— Отстань от меня.

— Твоя мать вряд ли обрадуется, если ты схватишь воспаление легких.

— У меня нет матери.

— Нет матери? Ну, тогда отец.

— Оставь меня в покое, приятель.

Может, он всем так говорит, чтобы завоевать сочувствие?

— В любом случае лучше отправляйся домой. Ночь для прогулок неподходящая.

По улице шли две девушки без плащей, со светлыми волосами, собранными на затылке, и Сет подумал, смогут ли дождевые капли просочиться сквозь такую тугую прическу. Когда волосы так затянуты, они сами по себе кажутся мокрыми. На девушках были спортивные туфли на босу ногу, плотные черные трико и мешковатые куртки, на груди которых красовался логотип фирмы «Рибок». Они курили одну сигарету на двоих. Девушка повыше сжимала в унизанных кольцами пальцах бутылку коктейля «Бакарди бризер». Обе уставились на Сета и захихикали. В их веснушчатых лицах угадывалось что-то собачье — влажное, сопящее.

— Что ж ты сам тогда шатаешься по улицам? — спросила, подражая его тону, та, у которой на веках были густые зеленые тени.

— Что?

— Вам лучше бы последовать собственному совету, мистер, — подхватила вторая, с бутылкой.

— Я не с вами разговариваю.

Девушки притормозили.

— А с кем же?

— Брось, Шелл, — захихикала ее подруга.

— Вот с ним. — Сет кивнул на мальчика в капюшоне.

Девушки посмотрели в ту указанную сторону, после чего засмеялись, сухо и невесело.

— Да пошли вы, — пробормотал Сет.

Стоит лишь на минутку остановиться посреди улицы, и к тебе обязательно кто-нибудь привяжется. Почему не пройти мимо?

— Сам иди, — ответила девушка повыше.

От нее пахло ананасом. Подружки побрели дальше, смеясь и жуя резинку.

— Не бойся их, — сказал Сет мальчику.

— Отстань от меня. Хватит уже.

Сет развернулся к пабу, и его интерес к гуляющему по ночам ребенку испарился.

— Ладно, мне все равно пора идти.

— Мне ничего не сделают.

— А?

— Эти девчонки ничего бы мне не сделали. Не смогли бы. И парни тоже.

— Рад это слышать.

Сет пошел прочь. Мальчик увязался следом. Сет мысленно простонал, осознав ужасную ошибку, какую совершил, когда заговорил с несносным ребенком. Надо было игнорировать его, как все остальные. Теперь придется общаться с беспризорником каждый раз, выходя из дома.

Парнишка подошел совсем близко и встал рядом с Сетом в дверях, его капюшон склонился так низко, как будто невидимые глаза внимательно изучали собачье дерьмо под массивными ботинками.

— Прости, но тебе нельзя внутрь. Отправляйся домой.

— У меня нет дома.

— Что?

— Я хожу, где захочу.

Мальчик вынул руку из кармана, и Сет увидел страшные ожоги и изуродованные пальцы — именно то, что ожидал.

— Я... — Ему пришлось откашляться. — Я тебя знаю?

Ребенок в капюшоне кивнул.

— Но откуда?

Сет вышел обратно под дождь. Лучше стоять в холоде, на ветру, чем вдыхать запах серы и горелого мяса, который сгустился в замкнутом пространстве между дверьми.

— Виделись пару раз.

Теперь в голосе и наклоне головы угадывалось какое-то лукавство. Сет догадался, что мальчишка улыбается в темных глубинах своего капюшона. От головы до ног Сета пронзил электрический разряд.

— Помнишь, я обещал, что скоро все вокруг изменится? — произнес мальчик.

Сет затряс головой и закрыл глаза, затем снова открыл. Ребенок все еще был здесь, стоял на мокром тротуаре, глядя на него.

— Ты же видел — в магазине, пока тебя не вытолкали вшаей.

Сет не мог выговорить ни слова, не мог даже глотнуть. Он пошел к проезжей части. Мальчик последовал за ним.

— И это только начало. Будет еще хуже, Сет.

Тот вышел из ступора.

— Ты знаешь, как меня зовут. Это что, розыгрыш? Просто дурацкий розыгрыш? — Голос Сета упал до шепота.

Парнишка помотал головой.

— Это то, чего ты сам хотел. Ты воспользовался выпавшим тебе шансом.

Сет отошел в сторону, пропуская пожилого человека с зонтом.

— Прошу прощения.

Старик вопросительно поглядел на него, его обрюзглое лицо всколыхнулось.

— Вот этот ребенок. — Сет указал на мальчика, который обернулся, чтобы взглянуть на старика. — Вы ведь его видите?

Пожилой господин опустил голову и обошел Сета, но через несколько шагов остановился и обернулся, глядя на него со смесью раздражения и любопытства.

— Вот его! — выкрикнул Сет, тыча ребенку в грудь.

Мужчина отвернулся и поспешил убраться прочь.

Мальчик хихикнул в капюшон.

Сет заставил себя вежливо улыбнуться индианке, которая проходила мимо, согнувшись под тяжестью пакетов с покупками.

— Прошу прощения, мэм.

— Да? — отозвалась женщина.

Она готова была улыбнуться, но вдруг насторожилась.

— Тут мальчик заблудился.

— Что?

— Мальчик, который стоит рядом, заблудился. Я хочу ему помочь.

— Вы заблудились? — переспросила она. — А куда вам надо?

— Нет, со мной все в порядке. Я говорю о ребенке. Вот об этом мальчике. Вы не знаете...

Женщина посмотрела в ту сторону, куда он указывал, после чего перевела на Сета взгляд, в котором сначала отразилось изумление, а затем испуг. Секунду помолчав, она произнесла:

— Пропустите меня. Я иду домой. У меня ничего нет.

Она торопливо пошла дальше.

Сет посмотрел на мальчишку и сглотнул комок в горле.

— Не может быть, — проговорил он и кинулся обратно к двери паба.

Лихорадочно заталкивая ключ в замок, Сет уронил продукты. Подняв пакет с супом и отбеливателем, он ввалился в дом и с грохотом захлопнул за собой дверь.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

«По временам мне кажется, будто я отмечена неким клеймом, и я докрасна тру кожу. Иначе как бы он смог всюду следовать за мной? Я не в силах смириться с предположением, что он умеет читать мои мысли и знает обо всех моих планах наперед. Неужели он выходит из дома каждый раз, когда выхожу я, терпеливо дожидаясь меня под дверью, словно какой-то злобный пес? Или же он постоянно находится рядом со мной в квартире, все время с того момента, когда мы видели его в последний раз? Я начинаю рассуждать как ты, дорогой мой».

Эйприл сидела на постели со вторым дневником, изучая новую порцию параноидальных фантазий и отчетов о неудавшихся поездках. Рассказы о том, как Лилиан и ее приятелей терроризирует некто, становились все более безумными. Их преследовало привидение человека, чьего имени бабушка так ни разу и не упомянула.

Когда Эйприл в час ночи разговаривала с матерью, она ни словом не обмолвилась ни о сумасшествии Лилиан, ни о дискомфорте, какой сама ощущала в ее квартире. И, к восторгу матери, она даже намекнула, что, возможно, вернется в Нью-Йорк в намеченный раньше срок. Эйприл повесила трубку и забралась под пуховое одеяло, захватив с собой чашку ромашкового чая с медом и пообещав себе, что только откроет третью тетрадку и сразу ляжет спать. Завтра в десять утра придет антиквар, в полдень явится аукционист, поэтому будильник заведен на половину девятого.

Но два часа спустя, погрузившись в чтение, Эйприл поняла, что заснуть в этой спальне она просто не в состоянии.

«Милый, последние две недели я пыталась выбраться отсюда через парки. Но и там все переменялось. Как будто одной болезни и приступов паники ему недостаточно, он теперь, как мне кажется, расставил часовых, чтобы не выпускать нас за установленные границы.

В понедельник я вышла из дома в пять, как только забрезжил свет, собираясь проверить, влияет ли как-нибудь время суток на успех моих попыток к бегству. Но я почувствовала тошноту уже на середине Конститушн-Хилл. Решительно настроенная и пораженная тем, что прошла так мало и уже ощутила приступ болезни, я повернула на север, собираясь выйти через Грин-парк на Пикадилли. И как раз тогда я заметила женщину, которой не должно быть в парке. Не только в это время суток, но, честно говоря, и ни в какое другое время тоже.

Ее появление повергло меня в такой шок, что я не выходила из квартиры до утра воскресенья и просила портье покупать для меня продукты.

Даже после всего, что мне пришлось пережить, я до глубины души потрясена масштабом его влияния. Я до сих пор задаюсь вопросом, что именно видела, и до сих пор ежеминутно перехожу от полного отрицания к безоговорочному смирению, однако же, должна признать, эти новые видения означают изменение стратегии, к какой он прибегал до сих пор, чтобы держать нас в установленных границах.

Принимая во внимание свои расшатанные нервы, я была готова склониться к мысли, что та женщина в Грин-парке какая-то актриса. Возможно, где-то рядом снимают кино. Или же она принадлежит к числу странных молодых людей, помешанных на переодевании, о которых я читала в газетах. Однако же, исходя из внешности женщины, я отнесла бы ее ко временам королевы Виктории, а вовсе не к современным лондонцам, какими бы экстравагантными они ни были.

Подол ее черного платья подметал дорожку, а шляпка совершенно скрывала от взгляда лицо. И разве я бы смогла вообразить в таких подробностях траурные ленты на шляпе? Именно детали убедили меня, что эта безмолвная, неподвижная фигура существует в реальности. Однако же женщина казалась слишком высокой и неестественно худой в своем глухом платье, и я даже заподозрила, что передо мной какой-то шутник на ходулях, решивший попугать редких прохожих. Перед собой она толкала коляску. Старомодную громоздкую коляску с колесами как у телеги.

Я отвернулась и сделала вид, будто не замечаю ее, но, когда пошла дальше, женщина будто бы выдвинулась из завесы тумана у подножия дерева и стала приближаться к дорожке, которую мне требовалось пересечь, чтобы выйти на Пикадилли. И как бы я ни замедляла шаг, как бы ни ускоряла его, было очевидно, что мы обязательно встретимся на перекрестке.

Я резко свернула вправо, однако она не отставала, тогда я пошла прямо вперед, пытаюсь избежать столкновения, которое, как я интуитивно понимала, не сулило мне ничего хорошего. К этому времени я уже начала спотыкаться, терять равновесие, потому что чувствовала себя совершенно разбитой. Волосы растрепались и упали на лицо, я была в ужасающем состоянии, но, милый, я все равно не оставляла попыток. Я действительно старалась.

Когда я дошла до дорожки, женщина уже поджидала всего в нескольких шагах. Она почти перешла на мою сторону, безмолвная, но явно намеренная, как я догадалась, поприветствовать меня. Я лишь взглянула на нее, но так и не смогла рассмотреть ничего под шляпкой. Конечно, голова у нее опущена, подумала я, но все-таки где же лицо? Единственное, что я успела увидеть, — кисти рук, сжимавшие ручку коляски. Дальше я не смогла сделать ни шагу.

Там были только кости. Коричневые, в пятнах, а вовсе не белые, какими обычно их представляют. И как раз в этот миг женщина наклонилась и протянула руки к коляске. Она сняла с купола черную вуаль и сунулась внутрь, причем кости громыхнули, как будто бы тонкие пальцы были унизаны деревянными кольцами. Этот звук показался мне еще страшнее самого зрелища. А при виде содержимого коляски я не сдержалась. Помню, я услышала собственный визг со стороны, словно кричал кто-то другой. Голос просто не был похож на мой.

Наверное, я потеряла сознание, потому что, когда очнулась, лицо согревали солнечные лучи, а женщина с жуткой коляской исчезла. Ко мне подошел бродяга и спросил, что со мной. Он тоже меня напугал, и я кинулась домой вся в слезах.

Через неделю я предприняла еще одну попытку. Я собиралась сначала сесть на поезд до Брайтона с вокзала Виктории, затем перейти реку по Альберт-бридж, который не могу преодолеть уже несколько лет. Но согладатаев оказалось еще больше. Они поджидали меня.

Рядом со станцией Виктория меня поприветствовал некто сутулый в фуражке. Из-под козырька виднелись только клацающие желтые зубы. А спустя три дня на Чейн-Уок у меня едва не разорвалось сердце, когда впереди вдруг возникли три маленькие безволосые девочки со странными деформированными головами, долговязые и тощие. На них были операционные халаты, завязанные на шее, и они исполняли жуткий танец на своих тонких, как спички, ногах прямо на тротуаре у меня перед глазами. Мне показалось, что под халатами тела их сшиты друг с другом. Но то, как они двигались...

Я пыталась обойти их и выбежать на мост, но тут увидела, как что-то зацепилось за дерево. Мне показалось, это змей, но нет, это было лицо. С язвочками от оспин на коже и без глаз. Оно болталось в ветвях, охваченное горем, и зывало ко мне.

Такое ощущение, будто я застряла в кошмаре и не могу проснуться. Вряд ли я еще раз отважусь двинуться в южном направлении. Там дела обстоят хуже, чем где-либо еще.

Конечно, я схожу с ума. Я понимаю. Точно так же, как и ты под конец, мой дорогой. Однако же мы оба знаем, где видели подобных персонажей раньше. Это он притащил их сюда, в дом, в наши жилища. Нам никогда не избавиться от них. Только не теперь, когда все сгорело».

Эйприл закрыла тетрадь. Уже два часа ночи, она не в силах читать дальше. Лилиан страдала шизофренией. Но почему болезнь так долго оставалась незамеченной, когда она наблюдалась сразу у нескольких докторов? Возможно, это был Альцгеймер. Кажется, при нем тоже мерещится всякое? Только вот знали ли в те времена о болезни Альцгеймера?

На площади под окном уже не ездили машины. Только шуршание шин по мокрой мостовой и составляло Эйприл компанию, пока она лежала в постели, включив все осветительные приборы. С такими тусклыми лампочками, что они едва освещали комнату. Эйприл теперь не знала, чего ожидать от больших платяных шкафов, она даже подумывала встать и запереть их дверцы на ключ.

Она перевела взгляд на потолок: краска вокруг люстры потрескалась. Эйприл трижды чувствовала, как куда-то проваливается, но каждый раз заставляла себя разлепить веки. Она ужасно устала, но не хотела засыпать, потому что во сне теряешь бдительность. Однако, когда глаза закрылись в четвертый раз, Эйприл уже не смогла вырваться из объятий Морфея.

Вдруг она услышала, как в далеком-далеком мире за пределами дремы открылась и закрылась дверь. Дверь внутри квартиры. Следом кто-то стремительно прошагал по половицам в коридоре.

Эйприл села на постели, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле, а тело камнеет от испуга. Переводя взгляд на дверь, она краем глаза увидела зеркало, все так же развернутое к стене, и в нем — портрет Лилиан и Реджинальда. Еще долго Эйприл не могла оторваться от картины: там, где раньше было всего две фигуры, теперь стало три. И та, что появилась посередине, между двоюродной бабушкой и ее мужем, отличалась ужасающей худобой.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

В полночь Сет все еще метался по комнате, бегал от холодных окон к теплой батарее и обратно. Его пальцы подносили к губам сигарету за сигаретой, пока не накатила тошнота и не стало тесно в груди.

Господи, он видит то, чего нет. Приехали!

Сет присел на край кровати и уставился в пол невидящим взглядом. Сердце билось слишком часто. В подмышках стыл кисло пахнущий пот. Сет поднялся и снова зашагал по комнате. Наконец собственное мельтешение сделалось невыносимым, и тогда он настезь распахнул окно, чтобы плотннуть из темноты сырого воздуха. Он отрезвил настолько, что Сет

захотел немедленно бежать из своей комнаты, вырваться на волю, нестись прочь, лишь бы заглушить гул сердитых пчел, поселившихся у него в голове и груди.

Однако он не рискнул уйти дальше уборной на первом этаже, где пришлось собрать все оставшиеся силы, чтобы простоять столько, сколько требовал процесс мочеиспускания. Когда последние прозрачные капли канули в забитый разбухшей туалетной бумагой унитаз, тревожные мысли о мире за стенами паба и о том, что может поджидать его на углу улицы, погнали Сета вверх по лестнице, обратно в комнату. Под желтым потолком колыхалась густая пелена табачного дыма.

В надежде успокоиться Сет заговорил сам с собой, но шепотом, чтобы не услышали соседи. Он, словно мантру, повторял простые предложения, как будто речевая деятельность была чрезвычайно важна; будто могла удержать его тело от взлета под потолок, где оно стало бы корчиться в клубах дыма и раздражать собственное брюхо длинными грязными ногтями, чтобы покончить с царящим внутри хаосом.

Сет пытался отвлечься. Необходимо срочно придумать что-нибудь, чтобы дать выход электричеству, скопившемуся под кожей, пока его живот, а затем и все тело не воспламенились. Сет вспомнил снимок женской ноги, которая торчала из кучи золы рядом с газовой плитой. В детстве он видел эту картинку в книге о непостижимых явлениях. Если кто и способен испепелить себя одной лишь мыслью или переживанием, то это он.

Сет хмыкнул.

Бессмысленно сопротивляться желанию, которое копилось внутри так долго. В последнее время оно снова начало потихоньку вскипать и вот теперь прямо-таки бурлило. И, не размышляя больше, к чему это приведет, кому нужно и что означает, Сет открыл картонные коробки, полные бумаги, красок, карандашей, и в воздух поднялось облачко пыли.

Сет взял толстый кусок угля, большую папку для набросков, и его сейчас же захватила лихорадка созидания. Он прерывался только для того, чтобы размять скрюченные пальцы и немеющие запястья. Останавливаясь перед столом или усаживаясь на пол со скрещенными ногами, он выставлял перед собой лист в поисках наилучшего освещения или передвигался, чтобы утихомирить боль в вялых нетренированных мышцах, но при этом ни на секунду не переставал работать.

Яростно, спешно, не раздумывая, Сет выплескивал образы на бумагу непрерывным потоком, словно какое-то колоссальное, все нарастающее внутреннее давление отыскивало крохотную дырочку, лазейку к свободе, и ручеек превратился в лавину.

Выдергивая из папки один лист за другим, кидая наброски рядом с собой на жесткий ковер, он порождая все новые и новые рисунки в попытке придать очертания, выражения давившим на него лицам, образам и кошмарам или же в точности запечатлеть свои сны. Когда руку накрепко сводило судорогой, Сет стискивал от боли зубы, силясь сохранить толпу персонажей в своем воображении: он боялся, что те растворятся раньше, чем карандаш зафиксирует их в линиях и штрихах хотя бы частично.

Он казался мимолетным и ужасающе живым, этот мощный водоворот образов, звуков и запахов, круживший его. Сет был уверен, что никогда еще не воображал ничего столь значительного с такой отчетливостью и силой. Это было ни на что не похоже. Господи, он обрел самобытность!

Делая короткие перерывы, чтобы сменить позу, Сет оглядывал получившиеся рисунки, разбросанные по всему грязно-коричневому ковра, и каждый раз вздрагивал, поражаясь абсурдности и нечеловечности того, что запечатлел. Он остановился только тогда, когда карманный будильник показал восемь. Все еще ослабленный болезнью и обалдевший от недосыпа, Сет рассеянно выронил карандаш и упал на постель.

Булькнув, включились батареи центрального отопления. Наверху заиграло радио. Но стоило Сету погасить лампу, как в следующий миг он уже спал, так и не сняв уличной одежды.

— Нам нельзя здесь находиться.

— Я хотел кое-что показать тебе.

Шепот Сета звучал в сыром воздухе напряженно и торопливо.

— Это же чужая квартира, частная территория.

Сет стоял рядом с мальчиком в капюшоне на свободном пяточке пола на чердаке.

— Мы можем ходить, куда захотим.

Потолок под сводом крыши загибался полукругом. Было темно, но сквозь одинокое стрельчатое окно над кроватью просачивался мутноватый желто-серый свет. Мерцание проходило сквозь подтеки на оконном стекле, и хотя казалось, что оно умирает там же, рядом с подоконником, задушенное завесой спертой воздуха и тенями обшарпанных стен, его все-таки хватало, чтобы различить очертания мебели и мусор на полу. Черные споры грибка проступали из-под слоя краски, а ковер был такой колючий, что хрустел под ногами, словно засохшие крошки. Когда глаза привыкли к сумраку, Сет разглядел больше. Гораздо больше.

Молочные бутылки разной степени опустошенности торчали среди растрепанных газетных кип, разбросанной одежды, разнородных столовых приборов и кухонной утвари, грязных тарелок и стальных кастрюль, тусклых от жира и пыли, от которых поднимался почечный запах. Зажмурив глаза, Сет закрыл рот и нос рукавом в тщетной попытке не пустить вонь в легкие.

— Мне показалось, тебе стоит это увидеть.

Сет оглядел мятые, грязные простыни и наволочки из разных комплектов, грубые одеяла на кровати. Матрас не был застелен. Красные и вишневые полосы, словно складки горной породы, проглядывали меж скомканными засаленными тряпками, среди которых спал Арчи. Из-под оранжевого тканого покрывала торчала его беззубая шишковатая голова. Она казалась невероятно огромной, слишком большой для цыплячьего тела. Сет рассмотрел очертания тощих голых конечностей. Наверное, скверное освещение сыграло с ним шутку: руки и ноги Арчи, казалось, поросли длинной светлой шерстью.

Мальчик в капюшоне шагнул к кровати.

— Смотри.

— Не надо!

Слишком поздно. Ребенок сгреб в кулак покрывало и махровую простыню, похожую на полотенце, и поднял над спящим.

Желтые кости, сформировавшиеся в копыта, явились вполне естественным завершением тощих лодыжек Арчи. Крупные коленные суставы, похожие на выбеленные половинки грецких орехов, торчали из густой шерсти, которая ковром покрывала худосочные ноги и старческий пах. Но хуже всего был кошмарный запах хлева — сырой соломы, соплей, застарелой мочи, — который вырвался из-под покрывала и жарко шибанул Сету прямо в нос. Закашлявшись в попытке прочистить горло, тот отступил назад и опрокинул бутылку — на ковер выплеснулось скисшее молоко.

Арчи пошевелился. Не просыпаясь, он вскинул огромные кисти в желтых пятнах вокруг ногтей и зашарил ими в попытке вернуть исчезнувшее одеяло. Синие самодельные татуировки, похожие на синяки, проглядывали сквозь шерсть на иссохших предплечьях. Арчи перевернулся на другой бок: его сонный разум старался обрести утраченное тепло в смене позы.

Краем глаза увидев позвоночник, выпирающий под ярко-розовой кожей и поросший пучками все той же белесой шерсти, Сет шатко отвернулся и принялся дышать через ладонь. Он ведь здесь живет, этажом ниже старого козла, который мочится в свою подстилку.

— Я хочу уйти. Он может очнуться, — проговорил Сет слабым голосом.

— Мы же во сне старого негодяя, приятель. Когда он умрет, то вернется сюда. И застрянет здесь надолго, очень надолго.

— Меня тошнит.

— Но мы еще не все увидели.

— Пожалуйста, хватит.

— Ну еще немного. Посмотри внимательнее на руку.

Между двумя раздутыми бараньими костяшками, служившими Арчи пальцами, поднималась струйка синеватого дыма самокрутки. Матрас был сплошь в черных дырочках и подпалинах.

— Господи, он же всех нас убьет! — воскликнул Сет.

— И твои картины сгорят дотла.

Теперь Сет почуял запах жженого дерева и заметил яркую вспышку, промелькнувшую как раз в тот миг, когда в голосе мальчика зазвучали низкие нотки.

— О чем это ты?

Посреди темной комнаты мальчик развернулся к Сету лицом. В непроницаемых глубинах капюшона угадывалась улыбка.

— Ты здорово рисуешь, Сет. Но этим уродам наплевать. Всем наплевать. Твои картины ничего для них не значат. Они с радостью бы их спалили. Точно так они и поступили с его картинами. Но ты все равно должен рисовать все, что видишь. Так мне сказал наш друг. Ты станешь лучшим.

Сет густо покраснел. Первый раз за многие годы он слышит слова одобрения.

— Честное слово. За тобой присматривают. Он тебе поможет.

— Я не понимаю. Кто он?

— Он велел кое-что тебе передать. — Мальчик в капюшоне проговорил эти слова медленно, словно отрепетировал их заранее. — Он за тобой наблюдает. И за тем, что живет внутри тебя, спутанное и туго затянутое. Он просил показывать тебе всякое, чтобы потом ты это рисовал. Ты уже и сам обо всем знаешь.

Ребенок указал на кровать, где вырисовывался силуэт Арчи.

— Ты всегда это знал. Но ты был слишком напуган, чтобы рисовать. Ты очень долго просидел в одном месте, за решеткой. Я же обещал... Теперь ты знаешь, каков этот мир на самом деле. Тебе повезло его увидеть, приятель. Ты станешь лучшим, каким был наш друг, пока те гады все не уничтожили. Поэтому с нашей стороны вполне естественно ожидать, что взамен ты кое-что сделаешь и для нас, дружище.

— Что?.. То есть что я могу сделать?

Мальчик в капюшоне уверенно протопал по пожелтевшей газете и скрылся за дверью, Сет последовал за ним Арчи у него за спиной взбрыкнул во сне копытом.

Сет оказался в месте, в котором узнал свою собственную комнату. На эти самые стены он смотрел часами, не видя их, потому что его разум созерцал совсем иное. Но сейчас Сет заметил, что краска не свежая и не такая водянисто-желтая — она гуще и плотнее и даже походит на ванильное мороженое. К тому же лампочка закрыта цветастым абажуром.

Зато окна всё такие же грязные. И холодильник тот же, только с красными пятнами на дверце внизу — то ли суп, то ли смородиновое желе. Занавески прежние, только плотнее, ярче, и ковер мягкий. Сет увидел, что дверцы шкафа вновь целы. Он понял, что находится в своей комнате, какой она была когда-то давно.

Все то, что он передумал и перечувствовал в этих стенах, показалось вдруг до ужаса тривиальным. Его полное тревог пребывание здесь теперь сделалось на удивление незначительным.

Мальчик в капюшоне заговорил:

— Все остается на своих местах, даже старье застревает. Ничего отсюда уже не исчезнет. Если постоять подольше, то услышишь голоса из прежних времен и разглядишь некоторые лица. Правда, в этой комнате я постоянно вижу одно и то же.

Сет уставился на парнишку, на его промокший капюшон, отороченный жидким мехом.

— Посмотри на кровать, — спокойно сказал ребенок.

Он был уверен в себе, сознавал свою правоту и гордился тем, что может подтвердить свои слова.

Сет обернулся и вздрогнул, когда одинокая фигура соскочила с места. Секундой раньше она сидела, привалившись к изголовью кровати, пластиковая обшивка которого сделалась

грязно-кремовой от множества сальных рук.

— Кто это такая?

Гладкие каштановые волосы незнакомки падали на плечи розового кардигана. Девочка сидела на кровати, закинув ноги в сандалиях на коричнево-желтое покрывало. Упершись острым подбородком в ободранные коленки и обхватив руками тонкие лодыжки, обтянутые гольфами, она пристально смотрела на дверь. На бледном лице явственно читалось угрюмое ожидание. Девочке было не больше десяти, однако глаза ее зияли пустотой. Сет увидел худые бедра, до самых хлопковых трусиков испещренные малиновой сыпью, и быстро отвел взгляд. Во всей ее позе таилось что-то непристойное, хотя она того не сознавала. Казалось, она не чувствует на себе чужих взглядов. По ее лицу были размазаны слезы и сопли, вокруг воспаленных глаз залегли красные круги. Рядом с подолом серой плиссированной юбки валялись обертки от шоколадок. На столике у кровати лежал старомодный фотоаппарат, металлический, выкрашенный в черный цвет, и еще моток зеленой бечевки, какую Сет, насколько он смог припомнить, видел в саду у родителей, когда они жаркими летами его детства подвязывали розовые кусты. Жесткая волокнистая веревка горчила, словно креозот. Порвать ее было невозможно, как ни тяни, она только больно впивалась в пальцы.

— Она часто приходила сюда, дожидаясь одного мужчину.

Сет улыбнулся, пытаясь подавить нехорошее предчувствие, переполнявшее его. Он сглотнул, но не смог ни заговорить, ни сдвинуться с места.

— Полиция его арестовала.

Сет вспомнил рассказ Арчи. У него задергалось веко.

— Самые маленькие и самые старые не хотят уходить. Они накрепко застревают. Даже если бы она стала старше, а она так и не стала, однажды она все равно вернулась бы сюда.

— Хватит! Выведи ее отсюда. Тебя же вытащили из той трубы, ты сам вытащил меня из склепа, ну так выведи ее отсюда!

— Сет, нельзя выпустить всех. Их слишком много, приятель. Нельзя, чтобы они вот так запросто болтались вокруг. Что эта девчонка сможет для нас сделать? Она вообще ничего не понимает. Лучше оставить ее. Она знает только, что сейчас конец дня, и она ждет своего отчима, который должен вернуться из паба.

— Сколько она уже здесь?

— Не знаю, — равнодушно ответил мальчик. — Довольно давно. Такие сандалии сто лет никто не носит. Но если тогда она прождала его несколько часов, то для нее и сейчас это несколько часов. И так будет всегда. Пока не стемнеет.

— А где сейчас он?

— Я же сказал, сидит внизу, в пабе.

— А нас она видит?

— Иногда. Но от этого все равно никакого толку. Вот, смотри.

Мальчик в капюшоне подошел к кровати и присел в ногах девочки, затем поерзал немного на месте, словно испытывая на прочность пружины матраса.

— Как ты?

— Нормально, — отозвалась девочка, не отрывая взгляда от двери.

— Не хочешь уйти?

— Не-а. Скоро придет мой папа. Он велел, чтобы я ждала.

Мальчик в капюшоне повернулся к Сету.

— Она все время повторяет одно и то же. Она застряла.

— Но как... Почему она постоянно находится здесь?

— Потому что она здесь и есть.

— Но не одновременно же со мной?

Капюшон энергично закивал.

— Всегда-всегда. Ты теперь тоже сможешь ее видеть. И всех тех, кто застрял за это время, а их с каждой минутой становится все больше и больше.

Это была самая просторная комната из всех номеров над пабом, ее окна выходили на улицу. Когда Сет вошел, здесь не оказалось ни смятых коробок от пиццы, ни пивных банок, ни грязного белья, обычно захламлявших жилище хозяина. По утрам, отправляясь в ванную, Сет частенько видел, что делается в спальне, когда Куин выходил, облаченный в халат.

Сейчас, очищенная от пыли и барахла, кровать была застелена белоснежной простыней, загнутой поверх одеяла в шотландскую клетку. Дверцы шкафов закрыты, все предметы мебели аккуратно расставлены и блестят полировкой. На глаза не попадалось ни одежды, ни обуви, если не считать одинокого черного плаща на двери, а недавнее присутствие человека угадывалось лишь по белому листку бумаги на прикроватном столике. Рядом лежали наручные часы, обручальное кольцо, серебряная авторучка, ровная стопка мелочи. Обстановку можно было назвать спартанской, но при этом приятной.

Скудные детали интерьера должны были остаться на периферии зрения, однако Сет упорно рассматривал каждую, чтобы не глядеть на сухощавого старика, свисавшего с потолочного крюка.

Тело легонько покачивалось по инерции с тех пор, как самоубийца сошел со стула и веревка хлопнула под его весом. Конечности в рукавах темного костюма были вытянуты, наманикюренные пальцы расслаблены. По левой штанине стекала на начищенный черный ботинок жидкость, скатывалась по носку и впитывалась в ковер.

Сет не смотрел повешенному в лицо, но знал, что глаза старика открыты и ярко блестят.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Разница в оценках оказалась небольшая, какие-то две сотни фунтов, однако антиквар с широкими густыми бровями мог забрать мебель не раньше, чем через две недели. А аукционный дом, предложивший наилучшую цену, хотел купить еще и портрет Лилиан с Реджинальдом, чтобы получился полный комплект из четырех картин, найденных в чулане. Они, оказалось, принадлежат кисти неплохого художника, некогда даже выставлявшегося в Королевской академии.

Никто не пожелал забрать кровать. Громоздкую, тяжелую раму неизбежно придется разобрать на части и отправить в мусорный контейнер. Супружеское ложе Лилиан и Реджинальда пойдет на дрова. Еще одно оскорбление от мира, который они покинули.

Все еще скверно чувствуя себя после полной потрясений ночи, Эйприл была не в силах торговаться и согласилась принять от антиквара за все вместе обескураживающую сумму в пять тысяч фунтов. Торговец позволил себе лишь едва заметную улыбку, когда она согласилась на его предложение.

Уверенная в том, что на картине прошлой ночью появилась третья фигура, Эйприл очень хотела продать заодно и портрет. Однако, позавтракав и проглотив несколько чашек крепкого кофе, она списала все на игру воображения. Ну что она, на самом деле, видела? Что-то длинное, вытянутое и бледное взметнулось и ухмыльнулось из алой дымки? Такое же неуловимое, как то, что она заметила позади собственного отражения, когда примеряла платья Лилиан, — лишь намек на стремительное движение по полу худых конечностей, направлявшихся в ее сторону. Наверное, она увидела или прочитала что-то такое, от чего ей постоянно мерещатся привидения, выдумать их сама она просто не могла. Просто обстановка квартиры воздействует на нее, а дневники Лилиан только усугубляют положение. Но не читать их невозможно.

Как только торговцы ушли, Эйприл попросила по телефону, чтобы прислали уборщиков, и сейчас же уселась за кухонный стол с четвертой тетрадью, однако, пробежав по диагонали страницы, поняла, что спутала ее со справочником «Лондон от А до Я» в простой черной обложке. Книжица хранилась в одном ящике с дневником Лилиан, и вложенные между листами яркие карты центра Лондона были сплошь исчерканы разноцветными шариковыми ручками.

На полях почерком бабушки были перечислены названия улиц; чернильные линии

извивались во все стороны от Найтсбриджа, обозначая пути исхода. Во всех направлениях маршруты обрывались примерно в миле от Баррингтон-хаус.

Вот почему туфли Лилиан стоптаны до дыр. Упорство, с каким она на протяжении десятилетий повторяла свои попытки, поражало: до чего сильным может быть наваждение. Эйприл снова задалась вопросом неужели любовь Лилиан к мужу была настолько велика, что не позволила ей покинуть последнее место, где они были вдвоем? Когда Эйприл высказала это предположение Стивену, зашедшему спросить, не заказать ли для нее еще один мусорный контейнер, портье посмотрел неловко, даже виновато, словно снова выражал соболезнования. Эксцентричность ее двоюродной бабушки явно приводила Стивена в смущение.

Теперь за кухонным столом, поставив рядом горячий кофейник, Эйприл приступила к чтению четвертой тетради. Записи в этом дневнике были более короткими и несвязными, чем в предыдущих трех, однако больше всего тревожила перемена в стиле:

«Я вижу их повсеместно. Их тонкие силуэты висят во всех окнах. Не вполне оформившиеся или же наполовину скрытые в тенях. Иногда они просто бессмысленно тычутся в стены первых этажей или же бормочут что-то, скорчившись на углах пустынных грязных улиц или в замусоренных проулках за домами. Они населяют тупики. Обитают в тех местах, куда никогда не заглядывает солнце. Но хуже всего их лица. Я вижу их каждый раз, стоит оглядеться по сторонам где-нибудь в Мейфэре. Жутко белые и худые, они смотрят вниз на улицу из самых старых окон. Рты их шевелятся, но я не слышу слов. Если бы у них были губы, я могла бы прочесть по губам.

На Шеперд-маркет, улице, которая даже в наши дни не поддается никакому облагораживанию, они толпятся и толкаются в пустых комнатах за заколоченными дверьми. Вот этих я по временам слышу, они шепчут что-то сквозь щели. Говорят со мной из своих укрытий. „Он возвращается?“ — то и дело спрашивает меня одна женщина, и сквозь зазор в деревянных досках я вижу ее ребра и позвонки.

„Кажется, я не смогу их найти“, — снова и снова шепчет мне другой узник прошлого. Я даже не знаю, мужчина это или женщина, потому что он стоит на четвереньках за какими-то корзинами. Их молочно-белые глаза как будто не видят меня. Разговаривать с ними без толку — они не признают ничего, кроме собственных страданий, но в то же время моментально чувствуют мое присутствие.

Ох, милый, я существую наполовину в одном мире, а наполовину — в другом. В точности как ты под конец. Теперь я все понимаю и прошу у тебя прощения за то, что прежде не верила тебе. Я никогда особенно не вглядывалась в то, что было развешано у него по стенам, как вглядывался ты и все остальные. Никогда не слышала, чтобы он говорил, как слышал ты. И это ведь ты бросил ему вызов. Наверное, поскольку мое участие в деле было незначительным и зараза проникала в меня гораздо медленнее. А может быть, как ты и подозревал перед смертью, то, что он говорил, правда.

Но как же они выбрались оттуда вместе с ним? Как они сумели проникнуть в картины, которые раньше висели на стенах, и во все зеркала? Как они смеют вот так запросто являться передо мной среди белого дня? Думаешь, мне лучше сидеть в тишине и одиночестве в окружении голых стен, пока все не кончится, и оберегать все входы, через которые они могут пролезть? Неужели ад настолько перенаселен, что они возвращаются?»

Их были целые страницы, описаний странных, жутких видений, с которыми несчастная бабушка сталкивалась на улицах, некогда бывших для нее настоящим социальным раем, — со свиданиями, встречами за ланчем, вечеринками, походами по магазинам и клубам. И кто же этот неотступный тип?

«И каждый раз он их созывает. Все голоса, тени и предметы — им нет места ни в этом доме, ни на лестницах, ни в наших комнатах. Но они являются, стоит ему бросить клич...»

Эйприл начала делать закладки из страниц блокнота, записывая на них все, что относилось, по-видимому, к Баррингтон-хаус. По ее предположениям, в доме произошло некое событие, затронувшее и Лилиан с Реджинальдом, которое, как считала бабушка, повлекло за собой гибель мужа. Тем не менее она никогда не останавливалась на подробностях его кончины. Если в Баррингтон-хаус до сих пор проживает кто-нибудь из прежних соседей, хорошо бы узнать у них, как умер супруг ее двоюродной бабушки. Из записей Лилиан получалось, что ей приходится расплачиваться за некий ужасный поступок, совершенный мужем.

«Ты все сжег и думал, что на этом дело и закончится. Но как же им удалось пережить пожар? Ведь все они здесь, несмотря на то что ты сделал для нас. Для всех нас. Остальные больше со мной не разговаривают. Они винят меня, ведь я твоя жена. Я читаю это в глазах Беатрис. Она теперь не открывает мне дверь. Управляющий прислал мне письмо, и адвокат тоже, угрожая призвать на помощь закон, если я не прекращу преследовать ее. Преследовать ее? Я пыталась им объяснить, что необходимо выживать сообща. И что мы вместе увязли в этом деле. Но убедить их не удалось.

Шейферы тоже не желают меня видеть. Иногда Том звонит и разговаривает со мной шепотом, когда Мириам выходит в другую комнату, но он каждый раз бросает трубку, стоит ей вернуться. Она контролирует все его действия, как и всегда.

Все они трусы. Я говорю себе, что без них мне даже лучше. А вышвырнуть меня отсюда они не могут, потому что я не в силах уйти. От этой иронии я хохочу вслух, но только в моем смехе нет радости. Мы вынуждены сидеть в доме, пока он играет с нами или же мучает нас за то, что мы сотворили; другим выходом представляется самоубийство. Но я не могу это сделать, милый. Потому что не знаю наверняка, то ли это жестокий розыгрыш, то ли я по временам действительно слышу из стен твой голос».

Закрыв тетрадку уже в разгар дня, Эйприл попыталась стряхнуть с себя впечатление, оставленное безумными рассказами бабушки, и отправилась в «Харродс» купить чего-нибудь вкусненького в «Фуд холле», а затем прошлась по магазинам на Слоун-стрит и Кингс-роуд, где были распродажи. Однако названия улиц и некоторые достопримечательности будто специально напоминали ей о маршрутах, какими Лилиан ходила в восьмидесятые, надев шляпку с вуалью и стоптанные туфли.

Когда в восемь магазины закрылись, дождь погнал Эйприл обратно в Баррингтон-хаус. Было холодно, и по шее бегали мурашки. К счастью, из квартиры исчезла порядочная часть барахла, и в коридоре было пусто. В пятницу Эйприл предполагала совершить еще одно титаническое усилие и очистить две дальние спальни от всего, кроме мебели и предметов, отложенных для продажи.

Однако расширившееся жилое пространство квартиры нисколько не добавляло ни тепла, ни уюта. Даже когда Эйприл с помощью Стивена вкрутила в бра и люстры новые стоваттные лампочки, в воздухе все равно осталась висеть мутная коричневатая мгла. А дополнительное освещение только добавило блеска краске на потолке, стенным панелям и плинтусам, обесцветив их и сделав похожими на выцветшие экспонаты в витрине музея.

Эйприл боялась, что никто не захочет купить это жилье. До тех пор, пока квартира не будет вычищена, выпотрошена и переделана от пола до потолка, любой потенциальный ее обитатель окажется навеки заточенным внутри старинной фотографии. Это место подавляло, запах пыли, сырости и старой мебели постоянно напоминал об одиночестве двоюродной бабушки, о ее отчаянии и несвободе, длившихся до самой смерти.

От Эйприл не укрылась ирония сложившейся ситуации: она находится чуть ли не в самом старом элитном многоквартирном доме в самой фешенебельной части Лондона, одного из самых дорогих городов на свете, но вынуждена при этом пользоваться допотопной ванной и ютиться в крохотном пространстве между ободранными, заляпанными стенами, в окружении скопившегося за полвека хлама и никому не нужных осколков жизни

сумасшедшей родственницы.

К девяти вечера Эйприл уже забралась в постель с очередной тетрадью на коленях и стаканом белого вина на столике у кровати. И снова она сейчас же с головой погрузилась в образы, толпившиеся в воображении безумной бабушки.

«Оно скакало вокруг меня, словно обезьяна...

...Сказала: „Они скоро будут здесь. Тише, кажется, я уже слышу их“, после чего приложила мелкую тварь к своей высохшей груди...

...И он погнался за мной на тонких ножках, цокая...

...Облаченное в грязное белое платье, с совершенно лысой желтой головой, это создание вскинуло при виде меня длинные руки. Я уверена, что оно увидело меня. Сам дом был очень старый, одно окно, закрытое прибитым к раме одеялом...

...Кто-то довел меня до дома. Дороги я не помню. Потом вызвали врача. Но не моего лечащего врача, а какого-то человека, руки которого мне совершенно не понравились...»

Среди всех этих записей Эйприл дважды наткнулась на одно имя:

«...я искала его фамилию в других источниках. Книжный магазин на Курзон-стрит, где когда-то жила Нэнси, заказал для меня по этому периоду все, что можно было найти. Но он нигде не упоминается. Как ты однажды заметил: „Ни одна уважающая себя галерея ни за что не развесит в своих залах подобную мерзость“. Ты всегда утверждал, что он ненормальный. Верно, так, если его вдохновляли подобные кошмары. Однако Хессен никогда не выпустил ни одного альбома, он не упоминается ни в журналах, ни в каталогах. Должно быть, у него имелись какие-то личные причины, чтобы поселиться здесь. Я поспрашивала наших оставшихся друзей, которые разбираются в живописи, и лишь двое когда-то слышали эту фамилию. Однако они не смогли рассказать мне больше, чем мы уже знаем, и только то, что никак не связано с его творчеством. Всего лишь то, что во время войны его вместе с Мосли¹ отправили в тюрьму как предателя.

Я не могу попасть в Британскую библиотеку или хотя бы в какой-нибудь ее филиал. Не знаю, может быть, Хессен это не настоящая его фамилия. Разве Дьявол не мастер менять личины? И неужели все это было порождено только для того, чтобы нагнать на нас ужас? Вероятно, он никогда и не преследовал иной цели. Мой интеллект не в состоянии победить его или хотя бы освободиться от влияния и позволить мне спастись бегством. Я перепробовала все. Священник, который приходит в седьмую квартиру к умирающей миссис Форгейт, с каждым моим новым обращением к нему только укрепляется в мысли, что я ненормальная.

И все же мы до сих пор здесь и сходим с ума. Если бы меня увезли из дома силой, я впала бы в истерику. И умерла бы во время припадка. Так почему же, милый, я до сих пор цепляюсь за свое жалкое существование? Потому что страх перед тем, куда я попаду после смерти, сильнее радости возможного освобождения, и он не дает мне последовать за тобой. Могу ли я быть уверенной, что какая-то часть меня, вовсе лишенная свободы воли, не останется здесь навсегда? Такой же беспомощной, как и все те существа за окнами. Те, что мучительно выискивают в темноте людей, места и события, о которых ничего не помнят».

Эйприл записала фамилию Хессена в свой ежедневник к именам жильцов, упомянутых Лилиан. По возвращении в Америку она обязательно даст записи какому-нибудь психиатру. Пусть он объяснит, как именно двоюродная бабушка повредила в уме и не передается ли это по наследству. Эйприл, наверное, не обратила бы внимания на слова Лилиан о художнике, который терзает ее, решив, что это тоже бред, если бы бабушка не упоминала на протяжении всего текста о роли Реджинальда в некоем конфликте.

¹ Освальд Мосли, основатель Британского союза фашистов.

«Ты первый проявил твердость. Решился действовать. Я до сих пор восхищаюсь тобой, дорогой мой, как восхищалась, когда мы еще были вместе и гораздо ближе, чем сейчас. Потому что я каждый день говорю себе, что ты меня слышишь. Только эта мысль и помогает мне жить дальше.

Ты был героем на войне и снова попытался стать героем ради всех нас. Ты отказался бежать, как остальные. Спастись бегством от теней, которые преодолели столько лестниц, скользя вдоль стен и входя в наши комнаты, в наши сны. Ты ни за что не покинул бы свой дом из-за презренного фрица вроде Хессена. Точно так же, как не покинули его те евреи, которые в войну лишились всех своих родных. Однако я никогда раньше не слышала, чтобы ты говорил так. Это меня испугало. Теперь я понимаю, что ты сам боялся. Но слышать, как ты произносишь: „Нам надо было покончить с этим в ту ночь, когда произошел несчастный случай...“ И вспоминать, как мы помогли ему, позволили ему выжить, только чтобы он вернулся, принес с собой еще более непроглядную тьму... Меня переполняет отчаяние.

Ты старался сделать лучше всем нам. Но то, что умолкло, заговорило снова и проявило себя. И проявляет до сих пор, милый. До сих пор. Я надеюсь только, что ты больше не видишь этого. Мысль о том, что и ты среди них, прикончила бы меня.

Я ужасно сожалею, что мы не уехали, когда у нас была возможность. Почему же судьба так жестока? Ты возвращался ко мне со стольких губительных заданий, и вот теперь тебя снова забрали у меня. Вырвали из рук. Прямо у меня на глазах».

Все лампы, как и всегда теперь, были зажжены, зеркало и картина не просто отвернуты к стене, но и вынесены в коридор за пределы спальни. Эйприл сидела, откинувшись на четыре плоские подушки; она не хотела и не собиралась спать.

Где-то на девятом этаже время от времени хлопало на ветру окно. С площадки слышалось негромкое гуденье и клацанье лифта. Иногда гроыхала входная дверь внизу, и грохот поднимался по тускло освещенным лестницам и проходил через бабушкину квартиру. Эйприл утешала мысль о том, что в доме есть и другие люди.

Она переключила сонные мысли на предстоящие завтра дела завернуть фотографии в полиэтилен с пупырышками, затолкать сухие розы в мусорные мешки; может быть, позвонить тому таксисту, который в последний раз доставил Лилиан домой, и поблагодарить. Может быть. И позвонить агентам по недвижимости. Может быть.

Она уже спит? Вроде спит, но в то же время ощущает предметы вокруг. Как будто провалилась в беспамятство, но не окончательно. Подобное случалось с Эйприл нечасто, однако ощущение было знакомое, словно она лежит в постели одна, единственная обительница квартиры, но при этом сознает все, что окружает ее в спальне.

В таком случае кто же склонился над ее постелью?

Наверное, все в доме проснулись от ее крика. Эйприл подскочила на подушках, попыталась выбраться из постели, но нога запуталась в простыне, и девушка отшвырнула ее, словно руку, которая тянет вниз, навстречу неведомым кошмарам. Все это время Эйприл слышала голоса. Где-то вдалеке. На фоне собственного тяжелого дыхания и всхлипов она слышала голоса. Как будто бы порыв ветра принес издалека крики со школьной площадки.

Ветер. Он гулял за окнами и стенами, но и в помещении тоже — бушевал под потолком. Потолком, который превратился в бесконечную тьму, сгустившуюся вокруг чего-то, очень похожего на удаляющееся лицо. Туго обтянутое красным. Лицо проваливалось во тьму на том месте, где люстра должна была высвечивать трещины и пожелтевшую краску, а вовсе не лишнюю оттенков глубину и леденящий холод. Холод, который проникал сквозь кожу до самых костей.

Но где же теперь это лицо? И голоса, и ветер?

Эйприл стояла перед дверью спальни, оглядываясь на кровать, откуда только что сбежала. Все ее тело, в одном лишь белье, сотрясала дрожь, но комната бабушки выглядела точно так же, как и раньше, когда девушка ложилась спать: зажженные лампы, голые стены и

никого, кроме нее самой.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Страдая от жажды и боли в голове, Сет сел на жаркой постели и потянулся за табаком и папиросной бумагой к столику у кровати. Потерявший способность ориентироваться после очередного долгого ледящего кошмара, он пытался вспомнить, что было до того, как он заснул, — казалось, с тех пор прошла вечность, но за окнами все еще было темно.

Сет прикурил сигарету одной рукой, пока пальцы другой шарили по столику в поисках карманного будильника. Он повернул голову, взглянул на циферблат и выругался, зажмурив глаза. Электрические лучи небольшой настольной лампы, которая горела все время, что он спал, больно ударили по мозгу.

Медленно, отворачивая лицо от пронзительного света и беспрерывно моргая, Сет поднес часы к глазам. Половина седьмого, но утра или вечера? А день какой? Он даже попытался вспомнить, когда он бодрствовал последний раз.

Пол и мебель усеивали листы с набросками. Боль в мышцах и судорога в правой руке и пальцах напомнили о том, как безумно он рисовал. После чего отключился на целый день. А может, на два дня. Он проспал весь водянисто-серый день и проснулся в темноте. Надо ли сегодня заступать на дежурство, если начало действовать новое расписание? С работы никто не позвонил. Должно быть, у него сегодня выходной.

Ветер сотрясал стекла в ободренных рамах, дождь колотил по грязным карнизам.

Кашляя, Сет выбрался из постели. Ощущая во рту насыщенный вкус сигаретной смолы, он в свете лампы изучил результаты работы. На полу, от батареи центрального отопления до заложенного камина, под письменным столиком и между ножками обеденного стола валялись рисунки или фрагменты.

С сигаретой, прилипшей к нижней губе, в старом халате, наброшенном на плечи, Сет изучал наброски, напоминавшие те, что тюремные надсмотрщики могли бы обнаружить в камере безумца.

Образы потрясали. В их дикости было нечто животное. Абсурдное. Болезненное. Гротескное. Однако не без достоинств.

Наскоро хлебнув воды из пластиковой бутылки, Сет с некоторым удовлетворением отметил в рисунках жизнь, одушевленность, странную жизнеспособность в переплетенных конечностях темных фигур. А в глазах — жестокий разум радость при виде чужих страданий, предвкушение мучений, испепеляющая зависть. Это не походило ни на что, нарисованное им раньше, но казалось проблеском той неведомой внутренней силы, какую он всегда боялся запечатлеть углем, краской или в глине. Единственными достойными результатами его трудов до сих пор были картины, которые лишь отдаленно напоминали наброски, раскиданные перед ним теперь. Преподаватели в школе искусств с некоторым недоумением отмечали в его прежних работах несочетаемые оттенки и краски — нечто такое, чего он стыдился, что подавлял в себе. Тягу к экспрессионизму, которую он не решался развивать. Но теперь будет по-другому. Только эти его способности и стоят чего-то. Требуется лишь немного практики.

Сет включил лампочку под потолком и присел на корточки, вглядываясь в лицо нерожденного ребенка, прижатое к стеклу, — черты его были размыты, но глаза явно с восточным разрезом. Рядом с наброском зародыша Сет обнаружил рисунок головы миссис Шейфер, неряшливо обвязанной шарфами, представленной с трех точек зрения, с глазками маленькими, словно оливки, и черными от ярости. На другом листе ее голова была насажена на туловище паукообразного, гладкое и блестящее, как оникс, наполовину скрытое под кимоно и похотливо развернутое к высохшему силуэту мужа, который ковылял к своей подруге на тоненьких, словно у ребенка, ногах.

Было еще похожее на посмертную маску лицо мистера Шейфера с серыми, будто из папье-маше, чертами. И один набросок его тела в образе марионетки, которая болталась на

паутинках, выпущенных из живота его супругой. На последнем изображении пожилой четы красовались яйца, перламутровые, как жемчужины, и влажно поблескивающие, кладка грелась в корзинке у батареи.

Сет улыбнулся, отчего рот как-то странно стянуло.

Однако на большинстве рисунков, которые хлынули из небытия, стоило его подсознанию приоткрыться, фигурировал один и тот же знакомый силуэт.

Сет запечатлел ребенка с затененным лицом, скрытым капюшоном, спасавшегося от посторонних взглядов внутри своей куртки.

— Боже мой!

Сет вдруг оглядел всю комнату: банки с супом, составленные на холодильнике, шкафы со сломанными дверцами, грязно-коричневые жиденькие занавески, трепещущие на сквозняке, жесткий ковер и конфетти из листов на полу. Интересно, как далеко он зашел. Все это результат ночной работы. Должно быть, он сходит с ума из-за хронического недосыпа. И из-за попыток прижиться в Лондоне, привыкнуть к одиночеству, отчаянию, бытовым сложностям, отравляющим существование. А может, все это предопределено? Как будто он с самого начала должен был оказаться здесь — загнанный в угол, вынужденный копать в себе, срывая покровы слой за слоем, сомневающийся и заново осмысливающий все, чему раньше учили, пока его не затянуло в недра собственной души, обиталище темных тварей. Его подтолкнули к открытию того места, где три десятилетия накапливался жизненный опыт, отфильтровывался, после чего хлынул наружу, придав всему новые очертания, — так гнусная ложь выставляет в новом свете истину. Его истину. Главную истину.

Вот там и жило его художественное видение.

Но хочет ли он его?

Закрыв ладонями лицо, Сет поглядел сквозь растопыренные пальцы на потолок.

Возможно, он отвергнет невероятный дар. Великий дар, подразумевающий немалую плату. Но бросить вызов миру на таком уровне — это соблазнительно. Если он останется верен себе, то его не будет волновать, что подумают другие. Если он твердо вознамерится развивать свое видение, в нем не найдется места тщеславию или гордости. Никаких ограничений. Он должен будет отдать всего себя этому тайному миру, пока тот не поглотит его или же пока он сам не достигнет целостности.

Здесь нет места мыслям об успехе или поражении. Нет никаких установленных сроков — лишь безоговорочная преданность тому, что он видит и чувствует.

Осмелится ли он?

Сет посмотрел на пол. Беглый взгляд на рисунки наполнил его отвращением, но в то же время и непонятным возбуждением, из-за которого тут же сделалось неуютно. Он как-то сразу понял, что эти наваждения его прикончат.

Сет сел на кровать, понурил голову и быстро высосал самокрутку до основания. Он размышлял о кошмарах, о постоянных появлениях мальчика в капюшоне. Господи, он ведь даже говорил с порождениями собственного больного воображения. А бесконтрольный гнев, апатия, неспособность действовать, позаботиться о пропитании и личной гигиене, научиться общению с другими!

Сейчас выпал шанс бежать из безумного места. Может, останки его прежнего «я» в миг отрезвления вызывают к нему с последним предупреждением? А что, если как раз это доводящее до иступления врожденное чувство опасности до сих пор и мешало ему проявить потенциал художника?

Сет не мог решить, что делать, и ему не с кем было поговорить в критический момент. Наверняка он знал только одно: он боится себя самого, больше не доверяет себе и не может предсказать, как поступит в той или иной ситуации.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Стивена явно что-то мучило. Вокруг глаз залегли черные тени, лицо осунулось, а

движения головы и рук стали какими-то заторможенными, как будто бы все, что стоит перед ним за стойкой, очень хрупкое и требует особенной осторожности. С каждым разом Эйприл все больше и больше обращала внимание на состояние старшего портье. И еще на его волнение, словно ее присутствие заставляло Стивена нервничать, даже путало. До сих пор она и не подозревала, что может вызывать у людей подобные эмоции.

Но с другой стороны, жена Стивена, Дженет, серьезно больна. И Петр однажды, в очередной раз пытаясь завязать разговор, рассказал Эйприл, что супруги несколько лет назад потеряли единственного ребенка в результате какого-то ужасного несчастного случая. Кроме того, бедняга Стивен каждый день встает в шесть утра, чтобы проследить за передачей смены ночного портье дневному, после чего сам трудится до шести вечера и двенадцать часов кряду ведет себя дипломатично и услужливо по отношению к обитателям дома. Он сам упоминал об этом, по обыкновению спокойно и ненавязчиво. И хотя у Эйприл сложилось впечатление, что старший портье рад помочь и в его отношении и интересе к ней нет и намека на какие-то неприличные заигрывания — в нем, напротив, угадывалось нечто отеческое, — она начала подозревать, что ее появление в Баррингтон-хаус расстраивает Стивена, огорчает так же, как постоянное напоминание о трудном, даже неприятном, деле. Может быть, что-то в ее американских манерах беспокоит сдержанного англичанина?

— Доброе утро, Эйприл. Как успехи?

— О, знаете, шаг вперед, два назад. Да нет, я шучу. Все отлично, честное слово!

— Похоже, вы действительно взялись за дело всерьез. Я видел контейнер.

— Наверное, еще день, и он заполнится.

— Новый контейнер привезут в пятницу.

— Спасибо. Спасибо за все, вы так мне помогли. Даже не знаю, что бы я без вас делала.

Он замахал руками и едва не улыбнулся.

— Это пустяки. Рад был помочь.

— Но я хотела спросить вас кое о чем. Это касается Лилиан.

Старший портье нахмурился и перевел взгляд на журнал.

— Разумеется.

— Дело в том, что у нее остался дневник. Точнее, дневники.

Старший портье сощурился и провел пальцем по строчке, которую читал.

— Что?

— И эти дневники... Они очень странные. Если честно, они меня перепугали до смерти. — Голос Эйприл задрожал. — Ее записи подтверждают ваши слова. Лилиан похожа на настоящую сумасшедшую. Мне кажется, она была больна, долгое время она серьезно болела. Обезумела.

Стивен сдержанно кивал, но не мог скрыть неловкости, как будто бы то, что говорила Эйприл, выходило за рамки обычного повседневного разговора.

— Но она часто упоминает других жильцов дома. В тетрадах не стоит дат, но, судя по некоторым деталям, я добралась до семидесятых. Так вот, я хотела узнать, не остался ли в доме кто-нибудь из числа тех, кто был с ней знаком.

Стивен поджал губы и уставился на столешницу.

— Дайте подумать.

— Вы не знаете кого-нибудь по имени Беатрис?

Стивен кивнул.

— Это Бетти. Бетти Рот. Она поселилась в доме еще до войны. Вдова. Но я сомневаюсь, что она была знакома с вашей бабушкой. Я никогда не видел, чтобы они общались.

— Это неважно! Поразительно, Беатрис до сих пор здесь? Они с Лилиан были подругами. В те времена, когда их мужья были еще живы. Как бы мне хотелось с ней поговорить!

При этих словах Стивен поморщился.

— Мне не часто приходится слышать подобные просьбы.

— Почему?

— У нее довольно сложный характер.

— Ну, если вы так говорите, она, должно быть, настоящая стерва.

— Этого я не говорил. — Стивен, улыбнувшись, развел руками. — Можете рискнуть, хотя сомневаюсь, что Бетти согласится с вами встретиться. А если и согласится, скорее всего, вы уйдете от нее либо в слезах, либо задыхаясь от бешенства.

— Все настолько скверно?

— Еще хуже. Ее собственная дочь, милейшая женщина, какую только можно себе представить, и та, уходя от нее, плачет. Остальные родственники боятся ее как огня. И почти весь Найтсбридж боится. Ее даже больше не пускают в «Харродс» и в «Харви Николс». Хотя она в последнее время редко покупает что-либо. И еще именно по ее милости у нас так часто меняются портье.

— Но...

— Знаю, она просто-напросто старуха. Но горе тому, кто ее недооценит. Кажется, я сказал достаточно.

— Спасибо за предостережение, но я должна попытаться. Она может знать, как умерла бабушка. И еще Лилиан упоминает пару по фамилии Шейфер и часто пишет, что их из дома и калачом не выманить.

— Да, это правда. Они постоянно живут в Лондоне, и я никогда не слышал, чтобы они выходили дальше, чем до магазинов на Моткомб-стрит, даже до того, как мистеру Шейферу сделали операцию на бедре. Теперь супруги уже очень стары, и к ним приходит сиделка. Сам Шейфер едва ходит. Ему ведь исполнилось девяносто.

Эйприл больше всего задело замечание Стивена о том, что супруги не уходят дальше магазина на углу. Даже спустя столько лет безумные записи двоюродной бабушки отражали нечто более весомое, чем просто фантазии больного разума.

— Вы не могли бы...

— Поговорить с ними? Конечно. Бетти спустится на ланч ровно в половину двенадцатого. Тогда я ее спрошу. Она никогда не пропускает поход в «Клариджиз».¹

— А это далеко?

— Нет, на другой стороне Гайд-парка.

Эйприл кивнула, не в силах стряхнуть с себя вновь возникшее ощущение дискомфорта.

— Это было бы замечательно. Скажите, что о ней расспрашивала двоюродная внучка Лилиан, которая интересуется историей семьи, и что она будет благодарна за любую информацию. Пусть миссис Рот уделит мне всего несколько минут своего времени.

Стивен сделал запись в блокноте.

— Я позвоню вам или расскажу о результате лично, если встречу.

— Отлично.

— Но я не могу ничего обещать. Они, как правило, никого к себе не подпускают.

— Я понимаю. И в дневнике упоминается еще один человек. Художник, который когда-то жил здесь. Некто по фамилии, кажется, Хессен.

Пальцы Стивена замерли над строкой, какую он заносил в блокнот, но портье не поднял головы.

— Вы слышали о таком? — спросила Эйприл, и все внутри ее сжалось от волнения.

Стивен заморгал, посмотрел куда-то мимо нее, затем отрицательно покачал головой.

— Художник? Нет. Не слышал. При мне не было. И на здании нет голубой таблички. — Стивен говорил о мемориальных знаках, какими в Лондоне отмечают дома, где проживали знаменитости.

— Ну да. Это же было много лет тому назад. Наверное, он тогда был неизвестным художником, а вовсе не знаменитостью.

На конторке портье зазвонил телефон. Рука Стивена потянулась к трубке.

— Прошу прощения, Эйприл, но я должен ответить на звонок.

Эйприл кивнула, стараясь, чтобы разочарование не отразилось на лице.

¹ «Клариджиз» — знаменитый отель в центре Лондона.

— Конечно. Мне пора идти. До свидания и спасибо вам.

Эйприл отправилась через налитый влагой зеленый Гайд-парк на поиски улицы под названием Куинз-уэй. Она находилась в районе Бэйсуотер, с северной стороны огромного городского парка, за озером Серпентин, за лабиринтом тропинок и деревьев.

Сойдя с дорожки в мокрую траву, Эйприл так и шагала напрямик, пока парусиновые туфли не промокли насквозь. Она прошла через многочисленные сады, миновала колоссальный Мемориал принца Альберта, затем двинулась вдоль Кенсингтонского дворца, где когда-то жила принцесса Диана. Было приятно глотнуть свежего воздуха, посмотреть на нормальных людей, занятых повседневными делами: нянек с колясками, детишек в стеганых курточках; любителей бега трусцой, которые обгоняли Эйприл, тяжело дыша и мелькая потными розовыми ногами, или же, наоборот, стройные и худощавые, двигались легко, широкими шагами. Она ничего не выдумывает — чем дальше она отходит от Баррингтон-хаус, тем легче становится на душе. На нее больше не давит ощущение, будто она заточена в угрюмых коричневых комнатах.

Оглядев наскоро белые гостиницы и сочащиеся дождевой водой квадраты садов, протолкнувшись сквозь нескончаемый поток туристов, Эйприл решила, что Бэйсуотер лучшее место, куда стоит переехать из Баррингтон-хаус. При мысли о том, что ее ждет очередная одинокая ночь в квартире, Эйприл делалось дурно.

Она боялась. В нее вселяли ужас грязные стены, вытертые ковры и сумеречная тишина, наполненная ожиданием чего-то. Длительное заточение в этих стенах одинокой и обезумевшей женщины совершенно изменило квартиру. Лилиан все глубже проваливалась в деменцию в мрачной темнице, какой стал для нее дом, где множество воспоминаний исказились, бесконечными часами перепархивая с места на место, словно привидения. Бабушка как будто физически заразила жилище унынием, которое, в свою очередь, населило ее мысли тайными ужасами и паранойей.

Эйприл не могла точно объяснить, как такое случилось или как в ней самой вдруг развилась странная чувствительность к подобным вещам, но прямо сейчас ей становилось жарко от стыда за собственную глупость. За то, что квартира, простая и вполне материальная, смогла вызвать в ней такую перемену. Однако смогла, и прошлая ночь очередное тому доказательство.

Эйприл задумалась, как объяснить матери переезд в гостиницу. Очередная ложь во спасение. От одной мысли, что придется как-то сообщить эту новость, на нее наваливалась усталость. Потом, она разберется с этим потом. Потому что Бэйсуотер обладает по-настоящему средиземноморским шармом, которым хочется насладиться — даже небо вдруг стало голубым, — казалось, этот район создан специально для гостей из-за границы. Здесь повсюду были магазины, торгующие сумками и чемоданами, сетевые рестораны и дурацкие сувенирные лавки для туристов, однако же Эйприл понравились высокие белые дома с греческими и кипрскими магазинчиками. Чтобы подкрепиться, она купила оливок и хумус в афинской лавочке на Москоу-роуд, где на всех стариках за прилавком были голубые комбинезоны; покупки ей завернули в белую бумагу.

Оплатив час за компьютером и удобно устроившись с чашкой капучино в русском интернет-кафе на Куинз-уэй, Эйприл выяснила, что всего три страницы, обнаруженные Google, содержат более-менее внятные сведения о художнике по фамилии Хессен. С такой фамилией нашелся всего один художник, который работал в тридцатые в Западном Лондоне. Известен он был немногим, но те, кто его знал, до сих пор пребывали под впечатлением. Это он. Должен быть он. Звали врага двоюродной бабушки Феликсом. Феликс Хессен.

Какой-то парень по имени Майлз Батлер несколько лет назад написал о нем книгу, поэтому большинство ссылок приходились на рецензии. Ее выпустила галерея Тейт Бритейн, Эйприл записала название: «Видения из Вихря. Рисунки Феликса Хессена». Также существовало общество, называвшееся «Друзья Феликса Хессена». Оно базировалось в Кэмдене, и сайт у них был отвратительный. Сплошной черный фон и красные

анимированные рисунки. Эйприл прочитала не в меру эмоциональное предисловие о том, что «Хессен должен по праву считаться великим художником-сюрреалистом», о его «вкладе в развитие футуризма» и о том, что он являлся «предтечей Фрэнсиса Бэкона», о котором Эйприл уже слышала.

Эйприл щелкнула по ссылке на биографию, которая занимала несколько страниц, однако, быстро пробежав текст глазами, не встретила упоминания Баррингтон-хаус. Феликс Хессен родился в Швейцарии, но известно о нем было до чрезвычайности мало. Этот «великий мастер» ни разу не выставлялся ни в одной галерее, ни при жизни, ни посмертно. Его сохранившиеся наброски хранились теперь в Америке, в архивах Нью-Хейвена.

На страничке с биографией утверждалось, что отец художника был преуспевающим торговцем, который отправил юного Феликса в медицинский колледж в Цюрихе. По неизвестным причинам зажиточное семейство эмигрировало в Англию, и в итоге Феликс Хессен закончил курс в Школе изящных искусств Слейда, откуда вышел рисовальщиком. Автор предисловия сообщал, что именно сочувствие Британскому союзу фашистов и знакомство с человеком по имени Освальд Мосли перед началом Второй мировой привели к заговору против Хессена со стороны художников левых взглядов и обрекли его на забвение. Хессен даже просидел всю войну в Брикстонской тюрьме за «действия, угрожающие общественной безопасности, а также обороноспособности королевства». Ходили слухи, что в тридцатые он познакомился с главами нацистов — возможно, и с самим Гитлером, — пытаясь заинтересовать их своими работами, которые им не понравились. Поэтому Хессену пришлось довольствоваться должностью офицера связи, служа британским фашистам, которые тоже его не любили.

Неудивительно, что Реджинальд его возненавидел.

Выйдя из тюрьмы, Хессен вел затворническую жизнь, поселившись в Западном Лондоне. Сохранились лишь его рисунки, сделанные в тридцатые, и еще единственный номер художественного журнала «Вихрь», который он издавал. Журнал вышел четыре раза, у него было примерно шестнадцать подписчиков, когда Хессен отказался «от поиска философского способа выразить идеи, невыразимые словами».

Эйприл легко узнала неудачника.

Хессен исчез в конце сороковых, однако на сайте не было точной даты смерти. Он много лет числился пропавшим без вести, после чего семейный адвокат официально объявил его умершим. Наследство было распродано дальними родственниками из Германии. Хессен не был женат, у него не было детей, родителей он пережил, они оба умерли еще перед войной, до того, как их сын обрел короткую (и дурную) славу.

Его фамилия не числилась и в списках художников довоенной поры, хотя некто по имени Уиндхем Льюис¹ считал, что Хессен «подавал большие надежды», пока все они не рухнули, а Огастес Джон² рекомендовал его работы Королевской академии, хотя Хессен не стремился к официальному признанию. И в мемуарах того времени встречались лишь краткие упоминания о Хессене. Одна из сестер Митфорд, Нэнси, считала его «несправедливо наделенным хорошей внешностью и омерзительным». Его даже изгнали из оккультного общества Кроули³ «Мистерия мистика максима», сразу же после того, как «усомнились в пути, избранном им для просветления». Вроде бы Хессен пытался подкупить, а затем и шантажировал Кроули, чтобы тот передал ему знание о ритуале призывания, на что он, будучи всего лишь адептом, никак не мог претендовать. В оккультных кругах в то время ходили слухи, будто Кроули действительно делится и опытом, и соответствующей литературой в обмен, разумеется, на порядочное вознаграждение, дабы удовлетворять свои потребности в морфии и проститутках. В данном случае речь шла о в высшей степени летучем веществе, которое и сам «Великая Бестия» Кроули использовал, и довольно успешно, в ритуале призывания в шотландском поместье Болескин-хаус на берегах озера

1 Перси Уиндхем Льюис (1882–1957) — английский художник, писатель и теоретик искусства.

2 Огастес Эдвин Джон (1878–1961) — английский художник-пост-импрессионист.

3 Алистер Кроули (1875–1947) — один из наиболее известных оккультистов XIX–XX века.

Лох-Несс после долгого поста. Поэт по имени Джон Госворт вспоминал, как Хессена выгнали из читального зала Британской библиотеки за проведение ритуала прямо между столами, в результате чего во всем здании померк свет.

Однако вскоре после войны Хессен исчез, испарился. Возможно, он покончил жизнь самоубийством.

Нигде не упоминалось, что он проживал в Баррингтон-хаус.

«Друзья Феликса Хессена» ругали книгу Майлза Батлера, считая ее частью кампании либеральных художников против Феликса Хессена.

Еще на веб-сайте помещались более тридцати эссе о его пропавших полотнах в масле, наброски к которым были якобы только подготовкой к «великому видению Вихря». Если верить интернет-странице, исчезновение картин также явилось результатом заговора. Они были похищены, и их до сего дня прятали где-то художественные советы, поскольку имя Хессена все еще ассоциировалось с фашизмом.

«Друзья» встречались раз в две недели, чтобы послушать лекции заезжих гостей и принять участие в «Скрытом ландшафте лондонского периода», что бы под этим ни подразумевалось. В ближайшую пятницу в Кэмдене состоится лекция «Хессен и нацистский оккультизм», которую прочтет гость из Австрии, Отто Херндель. За подробностями предлагалось обращаться по телефону к некому Харольду. Эйприл быстро просмотрела темы пятничных встреч общества «Феликс Хессен и культ разложения», «Пирушка для проклятых. Невидимый мир Феликса Хессена и Элиота Колдуэлла», «Кукольный гротеск в довоенной живописи», «Дикость. Взгляд на Бестию», «Сюрреализм и модернизм Эзры Паунда. Видения из Вихря».

Все вместе это походило на настоящий винегрет, и Эйприл скоро почувствовала, что у нее мельтешит перед глазами от незнакомых слов и непонятных аллюзий. Однако же она записала номер Харольда. В конце концов, он — доктор метафизических наук. Эйприл не вполне понимала, что это означает, но он показался крупным специалистом по Хессену, поскольку был автором большинства эссе и книги, которые общество обещало в скором времени опубликовать.

Эйприл щелкнула по ссылке, ведущей в галерею с уцелевшими работами Феликса Хессена, и у нее зашевелились волосы. Когда наконец все они загрузились, картинка за картинкой, Эйприл ощутила, что у нее кружится голова, и ей пришлось сосредоточиться, чтобы что-нибудь разглядеть. Если ей требовалось визуальное воплощение болезненных фантазий двоюродной бабушки, тех жутких существ, которые толпились вокруг Лилиан и загоняли ее обратно в Баррингтон-хаус, то именно их и запечатлел Хессен. Углем, гуашью и тушью. И он сделал это еще в тридцатые, задолго до того, как Лилиан начала вести дневники.

Эйприл провела в Бэйсуотере остаток утра, пила кофе и ела слоеные пирожные. Она несколько часов с удовольствием наблюдала мир сквозь витрины ливанского кафе, залитые дождем. Все это время она пыталась осмыслить то, с чем впервые столкнулась в записях бабушки, и вот теперь обнаружила на невнятном интернет-сайте. Она жалела, что вообще заглянула в дневники, но теперь не могла отделаться от желания понять, почему Лилиан и Реджинальд были настолько одержимы этим существом, начисто лишенным каких-либо человеческих качеств и рисовавшим омерзительные картины с мертвыми животными, трупами людей и марионетками, которые, кажется, являли собой гибрид первых двух. Эйприл вовсе не доставило удовольствие созерцание рисунков в Интернете, но вот теперь некоторые из них всплывали в памяти. Нечто, похожее больше всего на черную обезьяну с лошадиными зубами, пришло ей на ум, заставив содрогнуться. Одного взгляда на рисунок было достаточно, чтобы услышать, как визжит эта тварь. Но, избавившись усилием воли от этого образа, Эйприл сейчас же увидела перед мысленным взором следующий: неведомое существо глядело вверх из подвального окна; оно напоминало женщину, очень старую женщину, та состояла из одних костей.

Сидя за маленьким столиком в кафе, Эйприл приняла решение. Она прочтет книгу

Майлза Батлера о Феликсе Хессене, человеке, которого Лилиан обвиняла в том, что он разрушил ее жизнь. Она сходит на встречу «Друзей Феликса Хессена» и еще переговорит со всеми в Баррингтон-хаус, кто знал бабушку в молодости. Она обязана сделать это для Лилиан, потому что этого не сделает никто другой. По крайней мере, в пятницу Эйприл сможет перед вечерней лекцией пройтись по рынку в Кэмдене, а потом побеседует с кем-нибудь из обещанных специалистов. Просто чтобы лучше представлять себе этого художника, человека, который изображал такие ужасы.

К полудню Эйприл пришла еще к одному твердому заключению: больше она не станет ночевать в Баррингтон-хаус.

В гостиничном номере на Лейнстер-сквер Эйприл поковыряла вилкой взятую навынос во вьетнамском ресторанчике еду, выпила шардоне и раскрыла книгу Майлза Батлера на предисловии.

Альбом в мягкой обложке насчитывал всего сто двадцать страниц и в основном содержал репродукции рисунков Хессена. В галерее Тейт в Пимлико оказалось не больше десятка экземпляров книги, да и те стоили недорого.

— Она с самого начала плохо расходилась, — пояснил продавец книжного магазина при галерее. — Это чтение не для всех. Галерея даже собиралась еще раз уценить тираж.

— Моя двоюродная бабушка была знакома с художником, — ответила Эйприл с чувством непонятной гордости.

Однако ни на кого последние слова, кажется, не произвели впечатления.

Из галереи Эйприл отправилась обратно в Баррингтон-хаус, чтобы захватить необходимую одежду и туалетные принадлежности. Выходя из здания, она притормозила у стойки портье, чтобы поговорить со Стивеном, пока у того не закончилась смена.

Он не задавал вопросов по поводу ее решения переехать в гостиницу. Кажется, он удивился, что девушка не сделала этого раньше, учитывая состояние квартиры. Эйприл подумала, что, наверное, Стивен даже обрадуется, потому что теперь она не станет так часто просить его об услугах. Но портье лишь сообщил, что и миссис Рот, и чета Шейферов наотрез отказались встречаться с нею.

— Но почему? Они ведь были знакомы с Лилиан.

Стивен пожал плечами.

— Я попросил вежливо, объяснил, что очаровательная двоюродная внучка Лилиан остановилась в доме на некоторое время и хотела бы больше узнать о своей бабушке, с которой не была знакома при жизни. Но они отказались. Несколько невежливо получается, подумал я. И поэтому попытался их уговорить. Но Бетти просто вышла из себя.

Стивен покачал головой, глядя еще более устало, чем обычно.

Что же случилось с этими людьми? Разве старички не любят поболтать о временах своей молодости? Похоже, что нет. Все в ней клокотало от разочарования. Эйприл взяла такси до Бэйсуотер и зарегистрировалась в гостинице. Приняв горячий душ — самый лучший на ее памяти, — она устроилась на мягкой кровати с книжкой Майлза Батлера. И немедленно поздравила себя с тем, что решила не читать ее в Баррингтон-хаус. Пожалуй, иметь дело с подобными явлениями безопаснее здесь. В другом мире, чистом и ярком, удобном и современном, — полной противоположности дома, из которого никак не могла выбраться Лилиан.

«Видения из Вихря» была написана гораздо лучше и куда менее истерично, чем текст на сайте «Друзей», однако из биографических деталей автор излагал не более того, что она уже прочитала в Интернете. Текст по большей части представлял собой анализ воображаемого и символического в уцелевших рисунках. Оказалось, Эйприл с трудом понимает его, поэтому она читала по диагонали, чтобы не чувствовать себя полной дурой. Зато все репродукции, какие она видела на экране компьютера, здесь были отпечатаны на дорогой глянцевої бумаге, отчего вселяли в зрителя еще большую тревогу. Потребовалось сознательное усилие воли, чтобы взгляд не перебежал со строк на бесконечную вереницу

диких, ошарашенных, перепуганных и потерянных созданий на рисунках. Хуже всего были работы в цвете. Переворачивая страницы, Эйприл уже скоро начала прикрывать репродукции салфеткой, чтобы сосредоточиться на тексте, потому что картинки заставляли ее вспоминать большие отрывки из дневников бабушки. И сходство было настолько пугающим, что Эйприл принялась окидывать взглядом кровать и небольшую хорошо освещенную комнату, как будто ожидая увидеть кого-то, кто стоит рядом и наблюдает за ней.

Эйприл стряхнула с себя наваждение и пробежала глазами абзац об обучении Хессена в медицинском колледже и скандале, который учинил преподаватель в школе Слейда по поводу того, что Хессен нарисовал трупы вместо живых моделей и вообще «не выражает интереса к прекрасному». Баррингтон-хаус упоминался один раз мимоходом просто как место, где Хессен останавливался после войны.

Заточение в тюрьме во время войны, как предполагал автор, сломило Хессена и преждевременно оборвало его карьеру художника: «Хессен происходил из привилегированного класса, он был человеком в высшей степени чувствительным, который так и не смог примириться с клеймом предателя и суровыми тюремными условиями». Единственный способ постичь Хессена — через его искусство, через сохранившиеся рисунки, и только рассматривая эти рисунки с философской точки зрения.

«Он жил внутренней жизнью, и истинные свидетельства того, каким человеком он был, чего пытался достичь, сохранились исключительно в его работах».

Эйприл хотелось прочитать вовсе не об этом. А если автор все-таки не прав? Вдруг было что-то еще? Она же знает наверняка, что целый кусок жизни художника остался неизученным: годы, проведенные в Баррингтон-хаус, история, на которую намекает в дневниках Лилиан. Основываясь на ее записях, можно было бы получить сведения от пока еще живых соседей, если только те захотят с ней говорить. Возможно, другие — эта Бетти и чета Шейферов — тоже видели картины Хессена или, по крайней мере, слышали о них от Лилиан и Реджинальда. Наверное, это слишком смелое предположение, однако она должна рассказать все, что ей известно, этому парню, Майлзу Батлеру. В конце книги сообщалось, что он куратор в галерее Тейт, так что разыскать его будет нетрудно, если, конечно, он еще работает.

Эйприл все так же по диагонали просматривала рассуждения Майлза об искусстве, останавливаясь на тех местах, где о Хессене сообщалось что-нибудь конкретное. И из того немногого, что было сказано о художнике, вырисовывался портрет человека вспыльчивого, неприятного, болезненно мстительного, совершенно равнодушного к переживаниям других. Постоянно упоминалось о его несдержанном темпераменте, описывалось, как он рвал те немногие дружеские связи, которые имел до войны.

Хессен пребывал в глубокой депрессии еще до того, как без обвинения и суда был заключен в карцер Брикстонской тюрьмы по предписанию 18 «б». Автор предполагал, что у художника еще до ареста развилась биполярная болезнь, из-за которой он сделался «обессиленным, апатичным параноиком, вероятно проявляющим признаки шизофрении и мании величия».

Знакомый художника, скульптор Бостон Мэйз, уверял, что Хессен совсем не мог спать и в его лице было что-то мертвенное. Он часто разговаривал сам с собой на глазах у всех, забывая о том, что он не один. Он отличался невероятной рассеянностью, отстраненностью и забывчивостью. «Разум, дергающий за привязь».

В некоторых мемуарах упоминалось о том, как по-глупому Хессен пытался приобщиться к энохианской и черной магии. Однако если оставить в стороне лихорадочные попытки художника обрести эзотерическое знание, а также философские и политические статьи, какие Хессен сочинял в тридцатые (и какие навсегда подорвали его репутацию), Майлз Батлер честно признавал, что ему не от чего оттолкнуться, кроме как от сохранившихся рисунков. Поэтому-то он и пытался их расшифровать.

«Работа Хессена была идиосинкразическим и глубоко личным исследованием

внутреннего видения, чем-то таким, на что он потратил всю свою взрослую жизнь. В студенческие годы он готовился к этому, занимаясь философией, а затем исследуя экстремальные политические доктрины, пока не понял, что ответы, которых он добивается, лежат вовсе не в области идеологии или верований. Философия и горячее увлечение фашизмом были, по мнению Хессена, всего лишь сосудами, стоявшими где-то рядом с Вихрем, они были способом приблизиться к нему, симптомами, подготовительным этапом. И только через искусство и погружение в оккультные ритуалы Хессен и смог подойти к пониманию собственного видения мира.

Вихрь был для него тем местом, где, по собственному убеждению Хессена, он обязательно окажется после жизни: истинным и окончательным пунктом назначения человеческого сознания, жуткой, лишенной света, вращающейся вечностью, которая постепенно разлагает душу на фрагменты; по сути непрекращающимся кошмаром, где индивид никак не может повлиять на процесс своего неизбежного распада. Личность, воспоминания превращаются в ошметки, и под конец сознание в силах замечать только страх, боль, непонимание, ощущение загнанности в ловушку, потерянность и одиночество. То есть по сути — ад. Паранормальные явления представляют собой всего-навсего последние судороги потерянных душ, которые пытаются вернуться к жизни на краю Вихря, туда, где стены, отделяющие их мир от нашего, тоньше и проницаемее всего».

В следующей главе рассказывалось об одержимости Хессена смертью; Он был убежден, что его единственный шанс расшифровать смысл существования — изучить процесс умирания.

«...когда человеческое сознание понимает, что настал конец, и его диалог с обреченным обрывается.

Яснее всего можно увидеть то, что происходит после жизни, на самый короткий миг, в посмертной маске, в выражении лица покойника, особенно если открыты глаза. Глаза позволяют нам немного приблизиться к материи, что мы называем душой, и к тому месту, куда она ускользает. Именно в глазах умирающего я впервые увидел Вихрь.

И то, чем мы сумеем стать при жизни в самых сокровенных глубинах себя, и определяет наше положение в следующем существовании».

Из всей этой галиматии получалось, что Хессен был убежден в наличии некоего дуализма, подобно Фрейд и Юнгу, но только на более мистическом и зловещем уровне.

«Из своих исследований психических феноменов в двадцатые и изучения людей, обладающих способностью говорить на разных языках, Хессен заключил, что существует как минимум два „я“, которые постоянно присутствуют и живут в одном теле. То из них, что видно всему миру и называется личностью, в лучшем случае — искаженный образ, примерная копия, созданная нами самими по необходимости, для того, чтобы выжить. Но когда этот образ исчезает — либо в момент смерти, либо в приступе помешательства или в любом другом состоянии измененного сознания, а чаще всего во сне, — можно заметить промельк другого „я“.

Хессен всю жизнь пытался отыскать это другое „я“ всеми доступными методами: отключал сознание с помощью оккультных ритуалов, гипноза, автоматического письма или живописи. Его не интересовало ничего, кроме этого другого „я“. И через общение с другим „я“, понимание и полный контроль над ним еще при этой жизни, человек, по убеждению Хессена, мог достичь не только понимания своего будущего существования внутри Вихря, но и подобия жизни на духовном плане — или же жизни после смерти. Той живости, которая служит мостом между смертным миром и тем другим, жутким миром, расположенным совсем близко, но все-таки скрытым, недоступным невооруженному взгляду и обычным чувствам.

До сих пор не поддающееся логическому и разумному описанию, его творчество

должно было восприниматься как чистый и внезапный промельк другого „я“, обычно проявляющего себя либо во сне, либо в состоянии эйфории, либо в момент умственного распада; „я“, что постоянно обитает в Вихре среди тех, кого Хессен называл населением Вихря. Потому понять и оценить его и его работы по-настоящему способно только то другое я.

Отчаяние, ощущение себя не на своем месте, измененное сознание, психическая неустойчивость и депрессивное оцепенение — все это проявления вечно движущегося, нескончаемого Вихря, доказывающие его близость, его ежесекундное вращение вокруг наших коротких, непоследовательных жизней».

Отхлебнув вина и сменив позу, чтобы размять затекший локоть, Эйприл нахмурилась. Она вернулась к первым главам, где описывались сохранившиеся работы, ранние наброски Хессена с мертвыми животными и уродами. Еще подростком в школе Слейда тушью, пером и карандашом он упорно запечатлевал на бумаге головы мертвых зайцев, белозубые оскалы освеженных ягнят и чудовищные врожденные физические недостатки людей.

«От того периода не сохранилось ни одной классической обнаженной натуры, хотя Хессен был обязан делать подобные рисунки в школе Слейда. До нас дошли только очень точные изображения мертвых животных и искаченных людей.

Мертворожденные тройняшки, законсервированные головы больных, раздутые черепа из числа экспонатов Королевского хирургического колледжа были его излюбленными сюжетами. Из чудовищных врожденных деформаций, какие встречались у детей, он пытался выкристаллизовать и передать в полной мере такие образы, которые порождали бы в зрителе ужас и отвращение. Внезапное неприятное изумление, неспособность отвести взгляд, крайняя заинтересованность и ошеломление — вот та реакция, какой он хотел добиться от публики.

„Безобразия куда изобильнее красоты“, — писал Хессен в своем провальном журнале. В разложении, искривлении и уродстве он находил дополнительные доказательства того, что Вихрь обитаем.

Населяя свои одержимые работы кадаврами и частями тела, ведущими собственную жизнь, он породил анимизм. Как будто бы после жизни, после конца своего „я“, новая жизнь проявляется через чувства и воспоминания телесных останков — того, чем каждый становится после смерти, точнее, того, что оказывается запертым внутри Вихря».

В главе о том, как художник создавал гибриды животных и людей, — следующий период творчества, «гротескные фигуры, пораженные отчаянием и искаженные болью, которые принесли Хессену небольшую славу уже после смерти», — Эйприл узнала гораздо больше, чем хотела, об уходе Хессена в примитивизм.

«Пока еще несвободное, его творчество не вполне избавилось, хотя он того не сознает, от знаний, полученных в школе Слейда, от влияния итальянских мастеров. „Сгорбленный человек, схватившийся за голову“, „Беззубая женщина, пьющая чай из блюдца“ и другие ранние метафорические рисунки отражают радикальное поправление традиционной эстетики и понимания красоты в западной живописи, однако же они пока еще — только намек на будущий собственный голос, на почерк, который сделается безошибочно узнаваемым незадолго до того, как он перестанет творить. И чем ближе к концу вереницы уцелевших работ, тем полнее они становятся, так и пульсируют пониманием основополагающего уродства человечества, как представляет его Хессен, уродства, которому сопутствует изоляция и непонимание смысла бытия. В персонажах с трудом узнаются люди, каких он наблюдал на улицах, в кафе, пабах, магазинах. Фигуры одних скорее собачьи, чем человеческие. Конечности других, с обезьяньими головами, напоминают козьи копыта или лапы шакалов, которые он зарисовывал в зоопарке Регентс-парк. Но все персонажи

изображены с такой уверенностью, как будто художник наблюдал эти существа в жизни, а не просто запечатлел то, что подсказало воображение. Сам Хессен утверждал, что специально развивал в себе способность видеть подобные черты в окружающих его людях».

Эйприл читала дальше с чувством неприязни к личности, какую изображал перед ней биограф. Личности, заразившей своим чудовищным видением мира Лилиан и Реджинальда.

Когда Хессен стал использовать гуашь, мел и акварель, «сделалось очевидным влияние на его творчество сюрреализма и абстракционизма».

Далее Майлз Батлер описывал фон работ Хессена с подробностями, какие показались Эйприл в высшей степени отталкивающими. Сама она начала замечать задний план на рисунках, только когда просмотрела их по второму-третьему разу.

«Полусформированные туманные ландшафты порождают ощущение движущейся пустоты, бесконечности, обрамляющей каждую картину. Вокруг изможденных силуэтов в окнах, скорчившихся фигур в углах или дырах, он снова и снова пытается передать ощущение пространства, но не статичного, а живую, бурлящего, клубящегося, холодного и пустого. Именно отсутствие формы или материи окружает и поглощает эти фигуры, запертые в грязных комнатах, страдающие клаустрофобией, повторяющие до бесконечности одни и те же действия. Некоторые уже опустились на четвереньки, некоторые напоминают обезьян или марионеток, и все они непрестанно бьются головами о стены в тщетной попытке освободиться».

Значит, он был психом. Но в последней главе, посвященной работам Хессена, оказались строки о том, что и пыталась выяснить Эйприл, хотя продрасть сквозь текст было непросто. Сосредоточенно наморщив лоб и позабыв о вине, которое нагрелось в стакане и сделалось кислым, девушка вникала в предложения, зачастую прочитывая их дважды в попытке увязать крупинки информации с влиянием художника на Лилиан.

«Почему же человек, столько времени посвятивший развитию собственного видения мира и совершенствованию линии, способных в полной мере передавать потаенные впечатления, вдруг перестал творить? Это показалось бы бессмысленным, если бы он изначально не рассматривал свои рисунки только как подготовительную стадию — наброски перед началом великой работы, какую он задумал: запечатлеть Вихрь в масле».

Может быть, тюрьма положила конец пугающим амбициям, или же он уничтожил свои работы. Именно это автор книги выдвигал в качестве объяснения факту, что ни одной живописной работы Хессена так и не было найдено.

«Его намерения ясно выражены в последнем номере журнала „Вихрь“, точно так же, как и отчаяние из-за громадной подготовительной работы, необходимой, чтобы в полной мере воплотить замысел. Но конечно же, он его воплотил. Должен был воплотить. Хессен был слишком целеустремленным, слишком сосредоточенным на идее, чтобы отвлечься от дела, рядом с которым все в жизни казалось второстепенным. Разве возможно, чтобы это чудовищное эго с его эпохальным видением так и не продвинулось дальше карандашных набросков и гуашей? Наиболее вероятным представляется, что основное наследие Хессена было уничтожено самим автором».

Не мог он их уничтожить, ведь Лилиан с Реджинальдом видели картины!

Автор задавался вопросом, чем занимался Хессен четыре года одиночества, после того, как его выпустили из тюрьмы, и до того, как он окончательно исчез. Эти две загадки служили предметом постоянных дискуссий и его обожателей, и его критиков.

«Об этом периоде жизни художника почти нет никаких сведений. Даже его существование до войны представляет собой большую загадку. Те немногие знакомые и

модели, кого Хессен пускал в свою мастерскую в Челси в тридцатые, рассказывают противоречивые истории. Художник Эдгар Роуэл, который снимал студию по соседству, уверяет, будто видел в комнатах Хессена „картины маслом, глубоко воздействующие на мировосприятие“.

Однако все его приятели из тех времен, когда он еще посещал Школу изящных искусств Слейда, в один голос заявляют, что Хессен никогда в жизни не написал ни одной картины маслом и никогда не говорил, что собирается это сделать. Последние утверждения опровергает модель Джулия Суон, она упоминает о запертых комнатах, пыльных занавесах, запасах художественных материалов, а также запахе масляных красок и растворителя, какой стоял в студии в Челси, — обо всем, что обыкновенно окружает художника, работающего по месту жительства.

Еще одно упоминание студии Хессена в Челси встречается в мемуарах французского художника Анри Гибана, который считал, что Хессен занимается скульптурой, потому что из его студии и днем, и ночью доносился грохот. Сохранились также сведения о картине маслом, виденной поэтом-алкоголиком Питером Брайаном, который познакомился с художником в Британской библиотеке. Он писал, что „краем глаза заметил в затемненных комнатах Феликса огромные полотна“. Однако тот же Питер Брайан в пабе на Фицрой-стрит уверял, будто является реинкарнацией короля кельтов, поэтому его свидетельство все-таки представляется сомнительным.

О громадных, сшитых вместе холстах, отвернутых лицом к стене, сообщает также Брайан Ховарт, знакомый Хессена по Британскому союзу фашистов, который однажды заходил в студию за какими-то бумагами».

В общем, в книге было больше вопросов, чем ответов, но автор хотя бы честно в этом признавался.

«Так куда же отправился художник? Разве мог человек с таким состоянием и положением в обществе просто раствориться без следа?»

Но следы остались. Следы, которые стремительно стирало время. В этом деле, поняла вдруг Эйприл, никто и никогда не искал в нужном месте.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Перед глазами все плыло, взгляд никак не мог ни на чем сосредоточиться. Вместо того глаза Сета блуждали по сторонам, выхватывая фрагменты улицы. Задыхаясь и неловко ковыляя, он то и дело спотыкался о булыжники мостовой и пьяно пошатывался, как будто разучился передвигаться на двух ногах. Отчаянно стараясь увернуться от других пешеходов, Сет терял равновесие и падал на них. Он все больше разъярялся, хотелось закричать.

Ему нечего делать в Лондоне, но он сам обрек себя на этот город из-за какой-то непонятной романтической глупости, именуемой живописью. Он сам себя здесь заточил, разбил свой корабль о берег, населенный жутко вопящими человекообразными обезьянами.

Это можно и почувствовать, и увидеть — перемену в окружающей обстановке, даже в самой атмосфере. Где бы на сырых, холодных улицах, освещенных только фонарями и мигающей рекламой, ни скапливались люди, будь то двери магазинчиков или кафе, ресторанов быстрого питания или мрачных пабов, Сет ощущал к ним безграничное отвращение. Какая-то невидимая зараза, исходящая от них, вынуждала его внутренности болезненно сжиматься. Какое-то незримое давление, может быть даже электрические токи, наполняло голову треском статических разрядов, словами, какие не воспринимал разум, или же далеким эхом, пришедшим неизвестно откуда, как будто бы Сет двигался под или между пластами привычной для других реальности.

Однако очень трудно описать, как именно изменился мир. Это можно передать только зрительными образами. Сумеет ли он? Его наброски, по сути, не больше чем невнятные

граффити. Но разве это не станет самым жестоким разочарованием его жизни — получить наконец в подарок умение проникать в природу вещей, в истину, так размытую средствами информации, образовательными системами, всеми бесконечными социальными институтами и кодами, незаметным влиянием, которое проникает на все уровни бытия, — и не суметь передать свое новое восприятие?

Наконец добравшись до метро, Сет привалился к кафельной стенке, чтобы свернуть самокрутку, и, когда какой-то нищий попросил у него закурить, он был не в состоянии ответить. Он забыл, как это делается. Губы двигались, однако вся троица, голосовые связки, язык и челюсть, отказывалась действовать согласованно. Сет сглотнул комок в горле и издал сипение.

Он не понимал, для чего он здесь, что вынудило его снова бежать из комнаты. Изначальная цель была утрачена.

Голубые бока автоматов, продающих карточки, и бело-красная вывеска у входа на станцию «Эйнджел» пробуждали какое-то смутное предвкушение путешествия. Сет быстро двинулся на светящуюся вывеску, но его тут же оттеснила толпа, вывалившая из тоннеля.

Он прошел мимо станции, но уйти дальше не смог, потому что путь ему преградил непреодолимый оживленный перекресток с бьющими в нос выхлопами и толкающими локтями. Вибрации отдавались у Сета в костях. Толпа ждала, пока загорится зеленый. Никакие духи не могли заглушить уксусно-рыбную вонь, исходившую от женщин. Неужели он когда-то считал этих существ привлекательными? Во всех них было что-то физиологически неправильное. Безгубые, с выпученными глазами, торчащими зубами, уродливыми носами. Уши слишком красные, кожа под слоем косметики выцветшая, веки с розовой каймой, жесткие волосы. Сет содрогнулся. Мужчины выглядели не лучше: чванливые, как обезьяны, с мокрыми собачьими ноздрями и пустыми акульими взглядами — жуткие опасные животные, наделенные грубой силой, готовой выплеснуться наружу после очередной порции выпивки, смертоносные твари, воняющие навозом, соломой и пивным суслом.

Сет так и не сумел перейти дорогу — миг колебания, и мимо снова понесся поток машин, мотоциклов, автобусов. В свете их фар и без того грязные, размытые контуры домов расплывались еще сильнее, а Сет так и топтался на тротуаре.

Ему казалось, что его бросили в чужестранном городе без карты и без знания хотя бы единого слова местного языка. Всепоглощающее желание освободиться от Лондона рождало в нем отчаянную дрожь. Все, что угодно, даже остаться без гроша в кармане в каком-нибудь другом городе, будет лучше жалкого прозябания в этом бездушном месте, где тебя со всех сторон пихают и лупят.

Опустив голову, оглушенный, Сет двинулся прочь от перекрестка. Он не сможет вернуться домой по Эссекс-роуд — там теперь слишком много народу. Сет свернул на боковую улочку. Пытаясь вспомнить дорогу домой, он заметил пустой с виду бар в подвале уродливого бетонного офисного здания. Может быть, он найдет там убежище, посидит в тихом уголке у теплой батареи, выпьет виски.

Он уже прямо-таки ощутил, как огненная, оживляющая жидкость скатывается по языку в горло. Сет двинулся к двери, но вдруг замер снаружи. Внутри звучала музыка, и пара громких голосов пыталась перекрыть общий гул. При мысли о том, чтобы переступить порог, он разволновался, словно это движение было уже вовсе не таким простым делом, как представлялось изначально. Но даже если он сумеет дойти до стойки, еще вопрос, сумеет ли он заговорить. Несколько раз шепотом проговорив свое имя лацкану пальто, Сет толкнул дверь.

Все равно что шагнуть на залитую ярким светом сцену. Сет так стремительно оказался среди сияния и шума, что голова закружилась. Стало страшно, в горле застрял комок. Сет, держа глаза долу, сосредоточенно переставлял ноги, одну за другой, чтобы не свалиться между столами и стульями. У стойки он поднял голову, меланхоличный и обеспокоенный, и принялся ждать, когда его обслужат.

В этом грязном заведении была всего горстка посетителей, и все они собрались у огромного экрана, чтобы смотреть футбольный матч. Сет был рад тому, что телевизор отвлекает на себя их любопытные взгляды.

Сет понял, что выглядит ужасно, в тот же миг, как увидел свое омерзительное отражение в зеркале: бледный, помятый, заляпанный чем-то, растоптанный человек. Он съежился от стыда. Уже довольно давно, почти год, его нисколько не заботит собственная внешность, и сейчас перед ним результат хронического пренебрежения услугами парикмахера, правильным питанием и здоровым образом жизни. Вокруг рта залегли глубокие скорбные складки, глаза превратились в маленькие гляделки, сидящие в черных провалах глазниц, кожа вокруг которых истончилась и стала похожа на кальку. Зато в цвете лица угадывалась нездоровая живость — румянец щекам придавали переплетения лопнувших сосудов. Он выглядит на шестьдесят, а не на тридцать один. Это посмертная маска. Сет видел в своем лице бездушность, отчаяние, отвращение ко всему, отсутствие всякой надежды и какого-либо сострадания. Его лицо представляло собой единственное настоящее произведение искусства, созданное им за последний год, — подробный и живой портрет этого города.

Сидя за угловым столиком, подальше от остальных посетителей, Сет чувствовал, как восторг при мысли о бегстве усиливается с каждой новой порцией виски. Он потягивал напиток непрерывно, не выпуская стакан из рук и не отводя далеко ото рта. Благодаря алкоголю мысли его бежали проворнее, и теперь он уже не мог придумать ни одной причины, чтобы остаться в Лондоне. Жизнь здесь с самого первого дня была мрачной и суетной. Бессмысленные месяцы накладывались друг на друга, сливаясь в год — длинный, гнетущий серый мазок бытия. Год, к концу которого он пришел едва ли не одичавшим, почти не человеком, как и все остальные.

Ему всегда казалось, что уехать из города невозможно. Просто невероятно, чтобы он мог изменить свою жизнь или хотя бы замедлить движение по наклонной, когда столько обстоятельств ополчилось против него. Он никак не мог выбрать время между сменами, чтобы как-то заняться собой. Невозможно мыслить ясно, когда столько идей, столько воспоминаний, столько воображаемых сцен теснятся в голове. Смерч в мозгу не давал Сету оторваться от стула или встать с края кровати, где он сидел с вечной сигаретой во рту. И кажется, он сопротивлялся единственной разумной альтернативе — позорному возвращению домой к маме, в свободную комнату — из твердого убеждения, что это его погубит. Но губить уже нечего. Дома, по крайней мере, он подлечится, перестанет работать по ночам, выспится. Как же он выспится! Он сможет изменить отупляющий образ жизни, снова стать волевым человеком, обрести желания. Да, все это Сет увидел в пятом стаканчике виски. Не так уж плохо вернуться домой. И нечего больше дурачить себя: бегство из этого города — его единственный теперь путь к спасению.

Завтра он позвонит матери, а вечером зайдет в Баррингтон-хаус и откажется от места, после чего уедет. Каким простым казалось все, пока он сидел в баре. Улыбка на губах была какой-то непривычной, застывшей. Лицевые мышцы в последнее время так мало работают. Он подозревал даже, что самые маленькие из них просто атрофировались.

Сет смял окуроч в пепельнице и поспешно убрал табак и зажигалку в боковой карман пальто.

Выйдя на улицу, Сет внезапно ощутил тревогу от одной мысли, что придется вернуться к себе в комнату. Он боялся, что стоит ему переступить порог «Зеленого человечка», как на него нападет привычная апатия и новое острое желание спастись бегством исчезнет к завтрашнему дню, когда он очнется после долгого мертвящего сна.

Действовать надо сейчас, этим же вечером. Надо собираться; надо делать хоть что-то. Сет уже чувствовал, что та щелка, через которую можно ускользнуть, сужается. Дождь, мусорный ветер, мокрые камни, бесконечные людные улицы — все это веревки, которые пытаются связать его, а он способен лишь безрезультатно дергать узлы холодными

немеющими пальцами.

Наклонив голову, Сет шел навстречу ветру. Погруженный в себя, он мысленно составлял список дел, какие необходимо завершить. Хорошо, что в банке хотя бы есть деньги. Жалованье у него было мизерное, но он давно уже не тратился ни на что, кроме еды. Накоплений хватит, чтобы уехать, вернуться домой и продержаться несколько месяцев.

Может быть, подумал он минутой позже, сегодня его никто не остановит на пути в комнату, и все тогда будет хорошо, он воплотит все свои планы и спасется. И спасет других.

Но когда Сет проходил мимо мешков с поношенной одеждой и поломанными игрушками, которые стояли под стеной благотворительной лавки, будущее его уже было решено.

В следующий миг свет у него в голове померк, и всякое движение мысли замерло.

Секунду он даже не был уверен в чем-либо: где верх, где низ, куда он движется, где руки и ноги. Его тело сделалось невесомым, но тут же он ударился плечом о витрину. Когда лицо прижалось к холодному стеклу, мир со всеми своими измерениями снова соткался вокруг Сета.

Именно в тот миг, согнувшись пополам, глядя в землю, пошатываясь на нетвердых ногах, он заметил на мокром тротуаре кроссовки. Три пары светлых кроссовок окружали его.

Внезапно Сет распрямился, откинулся назад, упираясь пятками, вскинул руки и вздернул подбородок... Внутри все побелело и затряслось, зато в левой части головы ощущения были совсем иными: там разливалось онемение.

Холод был позабыт, списки важных дел испарились из мыслей. Взгляд бегал по сторонам, Сет пытался оценить ситуацию и возможности участников.

— Сука, — раздраженно проговорил чей-то рот у самого его уха.

— Ну, давай. Давай, скотина, — пролаяло темное лицо из-под козырька бейсбольной кепки.

В их глазах отражалась жестокость и еще непонятное ожидание, как будто они с нетерпением предвкушали предсказуемый ответ. Обоим противникам было около двадцати, и раздражительного юнца Сет уже встречал раньше, когда тот в открытую пил сидр «Дайамонд Уайт» прямо из бутылки, которую затем разбил о крыльцо букмекерской конторы. Третьего Сет не видел, но чувствовал его — он стоял слишком близко.

Последовала секундная пауза, все зависло на волоске, а затем мир наполнился шорохом нейлоновых курток, когда на Сета обрушились маленькие жесткие кулаки.

Первый удар угодил ему в скулу, но было не больно. Второй пришелся в лоб, а третий — в шею. Голова его моталась из стороны в сторону, но звука тумаков не было слышно, и боль сначала не ощущалась. Казалось, будто он пытается идти по прямой линии, а его со всех сторон толкают чьи-то руки. Сет почему-то даже попытался двинуться дальше, как словно ничего не происходило, тогда противники по-настоящему разъярились.

Из-за усилившегося шуршания нейлона, удвоенных толчков и пинков остатки сил покинули руки и ноги Сета. Он не чувствовал ни кистей, ни стоп.

Не задумываясь, Сет прокричал слабым голосом:

— Да пошли вы!

Теплый воздух наполнил его тело, и ему показалось, он превратился в буюк, словно стал невесомым.

Но что-то билось изнутри в стенки черепа, словно животное, запертое в пещере. От этого Сета замутило, и стало так страшно, что он был готов отдать что угодно за возможность превратиться в никому не нужного плюшевого мишку с полки благотворительной лавки, лишь бы не быть куском мяса, которое топчут и мутузят белыми спортивными ботинками и красными кулаками.

Говорить он не мог, взгляд блуждал по сторонам, но ни на чем не фокусировался. Затем его начали изо всех сил дергать из стороны в сторону маленькими цепкими пальцами, после чего снова со всех сторон посыпались удары. Нервный парень в белой куртке от Томми

Хилфигера молотил по Сету с такой скоростью, будто опасался, что его мишень исчезнет раньше, чем он попадет веснушчатыми кулаками по лицу.

Приседая и увертываясь, Сет принимал большинство ударов на плечи, затылок, локти и ребра. Но вот теперь было больно.

Сет прыгнул в пространство между мелькающими кулаками, чтобы сбежать, но чья-то рука поймала его за ворот пальто и задрала его голову, подставив под удары лицо.

Послышался звук, похожий на детский всхлип. Сет пытался понять, что же такое он натворил, если настолько вывел парней из себя. Ничем нельзя объяснить этот град ударов. Казалось, его противникам просто не хватает времени, чтобы аккуратно уничтожить другое человеческое существо. Сила притяжения замедляла их движения, отчего они разъярялись.

Когда угольно-черный кулак ударил Сета по зубам, в его голове будто раскололся лед. Плоть с треском разорвалась во рту, и та же самая рука ударила еще раз, и еще, и еще. Закопченный, дергающийся мир распался на яркие белые хлопья, и все они посыпались куда-то вниз.

«Я умру. Они не остановятся, пока не убьют меня».

Сет похолодел, глаза его наполнились влагой. В носу что-то хрустело и покалывало. Большой пузырь окровавленной слюны вздулся на губах, а затем лопнул и сполз по щеке. Сет хотел снова попытаться прыгнуть в пространство между кулаками, но так и не сумел. Было все труднее думать о чем-либо.

— Сука! Сука! Сука!

Их дыхание делалось все тяжелее. Парни все это время молотили руками и ногами так быстро, что теперь устали и замедлили движения. В темном, перевернутом с ног на голову мире Сета забрезжил свет.

Когда Сет упал, они перестали орать: «Сука!», однако, лежа на немилосердно жесткой мостовой, он слышал, как кто-то из юнцов подвывает от возбуждения.

Другой с размаху пнул Сета по ноге, после чего остальные двое принялись шаркать по асфальту в зловещем танце, ударяя жертву носками кроссовок по лицу, плечам, спине, бедрам, животу. До живота они стремились добраться прежде всего.

Сет пытался встать на колени. Испуганный ребенок в его душе громко кричал.

Неужели этому не будет конца? Пинки все сыпались и сыпались. Обе ноги онемели от бедра и ниже, одна рука отнялась. Боль в ребрах мешала двигаться. Что, если раздробленные кости протыкают багровые внутренние органы? В своем смятенном воображении Сет видел, как все это происходит.

Значит, это конец, проговорил тоненький голосок внутри белой сферы посреди темноты, куда Сет забился всем своим существом. Еще немного, и темно будет повсюду. Вот как все кончается. А затем очень близко он слышал сквозь сгустившуюся горячую тьму зажмуренных глаз и закрывающих лицо ладоней, как засопел и выдохнул автобус, подъезжая к остановке; по асфальту застучали каблучки.

Спасители идут, чтобы прогнать этих гиен, вызвать полицию и «скорую», поудобнее устроить его на тротуаре, подсунув под голову куртку. Теплая надежда чуть расширила крошечную сферу сознания в голове. Сет едва не закричал от облегчения. Но затем он услышал, как автобус отъехал, и экзекуция возобновилась.

Обутым в мягкие кроссовки парням было больно его пинать, лучше бить по телу толстыми подошвами. И они расплющили его, согнули руки и ноги, втоптали в голову ухо, отчего оно загорелось, и внутри начало свистеть. Они выдрали с корнями волосы рифлеными резиновыми подметками, которые чавкали, словно слипшаяся магнитофонная лента, — они были созданы специально, чтобы при любых погодных условиях крепко держаться на земле.

Кто-то прошел мимо, остановился, а затем пропел ленивым и даже игривым тоном.

— Полегче, полегче, ребята.

Убийцы убивали. Последние пинки были самыми болезненными — от одного желудок Сета подскочил к горлу, а глаза вылезли из орбит.

Мучители закончили, изможденные, обмякшие от того, что так сильно били по живому

телу, и пошли прочь, утомленные, довольные, радостные.

Разуму было слишком сложно выделить все пострадавшие части тела, поэтому он наполнил текучим теплом все существо Сета. И что совсем уж невероятно, Сет без всяких проблем поднялся на переломанные конечности и окинул взглядом туловище. Не так уж плохо, подумал он. Грязный и мокрый, поскольку валялся на асфальте, однако крови нет, рваного мяса тоже. Кажется, остались только отпечатки подошв, рельефная сетка от подметок спортивной обуви. Сет был едва ли не разочарован, что ему нечего предъявить после стольких мучений, нечего показать суду. Но когда он решил сдвинуться с места, дело так и не пошло дальше мысли. Адская пронизывающая боль затопила его до мозга костей.

Сет упал.

Он затащил свое изломанное, словно у марионетки, тело на крыльцо благотворительной лавки.

Сет не шевелился из опасения, как бы раскаленная добела боль не сделалась еще сильнее, и совершенно потерял счет времени, обмякнув у двери магазинчика. Ему хотелось и рыдать, и блевать разом. Он ждал, когда приедут полиция и «скорая». Наверняка их вызвали, ведь в автобусе было столько народу. Десятки ног простучали мимо, пока его валяли по тротуару, пока те грязные подметки пинали и топтали его.

Вроде бы, когда он слепо раскачивался из стороны в сторону, боль немного затихла, однако затем сделалась невыносимой. Было невозможно ни сидеть, ни лежать без того, чтобы она не захлестывала, подобно гигантской волне. Кожа на лице сделалась горячей, тонкой и туго натянулась из-за того, что на голове зрели какие-то выросты, жесткие, словно кость. Чтобы не задохнуться, Сет втягивал в себя воздух маленькими поверхностными глотками, потому что ребра были разбиты наподобие старых перил, и щепки торчали во все стороны. Левая рука онемела, а правое колено раздулось и напоминало какой-то уродливый овощ, сделанный из соленой волокнистой плоти. Ногу было невозможно согнуть, и даже вес джинсов и ботинка на ней причинял ужасную боль — вероятно, нога уже никогда не будет сгибаться. Шея справа была ободранной и липкой.

Люди по-прежнему проходили мимо. Завидев Сета, они ускоряли шаг. Дважды он просил о помощи. На него обернулись две девушки, но поспешили прочь, почти побежали, увидев его разбитое лицо. Интересно, они заметили большую черную трещину в черепе? Она там есть, он прекрасно ее ощущает. Все его мягкие серо-розовые мозги устремились к трещине, пытаясь вылезти наружу, на свежий воздух, после десятилетий заточения в сырой темнице. Бывшие его ноги стремились освободить этот измученный орган. Сет мечтал добраться до больницы, где ему сделали бы укол морфия.

В какой-то момент дыхание участилось, и он потерял сознание, затем очнулся, чувствуя головокружение, и его стошнило прямо на пальто. Когда волна удушливого ужаса схлынула, Сет встал на здоровое колено. Он оперся на онемевшую руку и перенес вес тела на уцелевшую ногу, затем распрямился, оттолкнувшись от стеклянной двери. До «Зеленого человечка» примерно полмили. Дорога может занять всю ночь, а Сет не сомневался, что в любую секунду может впасть в кому. Он позвонит в «скорую» из своей комнаты, если сумеет туда добраться.

Сет на короткий миг опустил веки, чтобы собраться с силами, но тут же снова испуганно открыл глаза, услышав слева приближающиеся шаги. Кто-то массивный подковылял к нему и вскинул руку. Сет дернулся и в тот же миг отпрыгнул, ударившись о дверь благотворительного магазина.

— Этот твой слишком хорош, чтобы пить с такими, как ты и я. Но я тебе скажу кое-что. И скажу совершенно бесплатно...

Лицо бродяги было сплошь в струпьях и звездочках лопнувших вен. Глаза смотрели в разные стороны. От его запаха можно было задохнуться: алкоголь, немытые гениталии, застарелый пот, сотни раз пропитавший старую шерстяную куртку. Под носом у Сета

оказалась черная алюминиевая банка. Он отвернул голову в сторону и выдохнул через рот.

Нищий встал слишком близко, наклонился и обдал Сета брызгами слюны при словах «этот твой». Кого он имеет в виду? Сет ничего не понял. Бродяга схватил Сета за шею. Рукав в серо-красный ромбик был засален и разорван у запястья. От боли, какую причиняла колючая шерсть, Сет закричал:

— На меня напали! Меня, мать твою, избили! Не трогай меня. Не прикасайся ко мне!

Но бродяга не слушал, ему просто хотелось и дальше рассуждать об «этом твоём» и дышать гнилью в кровоточащее лицо.

Подволакивая негнувшуюся ногу, наклонив голову, чтобы как следует сосредоточиться, Сет вырвался из объятий нищего и пустился в самый трудный и изматывающий путь в своей жизни, когда каждая трещина между плитами тротуара или легкий подъем дороги отдавались во всех поврежденных нервах. Он то и дело покрывался холодным потом. Бродяга, который ошибочно принял его за кого-то из своих, потащился следом, разглагольствуя об «этом твоём».

Складывалось впечатление, что все эти события выстроились вереницей не случайно. Как будто в его судьбе этой ночью нет никаких совпадений или несчастных случаев, как будто бы все это специально подстроено кем-то из города, самим городом. Чем бы ни был этот злонамеренный разум, он желал унижить Сета, растоптать за то, что тот осмелился мечтать о бегстве. Он наблюдал за Сетом. Он знал, что тому нечем защищаться, и требовал его в свою собственность.

Сет разрыдался. Нищий обхватил его за распухшую шею и едва не опрокинул на землю. Сет чуть не лишился сознания от боли. Даже столь жестокого наказания недостаточно. Того, что его пинали и затапывали насмерть, этой ночи мало, теперь его требуется еще и вывалить в грязи, оскорбить присутствием полоумного, от пота которого тянет блевать. Ночь мучений, должно быть, продлится вечно, потому что Сет осмелился бросить вызов городу. Он собирался отказаться от него, отказаться от той роли и несчастий, на какие обрек его мегаполис.

— Да я ему все булжники переломаяю, — шепотом пообещал Сет несчастному бродяге в гниющей куртке. — Я еще поставлю его на колени, клянусь всемогущим Господом! А потом превращу его в груды камней!

Бродяга засмеялся и протянул Сету черную банку. Сет наладил контакт, прорвался. Их глаза смотрели теперь одинаково. Они говорили теперь на одном языке, и оба знали тайны этого города.

Вот что происходит, когда звонишь по телефону спасательных служб, собираясь вызвать полицию. Сначала приходится долго ждать, пока кто-нибудь снимет трубку, после чего звучит запись, сообщающая, что все операторы заняты. Грудь Сета стиснуло от невыносимого отчаяния. Смысл тирады был очевиден: не позволяй, чтобы с тобой что-то случилось, не допускай беды, потому что помощи не будет, только обещание, только иллюзия спасения. И кстати, разве полиция станет расследовать его дело?

Сет повесил трубку, грохнул ее на рычаги с такой силой, что весь телефонный аппарат отскочил к краю книжного шкафа и упал на пол.

Оглушенный, согнутый от боли, Сет качался взад-вперед, нянча ребра и распухшую руку. Он плакал горькими слезами, пока от слез не сделалось еще больнее, и ему пришлось успокоиться. Когда плачешь, работают мышцы живота, легких, горла, лица и даже спины — Сет никогда бы этого не узнал, если бы все тело не было настолько измочаленным. Враги отказали ему даже в возможности оплакать свое горе. Он должен просто принять его, должен переносить страдания не жалуясь, чтобы злодеи стали еще сильнее.

Рот наполнялся кровью из-за расшатанных зубов, красные пузыри лопались на губах. Сета занимали фантастические видения — багровые и влажные, где раздражительный, похожий на хорька, юнец медленно умирал, глядя Сету в лицо — последним он увидит его глаза, у него будет такое право. Сет кромсал на куски чернокожего, того, который держал его

за ворот пальто, чтобы кулаками крошить ему зубы, чтобы у всей стаи были равные возможности бить.

Сначала Сет попытался лечь на кровать, но прикосновение к подушкам, матрасу и простыням обжигало, словно удар хлыста. Тогда он свернулся клубочком у батареи, но пол оказался слишком жестким. Кресло не приносило облегчения, а стоять было смерти подобно. Сет проглотил пригоршню парацетамола, но таблетки походили на крошечных пожарных, без толку направляющих струи воды вверх на ревущую стену огня, который превращался, текущий и непроницаемый разом, в пламенеющую боль.

Сет мог утешаться только фантазиями на тему грядущего возмездия, когда он выследит тех парней. Не стоит медлить, дожидаясь, пока неизбежный процесс заживления смягчит его убийственную решимость. Он не позволит своему разуму защитить себя, стирая из памяти черты убийц. Собачьи морды. Желтые звериные глаза.

Сет зашарил по жесткому ковру в поисках бумаги и карандаша. Один глаз у него затянуло туманом и слизью. Ему было трудно рассмотреть линию, направление, лампочки светили слишком тускло. Да и листы из папки для набросков являли собой слишком жалкий холст для тех лиц, которые заполняли разум Сета, для портрета вселенского невежества и жестокости.

Он не согласится на меньшее, чем огромное полотно, посвященное тому паразиту, что уродует плоть человечества, противоположность таланту и прогрессу. Подобная работа потребует длинных, размашистых примитивных мазков при полном отсутствии какой-либо утонченности. Синие кулаки. «Томми Хилфигер». Сырое мясо. «Гуччи». Черные десны. «Стоун Айленд». Желтые глаза «Рокпорт».

Сету хотелось рычать, словно льву на цементном полу. И реветь, как белому медведю, до розовой кожи вытершему всю шерсть о прутья своей тюрьмы в зоопарке. Должно прийти омерзение. Пусть оно сочтется по стенам, пусть закоптит потолок ненавистью, выпустит гнев на свободу. Прощение осталось в прошлом. Сострадание умерло.

Сет открыл банки с красками и с вспотевшими руками приблизился к стене.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Майлз Батлер улыбнулся.

— Я только никак не могу понять, почему вас интересует Хессен.

В его умных глазах Эйприл заметила озорные огоньки. С тех пор, как они встретились в семь часов в Ковент-Гарден, чтобы вместе поужинать, она непрерывно смеялась. Батлер принадлежал к тем редким людям, которые завоевывают вас скромностью, доходящей до крайности, и, кажется, никогда не воспринимают самих себя всерьез, обладая при этом безупречными манерами и прекрасным образованием. Играют в поддавки, но тем не менее играют.

Годы оставили свой отпечаток на лице Майлза Батлера, но он все еще был красив — выделяющийся из толпы человек. Даже морщинки вокруг голубых глаз несли в себе нечто сексуальное. И Эйприл просто влюбилась в его старомодную прическу, напоминающую стрижки офицеров времен Второй мировой войны, — волосы седые, но блестящие, аккуратно уложенные, с высоко выбритыми висками. И одет он был в классическом стиле: брюки с завышенной талией держались на подтяжках, которые Эйприл заметила, когда Майлз снял пиджак и повесил на спинку стула. Единственное, что лично она бы добавила к его ботинкам с кожаными накладками, белой рубашке с запонками и старомодному шелковому галстуку, — мягкую фетровую шляпу. Майлз с Эйприл удивительно совпадали по стилю. Она не могла даже предположить подобного эффекта, облачаясь в один из эксклюзивных шерстяных костюмов двоюродной бабушки, нейлоновые чулки со швом под названием «Время коктейля» и туфли с кубинским каблуком и маленькими бантиками на носках.

— А что такого странного в том, что я интересуюсь живописью? Разве я похожа на

дурочку?

Майлз засмеялся и покачал головой.

— Нет. Просто вы, скажем так, не похожи на остальных поклонников Хессена, каких мне доводилось видеть. Прежде всего, вы слишком привлекательны, и в вас чересчур развито чувство стиля, чтобы с восхищением рассматривать «Триптих с марионеткой». Не говоря уже об «Этюдах хромого».

— Значит, вместо того я должна в «Харви Николс» примерять туфли от Джимми Чу? Или поджидать у подъезда какого-нибудь бонзу?

— Именно так. К чему тратить отпускное время на изучение неизвестного европейского художника? Да к тому же еще и не вполне здорового?

Хоть Майлз с ней немного флиртует, он все-таки воспринимает ее всерьез. Эйприл видела, что искусствовед искренне заинтригован ее звонком и расспросами о Хессене.

— Вы такая загадочная девушка. Прямо-таки таинственная.

Эйприл засмеялась и отпила вина, чтобы скрыть румянец смущения, заливший все тело. И почему ей до сих пор не приходило в голову встречаться с мужчинами постарше?

— Просто он имеет некоторое отношение к нашей семье.

— Да, об этом вы упоминали по телефону. Я весь внимание.

Майлз взял со своей тарелки немного спагетти с моллюсками.

— Моя двоюродная бабушка Лилиан жила в том же доме, что и Хессен, Баррингтон-хаус. Бабушка недавно скончалась.

— Мои соболезнования.

— Все в порядке. Я не была с ней знакома. Однако она завещала квартиру моей матери, а поскольку мама панически боится самолетов, я прилетела вместо нее разобраться с наследством.

— И в надежде на добычу.

— Я уже ее обрела. Видели бы вы эту квартиру!

Эйприл подумала, не расписать ли в красках, какой там царил беспорядок, но легкомыслие было здесь неуместно — квартира была последним предметом для шуток.

— Бабушка пишет о Хессене в своих дневниках.

— Вы шутите?!

Эйприл отрицательно покачала головой, еще больше распаляя его интерес, и поднесла вилку ко рту.

— И они явно не ладили между собой. Но проблема в том, что Лилиан, моя двоюродная бабушка, была не совсем здорова. Вы понимаете, о чем я? Она была по-настоящему не в своем уме и винила в этом Хессена, потому я просто обязана узнать о нем как можно больше. Я нашла веб-сайт и прочитала вашу книгу. А потом...

— Вас захватило его творчество.

— Не совсем. Мне его картины кажутся до крайности жуткими, но... Вся эта загадочная история с художником и его влиянием на бабушку явилась для меня полной неожиданностью. Я и представить не могла, что буду заниматься в Лондоне подобным расследованием, но я обязана узнать, что случилось с Лилиан и Реджинальдом в этом доме, что сделал с ними Хессен. А он, несомненно, что-то сделал. И чем больше я узнаю о нем и его творчестве, о тех людях, которые были с ним знакомы, тем больше я укрепляюсь в мысли, что кое-что не совсем сходится. На самом деле кое-что просто чудовищно не стыкуется. Пусть моя двоюродная бабушка была ненормальной, но она выдумала далеко не все. Теперь я твердо в этом убеждена. Вопрос в том, что он с ней сделал и как это ему удалось.

Эйприл удержалась, чтобы рассказать о собственных встречах с необъяснимым феноменом, обитающим в квартире. Батлер решит, что она чокнутая.

Майлз покивал и наполнил свой бокал.

— Вам известно, что все приближенные к Хессену были не в своем уме? Они все умерли молодыми или же в лечебных учреждениях. Хессен привлекал ненормальных, больных, эксцентричных, одних только изгоев и аутсайдеров; людей, которые не могли

нормально существовать в том мире, в каком родились. Индивидуумов, которые грезили наяву, видели то, чего нет. Совершенно не то, что видели все остальные. Подобные личности окружали Хессена плотным кольцом. Но, если я правильно понял, вы считаете, что он сам довел вашу бабушку до безумия, а это совершенно новый угол зрения. Возможно, поведение знакомых Хессена объясняется как раз его влиянием на них. Подобная мысль никогда не приходила мне в голову.

Бокал Эйприл был полон. Майлз поднял бутылку, чтобы не полилось через край. Он пытается ее подпоить, снять алкоголем остатки сковывающего нервного напряжения. Эйприл решила, что она вовсе не против, очень даже неплохо немного отпустить тормоза. Лондон поразительное место, однако же, когда город заставляет тебя сознавать собственное несовершенство, в этом, как ни странно, имеется и романтическая сторона. Прошла вечность с тех пор, когда Эйприл в последний раз старалась принарядиться по случаю свидания. И этим вечером она чувствовала в городе, соблазняющем ее, бесконечные возможности. Разве можно когда-нибудь исчерпать его до дна? Майлз налил вина себе.

Эйприл отхлебнула глоток и, чуть прищурившись, поглядела на край бокала.

— Вы так много о нем знаете. Но вот испытываете ли вы уважение к человеку со столь извращенным сознанием? Хотела бы я знать, почему лично вы заинтересовались этим художником?

Майлз улыбнулся.

— Мне нравятся паршивые овцы от мира искусства. Он интересен. На самом деле он даже зачаровывает. Хессен чувствовал в себе способности расширить художественное восприятие за пределы вкусов и идеалов своего времени. Это производит на меня впечатление. Здесь требуется храбрость. Недюжинная храбрость, чтобы зайти туда, куда зашел он.

— Чтобы изображать трупы и освежеванных животных? И этих омерзительных марионеток? Несколько ущербный взгляд на мир, вы не находите?

— Верно. Но ведь мир так сильно изменился с конца девятнадцатого столетия. Только представьте, что Дарвин и Фрейд сотворили с религиозными верованиями, не говоря уже об ужасах Первой мировой. Механизированное уничтожение людей, индустриализация, расцвет марксизма, зарождение фашизма, великая война идеологий. Постоянные изменения происходили столькими способами, фрагментарно, разобщенно, хаотически. В духе модернизма, если хотите. И Хессен нашел свою нишу, хотя слава к нему пришла лишь после смерти. Мне кажется, он это предвидел. Однако его несколько не интересовало признание публики, он не пытался воспитать преемников, не пытался на кого-то повлиять. Он делал все это ради искусства как такового. И ради себя самого. Разве это не кажется вам удивительным, в особенности применительно к тому времени? Ведь он посвятил всю свою жизнь одному замыслу, не думая о награде.

Эйприл улыбнулась.

— Простите, я просто решила поиграть в адвоката дьявола. Дурная привычка.

Майлз подмигнул ей.

— Точно. Жизнь Хессена могла бы быть вполне комфортной. Недурное состояние, образование, полученное у Слейда, сам он привлекательный внешне, эрудированный, культурный, талантливый. Если подумать, он был очень даже похож на меня. — Майлз проговорил это с суровым лицом, и Эйприл засмеялась.

Искусствовед протянул ей корзинку с хлебом.

— Хессен водил знакомство с величайшими умами и талантами своей эпохи, не говоря уже о сотне вполне достойных внимания красавиц, которые могли бы увиваться вокруг него. Однако он сделал выбор, который наверняка усложнил бы ему жизнь. Во сто крат усложнил. Он выискивал и призывал смерть постоянно, ловил моменты гибели в больницах и минуты после в моргах и операционных. Он был одержим собраниями мутантов, вырождением, уродством. Он потратил свои лучшие годы на то, чтобы осознать идею смерти и заточения в замкнутом пространстве — по причине физической немощи или же по требованию закона.

Он упивался этой идеей. Он проводил выходные в обрядных залах, подкупая гробовщиков, днями напролет зарисовывал ободранных овец и зародыши в абортариях Ист-Энда или же делал наброски изуродованных конечностей и лиц бедолаг, страдавших от всех мыслимых болезней и увечий.

— Должно быть, жутко весело.

— Именно. А как же Феликс развлекался в молодости? Никаких вечеринок! Вместо того он учился у всех мистиков, ясновидцев и черных магов, какие только имелись в городе, или же посещал сеансы в чьих-нибудь гостиных и замках. Никто и никогда не видел, чтобы Хессен отдыхал. Никто не видел его влюбленным. Кажется, он вообще не занимался чем-либо, не связанным напрямую с его идеями. Я не знаю ни одного другого художника, настолько целеустремленного. Потратить десятилетия на совершенствование линии и перспективы, а затем скатиться к искаженным образам, которые, как он утверждал, только и передают истину. Образам из Вихря, абсолютного сжатого воплощения чуда, ужаса и благоговения; места за пределами этого мира, куда попадают только на волне безумия, во сне, глубокого погружившись в подсознание, или же после смерти.

— Вы правда считаете, что он был настолько хорош?

— Трудно сказать. Ведь что именно мы видим? Что до нас дошло? Лишь кошмарные последние изображения людей и животных, запертых в искаженных ландшафтах. Понимаете ли, мне кажется, Хессен гораздо более интересен с точки зрения того, чего он пытался достичь. Рисунки — это просто упражнения, наброски к картинам, которые до сих пор не обнаружены. К тому же эти его публичные выступления в поддержку фашизма через журнал «Вихрь» — ну разве я мог не заинтересоваться таким парнем?

Эйприл улыбнулась.

— Вы меня убедили. Так как, вы говорите, его зовут?

— Не разочаровывайте меня.

Майлз поднял бровь и поглядел на нее так, что Эйприл ощутила, как часть ее существа тает.

— На «Амазоне» я нашла только вашу книгу.

Она не стала упоминать о десятке ругательных рецензий, сочиненных членами «Друзей Феликса Хессена».

— В нашей стране крайне скверно заботятся о художественном наследии. Все самое ценное из британской живописи и поэзии двадцатого столетия находится в Америке. Я понимаю, какая ирония заключена в этом утверждении, но здесь от Хессена ничего не осталось. Хотя подозреваю, что и было не много. Вклад Хессена в развитие модернизма трудно оценить, в этом-то и проблема. Мифы, созданные вокруг его имени, гораздо масштабнее, чем любые достоверные свидетельства его способностей или влияния. Кроме рисунков, не сохранилось ничего. Вот если бы нашлись живописные полотна, все было бы совсем иначе. Одних набросков и работ углем недостаточно. Я знаю, что некоторые из них экстраординарны и, наверное, подразумевают исключительное мировосприятие. Однако сомневаюсь, что оно было воплощено. Никто и никогда не видел ни единой картины в масле, за исключением нескольких близких знакомых. Причем кое-что в их утверждениях вынуждает сомневаться в достоверности свидетельств. Я хочу сказать, все они вспоминают о разном.

Майлз сделал большой глоток вина, и Эйприл решила, что ей нравится, как его лицо горит от волнения. И еще ей нравился голос. Не хотелось прерывать его речь. С тем же успехом он мог зачитывать ей инструкцию к какому-нибудь моющему средству. Она готова слушать его всю ночь.

— Однако Хессен опередил свое время. Он, по сути, создал новый визуальный язык, окунулся в антиэстетизм, философию и радикальную политику. За пределами вортицизма, футуризма, кубизма, сюрреализма он творил один, с самых юных лет следуя своей собственной созидательной концепции. Его можно даже назвать оккультным философом, неверно понятым современниками и полностью игнорируемым последующими поколениями,

бичом среднего класса Англии и ее благополучной богемы. Этот художник считал искусство культом чего-то сверхъестественного, средством к обретению этого сверхъестественного. Но что самое поразительное — до меня никто о нем не писал!

Из-за упоминания о сверхъестественном Эйприл вдруг почувствовала себя неудобно. У нее резко испортилось настроение.

— Вы не думаете...

— Что именно?

— Что он обладал некой силой или способностями?

— Силой?

— Я понимаю, это звучит глупо, однако на мою двоюродную бабушку он навел настоящую жуть.

— Ну, он участвовал в оккультных обрядах. Вероятно, в самых сложных ритуалах призывания его наставлял Кроули, «Великая Бестия шесть-шесть-шесть». Кто знает, что там могло пригрезиться впечатлительному Феликсу.

— Но вдруг не все ему просто пригрезилось?

Майлз засмеялся и разломил рогалик.

— Вы снова наступили мне на больную мозоль.

— Так я и думала.

Глупый вопрос, и, задав его, Эйприл сейчас же пожалела об этом. Вокруг нее, в ярко освещенном современном ресторане, люди едят и разговаривают. За окном проезжают такси, публика толпится перед входом в оперный театр. Это мир сотовых телефонов и кредитных карт, никаких призраков. Может, у нее начал заходить ум за разум из-за того, что она слишком увлеклась безумием Хессена и Лилиан?

— Но мистицизм, разумеется, не настолько важен для Хессена, как уверены критики, — проговорил Майлз. — На самом деле, когда я готовил книгу, все развернутые ответы, какие удалось получить от художественных критиков и кураторов, лично знавших Хессена, сводились к одному: все они считали его творчество абсурдным и незначительным по сравнению с работами некоторых его современников.

— Мне кажется, можно поверить во что угодно, если сосредоточиться на какой-то мысли, — негромко заметила Эйприл.

Майлз не слышал ее, он внимательно вглядывался в содержимое своего бокала, в бархатистые бордовые глубины. Эйприл сделала глоток вина и спросила:

— Вы правда верите, что у него были живописные полотна?

— Не сомневаюсь, что он работал в цвете. Но подозреваю, что он все уничтожил, когда подошел вплотную к осуществлению задуманного, своего грандиозного замысла. Он был строг к себе, возлагал на себя несбыточные надежды. Либо так, либо его подкосило тюремное заключение.

— Меня волнует этот вопрос. Точнее, были ли у него картины и видели ли эти картины люди. Такие, как моя двоюродная бабушка и ее муж.

— Думаете, где-то стоят пыльные ящики, набитые его полотнами? Некоторые предполагают, что его живопись была гораздо радикальнее произведений любых других модернистов и прочих современных ему художников. Все это прекрасно. Но только где это все?

— Да вы глумитесь над критиками! — Эйприл нравилось это словечко, которое она впервые услышала уже здесь, в Англии.

— Нет, нисколько. Я просто выражаю свое собственное разочарование тем, что ничего не отыскал. А можете поверить — я искал как следует. Я побывал в поместье у его дальних родственников, потомков всех, кто когда-либо упоминал о нем, не говоря уже о семье того коллекционера, который скупил рисунки Хессена еще до его тюремного заключения. Хессен легко расстался с ними, сослужившими свою службу. Однако же я не нашел ни одной убедительной зацепки, ни одного надежного следа, который мог бы привести меня к картинам.

— А время после войны? Вы узнали что-нибудь о его жизни тогда?

— Он почти не выходил из квартиры, превратился в затворника. У него всегда было очень мало приятелей, и большинство из них испарились еще до начала сороковых. И никаких свидетельств, что он возобновлял старые знакомства после выхода из Брикстонской тюрьмы, нет. Так что, даже если он и писал что-то, кто бы это увидел? Я однажды задумался: не мог ли он оставить кому-нибудь картины перед исчезновением, хотя бы передать частному коллекционеру? Но пока этот коллекционер или его потомки не заявят о себе, картин не существует. Это трагедия. Я искренне верю, что Хессен был в каком-то шаге от создания чего-то грандиозного, однако по какой-то причине либо так и не начал, либо уничтожил творение. Мне кажется, последнее — наиболее вероятный для него исход, ведь, несмотря на всю целеустремленность и нестигаемость, он обладал крайне неустойчивой психикой.

— Как бы то ни было, вопрос остается.

— Да, у меня тоже.

— И мне все равно хотелось бы показать вам дневники моей двоюродной бабушки. Просто узнать, что вы об этом думаете. Наверное, вы лучше меня сообразите, что с ними делать.

Майлз улыбнулся.

— Эйприл, я был бы счастлив. Прошу прощения, подозреваю, я ужасно занудный.

— Вовсе нет. Хотя, честно говоря, я уже сыта Хессеном по горло. Ведь предполагалось, что речь пойдет не о нем, а обо мне и Лилиан. Я надеялась разузнать что-нибудь о бабушке через него. Я собираюсь пойти на заседание этих «Друзей Феликса Хессена». Есть еще несколько человек в Баррингтон-хаус, с которыми мне хотелось бы поговорить и потом забыть о Хессене. Навсегда. Чтобы не кончить так, как Лилиан.

Майлз нахмурился, поглядев на нее, затем удивленно поднял бровь.

— Да, я слышал, что вы говорили, однако...

— Что?

— У меня на ваш счет имеется одно подозрение. Несмотря на очаровательную внешность, способную открыть перед вами все двери, я предполагаю, Эйприл, что вы аутсайдер, как и Хессен, и втайне вы поддались его мистицизму.

Эйприл зарделась. Мысль о том, что Майлз с ней заигрывает, вдруг напугала ее, но в то же время взволновала.

— Может быть, я и аутсайдер, но я точно не поклонница Феликса Хессена. И к мистицизму не склонна. Любой, кто привязан к этому художнику, просто сумасшедший.

— И я тоже?

— Вы в первую очередь.

Они засмеялись одновременно.

— Я пыталась понять, что с ним случилось, — задумчиво протянула Эйприл. — Предполагается, будто он куда-то исчез, однако, если верить записям Лилиан, складывается впечатление, что никуда он не делся. И это жутко.

— Что ж, все любят настоящие тайны. Исчезнуть без следа — это, конечно, банальный сюжет, однако сюжет, причем способный не только выставить в новом свете сомнительную репутацию и дать ей вторую жизнь, но еще и помочь развить заложенный в ней потенциал в нечто совершенно новое, чего никогда не было изначально. Люди, склонные к мистицизму, вовсе не в силах устоять перед таким: художник бесследно пропадает вместе со своими так называемыми шедеврами.

— «Друзья Феликса Хессена» с вами не согласны.

— А от них я ничего иного и не ожидал. Как любители, они так и кипят энтузиазмом, но им не хватает академической дисциплинированности. Их больше влечет оккультная сторона, они прямо-таки одержимы ритуалами в жизни Хессена. Хотя, насколько я помню, они утверждают, будто строго придерживаются доказанных фактов и в своих публикациях, и вообще. Все они странные. Скорее всего, на лекции вы встретите группу настоящих сумасшедших. Я знаю, видел их. Они неоднократно обращались к нам с просьбами пустить

их в архивы галереи Тейт. Подобные прошения они посылают во все галереи. Они охотятся за якобы спрятанными где-то запрещенными рисунками Хессена, которые мы, видимо, сохранили, тайно сочувствуя идеям фашизма, или по какой-то еще нелепой причине. Как видите, для истинного поклонника я слишком подвержен сомнениям. — Майлз засмеялся. — И кто знает, может, старина Феликс был бы доволен тем, что породил настоящий культ, приверженцы которого регулярно доставляют неприятности самым крупным художественным галереям. И может быть, после всего, что уже сказано и сделано, как раз «Друзья Феликса Хессена» и нащупали верный путь. Вдруг оккультные знания и толкование сновидений и есть единственный действенный способ понять его творчество?

— Но сами вы в это не верите!

— Совершенно точно, не верю. Но я перестал искать. И не только по той причине, что натываюсь на бесконечную пустоту. — Майлз откинулся на стуле, бросил салфетку на стол и вздохнул. — Да и все равно я больше не испытываю к нему интереса. Несколько утратил аппетит.

— Почему?

Майлз пожал плечами.

— Он вошел в мою плоть и кровь.

Эйприл засмеялась.

— Нет, честное слово. Если смотреть на его работы слишком долго, начинаешь испытывать его чувства. Мне даже снились кошмары. Это так странно. Я чувствовал, что Хессен становится мне ближе, но сам я так; и не приблизился к нему. И мне совсем не нравилось, что он окружает меня со всех сторон. Мне стало гораздо лучше, когда я закончил книгу. Если честно, я не расстроюсь, когда тираж разойдется. Не люблю, когда мне о ней напоминают. Тот период, когда я писал ее, стал лично для меня тяжелым временем. Голова у меня была занята другими проблемами, но творчество Хессена не помогало отвлечься. Оно начало менять мой образ мышления. Я превратился в какого-то нигилиста, ведь Хессен был именно нигилистом. Он не видел ничего, кроме конца жизни. Кроме горя и бесконечного одиночества в смерти. И все его предсказания о том, что ждет нас за порогом бытия, были такими же мрачными. А я все-таки не мазохист.

Эйприл задумалась над последними словами Майлза. Они не лишены смысла. Посмотрев на рисунки Хессена и немного о нем почитав, она тоже ощутила насущную необходимость вернуться к нормальной жизни: сходить в кино, пообедать в ресторане, прогуляться среди других людей. Его творения были такими подавляющими, такими поглощающими, такими безумными. Они умудрялись засосать ее внутрь самой себя, заставляя болезненно копаться в душе.

— Какая жалость, что вы живете не в Лондоне, — сказал Майлз, допивая остатки вина. Бутылка была пуста. Губы у обоих стали пунцовыми.

— Почему? — спросила Эйприл негромко, намеренно опуская глаза в пол.

Как давно уже у нее не было возможности кого-либо провоцировать! Замечательные ощущения.

— Потому что я бы хотел видеть вас чаще. Мы могли бы вместе ходить на собрания «Друзей Феликса Хессена», назначая свидания на их лекциях. Это было бы так романтично.

Эйприл засмеялась. Она не против задержаться в Лондоне подольше, если Майлз составит ей компанию. Наконец-то она познакомилась с кем-то нормальным, общительным и по-британски сексуальным, да еще и способным помочь ей понять маньяка, который оказал такое влияние на ее родственников. Эйприл невольно подпала под очарование спокойной уверенности, суховатого юмора, глубокого голоса и озорных огоньков в глазах. И все достоинства искусствоведа перешли в наступление на нее. Заставили ощутить себя бесшабашной. Эйприл никогда не страдала от нехватки внимания, ее никогда не отвергали, просто некоторые мужчины умеют произвести впечатление. Или она уже втрескалась?

— Что случилось? — спросил Майлз. — У вас в глазах такое странное выражение.

— Просто я задаюсь вопросом, не втрескалась ли я в вас.

Майлз поперхнулся и схватил салфетку, чтобы вытереть лоб.

— Лучше спросить у официанта, нет ли у него нюхательной соли.

— А миссис Батлер имеется?

— Уже нет. Я сомневался, хочу ли быть отцом. Я сомневался, хочу ли играть множество других ролей, какие она мне навязывала.

— Подруга есть?

— Ничего серьезного.

— Лживый негодяй!

Майлз поднял руки, сдаваясь.

— Мы знакомы недавно, вот в чем дело. Но если бы она узнала о нашем разговоре, то пришла бы в бешенство. И обиделась бы. А я бы чувствовал себя последним дерьмом. Подобное ощущение мне вовсе не нравится, у меня и без того в голове всего полно.

— Я уверена, вы бы все преодолели.

— С вами в качестве стимула я бы преодолел много чего.

С последними словами улыбка сошла с его лица, и Эйприл уловила во взгляде тень тоски, от которой у нее перехватило дыхание. Она ощутила толчок внизу живота.

Значит, она нравится ему. И возможно, сильнее, чем подозревает. Ну к чему все эти сложности? Однако все происходит именно так, когда тебе уже к тридцати, а ты все еще одна. Чаще всего потому, что зрелые, обаятельные мужчины вроде Майлза наверняка уже женаты. Эйприл читала о женщинах, которые заводят с ними романы. Эти господа вечно оказываются женаты на ком-то, кого недооценивают и воспринимают как данность, но с кем у них оказываются нерасторжимые узы, когда дело доходит до принятия главного решения. В общем, не кантовать.

— Какой милый комплимент, — сказала Эйприл несколько горестно, по своему собственному ощущению.

— Это правда. Вы прелестны, Эйприл. Разве я мог не заинтересоваться? Вы красивая молодая женщина. Яркая. Немного сумасшедшая, как раз настолько, сколько требуется. На самом деле, устоять просто невозможно.

В его глазах снова горели веселые огоньки. Взяв себя в руки, Эйприл отметила, что Майлз прекрасно сдерживает эмоции. Еще одна объединяющая их черта. Если они больше никогда не увидятся, то все равно будут вспоминать друг о друге.

— Должно быть, алкоголь виноват, или же я потаскуха, однако я подошла очень близко к тому, чтобы спросить, не хотите ли вы осмотреть квартиру моей двоюродной бабушки.

— Вряд ли это место способствует развитию любовных отношений.

— Здесь вы абсолютно правы. Если только речь не идет о настоящем извращении, каком-нибудь садомазо.

— Надевайте пальто. Вы меня соблазнили.

Эйприл хихикнула, хотя по-прежнему ощущала горькое разочарование.

— Ваша подруга не обрадуется, если я задержу вас допоздна.

— Перестаньте, вот теперь вы действительно плохо себя ведете.

Даже в том, как он упрекал ее, было что-то притягательное.

— А если серьезно, я с удовольствием осмотрел бы Баррингтон-хаус. Интересно, сильно ли переменялся дом с тех времен, когда там жил Хессен?

— Не думаю. Он кажется совершенно старомодным, а в квартире Лилиан с сороковых годов даже ремонт не проводился.

— Да, и эти дневники, мне бы хотелось на них взглянуть.

— Ее тетрадки? Ну конечно, я дам вам их почитать. Те, которые возможно прочесть. Самые последние слишком неразборчивы. Но только обращайтесь с ними осторожно — я хочу увезти их с собой. От Лилиан останется совсем немного, когда квартира будет продана. Только фотографии да дневники.

— А сколько их всего?

— Целая стопка, двадцать тетрадей.

— Неужели?

— И все посвящены вашему обожаемому Феликсу.

Майлз посмотрел на нее так пристально, что его лицо даже посуровело.

— Шутки в сторону. Неужели там действительно о Хессене?

Эйприл кивнула.

— Если вы слушали меня, то уже должны были бы это понять. Но лучше почитайте сами. Я даже приблизительно не смогу описать, на что похожи ее записи. Они наводят жуть. Из них станет понятно, почему я теперь живу в гостинице.

— Да, вы несколько не преувеличивали, — заметил Майлз, оглядев прихожую. — Просто невероятно!

— Правда? Но вы бы видели, на что это было похоже! Я вынесла почти весь мусор. Лилиан никогда ничего не выбрасывала. У нее даже сохранились телефонные справочники Лондона за пятидесятые годы.

— Что-то из них может представлять ценность.

— Майлз, я не идиотка. Антиквары забрали все сколько-нибудь ценное.

— О!

— И к счастью для меня, у бабушки сохранилась вся одежда. Это тоже ее.

Эйприл покружилась перед искусствоведом, чтобы тот заметил костюм, на который раньше, как ей показалось, он не обратил внимания.

— То-то мне почудилось в нем нечто подлинное, — сказал Майлз, рассматривая тонкий шов на лодыжках Эйприл.

— Запах, как ни грустно, тоже остался. Придется забивать его духами, пока не отправлю вещи в химчистку.

— Вам идет.

— Спасибо.

— Я хочу сказать, вам действительно очень идет.

Эйприл приняла позу Бетти Буп¹ и послала ему воздушный поцелуй. Его глаза потемнели. Если она не ошибается, от страсти. Эйприл развернулась и пошла по коридору, Майлз двинулся следом.

— У вашей двоюродной бабушки были проблемы? — уточнил он, словно желая очистить помещение от эротического волнения, будоражившего атмосферу.

— Она была не совсем здорова, ее преследовали призраки. Призраки прошлого, насколько я понимаю. Мне кажется, она так и не оправилась после смерти мужа. Друзей у нее не было. Бабушка бродила по городу в одиночестве, собираясь бежать из Лондона. Она считала, что Хессен не выпускает ее отсюда.

Эйприл хотелось рассказать о намеках Лилиан на «сожжение» чего-то — предположительно, картин Хессена — и на те мучения, какие, как считала бабушка, художник устроил для нее с Реджинальдом, но так и не заставила себя произнести это вслух. Ей хотелось нравиться Майлзу и вовсе не хотелось, чтобы он решил, будто она с приветом, поскольку болтает всякую чушь о злых духах, привидениях и прочих прелестях в том же духе. Пусть почитает дневники и сам сделает выводы.

В гостиной Майлз взглянул на ящик, заполненный фотографиями, которые Эйприл сняла со стен.

— Как грустно, не правда ли? — произнес он тихо, взяв снимок Лилиан и Реджинальда, запечатленных в залитом солнцем саду.

И Эйприл сразу же поняла, что он имеет в виду. Вот это и останется от тебя в конце — коробка фотографий, попавших к людям, которые никогда не были с тобой знакомы.

Квартира уже начала портить Эйприл настроение. А ведь после вечера, проведенного с Майлзом, она чувствовала себя прекрасно, как ни разу со дня приезда в Лондон.

— Ну, давайте я покажу вам комнаты, а потом вы посадите меня в такси. Я хочу

¹ Бетти Буп — персонаж черно-белых мультфильмов 30-х годов.

убраться отсюда. Я и без того пробыла в этой квартире слишком долго. Теперь я собираюсь немного повеселиться, прежде чем вернуться в Штаты.

Майлз окинул взглядом грязные стены.

— Неподходящее место для полного жизни юного существа. Мрачная атмосфера даже действует на психику.

— Вы еще здесь не ночевали!

— Это приглашение?

— Да сколько угодно, только без меня. Я не останусь здесь ни на одну ночь, хотя квартира еще не продана. Говорю же вам, она наводит на меня ужас.

— Но ваша бабушка жила здесь, вы носите ее одежду и, как мне кажется, много размышляете о мире, в каком она обитала.

— Верно, так и есть. Но дело в самой квартире. Точнее, даже во всем доме. Это место просто неправильное.

Майлз нахмурился, хотя только что улыбался.

— Но что именно заставляет вас так говорить? Обычный старый дом. Мне показалось, вы любите ретро.

Эйприл отрицательно покачала головой.

— Нет, дело вовсе не в возрасте постройки и не в том, что квартира в ужасном состоянии. Проблема в самом здании, в стенах. Я понимаю, насколько дико это звучит, но Баррингтон-хаус полностью переменяет Лилиан и, мне кажется, сыграл свою роль в том, что случилось с Реджинальдом. Это место неправильное целиком и полностью.

Оно нехорошее. Вы немного побыли здесь и тоже это ощущаете.

Майлз хмуро посмотрел на нее.

— Думаете, я валяю дурака? Прочитайте несколько тетрадей, и, возможно, вы поймете, о чем я толкую. Все здесь просто соткано из безумия и кошмаров. Это больное здание, Майлз. Совершенно больное, как Хессен.

В спальне, пока Эйприл рылась в комод, доставая тетрадки, Майлз проговорил:

— Почему зеркало отвернуто к стене? А, это картина? Можно взглянуть?

— Да, конечно, это портрет Лилиан и ее мужа. Я нашла его в чулане в подвале дома. И принесла оттуда же зеркало, чтобы примерить ее одежду, но...

— В чем же дело? Зеркало очень красивое.

— Верно, но... Из-за него у меня возникло ощущение, будто меня водят за нос.

Майлз захохотал, но тут же осекся, увидев ее лицо.

— Простите, я вовсе не хотел посмеяться над вами. Это место действительно наводит страх, здесь надо бы поменять лампочки.

— Они сами по себе яркие, просто стены и пол как будто поглощают свет.

В комнате вовсе не было холодно, но Эйприл трясло, пока она говорила.

Майлз обнял ее за талию и заглянул ей в глаза.

— Вы хотите уйти отсюда?

Она кивнула.

— Благодарю вас за это. — Он взял одну из тетрадок Лилиан. — Не могу поверить, что прочитаю о Хессене слова того, кто был знаком с ним в послевоенные годы. Это настоящая находка.

— Бабушка была просто одержима им. И хочу вас предупредить — ее записи действительно пугают. Не читайте, пока не ляжете в постель.

— Хорошо, обещаю. Возможно, я помогу вам выяснить, что же здесь произошло.

Эйприл кивнула.

— Буду рада.

Подчиняясь импульсу, она поднялась на цыпочки и приникла к его губам. Когда она отстранилась, он, кажется, был удивлен. Эйприл уже хотела извиниться, но Майлз сам склонился к ней с поцелуем, долгим и глубоким.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

В три ночи Сет вошел в шестнадцатую квартиру и минут двадцать простоял неподвижно.

В тот момент, когда он зажег свет, обрывки недавнего кошмара всплыли в памяти: черные и белые мраморные плитки, длинные, отливающие красным стены коридора, старинные двери, большие прямоугольные картины, развешанные ровными рядами, и все это залито грязным светом, который силится вырваться на свободу из выцветших стеклянных абажуров. Да, он уже бывал здесь раньше. Ощущение походило на затянувшийся приступ дежавю и опровергало все законы бытия, какие Сет принимал как данность.

Но имелось и одно важное отличие. В том сне все картины были открыты, теперь же они скрывались за длинными полотнищами старой ткани. Сет закрыл за собой входную дверь и, поморщившись, опустил больной рукой стальное кольцо с ключами в карман брюк.

Что-то старательно привлекало его внимание к этому месту — то, что шевелилось внутри, когда он проходил мимо двери. То, что звонило ему по внутреннему телефону и населяло видениями спящий разум. То, что следовало за ним до самого дома.

Беды Сета умножились сразу после того, как он впервые заметил в квартире какие-то волнения. Все, что он списывал на депрессию, нарушение сна и одиночество, каким-то образом связано с этой квартирой. Он чувствует это.

Непостижимо, но совершенно отчетливо. Прямо здесь и сейчас.

Он неизбежно должен был оказаться здесь. Его ведь призвали.

Сет содрогнулся. Он испытал потрясение, осознав этот факт. Однако круговорот безумных мыслей остановился. Первый раз за долгое время его разум освободился от чего-либо, кроме ужаса, переходящего в благоговение. Чувство было такое острое, что вдохи давались с трудом.

Сет вошел в коридор медленно, неуверенно, не в силах больше оттягивать свидание с квартирой, которая простояла пустой полвека.

Все двери, выходящие в коридор, оказались закрыты, и Сет ужаснулся при мысли, что придется отворить среднюю дверь по левой стороне — дверь, ведущую туда, где четкие контуры стен, потолка и пола поглощены морозящей невнятной чернотой, где копошатся существа, ошибочно принятые им за персонажей с картин. Сначала они двигались вокруг него, а потом подступили со всех сторон. К Сету вернулись и никак не отпускали ощущения, испытанные в том сне.

Проходя по коридору мимо первой картины, он усилием воли заставил себя приподнять пыльную ткань. Картина была размером с большое окно. Он старался поднимать ее медленно. Однако стоило ему прикоснуться дрожащими пальцами к нижней части полотнища, которое было просто накинуто на картину, как оно со свистом соскользнуло и шумно грохнулось на пол.

Впечатление от существа, запечатленного в масле, сейчас же обрушилось на него, словно удар в живот. Потрясение быстро сменилось тошнотой и потерей ориентации, как будто бы искаженная фигура в костюме и галстук спроецировала свои мучения прямо на тело Сета.

Портье отшатнулся, не в силах отвести взгляда от изображения, не в силах хотя бы моргнуть. Что это? Неужели существо разорвано на части, а его лицо содрано хлыстом белой боли? Сет интуитивно угадал, что от выставленных напоказ внутренностей персонажа исходят миазмы страха, и сейчас же ощутил свою сопричастность к жуткой гибели этого создания, к его утрате собственного «я», его распаду.

Здесь не было изображено чего-то человеческого или животного, но угадывалось и то, и другое. Некоторые детали Сет сумел различить: разинутый в вопле рот, зубы в кровавой пленке, вывалившийся раздутый язык, намек на горло, подернутое удушьем; глаз, или некое его подобие, торчащий из затылка размазанной головы, широко раскрытый и наполненный до краев ужасом и страданием, — этот взгляд Сет не смог выдержать. Ему захотелось завесить

картину, скрыть налитый кровью глаз, багровый зрачок, выпученный и готовый лопнуть. Он выглядел невероятно реалистично, несмотря на искаженные контуры отсутствующего лица.

Кому бы ни принадлежало это тело раньше, теперь оно уничтожено. Остатки костюма и галстук остались на своих местах в какой-то ледящей кровь пародии на официальность, однако конечности отсутствовали. Неровные обрубки были окружены охристым нимбом, который придавал налет святости изображенному уродству.

Изображение являло предсмертные мучения, происходившие в жуткой черной пустоте вечно. Не жизнь, но некое подобие живости. Движение после смерти, повторяемое до бесконечности. Сет сразу же понял смысл работы.

Он повернулся спиной к истерзанному телу, к сырому мясу, упакованному в ткань, и испытал при этом подобие эйфории, благоговейный трепет перед рукой, которая сумела запечатлеть самые вершины ужаса и уничтожения. Сет вспомнил о собственных набросках, раскиданных по жесткому ковру комнаты в «Зеленом человечке»; вспомнил детскую фигурку в куртке с капюшоном, являвшуюся ему во сне; вспомнил, как они брели по траве, усеянной собачьим дерьмом, и по залитому мочой бетону. Это существо с рассудительностью мертвого ребенка нашептывало, что после смерти можно застрять где-то, угодить в капкан на долгие времена. До наступления темноты. Какую темноту имел в виду призрак?

Следующая картина, шести футов в высоту и как минимум четырех в ширину, ударила по раздраженному разуму с не меньшей силой, окатив сознание Сета ведром ледяной воды и лишив его способности ориентироваться в пространстве. Все внутри онемело, остался ощутим только наэлектризованный ужас. В этом и заключалась цель автора — представить нечто, на что способен смотреть и что способен переносить только безумец.

После того как Сет снова смог дышать, обрел равновесие и шаткое осознание места и себя, он рассмотрел фон, на котором болталась фигура. Все эти дикости и расчлененка были бы сущей ерундой без глубин на заднем плане. Награжденное мордой бабуина, безглазое, жутко извивающееся внутри просторного одеяния в цветочек существо, окровавленное и мокрое, висело в крошечной темноте. В бескрайнем вакууме, от которого так и веяло холодом глубокого космоса, неохватных далей и дыханием вечности. Полотно служило примером прямо-таки изумительного применения импасто.¹ Сету вдруг захотелось истерически захохотать, а затем разразиться богохульной бранью. Фоновое пространство буквально выталкивало из себя готовый упасть к ногам зрителя объект, где тот принялся бы скрести по полу обломанными когтями и завывать в агонии, длившейся уже столько, что век представлялся лишь далеким началом.

Сет сразу же понял, что перед ним проблески чего-то, поднимающегося на поверхность из бесконечной мерзлой черноты. Из вечности, где обитают чудовищные создания, стремящиеся даже на крошечную точку света — туда, где появляется хотя бы намек на выход. А выход здесь. В этой квартире, где никто не может жить. Где никого не должно быть. Но кто-то все же появлялся здесь, чтобы запечатлеть кошмарных тварей.

Пьяно пошатываясь, Сет срывал полотнища с одной картины за другой. Материя скользила по изображениям, ошеломляющим настолько, что невозможно было хотя бы выжать из себя крик. Ничего, кроме разве что робкого младенческого писка перед лицом существ, которые удирали на звериных ногах, ослепленные сшитыми вместе ушами; шипели, словно умирающие коты с черными деснами и острыми, как иголки, зубами; дергались, подобно повешенным из черно-белой кинохроники, с конечностями, завязанными в узлы вокруг тела, и головами, изуродованными воплем; ободранными, словно освежеванный баран, или же розовыми, как дохлый новорожденный мышонок.

И, глядя на все эти отвратительные искажения, мелькающие перед глазами, Сет знал, что он в силах воспроизвести то же самое. Воплощенные образы тех тварей, какие теснились в его воображении, были развешаны в красном коридоре, похожие на блестящие туши в холодильнике у мясника. Желтый жир, торчащие кости, запекшаяся кровь — мясо и сало

¹ Импасто (*ит. impasto*) — дословно «тесто». Густая, сочная накладка красок, употребляемая в живописи маслом в основном для усиления светового эффекта.

человеческих кошмаров.

Сет раньше замечал в себе порывы животной ярости, такое же отторжение рассудка и благопристойности, проявляющиеся в самых прозаических местах — в автобусе, на ветреных лондонских улицах, между ярко освещенных стеллажей в супермаркете. Эта чудовищная зараза, сотканная из физического уродства, жестокости, саморазрушения, маниакального нарциссизма, жадности и ненависти, ярко пламенеющего безумия, уже начала растекаться, окружая его в городе со всех сторон. Сет наблюдал ее проявления в других — теперь, когда в его глазах люди лишились своего непроницаемого фасада. Он научился смотреть сквозь него, в глубину, туда, где обитает дьявол. Ад заключен внутри каждого комка плоти, пока что представляющего из себя человека.

Сет рухнул на колени. Слезы жгли глаза; благословенно соленые, они застилали от него то, что было прибито гвоздями к стенам, что орало и корчилось.

Гений!

Он рыдал перед гением. Рыдал от благодарности за то, что было ему показано. Мастер-класс, задающий направление его собственным патетическим наброскам и черновикам. Он должен начать сначала. Как только вернется домой, он закроет крашеное пространство грязными бинтами, прежде чем нанести на стены и потолок своей комнаты новые раны. А потом он опять придет сюда, будет возвращаться ночь за ночью, чтобы напоить себя страхом и научиться запечатлевать то, что действительно бродит по улицам города. Его паршивая комната превратится в храм нового возрождения. Он будет работать, пока не свалится с ног, пока не запечатлеет уничтожение всякой личности и нарастающее до тошноты потрясение от увиденного.

Сет подполз на четвереньках к ближайшей двери, открыл ее и увидел освещенные тусклым красноватым светом из коридора стены, увешанные новыми чудесами под длинными полотнищами. Ему хотелось одновременно блевать, эякулировать и мочиться. Переживание было слишком сильным. Это мерзкое лекарство следует принимать осторожно, небольшими дозами, иначе он лишится последних крупниц рассудка, необходимых для того, чтобы воплотить в масле собственные видения.

Сет заглянул в дверной проем следующей комнаты, той, что напугала его во сне, и остановился: на всех стенах между зачехленными картинами висели красивые высокие зеркала. Он сейчас же понял, что, если смотреть слишком долго, от здешних образов, скрытых покрывалами, у него остановится сердце или наступит паралич. Поэтому Сет поднялся на ноги и развернулся, отчаянно желая выбраться из места, где к нему зывали картины. То был оглушительный шум, какофония. Все они хотели, чтобы он посмотрел на них, затерялся между ними. Однако прежде чем убраться из зеркальной комнаты, Сет заметил какое-то движение, уловил краем глаза.

Нечто трижды, перемещаясь с нечеловеческой быстротой, всплывало из глубин коридора отражений, созданного противолежащими зеркалами, но исчезало, стоило Сету обернуться. Слишком стремительное, чтобы за ним поспевал взгляд, оно либо растворялось, либо уходило обратно в глубь отражения, либо просто стиралось из его изможденного разума, который видел то, чего нет.

В комнате никого не было. Никого, столь же высокого и тонкого. С закрытым лицом, так же туго обмотанным чем-то красным. Наверное, Сет видел себя на фоне красных стен. Стен цвета убийства, смыкавшихся вокруг.

Сет выскочил из квартиры. Он протер глаза и отлепил от спины влажную рубашку, затем закрыл входную дверь и запер ее. Портье направился к лестнице, но, не успев спуститься, остановился, не в силах двинуться с места, — двери комнат шестнадцатой квартиры захлопывались одна за другой.

Восход начал прогонять из города непроницаемую тьму, рассеивать и ломать пронзительный ночной холод, и даже слабый проблеск дневного света больно ударил Сета по глазам. Тяжело волоча усталые ноги, он втащился по лестнице на второй этаж «Зеленого

человечка».

Обычно, возвращаясь с ночной смены, Сет входил в комнату и сразу валился на неприбранную кровать, забираясь под отсыревшие простыни и проваливался в небытие. Но только не сегодня. Сегодня у него есть работа.

Несмотря на синяки и болезненную ломоту, все еще сохранившиеся после побоев, Сет так и светился вдохновением. Он уже много лет не испытывал ничего подобного, полностью захваченный идеями и образами, и вот теперь он твердо вознамерился запечатлеть их, пока они не испарились из сознания.

Выйдя из шестнадцатой квартиры, Сет немедленно уселся за стойку портье и заполнил набросками два альбома. Его покрытые синяками руки затупили несколько карандашей. Он рисовал как будто на автопилоте, испещряя лист за листом контурами и фрагментами того, что успел повидать.

Теперь придется потрудиться, чтобы воссоздать все это на стенах своей комнаты. Нельзя даром терять время. Желание творить может снова его покинуть, вероятно, даже на годы, если он не отдастся искусству без остатка и прямо сейчас. Сама его воля и те силы, какие еще сохранились в поврежденных мышцах, связках и сухожилиях, должны оставить здесь свой след. Прямо на стенах.

Пространство у кровати и над выцветшей батареей Сет уже замарал, в спешке передавая впечатление от тех мерзостей, какие встречал на улицах Лондона. Однако он не может отказываться от линии, от совершенства линии. Тот художник из шестнадцатой квартиры сохранял ее нетронутой за хаосом красок и яростностью мазков. Сет это видел.

Поэтому его робкие потуги на собственных жалких стенах необходимо замазать чем-то черным, гладким и крапчатым, чтобы создать ощущение некоего бесконечного расстояния. Вот тогда можно будет начать сначала, снова и снова экспромтом возвращаясь к холсту, пока он не будет удовлетворен и уверен, что сумел передать дух шедевров из шестнадцатой квартиры. Он должен воссоздать то потрясение, неохватность и полное вовлечение зрителя в сюжет, пережитый им самим. Он обязан овладеть стилем. Однако же образы будут его собственные.

Ему требуется пространство. Стол, стулья и гардероб затрудняли движения всю ночь после того, как его избили, когда он топтался под стеной, пытаясь выразить, передать на выцветших обоях впечатление от тех звериных рож.

Кровать можно оставить. Отныне и впредь ему придется спать урывками. Часок здесь, часок там. Не больше. Он не желает даром терять время, когда все его тело наэлектризовано, когда кончики пальцев, даже на ногах, так и зудят, желая поскорее запечатлеть образ, который не должен погибнуть или стереться из памяти.

Подумать только, когда-то он стыдился похожих мыслей, стеснялся гротескного видения мира. Он так хотел походить на других, считал свою повышенную впечатлительность проклятием, лишаящим его реальной возможности обрести счастье. Никакое это не проклятие. Он благословлен. Точно так же, как был благословлен тот художник из шестнадцатой квартиры. Ему даровано откровение, тогда как альтернативой служит рутинная жизнь и ненужный комфорт. Он наделен божественным прозрением, тогда как в обычных глазах отражается лишь приукрашенная иллюзия, поверхностное восприятие вещей. Ему выпал один-единственный шанс привнести смысл в свое существование, обрести цель; передать впечатление от того, что он начинает видеть в этом городе. Что он научился видеть, то есть был научен неведомым наставником.

Сет не хотел размышлять о том, почему и каким образом установилась эта невероятная связь. Он не мог позволить себе задавать вопросы об источнике ее происхождения, целях и значении. Связь просто существует, она вернула его обратно из мира мертвых. Эти ночи сумели его пробудить. Они встряхнули, заставив очнуться и осознать, что все неважно, кроме новообретенного откровения, возможности созерцать открывшееся взору, и во сне, и наяву. Искусство. Он станет жить только ради творчества, и не имеет значения, сколь велика будет его жертва и его потери.

От одной мысли, что он вернется в тот красный коридор, сдернет покровы с творений, кошмарных и волшебных, у Сета по коже бегали мурашки. Но при этом он ощущал такую радость, что содрогалась душа.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Телефонную трубку на другом конце линии сняли немедленно.

— Алло?

— Э-э... Здравствуйте. Это Харольд?

— Говорите.

Голос у ответившего был хорошо поставленный и довольно солидный, однако Эйприл мгновенно растеряла всю уверенность из-за намека на изначальную враждебность, переданную одним-единственным словом.

— Я звоню по поводу собрания в пятницу вечером.

— Встреча «Друзей Феликса Хессена», да, а вы из «Друзей»? — Харольд выпалил все это на едином дыхании, с авторитарностью и самоуверенностью, которые показались Эйприл нелепыми.

— Я... Я точно не знаю, мне как раз хотелось бы это выяснить.

Она рассмеялась, и в трубке повисла тишина.

— Прошу прощения, так я бы хотела прийти на встречу.

По-прежнему тишина.

— Простите, вы еще меня слушаете?

Выдержав еще несколько секунд, голос отозвался:

— Да.

— Там сказано... Я имею в виду, на сайте был указан телефон, по которому можно узнать подробности.

Тишина.

Решимость покинула Эйприл И не только из-за этого угрюмого молчания, а из-за всего, что она знала теперь о Хессене. Ну кто захочет считать другом такого типа?

— Я позвонила не вовремя? Прошу прощения, наверное, слишком поздно.

Она уже собиралась повесить трубку.

— Нет. Нет. Не поздно, — проговорил голос.

— В таком случае могу я прийти?

— Вы знакомы с его работами?

— Да, я только что прочитала книгу Майлза Батлера...

— Пф! Существуют источники получше. Мое собственное исследование доступно в Интернете и скоро выйдет из печати. Я бы предложил вам начать с него. Это обязательное условие.

— Я постараюсь.

— Экземпляры предварительного тиража продаются на всех наших встречах. Но поскольку мы собираемся на частных квартирах и во время собраний не стесняемся в выражении эмоций, не говоря уже о том, что некоторые приглашенные лекторы обладают незаслуженно сомнительной репутацией, мы приглашаем только проверенных слушателей. Кто вы?

— Как сказать?... Я точно не из проверенных слушателей. Я в городе проездом, просто увидела сайт и купила книгу.

Снова повисла тишина, хотя и наполненная неодобрением. Этот мужик выводил ее из себя.

— Моя двоюродная бабушка была с ним знакома, — проговорила Эйприл тихо, хмурясь от раздражения.

— Что вы сказали? — быстро переспросил Харольд, не успела она закончить фразу.

— Моя двоюродная бабушка знала Хессена. Они жили в одном доме.

— Где именно?
— В Баррингтон-хаус, Найтсбридж.
— Да, я знаю, где это, — проговорил он сурово. — Но какого черта вы сразу об этом не сказали?
— Я... Я не знаю.
— А ваша двоюродная бабушка еще жива?
— Нет. Она недавно скончалась. Но она писала о нем в своих дневниках. Вот потому-то я и заинтересовалась.
— Дневниках?! Вы должны принести их с собой. Мне необходимо... — он выдержал паузу, как будто пытаясь успокоиться, — увидеть их. По возможности прямо сейчас. Вы где остановились?
Немедленно насторожившись, Эйприл солгала:
— Но сейчас дневников у меня нет. Они у меня дома, в Штатах.
— Очень плохо. Ваши соотечественники уже заполучили его рисунки и заперли под замок. Мы должны увидеть дневники.
— Я могу, например, снять копии, когда вернусь домой.
— У вас есть ручка? — нетерпеливо спросили в трубке.
Эйприл сказала, что есть.
— Тогда записывайте.
Харольд продиктовал адрес в Кэмдене и заставил ее повторить.
— Все верно, надеюсь, вы придете пораньше, чтобы я мог с вами поговорить и порасспросить о вашей двоюродной бабушке. Вы будете нашим почетным гостем.
— О, я вовсе не этого хотела. На самом деле я ведь почти ничего не знаю о Хессене...
— Глупости, вы же состоите в родстве с женщиной, которая была знакома с гением при жизни, которая была осияна его присутствием. Мы будем счастливы видеть вас на собрании. Вы должны прийти. Если есть денежные затруднения, мы поможем.
— Нет, у меня все в порядке. Спасибо. Я подойду к семи.
Затем Харольд настоял, чтобы Эйприл дала ему номер телефона в гостинице, что она и сделала с большой неохотой, не сумев быстро найти предлог для отказа. Эйприл повесила трубку и откинулась на спинку стула, чувствуя, как на лбу просыхает пот. Всякое желание идти на собрание покинуло ее. Она начала подозревать, что любой, кто как-то связан с Хессеном, представляет собой странного и неприятного человека. Она проклинала себя за то, что упомянула дневники Лилиан. Зачем она сболтнула о них? Чтобы произвести на него впечатление? Эйприл чувствовала, что проявила неосмотрительность, за которую еще придется расплачиваться.
Телефон рядом с кроватью зазвонил. Она нервно схватила трубку. Это оказался Харольд.
— Прошу прощения, нечаянно нажал не ту кнопку, — сказал он. — Увидимся завтра.
И он отключился раньше, чем Эйприл успела придумать ответ.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

И он снова и снова поднимался туда, где, окутанные кровавым светом, хранились в тайне многочисленные шедевры. И он кормился исходящей от них тьмой, упивался ощущением вечности, какой веяло от этих стен, распухал от ужаса, которым дышала подвижная пустота и то, что копошилось внутри ее. Каждый раз, когда он входил в квартиру, это были разные существа и их фрагменты.

Во время последних трех посещений Сет сосредоточился на изучении картин, висевших в двух дальних спальнях. Пространство, предназначенное для сна, было теперь превращено в галерею неведомым обитателем, возможно тем самым, который мелькал в зеркалах. И Сет заходил в эти комнаты, чтобы учиться. Смотрел вокруг, как ребенок смотрит на забытый пруд посреди заросшего сада, вглядываясь в черную глубину, восхищаясь тем,

как тонкие белые силуэты скользят между водорослями в воде, такой ледяной, что стоит сунуть хотя бы палец, и перехватит дыхание. Хотя, возможно, и палец отхватит тоже.

Только покончив со всеми обязанностями и в очередной раз солгав миссис Рот, которая преследовала Сета с жалобами на шум из пустого помещения под ней — на стук, хлопанье дверей, грохот чего-то тяжелого, доносящийся из тьмы шестнадцатой квартиры, — только тогда, устранив все помехи, Сет преспокойно вынимал ключ из сейфа в каморке старшего портё и отправлялся в галерею.

Он поднимался наверх, осторожно ступая по лестнице, примерно между тремя и четырьмя часами утра, когда мир погружен в самый глубокий сон. Сет привешивал к поясу пейджер на тот случай, если кто-нибудь из жильцов позвонит по внутреннему телефону или приедет, к примеру, из аэропорта и станет ломиться в дверь подъезда. Вздволнованный тем, что проникает на запретную территорию, пугаясь того, что может увидеть, но охотно принимая вызов, Сет закрывал за собой дверь и включал свет.

Во второй свой приход, с момента которого, казалось, прошла целая вечность и который напоминал давний, но отчетливо сохранившийся в памяти кошмар, Сет понял, что рядом с ним в квартире есть что-то еще. Нечто, чего он не может увидеть, — присутствие, не воспринимаемое глазом, но могущественное, в котором лично для него нет никакой угрозы. Но само по себе оно крайне опасно, потому что по всем законам природы его не должно здесь быть. Оно проявляло себя в красноватом свечении, как ощущение движения или звука, не показываясь на глаза. Оно оставалось за закрытыми дверьми зеркальной комнаты, откуда Сет время от времени слышал скрип, словно половицы прогибались под чьими-то ногами, быстро вышагивающими взад-вперед и замирающими у самого порога, когда он шагал мимо по коридору.

После того раза Сет избегал заходить в комнату с зеркалами. Так подсказывала ему интуиция. В первый приход он уловил там нечто и был не готов увидеть его снова. Эту комнату надо оставить напоследок. И вероятно, когда он все-таки отважится войти, состоится в некотором роде знакомство.

Живот у Сета до сих пор сладко сжимался от одной мысли о встрече с чем-то таким, что лежит далеко за пределами его понимания, далеко за пределами всего вообще, если не считать недавнего опыта. Или, может, то в нем пытается воскреснуть прежний Сет: неуверенный в себе жалкий трус, нерешительный, вечно сомневающийся слабак, которому не хватает духу следовать своему призванию, который сник от первой же критики? Только теперь Сет начал понимать, что чужое мнение ничего не значит, что другие еще и близко не подошли к пониманию тех мест, куда он вхож, тех видений, какие ему предстоит запечатлеть. Здесь не может быть никаких полумер, никаких компромиссов. Теперь — нет. Никогда.

Мальчик в капюшоне обещал все это. Обещал, что ему будут помогать, направлять, откроют окружающий мир таким, какой он есть на самом деле. Сет помнил об этом, и его тревожило ощущение собственной непринужденности, хотя каждую минуту нечто манипулировало им все настойчивее, проникая внутрь, затягивая в шестнадцатую квартиру, чтобы изучать работы мастера.

Неужели избиение на улице тоже подстроили они? Швырнули в когтистые лапы шакалов, позволили топтать его на холодной и мокрой лондонской мостовой, потому что в баре он вынашивал мысль о побеге? В ребенке в капюшоне ощущается нечто, столь же примитивное и грубое, как и в нападавших, — пренебрежение ко всему, кроме себя. Мысль о том, что злобные хорьки в бейсбольных кепках могли быть посланцами мальчика в штормовке, вселяла в Сета ощущение, будто он только что вынырнул из глубины, а берег еще далеко и до него никак не доплыть. Или же те парни, пытался убедить себя Сет, — просто очередное проявление мрака, который он должен воссоздать на своих полотнах; того, чем в действительности наполнен этот город. Такие же твари визжат и извиваются на стенах шестнадцатой квартиры, последнего пункта назначения для всех нас. Однако если побои были предостережением, то Сет не имеет права на новую ошибку. Воля должна восторжествовать.

Его телу потребовалось много времени, чтобы прийти в себя, кое-какие органы до сих пор были не в порядке. Сет прихрамывал и страдал от стреляющих болей в левой руке. Роговица на правом глазу была ободрана, инфицирована и воспалена, и он все еще не мог дышать полной грудью.

Сет разговаривал сам с собой, в четвертый раз открывая портреты в двух последних комнатах. Сдирая с рам тряпки, он крепко зажмурировал глаза, прежде чем сесть на голый пол с альбомом и карандашами, которые сжимал в побелевших пальцах. Он бормотал вслух, чтобы мозг не развалился на куски и не испугался себя самого, потому что было так просто потерять ощущение собственной личности перед лицом этих существ в лохмотьях, которые пытались оторваться от красных стен. Разговор был единственным способом сдержать крик, не позволить холодной волне паники затопить разум; не сбежать отсюда, сдирая кожу с лица, вспарывая ее на ходу отросшими ногтями.

Он должен быть сильным. И храбрым. Если он настоящий художник. Он должен научиться выносить видения и образы, должен понять, как подобного рода истину запечатлеть в его собственной студии в «Зеленом человечке». Здесь все ясно. Кто-то постоянно говорит ему об этом, остается только работать над собой. Они теперь внутри его. И они откроют клапаны у него в сознании.

Позже, вешая ключ от шестнадцатой квартиры обратно на крючок в сейфе, Сет услышал, как кто-то осторожно кашлянул у него за спиной. Он с грохотом захлопнул дверцу и быстро развернулся.

На пороге кабинета стоял Стивен.

— Привет, Сет.

Портье поспешно кивнул, взволнованно глотнув. Мысли скреблись и скрежетали, однако разум был слишком измотан тем, что он только что пытался постичь. Лицо его побледнело, и, как он знал, на нем отразилось смущение и чувство вины. Сет никак не мог придумать себе оправдание, не знал, как объяснить, что он оказался в комнате старшего консьержа и вешает на крючок ключ от частных апартаментов, куда служащим запрещено входить без особого разрешения.

— Наверху что-то случилось? — спросил Стивен, удивленно подняв бровь.

— Опять миссис Рот, — выпалил Сет, пытаясь придумать какую-нибудь ложь, однако под пристальным взглядом босса ложь никак не придумывалась.

— И что?

— Я... Я не хотел тебя будить. На самом деле ничего страшного. Просто она все время названивает на стойку. Ты же знаешь ее.

— В этом ты совершенно прав. Могу я чем-то помочь?

О господи, нет!

— Вряд ли. Просто у нее ум зашел за разум, вот и все.

Стивен внимательно рассматривал его. Сет попытался сменить тему.

— А ты сегодня припозднился. — Он взглянул на часы. — То есть, я хотел сказать, ты сегодня рановато.

— У Дженет только что начался приступ. Уже не помню, когда я нормально спал. И, судя по твоему виду, ты понимаешь, что я имею в виду.

Стивен улыбнулся, но улыбка вышла совсем не приятной. Она была какой-то ехидной. Сет ощутил себя еще более виноватым и то и дело сглатывал комок в горле, что только усугубляло впечатление.

Консьерж вошел в кабинет и присел на краешек письменного стола.

— Можешь идти домой, Сет. Я подежурю за тебя. — Он тоже посмотрел на часы. — Тебе все равно осталось всего два часа.

Сет нахмурился. Стивен, должно быть, прощупывает его, закидывает удочку, в чем-то подозревает.

— Не знаю даже... Ты уверен?

Стивен улыбнулся.

— Конечно. Ступай. По одному виду понятно, что ты провел трудную ночь. Я знаю, какими тяжелыми бывают смены. До того, как ты появился, я целый месяц дежурил по ночам, пока мы не наняли сменщика, тебя то есть. Твои предшественники, Сет, никогда не задерживались надолго. Кишка у них была тонка. Чертовы художники. Не из того они теста сделаны, чтобы работать по ночам. Нам было трудно найти кого-то на эту вакансию. Подходящего человека, который как следует выполнял бы свои обязанности.

Сет задержал дыхание, пытаясь понять, к чему это клонит Стивен, если он к чему-то клонит. Он понятия не имел, зачем весь этот разговор.

— А я так и не понял, почему объявление напечатали в «Живописи и живописцах».

— Это была идея одного из самых старых жильцов. У него к художникам особенный интерес.

— Правда? И у кого это?

Стивен отмахнулся от вопроса.

— Он последнее время здесь не бывает. Это неважно. Я просто выполняю приказы, Сет. Как, надо заметить, и ты. Я рад, что ты так хорошо прижился в Баррингтон-хаус. На тебя я могу положиться. Тот, кто четко следует своим обязанностям, снимает с меня часть ноши. Так сказать, берет груз на себя.

— Что ж, спасибо.

Улыбка Стивена сделалась шире.

— И знаешь, Сет, уже не в столь отдаленном будущем я собираюсь подыскать себе замену. Человека, который сможет работать вместо меня, возьмет на себя ответственность за здание и заботу обо всех его нуждах. У моего преемника будет здесь бесплатная квартира и жалованье повыше. Мне надо только замолвить о нем словечко перед правлением. Может, тебя заинтересовала бы такая работа? Возможность карьерного роста? Это очень неплохая возможность. И я был бы рад передать дом в хорошие руки.

Сет потер отросшую вокруг рта щетину, глядя куда угодно, но только не на Стивена. Он думал, что его ждет хорошая выволочка, а ему вместо того предлагают должность старшего портье.

— Даже не знаю, что и сказать. В смысле, спасибо.

— Подумай об этом. Конечно, работа трудная, она требует отдачи. Однако самые неприятные моменты скоро уйдут в прошлое. Они ведь не останутся здесь навсегда. Об этом стоит подумать.

— Наверное.

— И без них жизнь сделается гораздо легче, это уж точно. — Стивен хмыкнул. — Никто не станет плакать по старой Бетти Рот. А она не может жить вечно. Я бы сказал, что ей давно пора на покой. Точно так же, как и Шейферам.

Стивен покачал головой, улыбаясь, затем моментально посерьезнел, глядя на Сета.

— Но ни слова остальным о том, что я тебе сказал. Ты же умеешь хранить тайны, Сет. Я нисколько в этом не сомневаюсь. Тебе можно доверять.

Сет кивнул.

— Спасибо.

Стивен взглянул на сейф, затем снова перевел взгляд на Сета. Он почесал нос указательным пальцем и сощурил глаза.

— А пока что продолжай работать как следует.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

— Добро пожаловать, друг. Добро пожаловать!

Тело женщины занимало весь дверной проем. Ее слишком ярко раскрашенное лицо представляло собой одну сплошную улыбку. Эйприл старалась ничем не выдать свое ошеломление. Она еще не успела прийти в себя после путешествия на двадцать восьмой этаж в кабине скверного лифта, где воняло мочой и кое-чем похуже, и блуждания по полутемным,

зловещим цементным коридорам в поисках нужной квартиры. Все здесь было так, как подробно расписал Харольд.

— Я Гариет, хозяйка нашего маленького собрания и секретарь нашего блистательного общества.

Гариет запрокинула огромную голову и взвизгнула, как будто сказала сейчас нечто настолько забавное, что настоящий смех просто не успел зародиться естественным путем и вырвался из горла полукриком.

— Но вы можете звать меня «Фигурой женщины в кризисе». Многие джентльмены зовут меня именно так.

Она снова хихикнула.

Теперь Эйприл прилагала все усилия, чтобы не таращиться на странное тело женщины и ее кошмарный наряд. Красный бархатный балахон, который подметал подолом половицы, обрисовывал слоновьи ноги и жирную тушу. Сверху ткань растягивал громадный бюст, украшенный нитками деревянных бус. Одутловатое лицо было покрыто толстым слоем кое-как наложенной косметики, маленькие слезящиеся глазки смотрели так пристально, что Эйприл была не в силах выдержать их взгляд, и потому изучала огромную голову хозяйки. Вокруг черепа Гариет был намерчен тюрбан из зеленых и бирюзовых шарфов, небрежно закрепленный на лбу серебряной брошью. Из-под головного убора выбивались длинные пряди седых волос, похожие на засаленные паутинки. Эйприл сейчас же решила, что хозяйка квартиры ненормальная.

— А вы Эйприл, наш второй особый гость на сегодняшний вечер.

Женщина протянула пухлые руки с короткими пальцами и взяла Эйприл за плечи, затаскивая в жаркую, насыщенную восточными ароматами квартиру. Когда Гариет отступила в сторону, взгляду открылась загроможденная мебелью и забитая народом гостиная.

Ароматические палочки, закрепленные на деревянных подставках, курились по всей большой комнате. Они стояли рядом с готическими подсвечниками на громоздящихся горами книгах и на стеклянных шкафчиках, которые были набиты колодами Таро, благовониями, индийскими украшениями, магическими кристаллами, маленькими шкатулками и резными статуэтками.

— Входите, входите же. Вина? — говорила женщина. — Харольд Рэкам-Аттертон уже здесь. Насколько я понимаю, вы с ним разговаривали. Мы все так взволнованы вашим приходом. Мы так рады.

Малюсенькие серые глазки широко раскрылись в новом приступе воодушевления.

Эйприл никак не могла оторвать взгляд от унизанных кольцами пальцев хозяйки. Ногти у нее были отращенные, но при этом все разной длины и желтые на концах. Как будто ощутив ее пристальный взгляд, руки спрятались.

— Да, спасибо. От вина я бы не отказалась, — нервно проговорила Эйприл.

Ее протаскили между тремя мужчинами с длинными и жидкими седеющими волосами. От одежды этих джентльменов пахло сыростью и потом.

Остановившись перед маленьким столиком, громадная женщина налила в стакан дешевого красного вина.

— Сейчас же поймаю Харольда и приведу его сюда.

Где-то в глубине высокого, полного энтузиазма голоса Эйприл уловила дрожащие истерические нотки.

Из заляпанного чем-то магнитофона, стоявшего на деревянном стуле рядом с выходом на кухню, неслась странная смесь разухабистого джаза с григорианским хоралом и индустриальным механическим клацаньем. Рядом о чем-то шептались два молодых лысеющих человека с напряженными лицами. На обоих были шерстяные тренчкоты и армейские ботинки до колена по моде некой уродливой субкультуры, которой Эйприл не понимала и сомневалась, что когда-либо поймет.

Однако сама квартира была удивительно просторной для такого типа многоквартирного дома, наверное, она предназначалась для большой семьи. Эйприл заметила даже лестницу на

второй этаж. Между ободранной мебелью, темными книжными шкафами, засушенными цветами в амфорах и старыми снимками, закрывавшими стены, Эйприл разглядела остатки изначального декора — истинно британского, совершенно в духе семидесятых. Кое-где между безделушками и разномастными рамочками для фотографий проглядывала водянистая желтая краска. На ней виднелась черная россыпь грибковых спор. Эйприл даже ощутила за восточными ароматами их влажный гниlostный запах.

В гостиную набилось по меньшей мере пятнадцать человек, занявших все свободное пространство на полу. Гости, по-видимому, старались приодеться по случаю вечеринки в старомодные костюмы. На двух мужчинах, стоявших за диваном, были цилиндры, и Эйприл заметила тянущиеся из жилетных карманов цепочки часов. Все представители сильного пола явились при галстуках. Но, несмотря на сознательные попытки выдержать стиль ретро, в целом общество выглядело сборищем оборванцев. Костюмные пиджаки в грязных пятнах, штанины брюк слишком коротки, линия талии слишком высоко, платья заношены до дыр. Все гости казались либо слишком толстыми, либо неестественно худыми. И, боже, какие у них были зубы! В серых пятнах, желтые, как будто никогда не знавшие зубной щетки, кривые, проваленные внутрь или торчащие наружу из запавших или безгубых ртов. Британские зубы. Эйприл даже стало интересно, как этим людям удалось обрести столь выдающиеся улыбки. У нее не было привычки оценивать людей по внешнему виду, однако она еще никогда в жизни не наблюдала общества, состоявшего из одних поразительных уродов.

Неряшливость в одежде и пренебрежение услугами парикмахера можно было бы списать на эксцентричность, потому что все они, без сомнения, были эксцентриками, однако же Эйприл подозревала иную причину: они намеренно вставали в оппозицию ко всему, что считалось эстетичным и было приятно взгляду. Эти люди простирались вширь или иссыхали, не считаясь со вкусами окружающего мира. Создавалось впечатление, будто они намеренно превратили свои фигуры в гротескные. Каждый мог бы считаться живым воплощением персонажа Феликса Хессена, сошедшего с гуашей и набросков тушью.

Три из пяти присутствующих дам сидели рядышком на кушетке. Все они были средних лет, их лица, раскрашенные словно у оперных персонажей, закрывали вуали. Тщедушные тела были облачены в длинные траурные платья, которые вызывали ассоциации с Первой мировой. Высокие кружевные перчатки с полупальцами выставляли напоказ первые фаланги с длинными ненакрашенными ногтями. Четвертая женщина, постарше, надела мягкую зеленую шляпу с обвисшими полями, которые скрывали почти все лицо. Пожилая дама утопала в кресле, словно маленькая девочка, ее голова замерла в нелепом аристократическом повороте. Как только Эйприл встретила с последней взглядом, из тонкогубого морщинистого рта вырвался резкий, неестественный смех. Эйприл так и не смогла определить его причину. Затем старушка вздернула подбородок и снова застыла в угрюмом царственном молчании.

Гариет возвращалась, проталкиваясь между потертыми пиджаками и всклокоченными головами, раздвигая частокोल тонких ног. За ней следом катился жирный пожилой человек — Харольд, как предположила Эйприл. Толстые линзы в коричневой пластмассовой оправе раза в четыре увеличивали глаза, голова у него была крупная, розовая и лысая, если не считать кольца тонких белых волосков, которые спускались на плечи засаленного парадного пиджака.

— А-а-а-а-а, — протянул Харольд, продемонстрировав десны с редкими зубами.

От его затхлого дыхания Эйприл сделалось дурно, едва не затошнило. Казалось, его маленький рот кишит бактериями. Несколько сохранившихся зубов были цвета нечищеного арахиса.

— Кровная родственница той, которую овеяло присутствием величайшего гения в истории искусства, посетила наше собрание. Вы такая же редкость, как документы с его подписью, моя дорогая. Однако мы должны направить вашу жажду познаний в верное русло. Чуть позже я с удовольствием покажу вам мою собственную скромную работу по теме. Я трудился над ней пятнадцать лет и теперь охарактеризовал бы как критическую оценку

художественного видения Хессена через сновидение, с целью предположить, что могут представлять собой исчезнувшие картины.

— Мы издаем книгу через наше общество, — сообщила Гариет с таким восторгом, что все ее тело всколыхнулось. — Иллюстрацию для обложки нарисовал один из наших членов. Сегодня я покажу пробный тираж. Книга в твердом переплете будет стоить девяносто фунтов. С автографом!

Эйприл не знала, что ответить, поэтому кивала и растягивала рот в улыбке, пока не заболело лицо. К счастью, подыскивать слова ей не пришлось, потому что Харольду не терпелось представить ее. Не нашлась она что сказать и всем тем, кто пожимал ей руку, но члены общества так радовались знакомству, что сами болтали без умолку. Похоже, им в жизни не выпадало возможности как следует выговориться.

— Да-да, американка, — произнес пожилой господин с худым лицом и всклокоченными седыми волосами, зачесанными поперек конического черепа. — Харольд о вас упоминал. Вы были в Британской библиотеке? У них там есть неплохие репродукции «Искажений». А видели «Фигуру женщины, хватающей себя за лицо»? А «Роды: фигура мертвой женщины»? Репродукции этих работ тоже недурны.

Эйприл сказала, что не видела.

— Вы просто обязаны сходить в «Черного пса» и в «Отдых стражника», пропустить там стаканчик, — сообщил ей сильно шепелявый мужчина. — Хессен там бывал. С поэтом Брайаном. Конечно, названия заведений изменились, однако потолок над стойкой бара сохранился оригинальный.

Он быстро заморгал.

— Я могу сводить вас туда, — объявил квадратный мужчина в сюртуке.

Он был пьян и смотрел на ноги Эйприл.

— Успокойся, Роджер. Возьми себя в руки.

Харольд произнес последние слова довольно-таки раздраженно, после чего повел Эйприл дальше, туда, где сидели четыре дамы.

Взяв гостью за плечи жирными пальцами, Харольд заговорщическим тоном зашептал ей в ухо:

— Возможно, с первого взгляда Алиса покажется вам немного странной, но, уверен, вы со мной согласитесь, это зачастую совсем не плохо. Ей уже за девяносто. С ней действительно стоит познакомиться. Мы дорожим ее обществом. Понимаете, из всех нас она одна лично встречалась с Хессеном.

Эйприл вздрогнула, на мгновение стряхнув с себя оцепенение:

— Встречалась с ним?

Харольд довольно улыбнулся. Его огромные водянистые глаза плыли за увеличивающими линзами очков.

— Если точнее, была с ним знакома в тридцатые. В то время, когда гений выходил из периода «Сцен после смерти», насколько мы смогли установить. Однако ее память... Н-да... Не то, что раньше.

Эйприл вспомнила, что Майлз в своей книге писал, насколько трудным периодом был для Хессена конец тридцатых годов. В 1937-м он посетил Германию в надежде, что его примут как героя Третьего рейха, восхитившись тем, как он пропагандирует фашистские идеи в своем «Вихре». Однако к тому времени Гитлеру уже наскучили туманный мистицизм и культы, изначально вдохновлявшие национал-социалистов. Тогда низшие чины нацистов не только отвергли работы Хессена и его теорию живописи из-за все усиливавшихся в его творчестве тенденций к абстракционизму и сюрреализму, но еще и отказали ему в приеме в ряды СС. Как нередко случается с людьми, которые привыкли наживать скорее врагов, чем друзей, Хессен неверно оценил значимость своих трудов.

Художник вернулся на родину, сгорая от бешенства и оплакивая предательство немцев, и сейчас же угодил в тюрьму за свои политические взгляды, вскоре после того, как Британия вступила в войну. Он просидел за решеткой до 1945 года.

— Мы подозреваем, что Алиса встречалась с ним, когда он вышел из тюрьмы, но очень недолго. — Харольд ухмыльнулся и подмигнул, явно стремясь подчеркнуть важность последнего утверждения.

У Хессена не было ни привилегий и связей Освальда Мосли, ни достижений Эзры Паунда, чтобы восстановить репутацию и оправиться от бесчестия, какое ожидало его после войны. Майлз Батлер предполагал, что именно по этой причине Хессен спрятался от всех в Найтсбридже. Ведь даже Мосли к тому времени совершенно отдалился от Хессена, считая его «декадентом и нездоровым в умственном отношении». Только оккультист и путешественник Элиот Колдуэлл нахваливал его картины в пятидесятые за связь с «невидимым миром», и лишь в конце семидесятых кое-кто из критиков вновь проявил интерес к уцелевшим работам. Если бы не «Друзья Феликса Хессена», не их помпезный сайт и сомнительные публикации, выходившие ограниченным тиражом, то имя художника было бы вовсе забыто. Эйприл все это казалось жалким и гнетущим: наследие Хессена, его поклонники, его творчество. Если бы не его влияние на жизнь бабушки, Эйприл не стала бы тратить на гения ни минуты своего времени; она уже сильно сожалела, что пришла на это нелепейшее собрание. Пятничный вечер в Лондоне можно провести куда интереснее.

Эйприл присела на подлокотник кресла, в котором утопало крошечное тело Алисы. Харольд стоял рядом. Тремя пальцами он все еще касался плеча гостьи, словно готовясь схватить и утащить ее прочь.

Эйприл улыбнулась трем дамам в вуалях. Сквозь черную сетку на нее взирали меловые лица. Женщины забормотали слова приветствия, явно сгорая от желания услышать ее разговор с Алисой.

— Здравствуйте, Алиса, меня зовут Эйприл, — произнесла она, наклоняясь к сгорбленной фигурке, чтобы заглянуть под поля зеленой шляпы. — Я слышала, вы дружили с Феликсом Хессеном?

К ней развернулось старческое лицо с выпученными ревматическими глазами. Старуха улыбнулась. Когтистая лапка замерла на колене Эйприл, забравшись под юбку.

— Да, дорогая. Это было давным-давно.

Сухие подушечки пальцев выводили круги на чулке девушки.

— Наверное, вас все время о нем спрашивают. Моя двоюродная бабушка тоже была с ним знакома.

Хрупкая ручка соскользнула с ее колена и взвилась в воздух.

— Я же вам говорила, все изменилось с того несчастного случая. Все пошло совсем по-другому. Конечно, оставались еще марионетки и все прочее. Он показывал нам в... в... в...

— В студии в Челси, — подсказал Харольд.

— Где ты, дорогой?

Харольд наклонился к ней.

— Здесь, Алиса. Рядом с тобой.

— Кто эта дама с красивыми ногами, милый? У нее ведь очень красивые ноги.

Харольд хихикнул.

— Мне тоже так показалось.

Его пальцы впились в плечо Эйприл так сильно, что она едва могла обернуться.

— Это Эйприл. Наш друг, Алиса. Друг. Расскажи ей о Феликсе.

Алиса вздохнула.

— Такое красивое лицо, и вдруг лишиться его. Мы все считали Феликса очень красивым. И он рисовал таких удивительных марионеток. Но не кукол для детей, дорогуша. Нет, кукол в коробках. Ну, застрявших внутри чего-то. Эти лица невозможно забыть. Я до сих пор их вижу.

— В рассказах Алисы трудно проследить логику, особенно часто она путается в датах, — зашептал Харольд, зловоние из его рта обжигало Эйприл левую щеку. — Но иногда то, что она рассказывает, просто экстраординарно. Я нисколько не сомневаюсь, что она лично знала Хессена и была его натурщицей. Одной из немногих, к чьим услугам он прибегал.

Эйприл закашлялась и как будто съежилась под натиском дыхания Харольда. Она пыталась отстраниться, но сумела отодвинуться только ближе к полям шляпы Алисы.

— А какие танцы! — неожиданно воскликнула старушка, широко раскрывая глаза. — О, и танцы, и пение. Ну, вы должны понимать. Самые чудесные танцы. У него на квартире. Танцы задом наперед. Прямо под его картинами. Ох, как мы тогда веселились. — Алиса придвинулась к уху Эйприл. — Но все кончилось, когда его забрали. Они обошлись с ним так жестоко. Это просто ужасно, моя дорогая.

Спасаясь от смрадного дыхания Харольда, которое буквально било в лицо, Эйприл еще ближе склонилась к Алисе.

— У него на квартире? А где вы танцевали? В Баррингтон-хаус? Там вы видели марионеток?

Но Алиса ее не слушала.

— Нет, нет, нет. Все чепуха, так он говорил. Все чепуха. Дело не в фигурах, самое главное — фон. То, что скрывается за ним, чего тебе не видно. Очень умный человек. Разумеется, он был прав. Он и нам пытался помочь прозреть. Я часто для него раздевалась, моя дорогая. Но умные люди обладают скверным характером, и в конце концов, дорогая моя, на него ополчились остальные. Он столько им показал, а они так и не оценили. Они боялись Феликса, а надо было просто довериться ему. Он был художником, с этим надо считаться. Ведь все они видели его картины. Никто и никогда не испытывал ничего подобного раньше. А те стены, дорогая! Они же тоже часть целого, они все соединяют, пойми. Главное — фон.

Харольд по-прежнему выдыхал ей в шею, мысли Алисы текли бессвязно, Эйприл слишком быстро выпила вино, стремясь успокоить нервы, в жарком воздухе квартиры висела дымка благовоний и пыли. Эйприл поняла, что ей становится дурно. Надо срочно подняться на ноги.

— Харольд, прошу вас, позвольте мне встать. Пожалуйста. Разрешите? Спасибо вам, Алиса.

Эйприл ощутила еще более острое, чем прежде, желание бежать от Харольда и сумасшедшей старушки, чьи воспоминания оказались совершенно бесполезными.

Рядом с Харольдом возникло круглое лицо Гариет.

— Лекция начинается, быстрее!

Эйприл стояла позади толпы, собравшейся в гостиной, поближе к двери, пока Харольд представлял морщинистое создание в поношенном коричневом костюме — доктора Отто Хернделя из Гейдельберга. Гость был автором изданного малым тиражом сборника эссе под названием «На правом фланге» и редактором какого-то оккультного журнала, названия которого Эйприл не расслышала, потому что старика впереди скрутил приступ кашля.

Отто Херндель начал с упоминания о ранних философских влияниях на развитого не по годам подростка Феликса.

— ...В особенности профессора Зольнера, который настаивал на существовании четвертого измерения и использовал в качестве доказательства паранормальные явления того времени.

Пока доктор силился перевести свои мысли на английский язык, Эйприл развлекалась, разглядывая странного немца. «Молния» на брюках сломана, драный портфель привален к потертому ботинку, волосы на затылке и висках сбриты, а на макушке оставлена копна, зачесанная на один бок. И казалось еще, что он очень плохо стоит на ногах и вот-вот рухнет. Карие встревоженные глаза лектора безумно бегали из стороны в сторону под толстыми круглыми стеклами очков, а руки то и дело взметались в воздух, как будто кто-то лениво дергал за привязанные к запястьям веревки. Похоже, доктор несколько дней не брился.

Когда Отто Херндель заговорил о «пяти томах „Генезиса“ Макса Фердинанда Себальда фон Верта, крайнего расиста, сочинившего монографию об эротизме, вакханалии, сексологии и либидо», Эйприл окончательно потеряла нить рассуждений. Ее мысли перепрыгивали с предмета на предмет, время от времени возвращаясь к лекции, она пыталась сопоставить идеи немца с тем, что узнала о художнике из книги Майлза.

Эйприл прочитала о том, что юный Хессен был одержим вотанизмом¹ языческими культами и сектами хилиастов,² существовавшими в Австрии и Германии в девятнадцатом веке, их расистскими идеями, которые оказали влияние на националистические настроения в Германии между мировыми войнами. Хессен, по-видимому, увлекался ими с той же страстью, с какой современные детишки отдаются року или рэпу. Майлз недоумевал, каким образом эти пристрастия привели Хессена к изображению трупов, примитивным гротескным наброскам химер, а также к омерзительному триптиху тридцатых годов с марионетками. Корни этого интереса следовало, без сомнения, искать в изучении Хессеном медицины.

Но вот Херндель утверждал, что те рисунки Хессена являют «реакцию среднего класса на индустриализацию Европы». Они доказывают, уверял доктор, что художник предсказал и развитие в горожанине совершенной пассивности, и потерю контроля и воли, «какие мы наплутаем сефодня пофсеместно».

Его слова противоречили тому, что писал Майлз. Если верить немцу, Хессен в итоге высмеял собственные юношеские увлечения давними и редкими народными верованиями и признал, что они были всего лишь попыткой юного аутсайдера отойти от общепринятых норм. В точности так же, как и его погружение в ориентализм, гипнотизм и фашизм, все это было частью попыток отъединиться, отойти от существующего положения вещей, от той ужасающей силы, которую художник рассматривал в качестве антитезиса изначальной созидательности. И, как особо подчеркивал Майлз, в рисунках Хессена не чувствуется никакого влияния нацистского неоклассицизма или арийского фольклора. В его творчестве нет ничего идеалистического или мистического, оно полностью порождено запутанным, но блистательным воображением. Тем, что мерещилось автору в тенях, что смотрело на него из мутных окон заброшенных подвалов.

Майлз Батлер считал, что разочарование Хессена в нацистах и их оккультизме после возвращения из Берлина было колоссальным. Он зашел слишком далеко в исследовании субкультуры, но, когда реальность подступила вплотную, возненавидел ее. Хессен никогда не понимал антисемитизма и в своем «Вихре» отдавал должное иудейскому мистицизму.

Неудача Хессена в Германии и затем тюремное заключение знаменовали окончательный отрыв художника от общества, его идеалов и целей. И, несмотря на тяготы тюремной жизни, как предполагал Майлз, все, с чем экспериментировал Хессен до 1938 года, было всего лишь подготовительным этапом к воссозданию Вихря. Вихрь являлся источником не только вдохновения, но и ночных кошмаров, меланхолии и отчаяния. «Общество трагедии» — так называл его Хессен в четвертом номере журнала, который вышел с подзаголовком «Мир за пределами этого мира».

Эйприл с ужасом осознала, что если уж она способна вот так опровергать аргументы Отто Хернделя, значит, она запомнила слишком много о человеке, который наложил проклятие на ее двоюродную бабушку. Художник быстро превращался в нездоровое увлечение. Эйприл даже запросто могла процитировать то, что Хессен писал о Вихре, потому что его слова, как ни противно это сознавать, вторили записям Лилиан.

«Мне просто хочется погружать туда лицо. Погружать снова и снова. И рисовать то, что вижу там. Но по временам он сам показывается мне: проходит сквозь стены, мелькает в смеющемся рте, в пустом взгляде, концентрируется в старых развалинах. Либо я подхожу к нему ближе, либо он приближается ко мне. Иногда я ощущаю его дыхание на затылке. И мои сны наполнены им, хотя мое сознание изгоняет его, поскольку обязано от природы сопротивляться подобным явлениям. Но он всегда здесь. Выжидает. Когда я оглядываюсь через плечо или быстро и рассеянно прохожу мимо зеркала, я замечаю его. А если я впадаю в прострацию, он прокрадывается в комнату, подобный странному темному зверю, явившемуся

¹ Вотанизм (одинизм) — философское и религиозное течение, названное по имени верховного божества древних германцев Вотана (Одина).

² Хилиасты (милленарии) — приверженцы религиозно-мистического учения о предстоящем на земле «тысячелетнем Царстве Божьем».

в поисках пищи».

Лекция длилась уже час с четвертью, и Эйприл присела на грязный пол за диваном. Пока Отто Херндель выкрикивал имена из ритуалов призывания, какие проходили у художника с «неисменным успехом», у Эйприл начала кружиться голова. Измотанная жарой, нервным напряжением, удушливым и грязным городским воздухом, она вскочила на ноги, чтобы бежать, как только прозвучали последние слова монолога на плохом английском и раздались аплодисменты. Но Харольд нагнал ее раньше, чем она отыскала пальто.

— Уже покидаете нас? Нет, вы не можете... Мы же еще не поговорили о вашей бабушке. К тому же, если уйдете сейчас, пропустите самую интересную часть — толкования. Или, как мы обычно их называем, «упражнения сновидцев в комнате». Понимаете ли, «Друзья» делятся своей причастностью к видениям Хессена через пересказ снов, пережитых под впечатлением от его работ. Каждый старается найти его пропавшие картины через погружение в транс. «Друзья» прибегают ко всем возможным способам, чтобы ощутить присутствие Вихря.

— Правда? Просто поразительно. — Эйприл едва хватало сил выговаривать слова. — Но мне пора идти, у меня на вечер кое-что запланировано.

Харольд не слушал ее.

— Вы поймете, почему это так важно.

Посреди гостиной, стоило Харольду выкрикнуть приказ, взметнулись грязные руки желающих начать действие. Музыку выключили, болтовня стихла. Потрепанного вида человек в уличной одежде, с белым, лишенным подбородка лицом и выпученными глазами первым вышел в центр комнаты.

— Я дважды возвращался в одно и то же место. Светлое, но освещенное искусственным светом.

Многие забормотали, соглашаясь. Или разволновались?

— И в мерцании желтых ламп я снова увидел закрытое тканью лицо. Высокая фигура с красным полотнищем на лице быстро шагнула вперед, ко мне, затем замерла и внезапно оказалась далеко. Это движение повторялось несколько раз. Потом я проснулся с таким ощущением, будто пережил сердечный приступ.

Не успел он закончить, как Харольд указал на юнца в армейских ботинках и тренкоте.

— Я заперся в комнате и постился двое суток, лишив себя всякой визуальной стимуляции, за исключением «Триптиха с марионеткой номер четыре». И когда я заснул, то увидел фигуры над костром. Они были похожи на палки. Некоторые падали в огонь.

Публику снедало кипучее нетерпение. Люди не то чтобы презирали чужие сны, галлюцинации или наваждения, однако каждый явно считал, будто его опыт гораздо важнее.

— ...я видел лица, полные ненависти. Черные и красные от гнева.

— ...они походили на клоунов в грязных пижамах.

— ...две женщины и мужчина, одетые по моде времен Эдуарда. Только на костях у них не было плоти. Я не могла проснуться и не могла сбежать от этих женщин, а они начали откидывать со шляп вуали.

— ...стоя на четвереньках, забившись в угол подвала. Стены были кирпичные, сырые.

Страдая от жажды, Эйприл залпом выпила еще стакан вина. Это оказалось ошибкой: она давно не ела, и у нее сейчас же закружилась голова. А «Друзья» все бормотали, пересказывая обрывки кошмаров, которые преследовали их во сне и жутким образом влияли на дневную жизнь. Какой во всем этом смысл? В чем их цель? Душный застоявшийся воздух, жар от шерстяного костюма и безумные сюрреалистические видения гостей вынудили Эйприл снова шагнуть к двери.

— ...зубы как у обезьяны. Глаза совершенно красные. Ног не было. Оно просто извивалось по опилкам.

— ...весь город почернел от огня, зола и пыль высились горами, но холод был пронизывающий. Никаких признаков жизни...

Мужчину в матерчатой шляпе, скрывавшей багровое лицо, неожиданно перебила Алиса.

— Они все над моей постелью! — выкрикнула она. — Они ведь выходят прямо из стены! Говорить с ними бесполезно. Они здесь не для этого.

— Я протестую! — зарычал господин в матерчатой шляпе. — Почему она все время перебивает?

Остальные забормотали, выражая согласие. Харольд призвал к тишине.

— Пожалуйста, наберись терпения. Еще не время...

Но старушка не собиралась замолкать.

— Кружатся со всех сторон, издавая потусторонние звуки. Лезут из каждого угла. Я увидела их еще до войны, с тех пор они так и не ушли.

Раздраженная публика зашумела. Харольд склонился к Алисе, напряженно улыбаясь, пока его взгляд обшаривал толпу в поисках зачинщиков смуты.

— Алиса, моя дорогая, мы же договорились, что ты выступаешь в конце. Давай дадим остальным возможность высказаться.

Мужчина, который разглядывал ноги Эйприл и предлагал сводить ее в любимые пабы Хессена, пробрался через собрание, работая локтями. Его жирная физиономия блестела от пота, он слащаво улыбался.

— Больше не стану якшаться с этой публикой, — сообщил он Эйприл. — Вам надо прийти на наше собрание. «Ученики Феликса Хессена». Без всяких сновидений. А здесь просто цирк!

Он пошарил толстыми пальцами в кожаной сумке, свисавшей с плеча, достал рекламную листовку и протянул госте.

— Мы потихоньку отваливаем от них. Эта публика ничего не достигнет. Гариет ни рыба ни мясо, а Харольд слишком доверяет старухе, хотя она совсем чокнутая.

Он гаденько засмеялся.

Алиса в другой стороне комнаты принялась распевать детским голосом «Выкатывайте бочку».¹ Остальные с криком напустились на нее. Эйприл разглядела в этом бедламе маленькую фигурку Отто Хернделя. Немец широко улыбался, однако в его глазах отражалось смятение. Казалось, он теперь еще хуже стоит на ногах, словно кто-то в конце концов оборвал удерживавшие его веревки.

— На самом деле мне так не кажется, — сказала Эйприл лидеру смутьянов, силясь попасть в рукава пальто.

— Я вас еще увижу? — спросил толстяк.

— Я недолго пробуду в Лондоне. У меня ужасно много дел.

Эйприл сомневалась, что в общем шуме мужчина ее услышал. Она развернулась и стала пробираться к двери.

На улице Эйприл едва не задохнулась от порыва холодного ветра. Рядом с высотными домами было неестественно темно, а движение на главной дороге казалось слишком оживленным и не замирало ни на минуту. Она направилась туда, где горели фонари, — в центр Кэмден-тауна. Ей хотелось оказаться на обычной городской окраине, рядом с нормальными людьми, и она пошла прочь от темных зданий и уродливых кафе, пустых забегаловок и старых пабов.

Собрание нагнало на нее тоску. Она ожидала, что «Друзья Феликса Хессена» будут несколько эксцентричны, судя по их бестолковому сайту, однако этот маскарад, сложная внутренняя политика, раскольники, смехотворные притязания на мистическую связь через сновидение показались ей просто ребячеством. Сплошные выдумки. Просто толпа уродов, связывающих себя с художником, который, как они решили, запечатлевал их собственные дефекты. Они ничего не добавляли к известному о Хессене, называя себя хранителями его

¹ Английский вариант знаменитой «Розамунды», которую исполняет Савва Игнатьевич в фильме «Покровские ворота».

наследия.

Эйприл потуже затянула шарф и подняла воротник пальто, но все равно никак не могла отделаться от сюрреалистической атмосферы собрания, которая так и липла к ней. И притягивала кое-кого.

Бродяга с грязным белым одеялом на плечах кинулся к ней через дорогу, едва разминувшись с двумя машинами. От их гудков Эйприл вздрогнула. Она задержала дыхание, а затем ощутила, как кожа леденеет от страха перед приближающимся нищим. Худое пепельное лицо было обезображено багровыми шрамами. Тощая женщина в белой бейсбольной кепке дожидалась его на другой стороне шоссе, воздев алюминиевую банку с пивом.

— Не дадите мелочишки на чашечку чаю? Чтоб согреться.

У нее остались только десятифунтовые банкноты. Эйприл отрицательно покачала головой, не глядя на попрошайку, и ускорила шаг. Он не пошел за ней, но она услышала долгий вздох разочарования и отчаяния, прежде чем он проговорил:

— Твою ж мать!

Эти слова относились не к ней, а к холоду и череде несчастий, составлявших его жизнь. К грязным улицам, уродливым серым ночлежкам, кривым железным перилам, умирающей черной траве, залитой тусклым оранжевым светом уличных фонарей, из-за которых вокруг предметов лежали густые непроницаемые тени.

Людям, живущим здесь, нет нужды гоняться за ужасами во сне. Они живут среди них.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Сет вошел в свою комнату в «Зеленом человечке». В темноте, пронизанной вонью скипидара, он стряхнул с плеч пальто, и оно упало на простыни, расстеленные на полу. От недосыпания у Сета едва не начинались галлюцинации, ему хотелось просто лечь на грязные засаленные простыни прямо в одежде и провалиться в сон. Он себя загнал. Надо бы проспать весь день перед следующей сменой. От напряжения двух последних часов, проведенных в шестнадцатой квартире, Сет сжимал череп руками, чтобы остановить круговорот страдальцев, до сих пор кричащих у него в мозгу. Ему представились залитые кровью хирурги, которые ампутируют после битвы конечности. Сет нашарил выключатель и зажег свет, затем привалился к двери.

Он во все глаза смотрел на стену над батареей и кусок стены над камином. На вчерашнюю работу, на образы, которые он запечатлел, придя из Баррингтон-хаус. Сейчас перед ними он не мог двигаться и дышать. Они ждали, когда он вернется домой.

Сет с самого начала понимал, что подобного рода произведения создают безумные преступники в тюремной больнице, где он сам, вполне вероятно, закончит свои дни. Его творения походили на кошмар, который заставляет с криком вскакивать на постели и оставляет осадок на весь день.

Звериные зубы торчали из раззявленных ртов. Зрачки, багровые от боли и ярости, были устремлены прямо на него, на творца. И что это за существа, которые ходят на задних ногах, но при этом похожи на обезьян с собачьими мордами? Рыло гиены и смех шакала, свиные глазки и конечности с копытами — вот порождение надломленного сознания.

Его гения. Жалкое подражание работам из шестнадцатой квартиры. Разложение личности на фрагменты. Отрицание существования цельного человека в упорядоченном мире. Но все, что ему удалось сделать, — это умертвить и опровергнуть самого себя. В миг холодного убийственного прозрения Сет спросил себя: а вдруг это не промельк сокрытой истины, а всего лишь то, что таится в глубинах поврежденного разума?

Его вдруг охватило горячее желание изуродовать лицо ножом, прежде чем снова взглянуть на стену.

Упав на колени с крепко зажмуренными глазами, стиснутыми зубами и кулаками, Сет забился в истерику, которая жгла ему горло, силясь выплеснуться наружу.

— Господи Иисусе! Господи, Боже мой! Да что же я такое?

Он никогда еще не проливал столько слез. Его душа была больна и таяла, выходя через глаза.

Окалину и ржавчину внутри багрового сознания быстро смыло едкой кислотой горя, и Сет смог рассуждать так, как рассуждал давным-давно, на какой-то миг снова понять себя. Нечто, напоминающее свободную волю, последний сгусток его бывшего «я» как будто отмылся дочиста. Крохотная яркая точка внутри разрослась до размеров тускло поблескивающей макрели.

Но затем Сет повернулся и увидел маленькую девочку с залитым слезами лицом, которая сидела между его подушками и смотрела на дверь. Вечно смотрела на дверь.

Он подошел к окну, и выдох рыданием вырывался у него из груди. Какая-то часть его личности еще пыталась отрицать существование подобных явлений и уверять, будто из-за крайней степени усталости болезненное подсознание морочит разум. Что ему стоит отдернуть занавески, открыть окно и глотнуть свежего воздуха? А когда он снова повернется, залитая слезами девочка уже не будет смотреть на дверь.

Но стоило Сету раздвинуть шторы, как взгляд сейчас же уперся в замусоренный двор за «Зеленым человечком». На месте чего бы ни был построен примыкавший к пабу дом, там собралась кучка бывших жильцов, выглядывающих из разных отверстий. Казалось, за решетками перил, в небольшом зацементированном рву под окнами первого этажа что-то белесое тянет скрюченные пальцы к холодным металлическим прутьям. Судя по наклону голов и движениям бумажных губ, эти существа увидели внезапно отдернувшуюся наверху занавеску и теперь надеялись на помощь того, кто смотрит вниз, на их страдания.

Сет выпустил штору и повалился на кровать, зажмутив глаза. Он хлопнул по стене, выключая свет, затем свернулся клубком в изножье матраса и зарыдал.

— Папа скоро придет. Он велел мне ждать, — сказала девочка.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Петр тяжело поднялся из-за стола и утер со лба пот.

— Здравствуйте, мисс Эйприл Чем могу помочь? Может быть, вам нужен зонтик?

На улице снова шел дождь. Он захватил ее на пути из Бэйсуотера в Найтсбридж, и настроение Эйприл ухудшилось еще больше, когда она поняла, что из-за стойки ей улыбается Петр. Она-то надеялась увидеть Стивена.

— Простите, с меня капает на ковер.

Эйприл постепенно отогревалась после пронизывающего ветра с ливнем, и в тепле фойе у нее даже слегка закружилась голова.

Вокруг сверкали латунные ручки, стекло блестело на дверях и в рамах картин, а толстые чистые ковры под ногами вызвали чувство вины из-за того, что она втаптывает в них грязь. Эта часть здания была безупречна — ни пылинки, яркий свет, — однако отовсюду веяло старостью. Стойка портье была всего лишь фасадом, островком яркого света и тепла. Дальше она окунется в оттенки сепии — на лестницах и в гниющих квартирах, только и ждущих, чтобы нагнать на нее страху. Как быстро изменилось ее впечатление о доме. Несколько дней в гостинице и прогулки по городу отдалили Эйприл от этого места, вернули себе, но вот теперь даже при беглом взгляде на Баррингтон-хаус она вспомнила проведенные здесь ночи, полные страха и смятения.

Хотя еще немного — и она избавится от этого места. Уборщики приедут на неделе, а за ними — агенты по недвижимости. После чего ей уже не придется возвращаться сюда. Никогда.

— Попала под самый шквал. — Эйприл засмеялась и провела по волосам, от воды прилипшим к голове. — Я и представить не могла, что погода вытворяет в этом городе. В Бэйсуотере небо было синее.

Она улыбалась, однако от любезности жирного портье ей было не по себе. Всегда

создавалось ощущение, будто Петр к ней подкатывает. Вот и сейчас он обошел стойку и встал вплотную к Эйприл, протягивая руку, чтобы взять ее за локоть.

— Садитесь, пожалуйста. Вам, наверное, надо отдохнуть.

Ей снова показалось, что рубашка обтягивает его слишком туго, как будто голова и тело раздуваются из-за душащего портье воротника.

Эйприл отошла на шаг и положила руку на стойку, обозначая границу личного пространства.

— Все в порядке, просто немного промокла.

Она скинула рюкзак, встряхнула кожаную куртку, затем сняла черные перчатки. Сегодня ей никак не избавиться от общества Петра, он ей нужен.

А тот, как всегда, продолжал монотонно и раздражающе бубнить:

— Да, конечно, хорошо, когда тепло и сухо. А я всегда рад впустить в дом красивую даму.

Петр разразился долгим нервическим смехом.

Улыбаться становилось все труднее, однако же Эйприл собиралась совершить несанкционированное вторжение. Она явилась сюда, промокнув до нитки, чтобы учинить допрос персоналу и, если повезет, одному старинному жильцу. Нужно выяснить что-нибудь о шестнадцатой квартире. От Стивена Эйприл знала, что подобные этому элитные дома в западной части Лондона часто служат прибежищем для богатых и знаменитых, где те могут рассчитывать на полную приватность и безопасность. Портье строго запрещается разглашать любые сведения об обитателях дома. Стивен объяснил, что дети толстосумов постоянно подвержены угрозе похищения с целью выкупа.

— Так чем же я могу вам помочь, мисс Эйприл? Я сегодня просто счастлив, потому что выдают жалованье. Поэтому я готов сделать для вас что угодно!

— Что ж, у меня несколько странная просьба.

Петр приложил руку к сердцу.

— Ну, считай, день удался. Если красивая дама приходит в Баррингтон-хаус и говорит, что у нее ко мне просьба...

Полегче на поворотах, толстяк!

— Не знаю, известно ли вам, но у этого дома есть одна история. Здесь когда-то жил художник. Его звали Феликс Хессен.

Не сообщив еще о том, что Хессен жил в шестнадцатой квартире, Эйприл наблюдала за Петром, ожидая уловить реакцию на знакомое имя, но его лицо оставалось бесстрастным и немного рассеянным, как будто бы портье соображал, что ответить. Прежде чем он успел ее прервать, Эйприл рассказала, что пытается разузнать побольше о бабушке и хочет поговорить с давнишними жильцами, теми, кто поселился в доме после войны.

— А! — Портье воздел палец. — Думаю, в двух квартирах есть такие люди. Миссис Рот и Шейферы заселились после войны. Они теперь уже совсем старые, но их сиделки рассказывали Петру, что хозяйева живут здесь давным-давно.

— Потрясающе! Моя двоюродная бабушка говорила, что была дружна с миссис Рот и мистером и миссис Шейфер. Как их по именам?

Петр зашел за стойку и открыл лежавший на конторкеgrossбух в кожаном переплете. Он повел пухлым пальцем по запаянному в пластиковую пленку листу со списком фамилий.

Эйприл быстро перегнулась через стойку, ее взгляд безумно заметался вверх и вниз по списку, высматривая номера квартир и телефонов. Она увидела в журнале строку, на которой задержался указательный палец портье: миссис Рот и три телефонных номера. Напротив одного было неправильно написано слово «дочька», рядом со вторым значилось «нянька», а у третьего — «городской». 0207, Эйприл держала его в памяти, выуживая из кармана сотовый телефон.

Пока Петр взволнованно рассуждал о том, что они могли бы встретиться за кофе, поговорить об истории дома, о бабушке Лилиан, Эйприл улыбалась и кивала, почти не слушая, пытаясь абстрагироваться от его голоса и одновременно добавляя телефон миссис

Рот в список контактов. Заметив, что Петр внимательно смотрит на нее, Эйприл поднесла трубку к уху, как будто прокручивая сообщение.

— Простите, голосовая почта.

Она закатила глаза, изображая раздражение. Выдержав нужную паузу, Эйприл громко захлопнула «раскладушку» и покачала головой.

— Вовсе не то, чего я ожидала.

Она посмотрела Петру в глаза и улыбнулась. Портье разразился обличительной речью о мобильниках, а взгляд Эйприл снова побежал по странице открытого журнала в поисках фамилии Шейферов. Так, двенадцатая квартира и всего один телефонный номер, который она тоже запомнила, а затем украдкой записала в телефон под крышкой стойки.

— В это время миссис Рот и Шейферов лучше не беспокоить. — Петр так и сиял, разводя руками. — Ага, но я, конечно же, передам им, что вы спрашивали о бабушке Лилиан. Они не любят, когда их будят по утрам. Может, сходим куда-нибудь вместе? Вы мне поведаете что-нибудь интересное о Лилиан, и тогда я смогу им сказать: «Кстати, я знаю одну прекрасную леди, которая приехала в наш чудесный дом, и она родственница Лилиан». Тогда, думаю, они согласятся с вами поговорить.

— Нет.

Эйприл не сдержалась, и ответ прозвучал довольно резко. Но она тут же смягчилась:

— У меня нет времени. Я сильно занята, разбираю вещи в квартире, а по вечерам встречаюсь... С друзьями. Наверное, придется отложить свидание с соседями.

Возможно, Шейферы и миссис Рот разозлятся, когда она им позвонит, они ведь уже отказались однажды встретиться с ней. Так что все это — настоящая авантюра. Но она должна отважиться на нее, если хочет извлечь из записей Лилиан смысл. Вчера вечером в одном из баров Ноттинг-Хилла Майлз сказал ей именно это. Прочитав несколько тетрадей Лилиан, он вдруг принялся горячо убеждать Эйприл, что необходимо выяснить, не видел ли кто-нибудь картин Хессена в Баррингтон-хаус до того, как пропал художник. Для искусствоведа подобная информация, конечно, была на вес золота.

Пока Эйприл шла к двери, ведущей в восточный корпус, Петр неотступно следовал за ней. Вплотную, так что его дыхание неприятно согревало лицо и шею девушки; поток его убогого английского лился неудержимо, настойчиво, пока она буквально не ввалилась в сумрачный лифт, спасаясь от толстяка.

Портье так и улыбался до ушей, пока закрывались прозрачные дверцы. Он подносил несуществующую телефонную трубку к уху, одновременно демонстрируя все свои мелкие острые зубы.

Эйприл стояла вполоборота, делая вид, будто не понимает жестов, но затем уловила краем глаза нечто совсем иное. Она взглянула в зеркало на задней стенке кабины: что-то быстро промелькнуло у нее за плечом — высокое, тонкое, белое — и сейчас же исчезло на периферии зрения.

Ахнув, Эйприл развернулась, но увидела только блестящую и совершенно пустую кабину. Никого, кроме нее.

— Боже, — выдохнула она.

Эйприл взглянула на светящиеся цифры, потому что лифт будто специально тащился медленно-медленно. Шестой, седьмой... Ну же! Восьмой... Девятый. И почему двери до сих пор сомкнуты? Казалось, раньше они открывались гораздо быстрее!

Лифт наконец шумно распахнулся, и Эйприл вылетела из кабины, оглядываясь через плечо на собственное отражение с испуганным побелевшим лицом. Такой она видела себя только в зеркалах Баррингтон-хаус.

— Кто это? Что вам нужно?

Вопрос прозвучал так резко, как будто на кафельный пол уронили фарфоровый сервиз.

Эйприл откашлялась, однако тоненький голосок, вырвавшийся из горла, был вовсе не похож на ее собственный.

— Я... Меня зовут...

— Говорите громче! Я вас не слышу.

От раздражения голос миссис Рот сделался еще более пронзительным. Старческий, трескучий, он был лишен какой-либо теплоты. Эйприл сразу же захотелось повесить трубку.

— Миссис Рот. — Она заговорила громче, однако голос все равно дрожал. — Прошу прощения, что беспокою вас, однако...

— Так и незачем беспокоить! Кто вы такая?

На заднем плане звучала мелодия из телешоу.

— Я Эйприл Бекфорд, и я...

— Что вы говорите? — закричала старуха и прибавила, по-видимому обращаясь к кому-то, кто был в комнате рядом с ней: — Я не знаю, кто это. Нет! Не трогай. Брось! Брось сейчас же!

— Может быть, вы сделаете телевизор потише? — намекнула Эйприл.

— Не говорите глупостей! Я смотрю передачу. С телевизором все в порядке. Стивен мне настроил. Мне не нужно ничего из ваших товаров.

И трубка грохнулась на рычаг с таким звуком, будто камень пробил лобовое стекло.

Эйприл поморщилась и несколько секунд слушала гудки отбоя, настолько ошеломленная, что была не в силах сдвинуться с места.

Через три часа, усевшись на кровать Лилиан, она позвонила снова. На этот раз на заднем плане не грохотал телевизор. Зато голос старухи звучал так, словно она только что проснулась:

— Да?

— О, надеюсь, я вас не разбудила?

— Разбудили. — Слово развернулось змеей, темное и злобное, и Эйприл представилось, как сощурились маленькие жестокие глазки собеседницы. — Я не сплю по ночам. Я нездорова. Разве я могу выспаться?

— Мне грустно это слышать, миссис Рот. Надеюсь, вы скоро поправитесь.

— Чего вам нужно? — Старуха не столько проговорила, сколько пролаяла вопрос.

— Я... — В голове не было ни единой мысли. — Скажем так, я звоню, чтобы...

— Что вы мямлите? В ваших словах нет ни капли смысла.

«Заткни пасть, злобная скотина, и смысл появится».

— Меня очень интересует Баррингтон-хаус, миссис Рот. История дома. Дело в том...

— Какое отношение это имеет ко мне? Я не хочу у вас ничего покупать.

Эйприл представила, как трубка снова грохается на рычаг, и собралась с силами.

— Я ничего не продаю. Я внучка Лилиан Арчер, миссис Рот. Я всего лишь хочу расспросить о ней. И знаю, что вы живете в доме давно. Мне очень хотелось бы с вами поговорить, потому что вы можете рассказать много интересного. В особенности о художнике...

— Художнике? Каком еще художнике?

— Ну... Человеке по имени Феликс Хессен. Он жил...

— Я знаю, где он жил. Чего вы добиваетесь? Хотите меня запугать? Я очень больна, я стара. Какая жестокость — звонить мне и напоминать о нем! Как вы смеете?!

— Прошу прощения. Я вовсе не хотела вас расстроить, мэм. Просто я приехала из Америки, чтобы разобрать вещи бабушки, и...

— Мне плевать на Америку!

Эйприл закрыла глаза и помотала головой. Да что с ними такое? За исключением Майлза все, хоть сколько-нибудь связанные с Хессеном, были дергаными, больными и старыми. Это уже начинало надоедать. С ними невозможно общаться, они просто не хотят понять. Они все видят в других лишь аудиторию для собственных глупостей. Эйприл сделала глубокий вдох.

— Америка тут ни при чем! Просто послушайте меня. На самом деле все очень просто. Я ничего не продаю и не пытаюсь вас запугать.

Раздражение добавило силы ее словам.

— Не надо кричать, дорогая. Это не слишком вежливо.

Эйприл закусила нижнюю губу.

— Я хочу поговорить с кем-нибудь, кто знал мою двоюродную бабушку, о Феликсе Хессене. Она много писала о нем. Больше мне ничего не надо, только поговорить.

А затем произошло нечто экстраординарное, и Эйприл стало стыдно за то, что она накричала на эту больную, старую женщину, вырвав ее из сна. Голос миссис Рот задрожал от волнения, после чего она зарыдала.

— Он был ужасным человеком. Это из-за него я не могу спать. Он снова принялся за старое.

— Миссис Рот, прошу вас, не плачьте. Простите, что я расстроила вас. Мне просто необходимо поговорить с кем-нибудь, кто знал Лилиан при жизни.

Трескучий голос пробормотал несколько слов, перемежавшихся вздохами:

— Я до сих пор его слышу. Я говорила об этом портье.

Эйприл силилась понять, о чем толкует старуха.

— Миссис Рот, не расстраивайтесь. Вы такая грустная — как моя бабушка. И все из-за него.

— Да, дорогая. С вами будет то же самое. Вы ведь мне верите?

— Да, верю. Конечно верю. Иногда нужно просто выговориться. Мне кажется, миссис Рот, вам необходим друг.

Где-то в глубине квартиры размеренный ход часов порождал стальное эхо, которое волнами печального приboя расходилось по пустынным комнатам. Однако Эйприл так и не увидела хронометра и, кажется, даже не приблизилась к источнику далекого тиканья. Было трудно поверить, что внутри Баррингтон-хаус могут существовать подобные жилища: ободранные и выцветшие от пола до потолка, полные запущенных комнат.

Сиделка, миниатюрная филиппинка Айми, проворно семенила впереди, а Эйприл, словно в тумане, брела через длинный коридор квартиры миссис Рот, тяжело ступая по вытертому ковру. Наверное, когда-то он был голубым, но теперь превратился в серое рядно.

С той стороны, где стояли вешалка и телефонный столик, располагалась маленькая кухня, оснащенная древней эмалированной плитой и холодильником. Вид у помещения был такой, будто им не пользовались годами.

Эйприл мельком заглянула в гостиную. Ее быстрому взгляду предстал изысканный беспорядок. Серебристый передвижной столик для бутылок стоял, позабытый, нагруженный графинами, ведром для льда, щипцами и полупустыми бутылками с алкоголем. Престарелая громоздкая мебель печально жалась по углам. В комнате стоял полумрак из-за тяжелых портьер, подхваченных толстыми золотыми косицами. И все это венчала величественная люстра, подвешенная, словно гигантский ледяной кристалл, над столом красного дерева.

Тусклый свет обливал эти некогда блестящие, но теперь покрытые толстым слоем пыли предметы. Их будто сковала служба от глухого разочарования, от отсутствия тех, кто некогда оживлял пространство. На Эйприл напала тоска. Как подобная неподвижность может существовать среди шумной круговерти, царящей снаружи, с ее нескончаемым потоком машин и толпами людей, уродливыми и трагичными зданиями, летящим по ветру мусором, нищими — среди той навязчивой энергетики, которая одновременно опустошает тебя и придает сил? Пропыленное, однако непотревоженное и зловеще молчаливое, это место было еще одним реликтом эпохи элегантных дам в длинных платьях и кавалеров в парадных пиджаках.

И здесь на стенах не было ничего. Ни картин, ни зеркал — даже ни единой акварельки. Ничего.

За открытой дверью рядом с ванной комнатой находилась маленькая спальня с неприбранной кроватью. Комната фрейлины рядом с королевской опочивальней. Перед

последней они и остановились. Сиделка замешкалась у закрытой двери и опустела темные глаза — она так устала, что даже не пыталась выдавить ободряющую улыбку. За старинной дверью гремяхал телевизор. Айми постучала так громко, что Эйприл вздрогнула.

Когда изнутри ответил пронзительный старческий голос, она вошла в комнату хозяйки.

Эйприл решила, что это иссохшее существо продумывало позу и специально готовилось к ее приходу. Маленькая, словно ребенок, миссис Рот сидела на кровати прямо, положив поверх одеяла пятнистые руки, тонкие, как палочки, с несоразмерно большими кистями и шершавыми запястьями. Старуха была облачена в ночную рубашку из голубого шелка, отделанную белыми кружевами, — наряд только подчеркивал безобразие дряхлого тела, заключенного внутри. Старательно уложенные, хотя и в гротескном старомодном стиле, волосы блестели так, будто их только что причесали. Они были подняты наверх и завернуты в идеальный конус, смахивавший на шляпу епископа, однако сооружение светилось насквозь. Провалившиеся губы над тяжелым, выпирающим, словно у маленькой собачонки, подбородком сияли ярко-розовой помадой. Маленькие глазки, полные недоверия, следили за движениями Эйприл.

Присаживайтесь, — приказал голос, а тяжелый взгляд упал на два стула в изножье кровати, поставленные по бокам от телевизора.

Слабо улыбнувшись, Эйприл сняла с плеча рюкзак и приготовилась сесть.

— Здравствуйте, миссис Рот. С вашей стороны так любезно принять меня. Я...

— Не туда! — прогавкала старуха. — На другой стул.

— Простите. Я только хотела сказать...

— Ничего страшного. Снимайте пальто, дорогая. Разве можно женщине оставаться в помещении в верхней одежде?

По обе стороны широченной кровати, на которой возвышалась в самом центре маленькая фигурка, подпертая большими белыми подушками, располагались два небольших комода, заставленных фотографиями. Все черно-белые лица смотрели в изножье кровати, где теперь сидела Эйприл, неловко ерзая на жестком стуле. Его высокая спинка закрывала от нее значительную часть комнаты, оставляя только тоннель, из которого на нее взидала старуха.

Аудиенция в самом деле была ей дарована. Только вот какого рода аудиенция? Манера общения миссис Рот едва ли предполагала разумную беседу — единственную цель Эйприл. Но хитрая старая птичка полностью взяла под свой контроль и ситуацию, и посетительницу, сразу же внушая неловкость и сводя возможность беседы к нулю гримасой вечного недовольства. И кто стал бы ей возражать, будь то гость или лишённая права голоса наемная прислуга вроде портье снизу? Даже болтающий без умолку, бестактный Петр и тот содрогался при имени миссис Рот. На маленьком личике Айми тоже отражались страх и отвращение. Сиделка не вошла в спальню — по-видимому, какие-то правила запрещали ей. Но она ждала, застыв в дверном проеме.

Однако, как внушил Эйприл Майлз, миссис Рот принадлежит к маленькой группе пока еще живых людей, способных подтвердить существование мифических полотен Хессена. Эйприл пришла сюда и ради Майлза тоже. Но самое главное, миссис Рот была знакома с Лилиан. А последние очевидные свидетельства жизни бабушки постепенно исчезали.

Миссис Рот, по крайней мере, сохранила ясность мышления, в отличие от Алисы из общества «Друзей Феликса Хессена», а под броней неприветливости все равно кроется легкоуязвимая старая женщина.

— Я не хочу о нем говорить, — произнесла она, будто прочитав мысли Эйприл.

— Простите, что?

— Вы понимаете, кого я имею в виду. Нечего со мной играть, я не дуручка. Это вы непроходимо глупы, если считаете меня душой!

«Тогда зачем ты согласилась встретиться со мной?»

Эйприл не отважилась возразить. С миссис Рот шутки плохи, придется ждать, пока у старухи переменится настроение. Эйприл знала по опыту, что люди грубые и неприятные

довольно падки на лесть, а та же самая злобность, которая отпугивает окружающих, может оказаться ахиллесовой пятой.

Эйприл улыбнулась самой обаятельной и бесхитростной улыбкой, на какую была способна.

— Я бы и на секунду не заподозрила вас в глупости, миссис Рот. Разве глупец смог бы жить в такой великолепной квартире? Мне никогда еще не доводилось бывать в подобных апартаментах.

— Не смешите меня. Квартира в ужасном состоянии.

Но не успела миссис Рот отбить попытку гостьи завоевать ее, как настроение старухи стремительно переменялось на нечто более сносное. Ее щеки вспыхнули, а в глазах загорелся огонек самодовольства.

— Видели бы вы, какой она была при моем муже. Мы устраивали такие приемы, дорогая моя. Вы не видели ничего подобного! Сколько замечательных людей! Вы таких не встречали. Вы даже не представляете, какими обходительными были мужчины, вы никогда не были знакомы с джентльменами. А какие красивые дамы! Ваши сверстницы не идут ни в какое сравнение с тем, какими были мы. Вы только посмотрите на себя, дорогуша. Вам надо что-то сделать с волосами, они просто ужасны.

Эйприл пыталась улыбаться.

— Да, пожалуй. Может быть, вы могли бы порекомендовать мне парикмахера. Я, как только вошла, сейчас же обратила внимание на прекрасный цвет ваших волос. И как они блестят!

Эйприл взглянула на старательно начесанный пух и улыбнулась как можно искреннее. Миссис Рот зарделась.

— Не хотите ли чаю?

— С удовольствием.

Старуха взяла с простыни маленький медный колокольчик и принялась яростно трясти его.

— Ну, куда она запропастилась? — закричала она в тот же миг, как зазвонил колокольчик.

Через секунду дверь отворилась, и торопливо вошла Айми, глядя на свои белые спортивные тапочки.

— Мы хотим чаю, Айми. Чаю! Моя гостья промокла под дождем, а ты снова забыла приготовить чай.

— Прошу прощения, миссис Рот, — проговорила сиделка.

— Ну сколько раз тебе повторять?! И пирожных. Принеси пирожные. Я хочу желтое и еще розовое.

Миссис Рот испепеляла филиппинку взглядом, пока та не вышла из комнаты, после чего произнесла:

— Взгляните сюда. Сюда, дорогуша. Это мои правнуки. Такие хорошенькие. Вчера я водила Клару на ланч в «Клариджиз». И когда метрдотель спросил, чего она хочет, она сказала: «Рыбу с жареной картошкой». Ну что за прелестное дитя! Вы никогда не видели такого красивого ребенка. Взгляните сюда. Я говорю, посмотрите сюда!

Раздраженная тем, что Эйприл проявила недостаточное проворство, отвечая на ее импульсивное и сиюминутное желание, старуха принялась махать правой рукой в направлении застекленного шкафчика.

Когда Айми вернулась с чаем и пирожными на маленьком сервировочном столике, Эйприл устала в пол. Ерзая на стуле и не имея возможности что-либо предпринять, она выслушивала, как миссис Рот унижает сиделку, обзывает ее в том числе и «чертовой дурой» за то, что бедняжка расставила чашки не так, как ей «сто раз говорили».

— Я медсестра, а не официантка, — пробормотала Айми в ответ, после чего засеменила прочь из комнаты со слезами на глазах.

— Пирожное, дорогуша? Возьмите. Мне нравятся розовые. Их покупает для меня дочь.

Угощение было дешевое и такое сухое, что Эйприл с трудом проглотила кусочек.

— Вы похожи на Лили, — заметила миссис Рот, стряхивая скрюченным пальцем крошки с уголков рта.

— Правда?

Старуха закивала.

— Такой она была в молодости. Лили была очень красивая. Какая жалость, что она сошла с ума.

Далее без всякого перехода старуха попросила Эйприл включить телевизор, чтобы посмотреть викторину, во время которой всякие разговоры запрещались. Однако на первой же рекламной паузе миссис Рот заснула, а телевизор продолжал орать на всю комнату.

Глядя на спящую, время от времени свистевшую носом, Эйприл несколько минут просидела тихо, затем трижды позвала ее по имени — безрезультатно. Добудиться ее было невозможно. Вдруг она умерла? Но когда Эйприл захотелось в уборную и она встала со стула, глаза миссис Рот открылись. Молочные белки завращались в орбитах, затем усталились на Эйприл.

— Куда это вы собрались? Сядьте сейчас же!

— Мне нужно выйти в туалет.

— А.

— Вы заснули.

— Что?

— Вы спали. Наверное, я выбрала не то время для визита.

— Чепуха! Вовсе я не спала. Нечего выдумывать!

— Нет? Значит, я ошиблась. Я сейчас же вернусь.

Колокольчик взвился в воздух, миссис Рот снова яростно затрясла им. Эйприл с Айми вышли, обменявшись усталыми, нервными, но понимающими взглядами. Взглядами, знакомыми всем, кто живет в мире мелочных, но могущественных.

Вернувшись из уборной, Эйприл попыталась придумать тактичный способ снова вернуть разговор к Феликсу Хессену, однако миссис Рот ее опередила. Кажется, теперь она была готова говорить о художнике без всякого принуждения. Как будто до сих пор старуха проверяла, не выдаст ли чем себя ее гостья. Играла с Эйприл, не желая отдавать то, ради чего та пришла, пока как следует не помучает. Телевизор был милостиво выключен.

— Так вы хотите узнать о Феликсе. За этим вы сюда пришли. Вы меня не одурачили, дорогая. Только вам от моих рассказов не будет никакого проку. Вы не поймете. Никто не понимает.

— Но попробуйте мне объяснить, прошу вас.

— Он довел Лили до безумия. Это, насколько я понимаю, вам известно?

Эйприл кивнула.

— Да, это я знаю. Но хотелось бы понять, как именно.

Миссис Рот в молчании взидала на свои руки. Когда Эйприл уже начала задаваться вопросом, будет ли старуха сегодня говорить, та произнесла:

— Я не люблю о нем вспоминать. Я всегда хотела его забыть.

В ее голосе слышалась усталость, в интонациях не осталось ничего от прежней колючей, несговорчивой, несносной старухи. Миссис была не в силах выдержать взгляд Эйприл, пока говорила.

— Когда он в итоге ушел, все мы понадеялись, что это конец. Наивные! Люди, подобные ему, не следуют общепринятым правилам. Лили это знала. Она бы сказала вам то же самое. Никто нам не поверил бы. Но мы знали.

Эйприл подалась вперед на своем стуле.

— Он переехал сюда... Не помню точно дату, но где-то после войны... Когда мы с Артуром вернулись из Шотландии, он уже жил здесь. — Миссис Рот помолчала, вцепившись в простыни узловатыми пальцами. — Он был самым красивым мужчиной, какого мне доводилось видеть. Все мы считали его красавцем. Только он никогда не улыбался. И никогда

ни с кем не разговаривал. Нам это казалось странным. Баррингтон-хаус строился вовсе не для отшельников, даже наоборот. Дом был тогда не такой, как сейчас. Он представлял собой чудесное место, где все соседи дружили, вместе отмечали праздники. Здесь селились только самые приличные люди, дорогая, не то что сейчас. Теперь тут сплошной сброд, никакого понятия о манерах. Слышали бы вы, как они шумят. Теперь мы понятия не имеем, кто живет рядом с нами. Люди все время приезжают и уезжают, это просто невыносимо.

Миссис Рот принялась всхлипывать. Из рукава ночной рубашки она извлекла белую тряпочку и поднесла к глазам. Крупная тяжелая слеза, которая откуда ни возьмись появилась на щеке, покатилась вниз и капнула на запястье.

Эйприл невольно кинулась к старушке и присела на край постели. Миссис Рот сейчас же протянула ей свободную руку, искореженную артритом и очень холодную. Эйприл попыталась согреть ее между ладонями, и от этого простого жеста миссис Рот заплакала сильнее — так ребенок заливается слезами в спасительных объятиях родителей.

— На него часто натыкались на лестницах, он никогда не пользовался лифтом. Обычно стоял сам по себе и рассматривал картины, даже снимал их со стен, чтобы внимательно изучить. Но поворачивался к тебе лицом, если его побеспокоить. Я это ненавидела. Никто не любил встречаться с ним взглядом, дорогая. Он был сумасшедший, полный безумец. У людей с нормальными мозгами не бывает таких глаз. Всем становилось неуютно рядом с ним. У нас жило много евреев, а мы знали, что он из сторонников Гитлера. Как бишь их называли?

— Нацисты.

— Не перебивай меня, дорогая. Больше всего на свете меня огорчают женщины с плохими манерами.

— Простите.

— И вот так продолжалось несколько лет. Я ни разу с ним не разговаривала. Никогда. И никто не разговаривал. И портье его не любили, они его боялись. Да мы все его боялись, дорогая. Он жил в квартире под нами, этажом ниже. — Миссис Рот указала на пол. — И он всегда так шумел по ночам: передвигал что-то. Будил нас. Такой грохот. И такие крики. Было слышно, как он разговаривает в полный голос. Как будто бы он у нас в соседней комнате. И у него под потолком мы слышали другие голоса, буквально у нас под ногами. Однако мы никогда не видели, чтобы к нему кто-нибудь приходил или уходил. Никто не знал, как он проводит к себе этих людей. Мы спрашивали у портье, но они божились, что никто не посещал господина из шестнадцатой квартиры. Но у него кто-то бывал. Это не радио говорило, радио никогда так не звучит, дорогая.

По временам казалось, что в его квартире полным-полно народу. Как будто у него вечеринка, только не слишком веселая. И другие соседи говорили про него то же самое. Мы все в западном крыле слышали этот шум, и он становился все громче. До самого несчастного случая. Шум и голоса. Жильцы съезжали из-за него.

И вот потом, однажды ночью — никогда не забуду эту ночь! — мы услышали чудовищный грохот и дикие крики. Это было ужасно! Вопили у нас под ногами. Как будто кто-то умирает, дорогая, как будто кого-то мучают. Мы были просто потрясены, не могли сдвинуться с места. Мы с Артуром просто сидели рядом на постели и слушали, пока все не затихло.

И тогда Артур пошел к нему. Он позвонил мужу Лилиан, Реджи, Тому Шейферу, и они все вместе пошли вниз, отправились прямо в пижамах. Реджи пошел, потому что и раньше пытался выселить Хессена из дома. Позвали старшего портье, вызвали полицию. И когда вскрыли дверь, то нашли его в гостиной...

Миссис Рот закрыла почти все лицо носовым платком и зарыдала. Когда она снова заговорила, голос у нее срывался:

— Мы с Лили спустились, чтобы помочь. С ним произошло ужасное несчастье... У него не было лица... Ободрано до кости... Его увезли. Мы думали, он умрет. Человек не может выжить после такой травмы. И никто не понимал, что с ним произошло. Он, должно быть... Должно быть, сам сделал это с собой.

Однако же Хессен вернулся несколько месяцев спустя. Вся голова у него была в бинтах. При нем была сиделка, которую он отпустил через несколько дней. Некоторые соседи даже посылали цветы и открытки бедному больному. Мы знали, что он дома, но дверь он не открывал. Как и прежде, он хотел только, чтобы его оставили в покое. Вот мы и оставили его в покое. Во всяком случае, до тех пор, пока снова не началось. И тогда все стало гораздо хуже, чем прежде. Он был воплощенное зло. И вот теперь они снова вернулись — ночные кошмары, которые убили Артура и Реджинальда. Это все сны, дорогая. Сейчас никто мне уже не поверит, но тогда мы знали. Это он убил их обоих.

Эйприл больше не могла молчать.

— Но как, миссис Рот? Я думала, он просто художник.

— Нет, нет, нет. — Старуха затрясла головой, веки у нее покраснели. — Я говорила вам. Он был не такой, как все. Злой. Я никогда не встречала больше такого плохого человека. Зачем только он поселился здесь?! Я не помню, почему он приехал сюда, но он уничтожил дом. Убил его.

— Как, миссис Рот? Моя бабушка писала то же самое. Что же он сделал?

— Тени вернулись на лестницы. Мы так и не смогли избавиться от них, и они до сих пор здесь. Из-за них меняется освещение, хотя это уже не так важно. Люди перестали сюда приезжать, начали покидать квартиры. Но кое-кто из нас хотел помешать ему, не дать разорить дом. Ведь здесь было так чудесно, пока он не появился.

— А вы видели его картины?

Миссис Рот кивнула.

— Жуткие. Вы даже представить себе не можете. Он понятия не имел, что такое красота. Он испоганил наши сны своими тварями. Мы думали, полковник просто свихнулся. Он когда-то жил в доме, полковник. И миссис Мельбурн. Они начали видеть первыми. По ночам, дорогая. Люди принимали таблетки, ходили к докторам. К настоящим докторам. Не тем, что нынче, дорогая. Теперь врачи ничего не знают. Они просто чертовы дураки. Однако даже те доктора ничем не могли помочь несчастным. Которые видели сны. Следующим их стал видеть Реджинальд. Затем Лили. Затем я. Я была так молода.

Миссис Рот снова разрыдалась и схватила Эйприл за руки.

— Какими они были? Я не понимаю. Что это были за сны?

— Не могу объяснить. Не знаю как. Но он заставлял нас видеть всякое. Вы думаете, я сумасшедшая?

— Нет, я так не думаю.

— Думаете-думаете. Вы думаете, я глупая старуха. А это не так.

— Нет, что вы.

Эйприл погладила миссис Рот по спине, на что та ответила новым приступом рыданий. Всхлипывая, она проговорила:

— Голоса доносились из его квартиры, звучали на лестницах и проникали к нам в комнаты. Мы с Артуром сидели вместе и слушали их. Рядом с нами никогда никого не было, но мы постоянно слышали эти голоса. Около его квартиры постоянно звучали голоса тех, кого он притащил сюда с собой. Они выходили оттуда. — Она снова ткнула искореженной рукой в пол. — О, это было ужасно.

Миссис Рот сбивалась на рыдания. Эйприл наклонилась поближе, чтобы разобрать слова.

— И миссис Мельбурн бросилась с крыши. Я видела, как она лежала в саду. Ударилась о стену. И она была не единственной жертвой.

Последнюю фразу старуха проговорила совсем тихо, с искренним сожалением, от которого срывался голос. Она не хотела — или не могла — смотреть Эйприл в лицо.

— О, миссис Рот! Как мне жаль. Они были вашими друзьями. Должно быть, вы пережили настоящий кошмар.

— Вы даже не представляете. Это все он виноват. Это он сделал.

— Своими картинами?

Миссис Рот глубоко вдохнула и, подавив рыдание, кивнула.

— Они решили бороться с ним. Реджинальд, Том и Артур. Они пошли к нему, дорогая. Они были так разозлены, вы даже не представляете. Просто обезумели от всего происходящего. Так вот, мужчины пошли к нему, потому что он не отвечал на телефонные звонки, не реагировал на письма правления. Наши мужчины взяли ключи у старшего портье и вошли к нему. И... и... Он был ужасен. Они рассказывали, что голова у него была чем-то обмотана. На лице такая маска, красная, из ткани. Но сквозь нее проглядывали жуткие очертания его лица, дорогая, — так плотно маска прилегала к черепу. Никто не знал, о чем с ним говорить. Но Реджинальд пытался сохранять спокойствие. Он спросил у Хессена, что тот вытворяет с целым домом. Хессен засмеялся. Он просто засмеялся. Они рассуждали здраво, они все были хорошие люди, но он просто засмеялся. Лицо у него было в этой красной тряпке. Они видели только его глаза.

А потом они снова узрели тех тварей. На стенах. Тех, кого он создавал все это время. Они были еще страшнее, чем прежде. Все самые жуткие кошмары из наших снов. Эти картины...

— Какие они были? Прошу вас, расскажите. Умоляю.

— А потом Реджинальд вышел из себя. Они...

— Они?

Миссис Рот выпрямилась на кровати и выпустила руку Эйприл. Рыдания и шмыганье носом внезапно прекратились, и лицо снова окаменело, принимая угрюмое выражение.

— Я устала.

— Но... Вы же хотели рассказать мне о картинах.

— Я не желаю об этом говорить. Все неважно.

— Но вы так расстроены. Я хочу понять.

— Это не ваше дело. Айми. Мне нужна Айми. Где мой колокольчик? Мне пора есть. Нечего являться в обеденное время. Это невежливо.

Колокольчик зазвенел над самым ухом гостьи, нарочно, как та поняла.

Эйприл вернулась к стулу, чтобы забрать свои вещи. Затем, пока Айми шла в комнату, Эйприл развернулась, собираясь заговорить, однако рассказ миссис Рот настолько поразил ее, что она никак не могла разомкнуть губы. Было очевидно, что старуха напугана до смерти и выложила гораздо больше, чем собиралась.

Эйприл быстро отошла от постели, лишь разок обернувшись у спасительной двери: Айми стояла рядом с кроватью, сгибаясь под градом визгливых упреков, которые неслись из подушек.

«А было бы неплохо накрыть подушкой эту сморщенную физиономию».

Эйприл потрясла внезапная мысль, вовсе ей не свойственная.

Она без спроса вышла из комнаты.

«Разве позволительно женщине вот так запросто уходить?»

Радость освобождения от этой кошмарной старухи заставляла едва ли не бежать по обшарпанному коридору, а предвкушая, как она перескажет все откровения миссис Рот Майлзу, Эйприл так; и летела на высоких каблуках. Пока не открыла входную дверь и не выскочила на площадку.

Слева от нее пронеслось что-то беловатое, нечеткое, и так быстро, чтохватило дух. Отшатнувшись, Эйприл резко втянула в себя воздух, испустив тоненький крик, затем выглянула из-под затянутой в перчатку руки, которую вскинула, чтобы защититься от непонятного движения. Боковым зрением она увидела, как на нее несется что-то развешающееся, что-то красное, словно размазанное над костлявыми плечами.

И когда она взглянула сквозь пальцы в большое гладкое зеркало на противоположной от лифта стене, в золоченой раме вздыбилось короткой волной нечто белое. Эйприл спешно развернулась, ожидая увидеть справа отраженный объект.

Осознав вдруг, что она защищается от отражения, а не от реальной угрозы, Эйприл поспешно отступила на пару шагов и напряглась в ожидании удара.

Но на площадке никого не оказалось. Она оглядела лестничный пролет и двери лифта, высматривая то, что несло на нее. Но все было неподвижно, если не считать ее грудной клетки, которая быстро вздымалась и опадала, нагнетая в легкие воздух.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

— Что это вы делаете?

Резкий голос пронзил его сзади. Сету не было нужды оборачиваться, чтобы понять, кто застал его врасплох отпирающим дверь шестнадцатой квартиры. Этот голос он слышал в телефонной трубке каждую ночь на протяжении последних шести месяцев. Сет все-таки развернулся к миссис Рот, одетой в бледно-голубой халат и красные тапочки, однако не заметил испуга, беспомощности и растерянности, какие старуха выказывала в прошлый раз, когда они встретились на этом же месте. Сейчас ее волосы были идеально уложены, тонкий серебристый пушок, начесанный, чтобы скрыть рябую кожу на голове, не был смят подушкой. Она так и просидела всю ночь, дожидаясь подозрительных звуков.

Распаниковавшись, что его поймали на месте преступления, — его ведь могут уволить за вторжение в чужую квартиру и обвинить в том, что это он грохочет по ночам, — Сет попытался заговорить. Но ничего не получилось — от страха он не сумел издать ни звука. Утром, если не раньше, миссис Рот первым делом все расскажет Стивену. Она была не просто разгневана, она прямо-таки взбесилась, увидев Сета под дверью с ключами в руках. Лицо ее покраснело, нижняя губа дрожала от ярости, взгляд маленьких глазок пронизывал насквозь.

Старуха вскинула руку, согнув в локте, и заплатанный рукав халата соскользнул вниз по иссохшему предплечью, перевитому синими венами и испещренному печеночными крапинками.

— Я задала вам вопрос. Что вы делаете?

Миссис Рот все повышала голос и под конец фразы уже кричала. Ее услышат. Сет хотел, чтобы она замолчала, однако у него не было сил действовать, не хватало духу утихомирить ее. Старуха слишком умна. Слишком хорошо разбирается в чужих слабостях, сознает приниженное положение Сета и свое преимущество как жильца дома. Она пытается привлечь внимание, помучить его.

Сет сплотнул комок в горле.

— Я что-то услышал. Мне показалось, кто-то забрался в квартиру.

— Лжец! Вы лжец! Это вы. Вы! Это вы тут шумите по ночам. Я так и думала! Вы хотели меня запугать, зная, что я живу этажом выше. Вы просто чудовище, так пугать старую женщину! Мне немедленно нужен Стивен. Позвоните Стивену! Сейчас же!

Сету сделалось дурно. Он никак не мог вытолкать из себя комок страха, застрявший где-то под грудиной. Как будто он вернулся в детство. Вечно эта старушенция нагоняет на него жуть.

Сука!

Один ее вид наполнил Сета гневом такой силы, что он представил, как размазывает это иссохшее, хрупкое существо по стене. Эту по-идиотски громадную голову с редкими волосами, узенькое злобное личико и то ли кукольное, то ли детское тельце с палками конечностей и обвисшей кожей. Ну почему она не может просто умереть? Ее ненавидят даже родные. Ни одна сиделка не выдерживает больше месяца. Старуха каждый день доводит их до слез. Никто не в силах с ней работать или хотя бы выносить ее. Даже тактичный Стивен спадает с лица от ее невыполнимых требований.

Сет почувствовал, как с головы до ног бледнеет от ненависти. Это ощущение пугало его, а когда проходило, он сам ему поражался. Теперь он испытывал подобные приступы регулярно, однако никак не мог к ним привыкнуть: никогда еще он не презирал с такой силой, теперь же творил, упиваясь новыми ощущениями. Неужели миссис Рот не понимает, что у него нет выбора — нечто куда более важное, чем он сам, призывает его учиться у гения

этого места.

Наконец, подавив гнев и быстренько придумав, как все исправить, Сет заговорил:

— Я несу ответственность за здоровье и безопасность жильцов дома в ночное время, и мне осточертел этот грохот. — Он указал на дверь. — Однако я ничего не могу сделать из-за дурацкого правила относительно ключа. А вы названиваете каждую ночь, жалуетесь на шум в пустой квартире под вами. Дело зашло слишком далеко, миссис Рот. И сегодня я решил войти внутрь. Так что звоните Стивену, если хотите. Мне, честно говоря, наплевать, с меня хватит.

Сначала миссис Рот как будто изумилась, что кто-то осмелился разговаривать с ней таким решительным тоном, но гнев постепенно сошел с ее лица, его сменило подозрение. Миссис Рот молча и внимательно рассматривала Сета, обдумывая его слова. Через несколько секунд старуха снова вскинула скрюченную руку и нацелила на Сета артритные пальцы с раздутыми суставами.

— Не врите мне! Это вы безобразите по ночам: двигаете мебель, шумите.

Сет изо всех сил старался сохранить озабоченно-возмущенное выражение лица. Это было нетрудно, он часто практиковался. Сет покачал головой и перевел взгляд на потолок, будто вызывая к высшим силам. Должно быть, у него получилось, потому что из голоса старухи пропало всякое ехидство.

— Миссис Рот, можете думать что угодно. Я всего лишь выполняю свою работу. Вы бы предпочли, чтобы я спустился к себе и не обращал внимания на возможное нарушение? Пусть будет так. — Сет запер дверь и направился к лестнице.

— Куда вы идете? — спросила старуха, и в воздух снова взметнулся указательный палец.

— Я возвращаюсь на пост, миссис Рот. Разве вы не этого добивались?

— Не будьте таким кретином. Откройте дверь, я сама хочу посмотреть. Ну же, открывайте! Побыстрее!

Сет силился подавить улыбку. Он сможет объяснить Стивену, что старуха заставила его отпереть квартиру из-за шума, и он вошел только для того, чтобы она наконец заткнулась. Конечно, следовало бы сначала позвонить старшему портье, но он не хотел будить Стивена, зная, как тот устает из-за болезни Дженет. Может быть, они со Стивеном договорятся между собой. Они ведь уже, кажется, заключили некое соглашение? Так зачем же создавать самим себе неприятности?

Но что миссис Рот подумает о картинах? Сет представил, как старуха белеет от потрясения за миг до того, как ее хватает удар; он ясно увидел крошечный сосуд в ее тяжелом мозгу, наполненный черной кровью, — его прочные стенки трескаются, и происходит разрыв с летальным исходом.

Если же женщина выживет после встречи с картинами, то все испортит своими визгливыми тупыми жалобами. Сета могут уволить, не будет ему никакой должности старшего портье. В самом лучшем случае замки поменяют, а квартиру поставят на сигнализацию. Запрут от него, ему туда будет не попасть.

Почему именно сегодня? Ну почему она явилась сегодня? Он так жаждал встречи с последней комнатой, замирая от страха, но восторженно предчувствуя ее влияние на его собственную работу в «Зеленом человечке». На стенах. Сырая краска на стенах — такая живая. Она способна поставить художественный мир Лондона на колени. Да, конечно, Сета одолевают сомнения. Его буквально мутит от страха перед тем, что он творит, во что превращается, что видит в стенах этого самого дома... Но художник обязан быть смелым, а то, что выходит из-под его кисти, слишком живописно, чтобы его отвергать.

— Вы чертов дурак! Это моя квартира, моя собственность. Открывайте. Я приказываю вам отпереть дверь. Делайте, что велено!

Сет снова начал терять самообладание, во рту ощущался привкус страха. Он вынул ключи из кармана и повертел связку в руках. Но как же такое возможно? Как вышло, что старуха владеет квартирой и скрытыми в ней жуткими чудесами?

И тут раздался другой голос — со стороны лестничного пролета, из-за спины миссис Рот. Этот голос Сет уже хорошо знал: произносимые им слова звучали из холодных теней и сквозняков, пустых и заброшенных квартир, с размытых дождем улиц Хакни, из тусклых кошмаров, таящихся в комнатах «Зеленого человечка». Его скрытый капюшоном товарищ вернулся.

— Давай, Сет. Открой дверь для пожилой леди. Там ее давно ждут. Один, скажем так, старый друг. Там о ней позаботятся. Она получит то, что суждено.

В зеве лестничного пролета, наполовину скрытого стеной, Сет увидел промельк опущенного нейлонового капюшона. Лицо терялось в темноте, расплавленные руки были спрятаны в шуршащие просторные карманы.

«Она получит то, что суждено».

Что он имеет в виду? Сету стало дурно.

— Отдайте мне ключи и уберите с дороги!

Миссис Рот преодолела лестничную площадку довольно быстро для пожилой дамы с больными ногами. Ее лицо пылало от гнева, скрюченная рука потянулась к ключам.

Сет поднял связку над головой, чтобы старуха не могла достать, и, глядя на нее сверху вниз, проговорил ровным тоном:

— Прошу вас. Позвольте мне просто выполнить свою работу!

Бесполезно — она не оставила ему выбора. Сет сунул ключ в замок. Он снимает с себя всякую ответственность.

— Быстрее! Пошевеливайтесь! Почему вы стоите столбом?

Сет отпер дверь и толчком распахнул ее. Он стоял на пороге, глядя в расстилающуюся впереди темноту. Холодный ветер ударил в лицо, и по шее пошли мурашки.

Он почувствовал, как миссис Рот вцепилась ему в локоть. Несмотря на свой гнев и уничижительную манеру разговора, старуха все равно считала, что портье должен вести ее. И защищать.

Сет взглянул на нее сверху вниз: видно невооруженным глазом, насколько она взволнована, как сильно боится этого места. А что миссис Рот знает о нем? Что-то знает. Она ведь живет в доме со времен Второй мировой войны, верно, она была знакома с хозяином соседней квартиры, теперь принадлежащей ей.

Сет ввел миссис Рот во тьму и замешкался рядом с дверью, чтобы нащупать выключатель. По коридору разлилось багровое свечение.

— Что, света нет? Как темно! У вас есть фонарик?

Значит, зрение у нее не такое уж хорошее. Ничего удивительного — ей чуть ли не сто лет. Сет быстро обернулся через плечо — мальчик в капюшоне стоял на площадке, выжидая.

— Оставьте дверь открытой. Мне здесь не нравится, — пробормотала миссис Рот. — Вы что-нибудь видите?

Сила ушла из ее голоса. Теперь за локоть Сета цеплялась обычная перепуганная старушка, искала его поддержки. И как он мог ее бояться?

Сет видел все. Картины под запыленными полотнищами висели по красным стенам в тусклом багровом свете, который просачивался сквозь узорчатое стекло абажуров. В точности так он и оставил все в прошлый раз. Как ни странно, миссис Рот будто не замечала картин. Она по-прежнему жаловалась на темноту и прижималась к Сету. Голова старухи доходила портье всего лишь до нижних ребер. Искорка сочувствия зажглась в груди Сета, но он затоптал ее, прекрасно сознавая, что между ними нет и не может быть ни дружбы, ни уважения. Старуха презирает его, просто сейчас он ей нужен. Утром она нажалуется Стивену, и тогда всякая связь между Сетом и сокровищами этого священного места будет разрушена.

— Вы что-нибудь видите?

Голос у миссис Рот дрожал, в нем звучала мольба.

— Кто здесь? — спросила она темноту, и этот глупый крик словно бы поглотили стены коридора.

— Миссис Рот, а кто здесь жил?

— Один ужасный человек.

Она говорила смущенно и испуганно. Страх и боль кляпом заткнули ей рот, заставили наклонить голову, как будто вынуждая вспоминать что-то по-настоящему болезненное. Старуха ссутулилась еще сильнее, чем прежде.

— Мы не хотим, чтобы он вернулся.

Сет довел миссис Рот до середины коридора. Она дышала так тяжело, будто испытывала невыносимое напряжение и преодолевала невиданное сопротивление, всего-навсего шаркая тапочками по коридору между красными стенами. Стенами, которых не замечала. Сет слышал, как она постанывает.

— Здесь ведь жил художник?

Старуха ничего не ответила, глядя на закрытые двери.

— Вы его не любили. Наверное, просто не понимали. Так расскажите же, кто он был, миссис Рот, этот ужасный человек? И что вы с ним сделали?

— Я не хочу о нем вспоминать, не спрашивайте меня больше. Только не здесь. Я купила эту квартиру, чтобы избавиться от него. — И тут ее голос упал почти до шепота. — После того, как он ушел.

— Что он сделал, миссис Рот?

— Заткнитесь! — неожиданно взвизгнула она и указала на дверь комнаты с зеркалами. — Там! Неужели вы не слышите? Я слышу, он там, он смеется. Не может быть! Мы ведь избавились от него!

Сет вздрогнул от страха, который она излучала. Старуху трясло. Она побелела и настолько ослабла, что Сет практически держал ее на руках — куклу из папье-маше с бамбуковыми конечностями.

— Он не мог вернуться! Это не он, кто-то просто разыгрывает нас. Мы же избавились от него, мы не позволили ему остаться здесь. Откройте дверь. Откройте эту дверь и зажгите свет. Я хочу видеть. Я не верю.

Сет колебался: он знал, какая сила заключена в комнате. Даже стоя по эту сторону двери, он весь напрягся от неприятного предчувствия, миссис Рот же вовсе обезумела от страха. Она тряслась, прижимаясь к нему. Старуха сказала, что кто-то смеется. Но Сет не слышал никакого смеха... Только ветер. Ну да, вой ветра вдалеке. Казалось, на них идет нечто ужасно холодное, словно неведомое черное море наползает гигантской приливной волной, которая проходит прямо над ними, но почему-то и под ними тоже.

— Нет, здесь опасно. Надо уходить, — в отчаянии прошептал он старухе.

— Откройте! Откройте дверь. Я хочу посмотреть! Этого не может быть. Он не мог вернуться!

Она впадала в истерику. Идеально уложенный купол седых волос растрепался, жалкие остатки крови в ее венах как будто отхлынули от поверхности кожи. Казалось, она сейчас упадет: все ее тело приобрело серый оттенок, глаза закатились.

Нельзя стоять столбом, пока она вопит во весь голос. Она разбудит соседей. Возможно, уже сейчас кто-нибудь из жильцов колотит в дверь Стивена или звонит на стойку портье. Или, хуже того, в полицию. Сет снова теряет контроль над ситуацией, контроль над этой тупой, ударившейся в панику старой мымрой. Гнев пришел на смену страху и неловкости. Гнев поможет ему, он справится.

— Ладно, ладно, — проговорил Сет, стискивая зубы.

Он протянул руку и схватился за холодную латунную ручку двери. Но когда он уже собирался одним решительным движением повернуть ее, она вырвалась из пальцев. Дверь распахнуло изнутри с такой силой, что они со старухой хором вскрикнули.

Сет неподвижно сидел за своей конторкой, глядя на стеклянные входные двери и на сине-черное светящееся небо за ними. Его била дрожь. Она зарождалась где-то глубоко внутри, затем расходилась и охватывала все тело. Раскаленные лампы под потолком

потрескивали. Где-то на улице взревела мотором мощная машина и затихла вдалеке.

Сету хотелось, чтобы в голове прояснилось, но он был не в силах даже следить за действием на телеэкране. Там мелькала бессмысленная мозаика из огоньков и красок, доносились далекие голоса Картины в его в голове были куда интереснее. Образы не желали исчезать или замирать, они так и сменяли друг друга, восстанавливая события, которые так стремительно развернулись вокруг него в шестнадцатой квартире.

Сет помнил, как, подчиняясь инстинкту, отпрыгнул назад, подальше от темного, пустого прямоугольного пространства за средней дверью. Во всяком случае, так это запечатлелось в памяти. Комната не успела материализоваться, когда дверь вырвало у него из рук исходящим изнутри нетерпением.

Затем Сет увидел, как падает миссис Рот: медленно заваливается на бок, сползает на мраморные плитки у его ног. Молча, ни разу не позвав на помощь. Она даже не выставила перед собой руки, чтобы смягчить удар, — просто с громким шлепком рухнула на твердый пол и замерла лицом к двери. Она казалась потрясенной. Губы ее шевелились, но старуха не издавала ни звука.

Сет заглянул в комнату. Тусклый красноватый свет из прихожей едва проникал сквозь дверной проем, за которым угадывалось мерцание далекого зеркала и очертания длинных, темных прямоугольников на противоположной стене. Как будто прочная, осязаемая материя внезапно возникла внутри того пространства, что недавно казалось черным и пустым. На короткий миг Сет поверил, что видит, как нечто быстро проносится между косяками, перемещается справа налево, нависает над ним. Нечто плохо различимое издавало шорох, почти неуловимый за шумом приближающегося ветра.

— Быстрее, Сет! Быстрее! У нас с ней договор, я же тебе говорил. Так что поспеши, приятель. Давай ее туда, затаскивай внутрь. Времени мало, — наставлял за спиной мальчик в капюшоне.

Миссис Рот тоже что-то увидела. Лицо ее так побелело, что стало похоже на гипсовую посмертную маску. Глаза старухи, казалось, вылезают из орбит, пока она, не мигая, смотрела в открытый дверной проем. Длинная нитка слюны свешивалась из угла рта и почти касалась пола. Теперь она издавала утробные стоны, похожие на крики животного. Перепуганного раненого животного, которое силится сделать вдох поврежденными легкими и в то же время зарычать на охотника.

Сет почувствовал к ней отвращение. Ему было мерзко подобное проявление бессилия, захотелось отодвинуться от изломанной на полу фигуры.

Она его не слушала, ни словечка — сама напросилась. Глупой суке здесь не место. Он пытался ее остановить.

— Сет, Сет! — проговорил мальчик торопливым свистящим шепотом. — Давай быстрее, тащи ее туда. Избавься от старухи. Надо торопиться: Вихрь недолго простоит открытым, а она здорово расшиблась, у тебя будут неприятности. На тебя повесят обвинение. Вперед, пошевеливайся.

Последние слова прозвучали убедительно. Сет опустился на колени рядом со старухой и протянул руки к узким, угловатым плечам. Он действовал, подчиняясь инстинктивной уверенности, что, как только затащит ее в комнату, проблема будет решена. Раз и навсегда.

Миссис Рот застонала, когда он попытался ее сдвинуть, но так; и не отвела взгляда от дверного проема. Под тканью ночной рубашки она оказалась такой худой и жесткой. Полы халата распахнулись, было трудно ее ухватить.

— Быстрее, Сет, еще быстрее! Занеси ее внутрь и закрой дверь. Ты должен это сделать. Вперед! Скинь туда эту суку!

В отчаянном желании положить конец своему смятению, страху, этой бесконечной борьбе рассудка с обманом, Сет сунул ладони ей под мышки, вздернул на ноги перед собой и развернул лицом к комнате. Обмякшая, неподвижная, а теперь еще и удивительно молчаливая, миссис Рот висела у него на руках с открытыми глазами, а он готов был отдать ее темноте за порогом.

«Если пожилой человек упал, ни при каких обстоятельствах его не перекладывайте». Сет помнил инструктажи по оказанию первой помощи, какие проводили для портье внизу. «Он может быть в шоковом состоянии». Что, если миссис Рот сломала шейку бедра? Нет, теперь все это не имеет значения. Все это далеко в прошлом.

— Вот так, запихивай эту суку внутрь, — приговаривал мальчик в капюшоне, задыхаясь от возбуждения и заходясь невеселым смехом. — Но только не поднимай глаза, Сет. Только не смотри.

Сет повиновался. Понимая, что может разом покончить с досадной помехой, какую представляет старуха, Сет шагнул вперед. Не останавливаясь, не глядя ни влево, ни вправо, ни вверх, он промаршировал на середину комнаты и там положил миссис Рот на пол.

Казалось, он движется во сне. Тело Сета сделалось невесомым, воздух странным образом сгустился вокруг, такой невыносимо холодный, что замораживал даже дыхание.

Все это было лишено смысла, но понимать ничего не требовалось, потому что Сет немедленно стал повиноваться правилам этого пространства и делать то, что должно. Делать то, о чем его просили. Делать то, что было необходимо сделать в комнате, потолок которой — это он знал наверняка, даже не глядя, — исчез и сменился жутким вращением воздуха и невнятных голосов. Обрушиваясь вниз со многих миль, холодный бездонный вихрь у него над головой закручивался внутрь на путающей скорости, подбираясь все ближе, опускаясь. Сет уже слышал этот звук, но тогда принял его за работающее вдалеке радио. Теперь он знает наверняка, что это такое — бесконечность, которую он видел на картинах, развешанных по красным стенам коридора. В вихре заключались такие сила и энергия, перед которыми Сет ощутил себя еще меньше и ничтожнее, чем перед любым другим чудом природы.

Сет резко развернулся и бросился обратно в коридор. Он проскочил в дверной проем. Ноги подкашивались, он понимал, что выбрался наружу только потому, что его выпустили из комнаты. Сет упорно смотрел в пол, поэтому, когда дверь дернулась, отрезая темное пространство, он так и не разглядел толком, что же внезапно пронеслось через комнату и заслонило миссис Рот, а затем увлекло наверх.

Ее крик звучал недолго. Он начался с низкой ноты, сделался выше, завибрировал, после чего резко оборвался. Вслед за тем раздался громкий щелчок, а потом сухой хруст, и Сету представился свежий стебель сельдерея, разломанный сильными руками. И еще хворост, который мельчат, чтобы положить в миниатюрный камин.

А потом взревел ураган, этот невообразимый вихрь. Оглушительно затрещали статические разряды, и возникло ощущение, что какие-то силуэты утаскивают прочь — их голоса ударом хлыста распороли воздух на таком внезапном крещендо, что Сет нисколько не сомневался: все жильцы Баррингтон-хаус подскочили в кроватях. Финальный вопль достиг ошеломляющей силы, и Сет съезжился в ожидании, когда из окон посыплются стекла.

Но ничего не посыпалось. Не успел шум так же неожиданно смолкнуть, как Сет услышал топот множества копыт, спешащих к тому месту, где он оставил миссис Рот.

Вытерпеть тишину, опустившуюся следом, было еще сложнее, чем все прежние шумы, из-за которых у Сета совершенно онемели конечности. Это была не спокойная тишина. Наоборот, она наполнилась ожиданием. И пока она длилась, Сет мучился вопросом, когда же наконец закончится та мерзость — в чем бы она ни состояла, — какая вершится по другую сторону двери.

Мальчик в капюшоне сдвинулся с того места, где застыл, отдавая приказания. Теперь он стоял рядом с Сетом, который поморщился от резкого запаха пороха и жженого картона.

— Ты все правильно сделал, приятель.

Мальчик захихикал, и капюшон задрожал от какого-то шевеления внутри. Сет был рад, что ему не надо туда смотреть.

— Эта тварь схлопотала по заслугам. Скотина. Старая скотина. Он будет нами доволен, дружище. Он давно хотел заполучить старую суку. Но теперь зайди и все там приberi. Ты еще не закончил, приятель.

Придется снова войти в комнату. И все вычистить. Сета била чудовищная дрожь, он

закусил нижнюю губу, чтобы не разразиться рыданиями, готовыми сотрясти его от головы до пят.

— Давай, Сет. Пошевеливайся, пока тебя не застучали, приятель.

Прижав ухо к двери зеркальной комнаты, Сет напряженно пытался уловить сквозь толстую древесину хоть какой-нибудь звук, выдающий незримое присутствие. Он нисколько не сомневался, что если услышит что-нибудь, то бросится бежать и не успокоится, пока не оставит дом далеко позади. Но — ничего. Только постепенно оправившись от потрясения и пережитого страха, Сет вспомнил о миссис Рот. Старухе, лежащей на полу квартиры, в которую он не имел права заходить. Женщине, теперь ужасно искалеченной или даже хуже. Сет открыл дверь.

Он увидел миссис Рот на полу. Она лежала, съежившись, примерно в той же позе, в какой он оставил ее: на боку, лицом к зеркалу. Зеркалу, в котором ее лицо искажала гримаса такого страха, что Сет снова едва не услышал жуткий крик. А выше отражения миссис Рот — неподвижной кучи тряпья и похожих на палочки конечностей — он уловил какой-то неясный промельк.

Внутри прямоугольного серебристого тоннеля, созданного противлежащими зеркалами, что-то мельтешило, словно кадры со старой киноплёнки. Но то, что, как ему показалось, он видит, исчезло, не успел Сет сделать пару шагов по комнате. Даже после всего, что ему довелось услышать и увидеть в этом месте, Сета мутило от ужаса перед кем-то длинным и бледным, с развевающимся красным полотнищем вместо головы, кто уходил в недра зеркального коридора. Он волок за ногу обмякшее тело в светло-голубом, уносил его в глубины иного мира.

Сет развернулся и быстро огляделся по сторонам, окинул взглядом все восемь открытых картин по бокам от зеркал, висевших в центре каждой стены. Внутри его все замерло, прихлопнутое силой, какой веяло от образов на картинах.

На полотнах было изображено одно и то же лицо, но на разных стадиях распада в чудовищном вздыбленном вихре, кружащем так быстро, что мясо слетало с костей вернее, чем в ацетиленовой горелке. Казалось, полное разрушение плоти над сидящим телом произошло мгновенно. На восьми портретах было последовательно запечатлено, как голова разваливается на части, разрывается и всасывается в вихрь, тогда как тело остается привязанным к стулу. Сет узнал отдельные фрагменты расчлененной головы. Это была миссис Рот.

Сет закрыл глаза и встряхнулся, затем потер лицо.

«Не смотри туда».

Он опустился на колени, потряс и позвал старуху, однако не добился ответа от остывшего тела, спеленатого голубым халатом. Глаза миссис Рот были открыты, но Сет решил не смотреть в них, ни в отраженные, ни в реальные. Ужас растягивал лицо старухи в гримасу крика, не успевшего вылететь из беззубого рта.

Не тратя времени даром, Сет подхватил этот мешок костей с болтающейся головой и быстро вышел из шестнадцатой квартиры, затем поднялся на лестничный пролет, вошел в распахнутую дверь восемнадцатой и дотащился по коридору до спальни хозяйки. Он положил труп в ногах кровати так, будто старуха тяжело упала, потеряв равновесие, и ткнулась головой в пол. Даже маленькая Айми не слышала шума, пока он проделывал все это. Наверное, замученная медсестра могла реагировать только на звон колокольчика.

Сет отступил назад и любовался своей работой. Довольный положением иссохшего, изломанного тела, запутавшегося одной ногой в простынях, он развернулся и быстро вышел из квартиры. Сет аккуратно затворил за собой входную дверь, после чего снова спустился вниз, в шестнадцатую, чтобы скрыть следы своего пребывания в ней и занавесить картины в зеркальной комнате. Сет пообещал себе, что не откроет глаза, приближаясь вплотную к этому перекошенному ужасом лицу, на котором еще не просохли краски.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

— Они убили его, Майлз. Они его прикончили!

Майлз застыл, не успев снять пиджак.

— Кто? О ком ты?

Эйприл задыхалась, говорила бессвязно — и сама это понимала, — но не могла остановиться с того момента, когда Майлз вошел в гостиничный номер.

— Муж моей бабушки, Реджинальд, муж миссис Рот и Том Шейфер. Люди, которые жили в доме, в Баррингтон-хаус. Они его убили! Пришли, чтобы поговорить с ним об этих кошмарных снах, о тенях. Они считали, что это он напустил в дом привидения. В точности, как бабушка описывает в своих дневниках. Все у них изменилось, когда приехал он. Потом с ним произошел некий несчастный случай, после чего все стало еще хуже. Разве ты не понимаешь, о чем я говорю?

— Нет, не понимаю.

— Соседи убили его. Они видели картины у него в квартире. Они, должно быть, уничтожили их, сожгли, а затем расправились с ним самим. Никуда он не исчезал, они просто его убили!

— Милая моя, прошу тебя. Дорогая, присядь — вот сюда. Успокойся, помедленнее. В твоих словах нет смысла, это какой-то бред сумасшедшей.

Но Эйприл металась из стороны в сторону.

— Она не собиралась рассказывать, но ей очень хотелось. Какая-то часть ее существа мечтала исповедаться. Она такая старая, Майлз. Но она вовсе не в маразме. О нет! Ум у нее острее бритвы. Она прекрасно сознает, что делает. Боже мой, как она контролирует всех и вся, но не может держать под контролем свою совесть. У нее нечистая совесть. Она хотела кому-нибудь признаться, кому угодно, а я застала ее в момент слабости. Каждый раз, просыпаясь, она оказывается уязвимой. Реакции замедляются — ну, ты знаешь, как это бывает, — и ей просто необходимо снять камень с души.

Она избалована, прямо как ребенок. Осталось уже недолго, и она это понимает. Груз долго накапливался в душе. Она совершила что-то ужасное много лет назад. И Лилиан тоже. Они сделали это все вместе и молчали. И вот теперь разум играет с миссис Рот: она уверена, что Феликс Хессен вернулся в дом, чтобы отомстить, или по какой другой причине, я не знаю. Она утверждает, будто снова слышит грохот в его квартире. Он двигает что-то у нее под ногами, как раньше. Она живет прямо над его прежней квартирой. На лестницах снова полно теней. Тех теней, что он притащил с собой много лет назад. Она снова слышит голоса, видит что-то, прямо как Лилиан. Это заразно. Там так жутко! Честное слово, господи... Мне кажется, я сама что-то замечала, и не раз. Но это просто ее совесть. Да, конечно, от всей истории так и разит готическими ужасами, но теперь ясно... Ясно, что случилось с Хессеном. И с его картинами.

— Ты помешалась?

— Послушай, выслушай меня. — Эйприл присела рядом с ним и крепко взяла за запястье обеими руками.

— Но...

— Просто послушай. Прощу тебя. Окажи мне любезность, Майлз. Просто выслушай меня.

Когда Эйприл завершила более-менее связный отчет о встрече с миссис Рот, Майлз откинулся на кровати, опершись на локти. Он смотрел на Эйприл, лицо его было непроницаемо.

— Теперь понимаешь? — спросила она, руки у нее до сих пор подрагивали от волнения.

— Господи, какая кошмарная история.

— Да. Это рассказ о жизни Хессена в затворничестве, который доказывает существование картин.

— Возможность существования. Всего лишь возможность.

— Но, Майлз!

— Утихомирься, дорогая. Просто остынь. Мне бы хотелось поговорить с этой миссис Рот самому, прежде чем делать какие-то выводы.

— Она не станет с тобой разговаривать, я уверена. И со мной тоже.

Майлз поднял брови:

— Но что ты обо всем этом думаешь? О тенях, голосах покойников из стен. По мне, так просто жуть какая-то. И ровно об этом же пишет Лилиан.

Эйприл улыбнулась, она была так взволнована, что ей хотелось кричать.

— Вот именно! Ты прочитал дневники? Скажи, что прочитал!

Майлз наморщил лоб.

— Прочитал. Сегодня на работе дочитал последнюю тетрадь с разборчивым почерком. Если честно, некоторые места я прочитал дважды. Но, милая, миссис Рот, наверное, сумасшедшая. Как и эта Алиса из числа «Друзей», заявляющая, будто знала художника. И как твоя двоюродная бабушка...

— Лилиан нисколько не похожа на Алису. — Тут Эйприл замолчала и обхватила щеки ладонями. — Господи, Алиса! Она говорила то же самое о несчастном случае. Алиса сказала, что с Хессеном произошла какая-то беда. Она точно знала его. Наверное, они обе встречали его после войны. Мне кажется, он сам себя покалечил.

— Ну что ты, дорогая!

— Почему бы и нет? Ты же профессионал! Разве Ван Гог не отрезал себе ухо? Хессен жил один, мучимый своими видениями, работал как ненормальный. Его разум разрушался. Разум, который с самого начала не был похож на разум обычных людей — ты сам говорил. Процесс шел. Он разговаривал сам с собой, кричал, проводил всякие там ритуалы, перемещаясь в иные места. Господи, должно быть, он перестал понимать, где он и что, и изуродовал себе лицо. Свое прекрасное лицо.

— Эйприл, давай не будем фантазировать. Прошу тебя, немного сбавь обороты. У тебя нет доказательств, просто парочка не вполне нормальных старух поделились своими воспоминаниями. Кстати, несколько минут назад ты рассказывала, как обитатели Баррингтон-хаус совершили загадочное убийство в духе Агаты Кристи. И миссис Рот при этом стояла посреди гостиной со свечой в руке.

— Если будешь надо мной потешаться, Майлз, тебе придется уйти.

— Да что ты!

— Я серьезно. Я шла по следу Лилиан, и вот он привел сюда. Этот человек был убит у себя в квартире. Кто знает, по какой причине? Кто знает, в чем он на самом деле провинился перед соседями? Миссис Рот сказала, что в доме жило много евреев, и они знали о его политических пристрастиях. Роты тоже евреи. Фамилия, кажется, еврейская? В общем, мотивов достаточно.

— Вероятно, но этот последний совершенно неубедителен. У Освальда и Дианы Мосли были друзья-евреи и до, и после войны. Они не отрекались от них. Верхушка жила по другим правилам. Они прощали друг другу слабости, дорогая. Но...

Эйприл развернулась к Майлзу, на лице было написано явное нежелание выслушивать его сомнения.

— ...если ты действительно считаешь, что его убили, тогда этим делом должна заниматься полиция.

Эйприл кивнула.

— Но мне необходимо узнать больше. Выяснить остальное.

— Каким образом?

— Надо вернуться и поговорить с Шейферами, получить подтверждение. Они оба еще живы. Я даже буду приставать к ним на улице, если не найду другого способа встретиться. Мне до сих пор неизвестно, как умер Реджинальд. Но я знаю, просто знаю, что его смерть как-то связана с этим делом. — Эйприл развернулась и поглядела на Майлза. — Мне

необходимо выяснить все до конца. Ради Лилиан.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Черные круги под глазами от тревоги и бессонницы, от постоянного созерцания того, чему он не в силах противостоять, — Сет не узнавал человека, чьи испуганные глаза уставились на него из мутного зеркала на каминной полке. Он отвернулся. В голове будто пихалась локтями перепуганная толпа.

Он пытался вдохнуть. Сердце билось слишком быстро, а из пор выступал холодный пот. Он не мог усидеть на месте и метался по комнате, переводя взгляд со стен на окна. Вероятно, он сильно болен.

Что же он натворил?

Дрожа рядом с раскаленной батареей, Сет свернул и закурил очередную самокрутку, шестую за последние минуты. Он выкурил половину, остальное смял на блюде, из которого торчала уже добрая сотня окурков, утопающих в толстом слое пепла. От этого зрелища его едва не затошнило.

Он не мог вспомнить, когда в последний раз ел. Он уже несколько дней живет на чае и сигаретах. Слишком много никотина, кофеина и спертого воздуха. Точно так же он не помнил, когда в последний раз открывал окно.

Водянисто-серое предвечернее солнце, которое скоро умрет в сумерках, выбелило оранжевую ткань занавесок в тех местах, где они были протерты сильнее всего.

В грязном полусвете вырисовывались две стены в черно-красных тонах. От их созерцания у него что-то дернулось в животе. Как он дошел до такого, забрался так быстро и так далеко? Он что, сошел с ума? Или же его новое сознание изрисовало стены фрагментами лиц и частями тел, прежде чем убить старую женщину?

Господи, неужели он это сделал?

Сет не знал, что он сделал. В его памяти события предыдущей ночи сохранились какими-то обрывками. Если бы ему хоть на миг удалось остановить поток мыслей, возможно, он и вспомнил бы, что натворил, что видел в той квартире. Решил бы, возможно ли в действительности нечто подобное. Но руки до сих пор как будто ощущали вес костлявого тела, и он никак не мог избавиться от образа миссис Рот, лежащей на полу, с лицом, пораженным ужасом, но не способным отвернуться. Он не мог забыть, как проворная тень накрыла старуху, метнувшись по полу зеркальной комнаты. Той комнаты, в которую он сам внес ее, как жрец вносит жертву в сердце храма. Но еще Сет помнил это же тело на полу спальни миссис Рот, там, где положил ее, в ногах кровати, — неподвижную и изломанную. Сегодня ее должны найти. Сиделка миссис Рот, верно, уже заглянула в комнату хозяйки. Значит, кого-то уже позвали — может, Стивена, может, полицию.

Зеркало... Что же он видел в зеркале? Что-то похожее на птицу со сломанным крылом проскакало от угла к углу. Лицо закрывала красная тряпка, это казалось неправильным. Нечто утащило тело прочь, глубоко в зеркальный коридор.

Сет не мог доверять своим воспоминаниям. Он даже не мог понять, что случилось на самом деле, а что привиделось в кошмаре. Нет, этого не может быть. Он уже несколько недель страдает галлюцинациями. Сначала сны, потом этот мальчик. Все — лишь игра больного разума. Вот что происходит, когда слишком долго живешь один. Не спишь, питаешься как попало, плюс депрессия, тревога — и сознание уходит вглубь. Сет так давно сошел с торной тропы, что теперь не мог ее отыскать. Уже слишком поздно.

Сет снова присел. Он закрыл глаза, стиснул зубы и съежился — ему внезапно представилось заострившееся мертвое лицо миссис Рот и вспомнился жуткий намек на существование той, другой, головы в рамках картин зеркальной комнаты. Головы, которая разрывалась на куски, которую обдирали до кости. И краска на полотнах была еще сырая.

Необходимо уехать из Лондона. Выбраться из этой оскверненной, грязной комнаты. Убраться подальше от шестнадцатой квартиры и того, что она с ним сотворила. Прорвать это

кольцо блокады из несчастий, агрессии и безразличия, какое постоянно возводит вокруг него город.

Смену Сет отработал, и теперь впереди несколько выходных. Если спросят, он скажет, что просто едет домой навестить мать. Тогда его отсутствие не будет воспринято как доказательство причастности к смерти миссис Рот.

Решив, что в этих рассуждениях есть логика, Сет поднялся на ноги. Неуверенно покачиваясь, видя, как предметы едва ли не распадаются на глазах от недосыпа, Сет выудил из кучи тряпья в углу рюкзак. Он затолкнул в него какую-то грязную одежду, затем схватил пальто, ключи и бумажник, вышел и запер дверь комнаты — свидетеля наваждения, мании, тщеты. Комнаты, в которую он больше никогда не войдет.

Движение на Нью-Норд-роуд никогда не замирает. Сет ждал у края тротуара, часто моргая от тусклого света, из-за которого до сих пор болели глаза. Холодный ветер налетал на него с трех сторон сразу. Пыльный, насыщенный выхлопами воздух клубился у лица.

Наконец-то светофор загорелся зеленым. Сет двинулся дальше по Эссекс-роуд на Ислингтон. Его цель — станция метро «Эйнджел». Затем Кингс-кросс — и домой. Шагая, Сет разом потел и дрожал. Как он и опасался, лихорадка вернулась. Он просто нездоров. Сет еле-еле переставлял ноги, чтобы не сталкиваться с многочисленными прохожими, и ему казалось, будто он стоит на одном месте или даже движется назад.

Небо висело совсем низко. Безутешно серое, оно начиналось всего в нескольких ярдах над крышами самых высоких домов. Напитанное грязными водами, оно отбрасывало коричневый мутный свет на уродливые кирпичные строения и замаранный бетон, поэтому было трудно разглядеть что-либо в нескольких сотнях футов впереди.

А люди! Они походили на последних представителей какой-то пораженной болезнями расы. Пошатывались под чудовищной тяжестью жирных тел, раздраженно проталкивались вперед, пихая друг друга плечами и локтями, чтобы расчистить себе путь на запруженном народом тротуаре. Сет старался не глядеть на окружавшие его лица. Что этот город сделал с ними? От вида здешних обитателей Сета тошнило.

Все они были вымотаны до предела. Некоторые, как и он сам, просто зашли по этой дороге дальше остальных. Не стоило слишком долго задерживать взгляд на тех, кто пострадал сильнее других, чтобы не ускорить собственное падение в затхлые, позабытые углы: нечистые постели, сырые комнаты, похожие на лабиринт бетонные здания, между которыми не растут деревья, где в воздухе стоит неумолчный рев стремительных злобных автомобилей.

Прочь отсюда. Боже мой, хотя бы просто убраться из этого непригодного для жизни места. Из города, нескончаемо распространяющего заразу через страдания обитателей. Именно так мегаполис добывает себе пропитание — вселяя надежду и возбуждая умы. А потом провоцирует срывы и нервные потрясения. Через унижение бедности и тиранию богатства. Через неизбежное ощущение, что ты безнадежно опоздал. Через удушающие навязчивые идеи и сковывающие по рукам и ногам неврозы. Через постоянное чередование отчаяния и эйфории, через убийственные приступы гнева на ближнего. Через мертвые взгляды людей в автобусе; через безмолвное слияние с толпой и тихое унижение метрополитена; через преступления и алкоголь; через тысячи языков, болтающих, чтобы перекричать друг друга. И все это — под белесым солнцем на вечно сером небе. Чтобы обреченные все проглотили и позабыли, кто они такие. Город проклятых. Такой уродливый, такой безумный. Сет ненавидел этот город.

Ужас подгонял его, заставлял шагать все быстрее, хотя он уже задыхался и неприятно потел под рюкзаком. В мутных витринах магазинов и кафе он замечал свое отражение: обтрепанный и сгорбленный, словно нищий со старым вещмешком. Собственное лицо показалось Сету болезненно-бледным — выбеленное страхом, заостренное тревогой, вытянутое страданием. В глазах застыло недоуменное выражение человека, которого пытаются бессонницей.

— Боже мой, — шептал Сет в числе других слов, какие бормотал себе под нос,

прикидывая маршрут путешествия и повторяя его снова и снова. — Северная городская линия до Кингс-кросс, там купить билет до Бирмингема, сесть на первый же поезд...

Сет сделал привал у стеклянного фасада строительного общества, прежде чем отважиться на последний марш-бросок до станции «Эйнджел». Он стоял рядом с перекрестком, и воздух был совсем неправильным. Создавалось ощущение, будто чья-то рука упирается ему в грудь и толкает назад, а ноги немеют и идут мурашками. И тут в сознание хлынул поток видений, возникавших и пропадавших быстрее ударов сердца. Они были повсюду, эти проклятые.

Двое бродяг на скамейке велели Сету валить подальше. Они напивались, чтобы отвлечься от своих собственных галлюцинаций.

Это место в состоянии видеть только сумасшедшие. Однако безумцы настолько переполнены им, что могут лишь стоять и смотреть либо болтаться по улицам и бормотать, словно забытые пророки или свергнутые короли.

— Ты распоследняя тварь, — сообщил Сет тротуару, подставившему ему ножку.

— Ты сучий потрох, мать твою, — обругал он машину, прежде чем плюнуть ей вслед.

— Мешок дерьма, чтоб тебя... — бросил он станции метро, когда выяснил, что она закрыта по техническим причинам.

Сет молил, чтобы ему достало сил взять молоток и разнести этот город по кирпичику.

Придется идти дальше пешком. Топать по Пентонвилль-роуд прямо до вокзала Кингс-кросс. Ярость погоняла его. Он скрежетал зубами. Он не отступит. Ни перед неровной мостовой, ни перед неменяющимся освещением, ни перед неожиданными дорожными работами, из-за которых пришлось сделать большой крюк, ни перед желтыми лицами, вопросительно взирающими на него, с их пергаментными ртами, шевелящимися в темных окнах подвальных этажей. Вон там что-то похожее на краба с тоненькими ножками стремительно метнулось в пыльные заросли бирючины. Сет закрыл глаза от отвращения.

Казалось, он идет долгие часы, часто останавливаясь, чтобы утереть пот, заливавший глаза, и поправить рюкзак, который отчаянно натирал спину. На периферии зрения появились какие-то белые вспышки. Все звуки замедлились и растянулись.

Проезжая часть перед вокзалом Кингс-кросс оказалась перекрыта и огорожена пластиковой оранжевой сеткой. Никто не работал на площадке, где громоздились горы щебенки, земли и керамических труб. Вывески были сорваны, люди шли прямо по ним. Стук каблучков по зазубренной жести гулко отдавался в голове. Мозг превратился в один сплошной синяк, из-за которого темнело в глазах.

Перед центральным входом на станцию стояли две патрульные машины, но полицейских не было видно. Шесть разъяренных собак на веревочных поводках сцепились, преградив путь к вокзалу. У одного из хозяев борода свисала до пояса, седая и свалившаяся. Второй, худосочный панк с прыщавыми щеками и в полосатых подштанниках, пытался продавать «Биг ишью».¹ Хозяева дергали веревки, привязанные к ошейникам, и орали карманы парки, лицо терялось в тени, но он смотрел в сторону Сета.

Человек позади толкнул Сета и развернулся, взмахнув лапами пальто и галстуком, но не для того, чтобы извиниться, а чтобы соорудить рожу. Сет обернулся туда, где видел мальчика, но ребенок уже исчез.

Тяжело дыша от потрясения, он уверял себя, что ему привиделось, но затем заметил, как школьные брюки и стоптанные ботинки на толстых каблуках мелькнули у ларька с солнечными очками и часами.

Невероятно — мальчишка не может перемещаться с такой скоростью. Здесь есть еще дети, наверное, это какой-то другой ребенок. У него просто параноя, он сумасшедший и больной. Сет пробился сквозь группку туристов из Франции и направился к кассам.

Но вдруг мальчишка здесь для того, чтобы задержать его? Ведь с того момента, как Сет вышел из «Зеленого человечка», на его пути попадаются сплошные препятствия. Кажется, весь город сговорился не выпускать его за определенные границы.

¹ «Биг ишью» (англ. «The Big Issue») — журнал для бездомных.

Стоя в очереди, Сет опустил глаза и зажмурился, чтобы не увидеть нечаянно фигуру в капюшоне, наблюдающую за ним. Пытаясь сфокусировать взгляд, он глубоко вдохнул теплый воздух и попытался сдержать волну паники — она вскипала прямо в горле, грозя выплеснуться наружу пронзительным воплем. Сету хотелось рвать на себе одежду и безумно мчаться через толпу.

Он интуитивно понял, что стоит двинуться обратно на восток, в сторону «Зеленого человечка», и ему снова полегчает. Некто дает ему понять, что из города уезжать запрещено. Некто, с кем он по доброй воле установил партнерские отношения в ту ночь, когда открыл дверь шестнадцатой квартиры.

Наконец Сет оказался перед стеклянной загородкой, за которой восседал толстяк в красном жилете. Сет снова обрел голос и попросил билет до Бирмингема.

Кассир раздраженно взглянул на него.

— Разве вы не слышали объявлений, не видели расписания? Сегодня поезда до Бирмингема не идут.

— Что?

— С Юстона нет отправок.

— Но как же тогда попасть в Бирмингем?

— С вокзала Мэрилбоун. С Чилтерн Рэйлвейз. Или же с автобусной станции у вокзала Виктория.

Однако от одних названий этих отдаленных мест, затерянных где-то в загроможденном, многолюдном городе, Сет лишился остатков решимости. Ему хотелось биться о стену, пока голова не расплывется, пока осколки кости не проткнут багровую кожу.

— Отойдите в сторонку. Следующий! — выкрикнул кассир в красном жилете.

Сет отполз от окошка. Он знал, что ни метрополитен, ни автобусы не доставят его туда, куда он хочет попасть, у него не было сил двигаться дальше. Вся его жизненная энергия ушла, остался только небольшой запас для поддержания панического страха. Даже если удастся добраться до другой станции, на него снова нападет болезненная слабость.

Надо поспать. Вернуться домой и лечь спать. Может быть, он попробует еще разок потом, когда выспится.

Теперь он не мог думать ни о чем другом, его разум даже отказывался замечать мальчика в капюшоне, который дожидался у касс, а затем, когда Сет покинул здание вокзала, пошел рядом.

На следующий день Сет попытался уйти в южном направлении, но не смог пробраться дальше Стрэнда, где его вырвало в общественном туалете.

Север оказался непреодолимым лабиринтом. Сета сбивали с толку кирпичные стены, остроконечные черные крыши, железные перила, горький воздух и полупрозрачные белые существа, которые взывали к нему со строительных площадок и быстрее крыс проносились по разломанным фундаментам. Попытки сбежать в итоге привели его в центр, и Сет вдруг понял, что уже вечер, что он находится где-то между Кэмденом и Юстоном и едва стоит на ногах от голода и усталости.

На третий день на востоке города Сет едва не задохнулся между рядами серых домов с террасами и садиками, заваленными хламом. Он мотал головой и рыдал, глядя на пакистанских детишек в странных одеяниях. Наконец он повернул домой — только это направление немного спасало от тошноты, холодного пота и жара, приступов удушья и непрерывно зовущих из окон костлявых тварей с желтыми лицами и широко разинутыми пастьми.

В следующий вечер он отправился на работу.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Перед дверью квартиры Шейферов стоял густой запах Баррингтон-хаус: мебельной

полироли, шампуня для ковров, пасты для чистки меди, пыли. Но было кое-что еще — отголосок серы. Или же чего-то недавно сгоревшего, похожего на порох.

Лестничные пролеты, уходившие вверх и вниз по бокам от лифта, освещались электрическими лампами, но сам воздух был каким-то темным. Мутным, словно фотография, сделанная впотьмах. От всего этого Эйприл ощущала тревогу, но в то же время и какую-то странную апатию. Если бы она не шла, сосредоточившись на своих целях, то запросто могла бы представить, как сидит или лежит здесь в тишине, дожидаясь чего-то. Но только чего?

При мысли о том, что придется постучать в дверь Шейферов, у Эйприл свело живот нервной судорогой. Они старые, сложные в общении люди, они не хотят, чтобы их беспокоили. Об этом говорили Стивен и Петр. Отказ Шейферов в ответ на ее просьбу о встрече доказывает их знакомство с Хессеном и то, что они что-то с ним сделали. И их вожаком был Реджинальд, муж двоюродной бабушки. Миссис Рот открылась ей в момент эмоционального потрясения. Возможно, подозревая, что самой ей осталось недолго. От этой мысли Эйприл стало не по себе, поскольку она, должно быть, одной из последних видела миссис Рот живой. Стивен подтвердил ее догадку сегодня утром, когда она пришла.

Но престарелая обитательница дома сообщила достаточно, да и Лилиан в дневниках намекала на те же неприятные события, имевшие место полвека назад. Только из опасения прервать спонтанную и обрывочную исповедь миссис Рот Эйприл не решилась спросить о смерти Реджинальда. Даже Лилиан не могла заставить себя поделиться подробностями, потому что правда о том, что произошло тогда, была невыносима и для миссис Рот, и для двоюродной бабушки. И вот теперь Эйприл остается только предполагать связь Хессена со сверхъестественными силами и жуткими звуками, только догадываться о существовании чудовищных картин и заразных кошмаров, от которых не помогло избавиться даже открытое столкновение с художником. Она сама видела кое-что краем глаза и до смерти боялась увидеть это снова в тусклых коридорах и обшарпанных комнатах, где все тени ложатся неправильно, где каждое зеркало предполагает чье-то чужое присутствие. Эйприл огляделась по сторонам и встревожилась, когда взгляд скользнул по зеркалу на площадке.

Тогда произошел некий конфликт, который для Хессена закончился плохо. В этом она твердо убеждена. Свершилось убийство, о котором преступники упорно молчали все эти годы. И общая тайна рассорила их, обрекла каждого на изоляцию и безумие. Теперь необходимо услышать всю историю в новом изложении. Она должна выяснить, как умер Реджинальд, как был убит Хессен, и сегодня она узнает.

Эйприл подняла руку.

Указательный палец уперся в холодную латунь звонка.

Она тронула кнопку слабо, слишком слабо. Звук не вышло. Эйприл нажала сильнее, удерживая кнопку внутри декоративной металлической розетки.

«Зачем ты сюда пришла?»

Последовала пауза, затем звук завибрировал под кончиком пальца, и в тот же миг Эйприл услышала за тяжелой входной дверью слабое звяканье.

Казалось, бледное солнце за серым стеклом на лестнице еще глубже ушло в вечно висящую тучу. Эйприл ощутила, как воздух вокруг нее похолодел и потемнел.

Она отступила на шаг и подождала немного. Затем еще подождала. Никто не открывал. Эйприл снова нажала на кнопку звонка. И еще.

Она услышала топот ног, проворно спускавшихся с верхнего этажа по общей лестнице, и вдруг ощутила детское желание бежать, словно в чем-то провинилась. Пока ждала, она утратила уверенность в себе, утратила целеустремленность. На стене появилась тень, и Эйприл развернулась, чтобы поздороваться. Должно быть, вниз несется ребенок, так живо и стремительно. Но может ли от ребенка падать такая тень?

Справа от нее, в глубине квартиры, наконец зазвучали голоса. Кто-то отреагировал на звонок. Слышался женский голос, пронзительный и встревоженный, хотя слов Эйприл не могла разобрать. Второй, старческий, мужской, оказался совсем близко. По-видимому, хозяин стоял прямо под дверью.

— Это я и собираюсь узнать, — раздраженно выкрикнул он, очевидно развернувшись туда, откуда неслись далекие женские крики.

Эйприл поглядела на лестницу. Тень разрослась, затем истончилась и растаяла под потолком. Шаги оборвались. Никто не вышел из-за поворота лестницы.

— Эй? — позвала она слабо. — Кто здесь?

— Кто там?

Для старика голос был на удивление мощным, в нем до сих пор угадывался американский акцент, хотя и сглаженный десятилетиями жизни в Лондоне. Обращались к ней, и Эйприл догадалась, что ее рассматривают в маленький глазок в двери. Она слышала, как тяжело дышит мистер Шейфер после прогулки по коридору.

Эйприл отвернулась от лестницы, ощутив острое желание попасть в квартиру престарелых супругов.

— Здравствуйте, меня зовут Эйприл. Я только хотела...

— Кто? Я вас не слышу!

Она раздраженно выдохнула.

— Эйприл Бекфорд, сэр! Можно мне войти?

— Я вас не слышу. — Шейфер снова прокричал себе за спину, обращаясь к женщине: — Я же сказал, что не слышу, так откуда мне знать? Только успокойся! Говорю тебе, я сам все выясню. Не переживай. И не надо тебе вставать. Я же сказал, что справлюсь без тебя!

— Я просто хотела... — снова попыталась Эйприл.

Бесполезно, он не слушает, а если бы и слушал, то все равно не услышал бы.

Старческие пальцы теребили и дергали засов, как будто хозяин первый раз в жизни отпирает дверь. Дыхание Тома Шейфера становилось все громче и напряженнее, словно он поднимает тяжести.

Когда между косяком и дверью появилась щелка, оказалось, что старик совсем мал ростом, и Эйприл пришлось наклонять голову, чтобы увидеть его высунутое лицо. Изборожденная морщинами отвисшая кожа, сплошь в белых точках щетины, колыхалась вокруг мокрого рта с провалившимися губами. Струйка прозрачной слюны блестела в глубокой складке у рта. Толстые стекла очков увеличивали слезящиеся глаза. Радужки были такие темные, что казались вовсе черными на фоне выцветших белков. На голове старичка косо сидела голубая сетчатая бейсболка.

— Да?

Как часто бывает у любителей сигар, его зычный голос словно бы рождался где-то в недрах грудной клетки и обладал совершенно не вяжущейся с тщедушием Шейфера глубиной, но в то же время крайней сухостью.

— Здравствуйте, сэр. Вы меня не знаете.

Она говорила громко, но все-таки не настолько, чтобы ее могла услышать женщина в глубине квартиры, которая, судя по всему, и была миссис Шейфер.

— Я двоюродная внучка Лилиан из тридцать девятой квартиры, и мне очень нужно с вами поговорить. Прошу вас, всего несколько минут.

Дверь была немного приоткрыта, однако Эйприл интуитивно сознавала, что она может захлопнуться в любую секунду. Она бросила через плечо последний испуганный взгляд с ощущением, что нечто стремительное со странной тенью теперь затаилось прямо за поворотом и внимательно слушает.

Редко моргая, Том Шейфер молча взирал на нее. На его лице читалось тревожное подозрение, что, как догадалась Эйприл, было обычным для старика выражением. Он медленно развернулся всем телом, осматривая коридор, будто желая удостовериться, что жена его не видит, затем снова взглянул на Эйприл.

— Вы просто копия своей бабушки. Но я не могу с вами разговаривать, простите. Мы объясняли Стивену, он должен был вам передать.

Шейфер начал закрывать дверь, и Эйприл неожиданно для самой себя сделала шаг вперед.

— Прошу вас, сэр! Я должна знать, что случилось с моей двоюродной бабушкой и ее мужем. Они ведь были вашими друзьями, вашими соседями.

Старик шумно выдохнул.

— Все это происходило очень давно. Мы ничего не помним.

— Я знаю о Феликсе Хессене.

Старик поднял голову, и в его слезящихся глазах загорелся живой огонек, которого до сих пор так не хватало.

— Мне просто необходимо узнать, правда ли то, что писала в дневнике бабушка. Вот и все. Кое-что о ее жизни. Прошу вас, сэр, это только для меня и моей матери. Мы не расскажем ни единой живой душе!

Том Шейфер щурился, глядя на Эйприл. Тяжелые очки поползли к переносице короткого носа.

— Юная леди, ваша бабушка была совершенно ненормальная, и вы сейчас ее напоминаете. Она часто приходила к нам с похожими требованиями. Мы не желаем, чтобы нас беспокоили по этому поводу.

Этому поводу? О чем это он? Эйприл уцепилась за его презрительное замечание в адрес Лилиан.

— Я понимаю, у нее были проблемы. Но и вы тоже понимаете почему. Мне рассказала миссис Рот, она поведала мне о том, что случилось. Прямо перед смертью.

Дверь снова приоткрылась, на этот раз шире.

— Неправда. Бетти была кем угодно, только не болтуньей!

Несмотря на иссохшее тельце и маленькую головку в смехотворно большой кепке, старик снова удивил Эйприл зычностью голоса. Она вдруг почувствовала себя глупой и виноватой, словно ребенок, который плохо себя вел и раздражал взрослых.

Эйприл кашлянула.

— Миссис Рот рассказала мне не все. Накануне гибели она казалась очень испуганной, ей было просто необходимо признаться кому-нибудь. Хотя бы мне. Она чувствовала, что ей угрожает опасность, что призрак прошлого проявляет себя в настоящем. Она поведала мне о картинах, сэр, и о несчастном случае с Хессеном. О том, что он натворил здесь, как изменил всю вашу жизнь. Моя бабушка тоже писала об этом в дневниках. Вместе они сообщили мне немало интересного. Включая и то, что случилось, когда Хессен вернулся из больницы и снова начал терзать вас.

Том Шейфер некоторое время молчал, напряженная пауза была заполнена его тяжким дыханием. Старик вдруг сделался совсем больным и ужасно слабым, казалось, он в любой момент упадет и уже никогда не поднимется.

— Я прошу всего лишь уделить мне несколько минут вашего времени. Вот и все. Я должна узнать.

— Не могу, простите. Моя жена...

Этот дряхлый человек внезапно заставил Эйприл вспомнить о Лилиан. Одинокая, напуганная, покинутая, она продолжала неутомимо бороться с призраками из воспоминаний, которые превратили ее жизнь в кошмар. Лилиан никогда не сдавалась. Не то что миссис Рот или эти Шейферы, заточенные в доме до самой смерти со своими сиделками, убожеством и бессилием. Эйприл стерла слезинку, покотившуюся по щеке.

Не глядя на нее, как будто ему было стыдно встречаться с девушкой взглядом, Том Шейфер широко распахнул дверь и заковылял прочь по коридору. Сделав несколько неуверенных шагов, он обернулся и наклонил голову.

— Ну, так вы идете или как?

Шмыгая носом, Эйприл пошла следом. Но теперь, оказавшись внутри, она уже не понимала толком, что хочет услышать, что он может ей рассказать.

— Говорите потише, — зашептал старик. — Если потревожите жену, вам придется уйти.

Эйприл закивала, не зная, вызвана ли его просьба желанием оградить супругу от

волнений или же самому спастись от ее гнева.

Она двигалась за стариком по голому, грязному коридору в просторную гостиную. Судя по всему, супруги пользовались только небольшим пятачком комнаты, той частью, где стояли телевизор и два продавленных кресла, придвинутых к столику на колесах, на котором громоздились бутылки с минеральной водой, салфетки, конфеты, наполовину объединенная гроздь темного винограда и упаковки таблеток. Остальное пространство было пусто, если не считать старинного буфета и обеденного стола, заставленного картонными коробками, заваленного выцветшими полотенцами и измятым постельным бельем. Очередной плохо освещенный и жалкий уголок Баррингтон-хаус. При таких-то деньгах богачи ютились, как бродяги, на нескольких метрах пентхауса. Застланный ковром пол был в крошках и обрывках бумаги. На стенах не висело картин. И зеркал. От них остались только следы — темные квадраты и прямоугольники на выцветших обоях.

В одном кресле лежала развернутая газета «Файнэншл таймс».

— Присаживайтесь. Я не могу предложить вам выпить. На то, чтобы добраться до кухни и вернуться обратно, у меня уйдет целый час, а у нас мало времени.

— Прошу вас, не извиняйтесь. Мне стыдно, что я побеспокоила вас, честное слово. Я понимаю, что явилась без приглашения, но мне не нужно ничего, кроме нескольких слов. Объяснений. Дело в том... — Эйприл сглотнула тугой комок в горле, — что я узнала очень много нового с тех пор, как приехала сюда. И я очень жалею, что узнала. Однако теперь не могу уехать домой, не выяснив окончание истории Лилиан.

Упав в кресло и как следует отдышавшись, Том Шейфер внимательно посмотрел на нее. Теперь старческое лицо было спокойно, взгляд сделался решительным, уверенным, лишенным какого-либо смущения, несмотря на убогость обстановки.

— А вы действительно очень похожи на Лилиан, — произнес мистер Шейфер и наконец-то улыбнулся. — Она была очень красивая женщина.

Лицо Эйприл внезапно вспыхнуло. И не потому, что он счел Эйприл привлекательной, а потому, что признал связь, существующую между ней и Лилиан.

— Спасибо. Она и правда красавица. Я видела фотографии, ее и Реджинальда.

Том Шейфер все улыбался.

— Иногда на них больно даже смотреть. Тогда все было совершенно иным. — Он отвернулся, глядя непонятно куда, просто в пространство запущенной комнаты, где обитал изо дня в день. — Но все меняется. Наслаждайтесь тем, что имеете. Не ищите себе неприятностей.

Его слова прозвучали предостережением. Старик снова перевел взгляд на Эйприл.

— Я слышал, вы собираетесь продать квартиру Лили. Так вот, я бы попросил вас закончить с делами, и как можно скорее, и сразу же уехать отсюда. Не тратьте попусту дни своей жизни на это место.

— Почему вы так говорите?

— Мне казалось, вы понимаете.

Эйприл отвела глаза и уставилась на свои руки, стиснутые на колене.

— Кое-что я знаю, но не все. Я никак не могу соединить разрозненные фрагменты.

— И вы думаете, я вам помогу?

— Вы ведь были здесь. В то время.

Шейфер покачал головой.

— Но кто в силах понять, что произошло? Сомневаюсь, что лично я в силах. Бетти точно не смогла. И Лилиан тоже. А остальных больше нет с нами. То, что произошло, никак не укладывается в рамки обычного человеческого опыта. Мы не подготовились к этому, не смогли справиться. Этого не должно было случиться. Мы попались в ловушку, слишком гордые и слишком глупые, чтобы просто-напросто сбежать, когда еще существовала возможность.

— О какой ловушке идет речь?

Он испустил долгий вздох.

— Полагаю, теперь уже не имеет никакого значения, кто и что будет знать. Не могу поверить, что Бетти вам рассказала. Честное слово, не верится. Но с другой стороны, разве можно доверять кому-нибудь из нас, старых дураков? Кстати, я понятия не имею, о чем там писала Лилиан. Она была не в себе, и довольно долго. Это происшествие сильно повлияло и на меня. Но господи, все мы расплатились сполна! Все, без исключения.

Эйприл снова устала на свою коленку, ощущая, как ее переполняют знакомые отчаяние и раздражение.

— Но вы ведь можете поведать мне, как умер Реджинальд. Лилиан не хватило сил написать об этом в дневнике.

Том Шейфер поднял на нее глаза.

— Вы, конечно, слышали выражение «они слишком сильно любят друг друга»? Так вот, это как раз о Лили и Реджи. Мы не думали, что она переживет смерть Реджи, и, как мне кажется, в некотором смысле мы оказались абсолютно правы.

— Но как именно он умер?

Его взгляд сделался жестким.

— Он убил себя, выбросился из окна гостиной их квартиры. — Шейфер проговорил эти слова без пауз, не моргая и не запинаясь.

— Оттуда, где лежали розы, — выдохнула Эйприл. — Куда она складывала розы. Это был мемориал!

Она посмотрела прямо в глаза Тому Шейферу.

— Все случилось из-за Хессена. Из-за того, что он так мучил их и довел до безумия. Но как он это сделал?

Том Шейфер отрицательно покачал головой.

— Я не знаю.

— Вы должны знать. Муж Лилиан был героем, во время войны он совершал боевые вылеты над Европой, у меня сохранились его медали. Хотите сказать, он выжил и вернулся к любви всей своей жизни, чтобы потом убить себя из-за какого-то недоразумения с соседом? А заодно разбил сердце обожаемой жены и обрек ее на помешательство? Не могу поверить, будто никто не знает, почему он так поступил. Вы ведь когда-то были с ним близки.

Том Шейфер снова покачал головой.

— Теперь попробуйте понять, почему мы не говорим об этом и никогда не говорили. За исключением вашей бабушки, которая продолжала бороться. Вероятно, у нее было для этого больше причин, чем у остальных. Но как я могу вам объяснить? Вы не поймете, потому что не жили здесь в то время. Реджи был не единственным, кто совершил самоубийство. Миссис Мельбурн тоже, она была первой. Спрыгнула прямо с крыши и угодила на чертов забор. Ее пришлось вырезать из решетки. Затем был Артур, муж Бетти.

— Не может быть!

Шейфер закивал.

— Конечно, дело замяли, говорили какую-то ерунду о сердечном приступе, но на самом деле он наглотался таблеток.

— Но почему никто из вас не уехал? Почему вы не уезжали? Лилиан умерла при очередной попытке. Этого я не понимаю.

Голос Тома Шейфера гневно зазвенел:

— Неужели вы думаете, что мы, черт возьми, не пытались? Но мы не могли! В этом-то все дело. Не могли уйти ни в одну сторону за пределы нашего проклятого квартала неизвестно почему.

— Картины. Картины Хессена. Это как-то связано с картинами. Бабушка утверждала, что все дело в них.

Тело Тома Шейфера как будто еще сильнее съежилось в большом кресле. Теперь казалось, под клетчатой рубашкой и тренировочными штанами остались кожа да кости. Скрюченные пальцы дрожали на подлокотниках. Он закрыл глаза и в следующий миг затрясся уже всем телом. Эйприл захотелось подойти к нему, как она подошла к Бетти Рот, и

поддержать старика. Приблизиться к этому измученному, подавленному человеку, утешить, как никто не утешил Лилиан.

— Если бы я только мог забыть те картины! — пробормотал Шейфер.

— Сначала они снились Лилиан, потом она стала видеть образы воочию. Рядом с собой.

— Как и мы все. Они почему-то не сидели внутри этих чертовых полотен.

— Из-за них Реджинальд убил себя? И все остальные тоже?

Том Шейфер закивал.

— Наверное, они счастливчики, те, кому хватило духу уйти. Но мы тоже пострадали достаточно. У нас из-за этой истории не было детей. У жены все время случались выкидыши.

— Мне жаль.

Молчание повисло вокруг них в пыльном углу вне времени и пространства. Его нарушил Том Шейфер, заговорив как будто сам с собой:

— Супруга до сих пор считает, будто сумеет защитить нас, если мы не будем высовываться. Она не в состоянии придумать ничего другого. Я не хочу расстраивать ее. Только не здесь. Поэтому вам скоро придется уйти.

— Вы их сожгли.

Том Шейфер ничего не ответил, даже не кивнул.

— И убили Хессена. Все вместе. Я знаю, что вы его убили. Вы, Артур Рот и Реджи. Я не собираюсь кричать об этом на каждом углу. Мне просто необходимо узнать, почему Лилиан не могла вернуться в Америку и жить с нами. Она ведь этого хотела, она писала об этом в дневниках. Но здесь произошло нечто такое, что довело ее мужа до самоубийства и потом удерживало в доме ее. Я хочу узнать, как Феликс Хессен сумел осуществить все это после своей смерти. Вы можете мне объяснить?

Том Шейфер в отчаянии покачал головой.

— Вы не представляете себе, каким он был. Не знаю, что рассказала вам Бетти, но именно он притащил с собой этих тварей. Мы так и не поняли, что они такое и как ему удалось. Я до сих пор не понимаю. И никто из нас не понимал. У Лилии имелись какие-то сумасшедшие идеи по этому поводу, но мы их не восприняли. И что бы там ни было, оно было сильнее нас, всех нас вместе или по отдельности. Мы выяснили это довольно скоро. Оно прикончило Реджи и еще нескольких хороших людей, включая вашу бабушку и теперь еще Бетти. Я нисколько в том не сомневаюсь. У Бетти было отличное сердце, не верю, чтобы оно подвело. Теперь остались только мы с женой.

Шейфер замолчал и тяжело глотнул. На лбу у него выступила испарина, кожа заблестела, и в мутном свете он стал совсем серым, будто ему сделалось по-настоящему плохо.

— Вы как себя чувствуете, сэр? — Эйприл протянула к нему руку.

— Не верьте ни слову из того, что говорят эти, которые сидят внизу, — зашептал старик. — Там что-то нечисто. Лучше просто уезжай отсюда, дочка. Если уж мы не смогли.

Том Шейфер потряс головой и вздохнул, как будто отказываясь верить дурным вестям. Это был самый печальный вздох, какой доводилось слышать Эйприл.

— Весь чертов дом сотряслся, когда что-то выходило из его квартиры. Началось примерно через год после того, как он переехал сюда. Совершенно точно, сукин сын совсем спятил еще до того, как все началось. Он никогда не выходил из дома. Ни разу, я точно знаю. На него можно было наткнуться на лестнице или внизу, где живет обслуживающий персонал. Он вечно размахивал руками, словно рисовал в воздухе, все время топтался у картин на лестницах. Говорил сам с собой, причем не на человеческом языке, а нес какую-то тарабарщину. Портье постоянно на него натыкались и следили за ним. Он никогда им не нравился.

А по ночам он вытворял у себя дома что-то такое, отчего на другой стороне здания тускнел свет. Наполнял квартиру Бетти какой-то дрянью, какую невозможно увидеть, но зато прекрасно чувствуется ее присутствие. И если как следует прислушаться, были слышны голоса. Не такие, как если бы кто-то разговаривал, а целый хор. Все они вертелись по кругу у

него в квартире.

Первый раз мы слышали их в гостях у Бетти. Мы вместе обедали и слышали, как голоса поднимаются из квартиры внизу. Из обители Хессена. А услышав раз, ты слышал их постоянно.

То, что он творил в своей чертовой квартире, начало просачиваться наружу. Оно выходило и расползалось повсюду, расходилось по всему дому, проникало в стены, зеркала и картины. Мы видели в них то, чего там не было раньше. Даже если ты сидел в комнате совершенно один, то, взглянув в зеркало, понимал, что ты вовсе не один. Иногда там оказывалась одна из его тварей, а иногда и больше. И ты их видел, они двигались. А потом они начали приходить в наши сны. Они пробирались внутрь сознания.

Понятия не имею, как он это делал. Я заработал сто миллионов на Уолл-стрит, я неплохо разбираюсь в том, что вижу и могу объяснить. Но только не в этом. От этого у нас нет защиты. И у него самого тоже не было.

— Что вы имеете в виду?

— Из-за этих тварей Хессен остался без своего паршивого лица. Он потерял и лицо, и разум в том вихре, который вертелся вокруг него. Он был не в силах его удержать после того, как вызвал к жизни.

Эйприл с трудом глотнула.

— А что случилось с его лицом?

Том Шейфер опустил глаза. Немного подумал, тоже с трудом глотнул.

— Артур позвонил Реджи, а Реджи позвонил мне. Бетти с Артуром слышали крики. Кричал Хессен. Поэтому мы спустились к старшему портю и пошли в квартиру Хессена. Мы нашли его в гостиной совершенно одного, все ковры с пола отодвинуты к стене. И было видно, как изуродовано его лицо. Будто отмороженное, как сказал Реджи. Почерневшее, словно сожженное, плоти не было, остались только кость и глаза. Но никаких следов пожара, никаких химикатов. Крови тоже не было. И он, совершенно точно, гулял по Северному полюсу, как бы нам того ни хотелось. Мы понятия не имели, что вызвало подобную травму. Его увезла «скорая». И мы решили, что наконец-то все завершилось. Однако он выжил, и, когда вернулся в дом, все снова началось — эти шумы, какое-то вращение наподобие водоворота. Оно выходило из его квартиры. — Том Шейфер отвлекся от своих мыслей и взглянул на Эйприл. — Как умерла Бетти?

— Стивен сказал, во сне.

Старик покачал головой.

— Это гнусная ложь.

— Бетти сказала, что он вернулся. Как вы думаете, он действительно мог вернуться? — Эйприл давила на старика, опасаясь, что он вот-вот замолчит, как замолчала миссис Рот.

— Вернулся? Да он никогда и не уходил. Он держал нас здесь, просто выжидая чего-то, чтобы закрутить все сначала. Он до сих пор здесь из-за нас. Я такой же ненормальный, как Лили, если говорю подобные вещи, но Хессен выжидал подходящий момент. До сих пор он всего-то и мог, что пугать нас до смерти, если мы приближались к зеркалу или картине. Или же заставлял блевать, когда мы пытались выбраться за пределы района. Но недавно ситуация переменялась. Теперь все по-другому, как будто ему кто-то помогает.

Эйприл пыталась совладать с голосом.

— А Реджинальд... Вы вместе убили Хессена?

Том Шейфер покачал головой. Голос его был едва слышен.

— Это не было убийством. Реджи просто затолкнул его туда, а мы никак не попытались ему помешать. После чего тот сукин сын исчез.

— Затолкнул куда?

— Не знаю точно, никто и не понял. Однако оно здорово напоминало изображенное им на картинах и заполняло собой всю гостиную, которая, должно быть, была размером с футбольное поле.

— Не понимаю...

Том Шейфер шумно сглотнул.

— Мы во второй раз спустились вниз и сами взяли ключи из сейфа старшего портье. Реджи захватил пистолет. Мы вошли в квартиру, Хессен уже ждал нас в коридоре. Такой чертовски худой, он едва стоял на ногах. На нем был только халат, а на лице — маска. Маска, сделанная из красной ткани, опускалась на лицо наподобие капюшона и заправлялась под воротник. Но сквозь нее все равно виднелся рельеф изуродованного лица негодяя.

Реджи потребовал ответить, чем он тут занимается, что в его комнате, в гостиной, производит такой ужасающий шум. Но Хессен только рассмеялся, как будто мы — пустое место, как будто мы — ничто. Он всегда относился к людям с таким вот пренебрежением. И Реджи вышел из себя. Он схватил Хессена за шиворот и надавал ему тумаков. Швырнул его на стул, который под ним развалился. Мы пытались удержать Реджи и в то же время не смотреть на эти чертовы картины на стенах. Однако муж Лилиан был очень сильным, он просто-напросто отмахнулся от нас и поволок Хессена по коридору. Он дотащил его до той самой комнаты и открыл дверь.

Том Шейфер замолчал, его опять затрясло. Он потянул руку к бутылке с водой, и Эйприл быстро отвернула крышку.

— И вот тогда Хессен начал сопротивляться по-настоящему. Он вопил так же, как в тот раз, когда лишился лица. Визжал, словно ненормальный. Но Реджи толкнул его в черное пространство, из которого лился жуткий холод. И тот самый звук. Тысячи голосов кричали одновременно, умоляя о помощи в комнате, где не было видно ничего, кроме пола, исписанного непонятными символами. Какое-то паршивое вуду или что-то в этом роде, от самой двери. Почему-то сразу становилось ясно, что это место существовало всегда. И Реджи швырнул туда Хессена, словно куклу. Просто оторвал от земли и бросил на тот проклятый пол.

После чего мы все вместе захлопнули за ним дверь.

Некоторое время мы еще слышали, как завывает Хессен; кричит, бьется в дверь и умоляет нас выпустить его. Потом он просто стучал, словно его покинули силы, а дальше и стук оборвался. После чего затихло все.

Он как будто унесся вдаль вместе с голосами, взывавшими из морозного вихря. Не спрашивайте меня, что это было. Ни у кого из нас не имелось ни малейшего представления. Однако на следующий день мы все ощущали себя так, словно разом состарились лет на двадцать.

Эйприл задыхалась. Когда она заговорила, ее голос вырвался едва слышным шепотом:

— Хессен погиб?

Том Шейфер пожал плечами.

— Когда мы открыли дверь, комната оказалась пуста. Там не было ни души. Только четыре зеркала и свечи, которые так и горели посреди знаков, начерченных на полу. Клянусь всемогущим Господом, мы все это видели. Но Хессена там не было. Он испарился. В окно он выпрыгнуть не мог. Все окна были закрыты, да и вряд ли можно уйти своими ногами, вывалившись с восьмого этажа.

— А картины вы...

— Все до единой! Мы сорвали их со стен в коридоре и во всех комнатах и сожгли дотла. Выдрали из рам и спалили то дерьмо, какое он сотворил, а заодно уничтожили и все странные знаки на половицах. Засунули все в угольную печь, какие были в доме раньше.

Полушепот беседы внезапно прервал пронзительный крик, который донесся из коридора за дверью гостиной.

— У тебя там кто-то есть? Я слышу, ты разговариваешь с кем-то! Ты меня с умаводишь!

Тирана завершилась истерическими рыданиями.

Том Шейфер внезапно вышел из меланхолического транса, в который впал, вспоминая свою историю. Теперь его лицо было искажено паническим страхом. Ручка двери повернулась. Старик попытался подняться на ноги, Эйприл тоже вскочила, развернулась

лицом к двери, и ее смущение переросло в страх. В этом доме страх заразителен. Дверь отворилась.

Огромная туша заполнила проем, отрезая выход в коридор. Круглое, словно луна, лицо миссис Шейфер казалось ужасно старым, однако кожа странно блестела, будто обтянутая тонкой пластиковой пленкой. Наверное, какой-то крем. Пряди черных волос были собраны в пучок под голубым, небрежно заколотым шарфом. Волосы совсем примялись с одного бока, на котором она, надо полагать, лежала. Маленькие черные глазки метали молнии.

Миссис Шейфер уперлась ладонями в дверную раму, словно боялась упасть от потрясения, вызванного присутствием в ее доме чужого человека. Ее губы сейчас же задрожали, то ли от ярости, то ли от огорчения.

— Что здесь происходит?

Том Шейфер замахал тоненькими кукольными ручками.

— Только не вздумай расстраиваться.

— Я, я... Я... — Миссис Шейфер ошеломленно глядела на мужа, как будто уличив его после долгих лет совместной жизни в чудовищном предательстве. — Пусть она уйдет! Я же тебе говорила. Я хочу, чтобы она ушла! Не верю своим глазам! О чем ты вообще думал? Будь ты проклят за то, что притащил в мой дом заразу!

Миссис Шейфер сумасшедшая. Эйприл поняла это мгновенно.

— Мэм, прошу меня простить. Я вовсе не хотела вас тревожить.

Даже не сводя пристального взгляда с мужа, словно смотреть на Эйприл было выше ее сил, миссис Шейфер заговорила глубоким, сдержанным голосом который почему-то показался еще противнее крика.

— Вам здесь не место. Вас не приглашали. Я говорила об этом Стивену, но вы пробрались в дом. Воспользовались слабостью бедного старика.

— Ну же, дорогая! Она всего лишь...

— Я не с тобой разговариваю! — завизжала миссис Шейфер на крошечную фигурку в помятой бейсболке, и ее лицо налилось темным румянцем. — Я еще долго не захочу с тобой разговаривать!

— Ваш муж ни в чем не виноват. Я не хотела ничего дурного.

— Уходите сейчас же! Я не потерплю такого, такого, такого... У себя в доме! Как вы посмели? Да как вы посмели? Я звоню Стивену!

— Никому ты не звонишь! — внезапно заревел Том Шейфер.

Эйприл кинулась к двери.

— В таком случае прошу прощения, я сейчас же ухожу, — сказала она миссис Шейфер, которая так ни разу и не взглянула на нее.

— Извините, — сказал Том Шейфер, ковыляя вслед за Эйприл по коридору. — Она сегодня не в себе. Она так тяжело переносит все это.

— Можно мне позвонить вам?

— Нет, звонить не надо! И приходите снова тоже! — выкрикнула миссис Шейфер.

Она было пошла за ними, но остановилась, потом сделала еще несколько шагов и зажала руками рот. Эйприл так и ждала, что сейчас миссис Шейфер вцепится в своего иссохшего супруга и прижмет к огромному животу, который топорщился под несвежим халатом в цветочек.

Том Шейфер подался вперед и тронул гостью за локоть, когда та была уже у двери. Эйприл развернулась и посмотрела в полные страха глаза.

— Не могу поверить, что все это не закончилось! — Миссис Шейфер вновь обрела голос. — Сколько же можно?!

Теперь она разразилась слезами, возвышаясь позади них; ее огромное тело нависало, защищая и угрожая, над маленьким мужем.

— Ради всего святого! — прошептал себе под нос Том Шейфер, затем развернулся и заорал: — Да закрой ты свою проклятую пасть!

Эйприл пробила дрожь, ей захотелось немедленно покинуть это ужасное место, однако

скрюченные старческие пальцы крепко держали ее за руку. Шейфер дышал так тяжело, словно вот-вот умрет. Его губы шевелились. Эйприл наклонилась к влажному рту.

— Не верьте им, — проговорил старик. — Никому из тех, кто сидит внизу. Они ему помогают!

И с этими словами он выпустил руку Эйприл и развернулся к рыдающей жене.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

— Инфаркт. Тяжелый сердечный приступ.

О смерти миссис Рот сейчас же сообщил Стивен. Старший портье дожидался, когда Сет заступит на свою смену. Петр стоял рядом с начальником и так и сиял. Сиделка, Айми, обнаружила миссис Рот, когда в обычное время, в шесть утра, принесла хозяйке завтрак.

Сет с трудом скрывал изумление тем, что никто не расспрашивает его о событиях той ночи. Например, звонила ли миссис Рот на стойку портье. Вообще не спрашивают ни о чем. Равным образом, его сослуживцы не казались расстроенными. Старуха хотя бы не будет теперь их доставать, поэтому главным чувством было облегчение. Стивен даже что-то насвистывал, а, насколько помнил Сет, он позволял себе подобное, лишь получив очень хорошие чаевые. Старший портье даже похлопал Сета по плечу, чего вообще никогда до сих пор не делал, а затем прошел через дверь пожарного выхода на лестницу, ведущую вниз, к служебной квартире.

Внезапная смерть девяностодвухлетней старухи, случившаяся ночью в результате сердечного приступа, когда она находилась в комнате одна, едва ли вызовет подозрения и спровоцирует полицейское расследование. Разве не это он сам постоянно твердил себе, словно мантру, все последние дни, пока пытался найти выход из Лондона, тычась во все стороны света? И сегодня вечером Сет признался себе с облегчением, от которого его пробил дрожь, что ему ничего не грозит.

Передышка была недолгой. Страх перед полицией быстро сменился ужасом перед тем, что обитает в шестнадцатой квартире, тем, на что оно способно, тем, чего может захотеть от него в будущем. Потому что ответить отказом нельзя. Это нечто изменило Сета. То же происходило, когда он рисовал, — он забывал себя. Он превратился в орудие, в убийцу, теперь Сет понимал это. Мальчишка в капюшоне, этот вонючка в драной куртке, ничего и не скрывал. Они сделают из него великого художника, обессмертят при жизни, если он кое-что сделает для них. Например, убьет. Убьет, черт возьми!

Когда Петр отправился домой, Сет просидел несколько часов, прислушиваясь к жужжанию ламп над стойкой. Ожидание далось ему нелегко. Он коротал время наедине с останками своего прежнего «я», пока внутри здания сгушалось тяжелое давление. Предчувствие. Оно было почти осязаемым. Спишь ты или бодрствуешь — здесь что-то происходит. И от тебя ничего не зависит.

В назначенное время от него потребуют каких-то действий. Обязательно потребуют. Здесь. Чтобы завершить месть, которую он, кажется, возродил. Мечь, которая когда-то давно осталась незаконченной в Баррингтон-хаус. Можно лишь догадываться, что спровоцировало последние события, но никак нельзя повлиять на ужасный исход. Кто-то еще умрет. Старики. Возможно, многие из них. Старые сволочи, навредившие существу из шестнадцатой квартиры, которое некогда было человеком.

Невероятно. Это противоречит здравому смыслу, но тем не менее происходит, и прямо сейчас Сет съеживался в кожаном кресле, метался по фойе.

К одиннадцати часам он выкурил двенадцать с половиной граммов табаку для самокруток. Слишком устав, чтобы даже зевнуть, он таращился на мониторы камер слежения, зеленая картинка на которых никогда не менялась. Он ничего не рисовал. Его покинуло желание воссоздавать на стенах мир в красных, охристых и черных тонах. Теперь он знал, что подобные видения требуют ужасной платы. Его новообретенный талант проявился лишь благодаря сделке, заключенной с чем-то, обитающим в здании. С неким

присутствием, которое не выпускает его из города.

Боже мой!

Ну почему он тянул до тех пор, пока не лишился контроля над происходящим? Его сны, его поступки и теперь даже его устремления не принадлежат ему. Его силком притащили сюда сегодня, призвали, не оставив никакого выбора, зато его самочувствие немедленно улучшилось. Желудочные спазмы, тошнота и приступы головокружения прошли. Прошли без следа.

А были ли они? Да, были, и он боялся их возвращения. Он сделает что угодно, лишь бы не испытывать боль снова. Сет уронил голову на руки и закрыл глаза. Закрыл глаза перед нереальностью происходящего. Того, что было совершено.

Часы проходили мимо него, словно равнодушные прохожие. Шесть с половиной часов до полуночи. Но где же сторожевой пес — говнюк в капюшоне, умеющий по собственному желанию проникать в его сны, способный гнать его по улицам Лондона и по этажам Баррингтон-хаус, диктуя свои цели? Может, мальчишка и сейчас где-то здесь, подсматривает за ним. Читает его мысли и знает о любом намерении.

А может быть, это шизофрения и галлюцинации. Кроме него, никто не замечает мальчишку. И миссис Рот ничего не различила в темной квартире, которая ему показалась залитой алым светом. И еще Сет видит город таким, каким не видит никто. Может быть, именно это и происходит с людьми, которые убивают, подчиняясь голосам в голове, исполняют волю выходцев с того света или приказы, переданные специально для них по радио или телевидению. Возможно, уже пора. Настало время сдаться, обратиться к властям. Но как это сделать? Ведь тогда явятся те твари. Он, наверное, разболеется при попытке обратиться за помощью. Сломается раньше, чем успеет добраться до врача или полицейского, способных изолировать его от общества. Да и сможет ли он хоть что-нибудь объяснить?

Сета пробила неудержимая дрожь. В горле застрял комок. Он впился ногтями в щеки, пытаясь сдержать крик.

— Господи. Господи. Господи Иисусе!

Грани между сном и явью не было. Никакой перегородки между настоящим и ненастоящим. Для него все соединилось, слилось воедино — внутри и снаружи.

— Пошли, Сет. Тебе хотят кое-что показать.

Знакомый голос разбудил его в два часа. В ноздри ударил запах пороха для фейерверков, холодных улиц, дешевой одежды и горелой плоти, прилипшей к ткани.

Куртка мальчика зашуршала, когда тот развернулся и пошел прочь от стойки портье. Сколько времени он простоял рядом, глядя на Сета? Существо в капюшоне подошло к лифту и остановилось в выжидательной позе, пряча руки в карманах просторной парки.

— Не трати время, Сет. Бери ключи.

— Вот, смотри. Она теперь там, где и должна быть. Вон там, вместе с остальными.

Сет никак не мог унять дрожь в теле: в ладонях, которые тянулись, чтобы закрыть лицо, в ногах, готовых подкоситься, чтобы он рухнул на колени.

На стене, в самом конце коридора, висела миссис Рот, запечатленная в ярких масляных красках. Узнав ее, Сет ощутил потрясение, похожее на удар, от которого замолкли часы, остановился пульс и бег крови в венах, замерло движение мысли. Однако изображение никак нельзя было назвать точным портретом бывшей обитательницы восемнадцатой квартиры. Скорее впечатлением от нее и ее агонии. Бетти Рот страдала не только оттого, что умирает, но и оттого, что внезапно осознала грядущую судьбу, и ее отчаянию нет конца.

Кожа на голове была перекручена, как будто натянута чьей-то невидимой рукой. Слезающиеся глаза сместились. Они теперь располагались на противоположных сторонах черепа, но безошибочно угадывались как глаза миссис Рот, блестящие от изумления и широко раскрытые. Тонкие кости рук, с которых была содрана плоть, скрючились в попытке

зацепиться за что-нибудь там, где в черном, поднимающемся кверху вихре была только пустота. Через нее как будто плыла и в то же время висела в ней миссис Рот, шаткая конструкция из разъятых прутьев. Разъятых мгновенно и навсегда.

— Нет, — пробормотал Сет.

Он опять в этом месте, между красными стенами, смотрит на новую картину. Ее не было в последний раз, когда он стоял на коленях перед исковерканным телом внутри золоченой рамы. Эта новая картина была омерзительней всех вместе взятых изображений миссис Рот, какие он видел в ночь ее смерти. Потому что полотно показывало, где она теперь. Куда он ее затащил. Ощущение собственной ничтожности обрушилось на Сета с новой силой, когда тот стоял, себя не помня, перед этими костями в обрывках ночной рубахи, летящими сквозь темноту.

— Есть кое-что еще, Сет. Пошли, — сказал мальчик, останавливаясь перед зеркальной комнатой. — Ты должен увидеть.

Сет отвернулся от картины. Заставив свой мозг вспомнить, где находятся конечности, он тронулся с места и потащился вслед за мальчиком к зеркальной гостиной. Он чувствовал, что в любую секунду может закричать, но ни на миг не подумал противиться воле ребенка в капюшоне. Гнусное желание увидеть больше до того, как вернется обратно в границы собственного «я», испытать физическое напряжение, какое вызывают эти творения, гнало его к зловещей комнате.

Здесь его ждала новая выставка. Серия с фрагментами лица исчезла. Вместо нее появились пять пустых полотен, овеванных ощущением невозможной глубины, какую неспособен породить на двухмерном холсте ни один художник. Им предшествовал триптих, начинавшийся сразу у двери.

Все три картины влажно блестели в рамках, как будто их только что закончили. Сет даже чувствовал запах масляных красок с того места, где упал на колени. То была серия картин, в которых он угадал, сидя неподвижно и не моргая, нечто похожее на повествование. Первые две работы были отделены от третьей зеркалом, размещенным точно напротив другого такого же, отчего возникал бесконечный серебристый коридор, сужающийся вдалеке до точки.

На первой картине из мутного фона вырисовывалась лестница Баррингтон-хаус. Сет сразу ее узнал, ведь он сотни раз преодолевал эти ступени во время ночных обходов. Только здесь стены были словно залиты высохшей кровью. Оранжевые плафоны на картине светились, прогоняя тьму. Сет невольно отметил, что с такой техникой и палитрой может работать лишь настоящий мастер, и только потом перешел к созерцанию трех фигур на переднем плане. Чудовищных тварей, заставивших его содрогнуться.

Трое мужчин в парадных костюмах с ободранными головами и бледными, разинутыми, словно у дебилов, ртами поднимались по лестнице, переставляя ноги, которые так и не сформировались на холсте. Создавалось впечатление, будто фигуры вырастают из какой-то одной точки и у них на всех одна общая рука. Эта рука заканчивалась громадной искаленной кистью, сжимавшей некий металлический предмет.

Судя по всему, именно им они избивали грудь багровых тряпок и обнаженных конечностей, изображенную на следующем полотне. Похоже, это был четвертый персонаж, а три гротескно-идиотичные фигуры, на лицах которых теперь отражалась чудовищная веселость, уничтожали его. За пропитанными кровью лохмотьями, в какие пряталась жертва, не было видно лица. Лишь две тощие ноги торчали из кучи, пока убийцы расправлялись с несчастным.

На третьей и последней картине присутствовала лишь четвертая фигура — жертва. Она была заключена внутри некой прозрачной мембраны, стенки которой отливали синеватым цветом. Однако сама жертва напоминала теперь кусок освежеванной туши и лежала на некоем подобии платформы, залитой темной кровью. То, что представлялось головой без лица, свисало с платформы, обезображенное и сплюснутое, с единственным закрытым глазом. Длинная тень, похожая на лужу крови, тянулась от головы и заполняла собой всю нижнюю часть полотна. А рядом с грубым постаментом, где лежал четвертый, валялся красный лоскут

наподобие маски или смятого капюшона, на котором все еще виднелся частично смазанный отпечаток лица.

В следующий миг что-то шевельнулось. Стремительно промелькнуло в зеркале перед Сетом.

Силуэт. На месте лица по-прежнему что-то красное. Существо подалось вперед и исчезло в тот же миг, как Сет заметил его. Осталось лишь отражение самого Сета, ошеломленно сидящего на полу в зеркальном коридоре.

— Другие тоже должны поплатиться за то, что сделали с нашим другом, Сет. И ты обязан помочь разобраться с ними, — проговорил мальчик, лицо которого скрывала меховая оторочка капюшона.

— Нет, — сказал Сет, не в силах унять дрожь, которая охватила его, стоило двинуться к двери. — Хватит. Хватит! Я больше не хочу этого делать.

Ребенок быстро пересек комнату и встал в дверном проеме. Сет поморщился, когда в нос ударил запах горелой плоти и паленой материи.

— Ты приведешь сюда Шейферов. Быстро сходишь за ними и приведешь сюда, — приказал мальчик. — Ты принадлежишь нам. Мы же заключили договор.

И тогда Сет услышал где-то высоко у себя за спиной звук, из-за которого от лица отхлынула кровь, — шум далекого ветра, вертящегося против часовой стрелки за пределами зеркальной комнаты. Казалось, тысячи голосов вопят внутри смерча в слепом, не поддающемся пониманию ужасе.

— И поторопись. Нельзя надолго оставлять его открытым, иначе слишком много тварей успеет вылезти наружу. Но мы хотим, чтобы старые козлы Шейферы попали туда, пока он не закрылся.

— Пожар? Какой еще пожар?

Из-за открытой двери на Сета уставилось лоснящееся лицо миссис Шейфер. Затем она отвернулась, и ее голос разнесся по грязному коридору, устремляясь к дальней комнате, где лежал в постели мистер Шейфер:

— Я не понимаю, о чем он говорит, дорогой... Какой-то пожар!

— Кто там? — выкрикнул в ответ ее супруг со своим южным акцентом.

— Это... — Миссис Шейфер не смогла вспомнить имя. — Портье!

— Подожди, я иду! Только вот найду очки.

Голос мистера Шейфера звучал сбивчиво, он задыхался, должно быть пытаясь подняться с постели.

Нижняя губа его жены дрожала от волнения, глаза слезились из-за того, что сон прервался так внезапно.

— Вы уверены? — обратилась она к Сету, в тоне угадывались нотки, предшествующие истерике.

Сет кивнул.

— Боюсь, что так, мэм. Нам придется эвакуировать жильцов. Немедленно.

Необходимо быстро вытащить их из дома и препроводить в шестнадцатую квартиру, пока никто не услышал и не увидел, что происходит. Этажом выше живут люди, и, если миссис Шейфер заговорит еще громче, он нисколько не удивится, услышав щелкающий наверху замок.

— Но мне надо одеться. Посмотрите, на что я похожа.

Миссис Шейфер была в мешковатом красном одеянии, поверх которого был наброшен халат в шотландскую клетку, похоже мужского покроя. Сооружение у нее на голове — то ли парик под шарфом, то ли собственные волосы, выкрашенные в черный цвет, — сползло на уши. Они мультимиллионеры — Стивен однажды упоминал, что состояние Шейферов составляет более ста миллионов долларов, — а одеваются как бродяги. Сет чувствовал омерзение.

— Времени нет, мэм, — сказал он, переходя на приказной тон. — Идемте и помогите

мужу. Поторопитесь.

Она сейчас же скрылась в глубине квартиры, а Сет пожалел, что не был с нею так же суров раньше, во все вечера, когда она доставала его своими жалобами. Но больше она не сможет измываться над ним, только не после того, как окажется между теми зеркалами. От одной мысли о зеркалах, о том, что мелькает в их серебристо-белых глубинах, и о том, что вращается над ними, Сет ослабел, ему даже пришлось привалиться к дверному косяку и утереть со лба пот. Кожа на ощупь оказалась холодная. Он снова чувствовал себя больным.

Миссис Шейфер возникла в конце коридора — под локоть она выводила из спальни мужа. Сжимая в свободной руке черную трость, мистер Шейфер поднял голову и прищурился.

— Где он? Кто это, дорогая?

— Вот же он! — заорала она на старика. — Прямо у тебя перед носом. Нам надо уходить, потому что в доме пожар, а ты спрашиваешь всякие глупости! Пошевеливайся, ради бога!

Как и всегда, мистер Шейфер ничего не ответил, понимая, что безопаснее молчать. Он лишь вздыхал при каждом шаге, а на лице отражалось напряжение.

— Поедем на лифте.

Сет с трудом обрел голос. От чудовищности того, что он творит, у него перехватило дыхание: разбудить стариков глухой ночью и солгать им о пожаре в доме, чтобы заманить в ту комнату на жуткую расправу.

Он придержал дверь лифта, наблюдая, как они, шаркая, грузятся в кабину. Сет вошел следом, не обращая внимания на испуганное бормотание миссис Шейфер.

Сет остановил лифт на восьмом этаже, однако супруги, кажется, не заметили, что ехали не вниз, а вверх.

— Приехали, — объявил Сет. — Выходим.

Он придержал под руку миссис Шейфер, помогая ей выбраться на площадку, после чего повел стариков к незапертой двери шестнадцатой квартиры.

— Придется спасаться через эту квартиру. Внизу все выходы заблокированы.

Сет, молясь, чтобы Шейферы не усомнились в его компетентности, поскольку подобные инструкции просто смехотворны: в доме нет внешних пожарных лестниц, а они находятся на восьмом этаже, между шестнадцатой и семнадцатой квартирами. Для эвакуации место самое неподходящее.

— Что ж, наверное, надо слушаться молодого человека, — прокричала миссис Шейфер в лицо мужу.

— Да, но где начальник пожарной охраны? Этот парень не профессионал. Я хочу поговорить с начальником охраны. Вот ты разве чувствуешь запах дыма? Думаю, нам стоит вернуться к себе, — говорил мистер Шейфер, позволяя, однако, увлечь себя к двери.

Но когда Том Шейфер перешагнул порог и вошел в красный коридор, он остановился.

— Пойдем отсюда, дорогая. Уходим. Говорю тебе, пошли отсюда. Здесь что-то не то. Где это мы? Смотри, шестнадцатый номер, вон, на двери. Это та квартира, дорогая. Он привел нас в ту самую квартиру!

Старик подчеркнул слова на «ту самую». У Сета по шее поползли мурашки.

Озадаченная миссис Шейфер перестала тянуть вперед худосочного, но решительно настроенного мужа, сама подняла голову и увидела номер на двери.

— Я ничего не понимаю! Почему сюда? Мы не можем сюда. — Она снова переходила на крик.

— Что все это значит? — потребовал ответа мистер Шейфер неожиданно сильным и звучным голосом, голосом бизнесмена, какой, наверное, был у него в те времена, когда он сколачивал свои миллионы.

— Послушайте. Это... Я стараюсь помочь, — заговорил Сет, но они не слушали его.

Мистер Шейфер уже пробивался обратно к выходу, обогнув свою огромную супругу. Он решительно склонил голову, собираясь выйти.

— Позвоните Стивену. Я хочу поговорить с кем-нибудь из начальства. Это просто нелепо!

Сет пытался совладать с собственным голосом.

— Но вы должны. Обязаны. Вам сюда.

— Я никуда не пойду, пока не увижу начальника пожарной охраны. Прочь с дороги.

Старик ткнул Сета в живот своей тростью. Ему не следовало этого делать — вот так унижать портье своей палкой. Дотрагиваться до него. Сет задохнулся от бешенства.

Он ощутил, как все внутри его почернело, затем полыхнуло жаром. Он больше не в силах действовать хладнокровно.

Миссис Шейфер до сих пор рассматривала латунную табличку с номером на двери, но тут она перевела взгляд на неосвещенный коридор, посмотрела на мужа, который рвался к выходу с разинутым ртом и дикими глазами, и в этот момент Сет выбил трость из руки старика.

Палка ударилась о стену. Миссис Шейфер закричала.

Ухватив дряхлого банкира за ворот пижамы и вцепившись другой рукой в нагретую телом ткань на поясе, Сет оторвал противника от пола и быстро вошел в квартиру. Ноги мистера Шейфера не доставали до земли.

— Прочь с дороги! — рявкнул Сет на миссис Шейфер, стискивая зубы.

Она шагнула в сторону, что сильно его удивило. Просто отошла и пропустила его, как будто он нес в машину раскапризничавшегося ребенка, испортившего своими выходками семейную поездку.

Мистер Шейфер не издал ни звука. Ни словечка. Ничего. Просто висел на руках Сета, позволяя тащить себя по коридору. И только когда они остановились перед приоткрытой дверью зеркальной комнаты, откуда доносился приводящий в смятение вой ветра, и жуткий холод ожег им лица, только тогда мистер Шейфер заговорил. Он произнес:

— Ради бога! Нет. Только не туда!

Сет пинком распахнул дверь.

Даже без света было совершенно ясно, что пространство комнаты обитаемо. Оно живое, наэлектризованное вихрем и одушевленное чем-то неуловимым для глаза, зато слышимым в свисте урагана. Чем-то едва различимым за нескончаемым шумом.

И, словно просто забрасывая в печь полено, Сет швырнул мистера Шейфера в гостиную. Головой вперед, в темноту. И старик не издал ни звука, ударившись об пол, словно что-то перехватило его в полете. Однако у Сета не было времени поразмыслить о том, что он натворил и что случилось с жертвой, — об этом лучше вовсе не думать. Он сосредоточил внимание на миссис Шейфер, которая застыла в коридоре, глядя на него широко открытыми глазами.

Сет вцепился в нее и поволок по коридору.

— Сюда. Сюда. Входите. Нам сюда, — приговаривал он себе под нос, чтобы заглушить вопли той части сознания, которая приказывала ему остановиться.

Миссис Шейфер тоже не сопротивлялась, просто всхлипывала. Ошеломленная, она даже сама вошла в комнату вслед за мужем — ее потребовалось лишь слегка подтолкнуть. А в комнате уже становилось шумно. В темноте казалось, будто потолок разверзся и тысячи голосов закричали разом. Их обладатели будто не замечали друг друга, однако толпились все вместе в крошечной тьме.

Сет закрыл дверь. Он упал на колени и вцепился в ручку с такой силой, что побелели костяшки пальцев, — главное, чтобы ничего оттуда не просочилось наружу. Ему не хотелось слышать новые звуки, пробивающиеся сквозь вой ветра и бесчисленные крики, которые заполнили комнату.

Когда кто-то тяжело рухнул на пол с другой стороны, Сет в отчаянии едва не отнял пальцы от ручки, чтобы зажать уши, но поборол себя, зная, что обязан держать дверь. Инстинкт самосохранения еще громче заявил о себе, когда из вращения голосов выделилось рычание пса, охраняющего зажатую в зубах кость, — оно прозвучало совсем рядом, там,

откуда раньше доносился стук. Когда кто-то попытался повернуть ручку изнутри, Сет отчетливо услышал цоканье когтей по паркетному полу.

Гул и вопли затихли, красный свет погас, все картины прятались под пыльными полотнищами, а мистер Шейфер был мертв. Сет сразу это понял — глаза у старика закатились, оставались видны только белки, рот раскрылся, скрюченные пальцы окоченели, ноги широко раскинулись в стороны. Живой человек не стал бы лежать в такой позе.

Но вот его жена еще шевелилась. Она сгорбилась перед зеркалом, висевшим напротив двери. Стоя на коленях, старуха покачивалась из стороны в сторону и высматривала что-то в глубинах зеркального тоннеля. Губы ее тоже подергивались, но изо рта не вырывалось ни звука.

Сет запер миссис Шейфер в шестнадцатой квартире на случай, если они захотят ее забрать, после чего потащил наверх мерзлую охапку хвороста, в какую превратилось тело ее мужа. Он уложил труп в постель и накрыл простыней до самого подбородка, все это время старательно избегая смотреть ему в лицо. Затем спустился обратно, чтобы вынести то, что осталось от старухи.

Она так и стояла на коленях, только теперь молча раскачивалась взад-вперед. Должно быть, разум покинул ее. Миссис Шейфер даже не пыталась сопротивляться, когда Сет рывком поднял ее на ноги и медленно повел из квартиры к лифту.

— С ней покончено, приятель, — произнес мальчик в капюшоне, который снова возник, когда Сет выводил миссис Шейфер из шестнадцатой квартиры. — Она ничего не расскажет. У нее мозги взорвались, а ему нужен был только ее муж. Не забудь захватить его трость. Отнесешь наверх вместе с теткой. Там, куда попал старикашка, палка ему не понадобится. Ты все правильно сделал, дружище. Наш друг будет доволен.

— Я больше не хочу этого делать. Все кончено. Так ему и передай.

— Нет-нет. Ты нам не указывай. Это мы указываем тебе. Думаю, тебя ждет маленькая награда за твою помощь. Наверное, уже скоро к тебе придет кое-кто посимпатичнее. Не то что эти старые перечницы.

Сет морщился от вони, исходившей от существа в потертой куртке. Ребенок проводил его до квартиры Шейферов. Сет решил поставить старуху на колени перед кроватью. Сиделка навещает их лишь время от времени, зато они каждый вечер выходят прогуляться до ближайшего магазина на Моткомб-стрит. Петр скоро заметит, что Шейферы не показываются, и сейчас же отправится их проводить.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

— Эйприл, прошу тебя, успокойся. Ради себя самой. Ты меня пугаешь. Честное слово, пугаешь.

Майлз облокотился на письменный стол, крепко сцепив пальцы, и попытался заглянуть в сумасшедшие взволнованные глаза Эйприл и как-то успокоить девушку, потому что веки ее трепетали и моргали так часто, словно мысли и идеи лились потоком.

— Я сама себя пугаю. Господи!

Она снова вскочила со стула по другую сторону письменного стола. Не в силах усидеть на месте, Эйприл принялась расхаживать по кабинету искусствоведа. Затем остановилась и обхватила ладонями лицо.

— Я должна, Майлз. Я обязана что-то предпринять. Я не в силах от этого уйти. Люди умирают. Лилиан пыталась им помочь, но они не стали ее слушать.

— Ты представляешь, хотя бы догадываешься, насколько все это противоречит здравому смыслу? То есть ты предполагаешь, будто Хессен до сих пор находится в доме в какой-то... Не знаю даже, как сказать... В каком-то измененном состоянии и убивает одного за другим тех, кто в сороковые сделал с ним что-то нехорошее? Ты только послушай себя! Это же бред!

Погруженная в свои мысли, Эйприл только пожала плечами в ответ. Она уперлась

кулаками в туго обтянутые юбкой бедра.

— Мне надо пойти туда ночью. Все происходит по ночам, именно по ночам они в опасности. И кто-то ему помогает, об этом говорил мистер Шейфер до того, как его убили. Убили! Теперь я в этом уверена. Сначала миссис Рот, затем его. И я несу за это ответственность. — Эйприл повернулась к Майлзу, глаза ее блеснули от слез. — Разве ты не понимаешь? Я заставила их выговориться, и теперь они мертвы!

Майлз уронил голову на руки и медленно провел длинными пальцами по лицу.

— Не могу поверить, что с твоих прелестных губ слетает подобное. Знаешь, у меня есть приятель, голубой, он уверяет, что все женщины латентные сумасшедшие, но со временем их безумие становится очевидным. Вот сейчас ты служишь живым доказательством его теории.

Эйприл села и всхлипнула, затем утерла глаза платком.

— Я не собиралась плакать... — Не успела она выговорить последнее слово, как горло стиснулось и она зарыдала. — Чертова подводка сейчас размажется.

Майлз обошел письменный стол, подходя к ней.

— Ну-ну. Не принимай все так близко к сердцу. Ты постоянно в таком напряжении. Просто продай эту чертову квартиру и забудь обо всем.

Эйприл высвободилась из его объятий и покачала головой.

— Не могу. Я постоянно думаю о Лилиан. Сколько лет, Майлз! Одна-одинешенька. И эта жуткая тварь постоянно, ночь за ночью, пугала ее. Несчастную старую женщину, которая потеряла единственного возлюбленного. Она так долго страдала без него. И... Я знаю, на что это похоже. Хессен... Я хочу сказать, что тоже его видела.

— Что?

— Ты не тот человек, кому я могу рассказать такое.

— Ну вот! Это же просто несправедливо.

— Не тот. Но я рассказала. Оно... Он был в зеркале, которое я принесла из чулана. И еще на портрете Лилиан и Реджи. И в некоторых других местах. Каждый раз, когда я приходила в дом, Хессен следил за мной. Пытался напугать, чтобы я бежала, как мне кажется. Потому что я подвигаюсь к нему все ближе. Он преследует меня, как и всех остальных, которые просто спрятались и дожидались конца Лилиан вела себя не так. Эта смелая женщина на протяжении пятидесяти лет каждый день пыталась бежать. Каждый божий день, Майлз! После того, как Хессен убил ее мужа, заставил его выпрыгнуть из проклятого окна. — Краем глаза Эйприл заметила недоверие и жалость на лице Майлза. — Ты ни разу его не видел. И лучше тебе не видеть его никогда.

Она произнесла последние слова с такой страстью, что сама удивилась, а собеседник отстранился, отодвинулся от нее.

— Еще до знакомства с Бетти Рот и Томом Шейфером я видела эту тварь. В зеркалах и картинах. Я видела Хессена, и рассказы стариков тут ни при чем. Когда я приехала, он снова активизировался, потому что теперь ему кто-то помогает. Так говорил Том Шейфер. Шейфер так же разумен, как ты или я. Он сказал, кто-то в доме теперь помогает Хессену. Убивать, Майлз! Убивать этих испуганных стариков. Хессену удавалось держать Лилиан и всех остальных в доме, терзать их обитателями Вихря, или что он там притащил с собой, но убить их он не мог. До сих пор не мог. Но теперь в Баррингтон-хаус есть кто-то, возможно кто-нибудь из обслуживающего персонала, кто исполняет его приказы. Может, все они. Петр, Джордж, Стивен. Сегодня утром, когда Стивен рассказал мне о Шейферах, я заговорила о странном совпадении. О том, что трое самых старых жильцов умерли вот так, один за другим, и все они знали Хессена. Я рассказала ему о том, что, по мнению Бетти Рот и Тома Шейфера, Хессен до сих пор находится в здании. И Стивен очень смутился, словно его загнали в угол. С тех пор он меня избегает. Там есть еще один портье, которого я ни разу не видела. Он работает только в ночную смену. И кто знает, что он делает по ночам? А что, если за всем этим стоит кто-то из жильцов? Они все могут быть замешаны.

— Тогда иди в полицию.

— Не говори глупостей!

— Так это твой рассказ звучит глупо. Потому что он и есть глупость! Дикая, не подкрепленная фактами чушь. Нельзя же просто так, ни с того ни с сего, обвинять людей в убийстве.

Эйприл развернулась к нему, лицо ее было напряжено и сердито. Майлз вскинул руку, требуя тишины.

— Подожди, дай мне договорить. И миссис Рот, и этому Шейферу было уже за девяносто. За девяносто, Эйприл! Это же факт. Люди в таком возрасте могут умереть в любой момент. И это тоже факт. Твоя двоюродная бабушка долго болела, и ей тоже было больше восьмидесяти лет. Ни в одном случае не нашлось даже намека на насильственную смерть. Это тоже факт. Сердечный приступ, удар, это все естественные причины. Я не сомневаюсь, что все они были знакомы с Хессеном. И что его антиобщественное поведение, его картины, которые, по-видимому, соседи уничтожили, оказали на них сильное влияние. Они так и не смогли забыть ни его, ни его работы. И я даже начинаю приходить к мысли, что они могли убить Хессена и сжечь улики. Но когда они постарели, их разум... Ладно, их воспоминания помутились. И вот тогда тяжесть совершенного преступления, постоянное осознание вины превратились в эту готическую историю.

Эйприл уставилась в пол.

— Но почему они просто не уехали из Баррингтон-хаус? Объясни.

Майлз пожал плечами.

— Этого я не знаю. Богачи часто цепляются друг за друга и твердо уверены, что «мой дом — моя крепость». Только вспомни, как разрастаются нынешние поселения за высокими заборами. Чем больше народу, тем безопаснее.

— Это просто чушь. Ни один из них не смог уйти за пределы квартала на протяжении пятидесяти лет. Пятидесяти лет, Майлз!

Секунду искусствовед молча рассматривал свою коленку, глаза у него были полузакрыты, губы поджаты. Затем он проговорил:

— Ладно, ладно. Давай посмотрим на это дело с противоположной точки зрения. С твоей нынешней позиции. Но я говорю сейчас гипотетически. Не думай, будто я собираюсь поддержать твою теорию...

Эйприл раздраженно отмахнулась:

— Хорошо, хорошо. Давай, говори.

— Давай предположим, чисто теоретически, что Хессен действительно призвал нечто в Баррингтон-хаус, нечто демоническое, посредством ритуала, каким научился у Кроули. Допустим, Вихрь существует где-то внутри дома. Если все обстоит именно так, то что, черт побери, ты сможешь с этим поделать?

Она понятия не имела, что со всем этим делать, но собиралась вернуться в Баррингтон-хаус. Наблюдать. Следить за Стивеном и остальными служащими, которых можно заподозрить в соучастии. И она отыщет доказательства... Как-нибудь. Она даже проникнет в шестнадцатую квартиру, если потребуется, и выяснит, что за чертовщина до сих пор обитает в комнатах. В квартире должно найтись что-то, благодаря чему Хессен существует. Что-нибудь, что муж бабушки и его друзья просмотрели много лет назад. Бетти слышала Хессена незадолго до смерти. Она сказала, все снова стало плохо. Шумы, голоса. Они доносились оттуда, из его гостиной, где все и началось когда-то.

Нечто происходит в квартире художника. Нечто чуждое, что Эйприл не в силах принять, как бы ни размышляла на эту тему. До сих пор. До смерти Бетти и Тома. Никакое это не совпадение. Сразу после смерти Лилиан. Умирают люди, кое-что знавшие о Феликсе Хессене. Которые заставили исчезнуть и его, и его работы. И может быть, есть и другие, до сих пор запертые в этом кошмарном доме. Заточенные. Люди, которым угрожает серьезная опасность. За ними наблюдают, их мучают, как мучили Лилиан и ее друзей, пока не настало время мести, если то была месть, время ответного удара со стороны мертвеца Эйприл просто не может бросить их в такой ситуации. Этот чокнутый сукин сын убил бабушку и ее мужа,

ее, Эйприл, кровь и плоть. И может быть, даже сейчас, после смерти, его жертвы все еще заточены внутри здания, как сам Хессен? Разве Лилиан не этого опасалась? Эйприл не может бросить ее там, в чистилище, навсегда. В кошмарном месте, где обитают жуткие существа, нарисованные им.

Но пока Эйприл, погоняемая порывами ветра, уходила все дальше от кабинета Майлза в галерею Тейт, а тьма сгущалась, обволакивая каждое здание и придавая серым камням мрачный оттенок, она внезапно ощутила, как что-то стиснуло ее изнутри, парализовало страхом при одной мысли, что снова придется войти в Баррингтон-хаус — ночью. А вдруг, спрашивала она себя, опираясь на стенку автобусной остановки, чтобы не упасть, вдруг меня тоже заточат в этих стенах?

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

И на следующую ночь Сет дожидался зова, не в силах, несмотря на тепло фойе, унять бесконечную дрожь, предчувствуя момент, когда угрюмый мальчишка в капюшоне появится рядом со стойкой, чтобы сообщить, кто следующий. Кого ему предстоит сопроводить не просто к месту смерти, но к чему-то неизмеримо худшему.

Но придет ли первым ребенок? Или же его опередит полиция, которая захочет спросить дежурного портье, как так получилось, что двое самых старых жильцов дома умерли в одну неделю?

Прошло, наверное, часа два с того момента, как Стивен ушел и оставил его одного. Старший портье дожидался прихода Сета, чтобы сообщить «ужасную, кошмарную новость». Ночью скончался мистер Шейфер, а его жена перенесла нервное потрясение.

— Мне показалось, скорее удар. Наверное, бедняжка лишилась рассудка, увидев, что муж мертв. Они на самом деле были очень близки. Конечно, не все у них в семье шло гладко, мы все знаем об этом, однако они были неразлучны.

На этот раз Стивен даже собирался позвонить Сету в «Зеленого человечка», чтобы выяснить, как получилось, что Сет не заметил миссис Шейфер во время ночного обхода. Утром, около шести часов, ее обнаружила миссис Бенедетти из пятой квартиры. Миссис Шейфер оказалась на площадке первого этажа — похоже, она всю ночь спускалась вниз. Несчастливая была в ночной рубашке, она стояла на четвереньках, съездившись перед зеркалом на площадке, словно глядела на что-то у себя над головой. По состоянию миссис Шейфер Стивен заключил, что ее муж, скорее всего, умер после двух часов ночи, позже последнего обхода Сета, а пожилая женщина настолько растерялась, что не сумела позвать на помощь.

— Она в ужасе, совершенно обезумела, — рассказала миссис Бенедетти у стойки, после чего Петр отправился наверх.

Вызвали «скорую помощь», Стивен поднялся к Шейферам, оказалось, их дверь открыта. В большой спальне старший портье обнаружил мистера Шейфера — на том месте, где оставил его Сет.

— Какое у него было лицо! Должно быть, он умирал мучительно, и именно из-за этого помешалась его супруга.

— Возможно, — пробормотал тогда Сет.

Его тело так напряглось, что разум был готов лопнуть, как слишком сильно натянутая резинка.

— Кстати, знаешь, как говорят, Сет? Мертвецы по трое ходят. Невольно задаешься вопросом, кто следующий.

Стивен пытался внести легкомысленную нотку в разговор, из-за которого Сет чувствовал себя настолько неловко, что забывал дышать.

— Может, Лилиан была первой? Тогда Шейфер как раз третий. Кто знает? Но главное, не вешать нос, — прибавил старший портье и улыбнулся, словно пытаясь побороть свою вечную серьезность.

Сошло ли ему с рук и это тоже? Еще слишком рано судить. Но скоро он попадется.

Попадется наверняка. Сет чувствовал, что его работа здесь не завершена, однако еще одна смерть во время его смены обязательно вызовет подозрения. А не похоже, чтобы он сумел отвертеться от поручений, которые дает ему нечто сверху, от участия в осуществлении мести, потому что это именно она — смертельная вражда Сет не в силах противиться приказу, когда тот отдан. Но кто же еще оскорбил неупокоившегося гения из шестнадцатой квартиры? Сету остается лишь сидеть и ждать указаний.

Но что станет с ним самим, когда омерзительная работа будет исполнена? Сет задавался этим вопросом, ощущая, как что-то сжимается в животе, вслед за этим его захлестнула волна такой болезненной тревоги, что сердце забилося, словно паровой молот, а голова пошла кругом.

В пугающем предчувствии, что зловещее нечто потребует от него новых услуг, Сет машинально возил углем по бумаге. Он будто подсознательно желал рассказать какую-то историю, чувствуя потребность зафиксировать развитие кошмара, от которого нельзя очнуться. Сет чиркал, штриховал, растирал уголь по альбомному листу, на котором постепенно что-то вырисовывалось.

Не сознавая, что вечер уже прошел, и лишь смутно ощущая боль в мочевом пузыре, который требовал, чтобы его опорожнили, Сет погрузился в себя, туда, где мир приобрел новые очертания. Прежде всего, его больше не тревожили посыльные из «Клариджиз», доставлявшие миссис Рот ужин, ему не звонил Глок, требовавший такси, его не доставала своим вечным занудством миссис Шейфер. Сету позволили заполнять часы и страницы образами мира, который был доступен только его взгляду и еще взгляду того, что наполняло шестнадцатую квартиру.

И вскоре после того, как часы щелкнули, обозначая девять, вовсе не мальчик в капюшоне прервал его безумную работу. Это была симпатичная молодая женщина, которая остановилась перед стойкой в фойе Баррингтон-хаус.

Она была хорошенькая. Даже красивая. Нисколько не измененная. В отличие от созданий с бугристой серой кожей под слоем грима, которых Сет встречал, выходя из дома или изредка отправляясь за покупками в Хакни. Эта женщина была стройная и ухоженная, и двигалась она грациозно. Словно сошедшая с экрана актриса, видение из прошлого.

Сет никогда не встречал ее раньше, однако видел на записях с камер слежения, как она входит через заднюю дверь восточного крыла. Американка. Вроде внучка или еще какая-то родственница той сумасшедшей Лилиан, которая умерла в черном такси. Девушка, на которую облизывался Петр, всегда закатывая глаза при ее упоминании. И теперь Сет понимал почему.

Такая шикарная, в черной кожаной куртке, в плотно сидящей на бедрах юбке-карандаше и на высоких каблуках, волосы уложены, так у кинозвезды сороковых годов. Девушка каждый раз поднимала на камеру большие темные глаза, входя через заднюю дверь, или одна, или с мужчиной. Он неизменно улыбался так, словно знает о тебе кое-что, но не расскажет, опасаясь поставить в неловкое положение.

Однако сегодня американка пришла через главный вход западного крыла, без спутника и прошагала прямо к стойке, чтобы поговорить... С ним? Сет сейчас же опустил глаза на ее новые блестящие кожаные туфли, перевел взгляд на дымчато-темный нейлон, обтягивающий стройные колени. Затем его взгляд прошел вверх, минуя изгиб бедер, до самой бледной шеи и симпатичного вздернутого носа. Как хорошо она пахнет.

Внезапно стало жарко от желания. Это чувство было настолько чуждым и неуместным, что у Сета закружилась голова. Девушки из эскорта Глока заставляли его переживать примерно то же самое, когда их, надушенных и накрашенных, вызывали ублажать круглого директора. Сет уже позабыл, что женское тело может доставлять наслаждение.

Он встал и чтобы поприветствовать ее, как их учили приветствовать всех жильцов и гостей дома, и чтобы еще раз восхититься стройной фигурой, пока ту не заслонила стойка портье.

Хотя девушка улыбалась, она явно нервничала.

— Здравствуйте, — произнесла она красиво очерченным ртом с безукоризненно белыми зубами.

Сет сейчас же съежился и усох, вспомнив, что сам он немытый и нестриженный. Его униформа выглядит просто постыдно. Рубашка грязная, воротничок коричневый и натирает шею. Он не мог вспомнить, когда в последний раз принимал ванну или брился. Или хотя бы задумывался о подобных процедурах.

— Добрый вечер, мисс. Чем могу служить?

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Здесь ее уже довольно давно никто не называл «мисс». Улыбка Эйприл сделалась чуть менее натянутой.

Несмотря на пристальный взгляд и выражение встревоженного изумления на бледном лице, этот портье был моложе и менее уверен в себе, чем остальные. Раньше она его не встречала, но явно произвела на него впечатление — портье все еще откашливался и не мог выдержать ее взгляд. Эйприл много раз видела подобное выражение на лицах мужчин, увлеченных ею.

— Простите, что побеспокоила вас в столь поздний час. Я здесь больше не живу, но днем прихожу, чтобы показывать квартиру агентам по недвижимости. И когда сегодня утром выходила из дома, заметила перед входом карету «скорой помощи». Поэтому решила заглянуть, узнать, не случилось ли чего. Просто происшествие с миссис Рот произвело на меня сильное впечатление. — Эйприл могла бы и дальше рассказывать свою легенду, однако тревога, явственно отразившаяся на лице портье, заставила ее умолкнуть. — Случилось что-то серьезное?

Портье кашлянул.

— Да. Один человек умер.

Еще один человек, хотелось поправить Эйприл.

— Какая жалость. Кто это, кстати?

Он снова кашлянул.

— Он был уже очень стар. Мистер Шейфер, который болел уже много лет.

— О боже! Так значит, «скорая» приезжала за ним? То есть как именно... Когда это случилось? Я ведь буквально только что виделась с ним...

— Прошу вас, присядьте, мисс. — Сет жестом предложил ей опуститься в одно из плетеных кресел перед окнами, выходящими в сад. — Может, принести вам что-нибудь?

— Нет, спасибо. Я просто... Несколько потрясена. После всего, что случилось с миссис Рот. Но как же его жена? Миссис Шейфер? Она здорова?

— Не совсем. Она очень тяжело восприняла его смерть и теперь в больнице.

Эйприл покачала головой.

— Какая жалость. Боже мой, какая же я эгоистка! Должно быть, вам тяжело об этом говорить. Я знаю, что между обслуживающим персоналом и жильцами очень теплые отношения. Стивен говорил, вы становитесь частью семьи, и вот так разом потерять двоих. Примите мои соболезнования.

Когда она произносила эти слова, выражение подвижных глаз снова изменилось. Эйприл показалось, она угадывает в них смущение, даже чувство вины, и портье по-прежнему не смотрел ей в лицо. Еще он болезненно застенчив и, вероятно, разочарован в жизни. Молодому человеку служить ночным портье в таком доме, наверное, тяжело.

Эйприл медленно скрестила ноги, не спеша одернуть подол юбки, поползший вверх по гладкому бедру.

— Прошу вас, и вы присядьте. Расскажите, как это случилось. Может быть, вам станет легче, если вы выговоритесь. Да, я ведь даже толком не представилась. Я Эйприл, двоюродная внучка Лилиан. Лилиан Арчер... Она тоже недавно умерла.

Сет откашлялся. Его взгляд перешел с ее лица на ноги, затем обратно на лицо, потом в пол.

— Сет.

Он опустился в кресло напротив Эйприл. Присел на краешек и несколько раз за минуту успел изменить положение рук и ног.

— Мне кажется, все произошло очень быстро. Для мистера Шейфера. Говорят, сердечный приступ. Меня не было, когда его обнаружили. Я работаю только по ночам. Но вечером, когда я пришел, мне рассказали. Понимаете, мисс...

— Эйприл. Прошу вас, зовите меня Эйприл.

— Эйприл. Многие жильцы дома уже в преклонном возрасте. Конечно, это ужасная потеря, но такое случается очень часто. Я хочу сказать, в этом нет ничего неестественного.

— Да, я слышала. Но не странно ли, что три человека умирают друг за другом в такой короткий промежуток времени? Главное, что все они когда-то дружили. Вы знаете об этом?

Сет быстро оторвал взгляд от своих ботинок, но ничего не ответил.

Эйприл кивнула и снова заговорила:

— Моя двоюродная бабушка писала об этом. И миссис Рот тоже кое-что рассказала мне, и мистер Шейфер. Прямо перед смертью. Понимаете, все они считали, что, живя в доме, подвергаются большой опасности.

Теперь лицо Сета залила смертельная бледность, руки задрожали.

— А вы... — Он замолк и снова откашлялся. — Вы хорошо знали миссис Рот?

— Она помогла мне в одном расследовании, которое касается моей бабушки и Баррингтон-хаус. Ведь Бетти и Лилиан прожили здесь много лет. — Эйприл выдержала паузу, отметив, что Сет нервничает все сильнее.

— Расследовании? — быстро переспросил он, после чего сглотнул комок в горле и подался вперед, как будто опасаясь упустить хоть одно слово.

— Да. Потому что, кажется, очень не многие знают, что в доме Баррингтон-хаус жил один человек искусства.

Сет хмыкнул в ответ, и его лицо так посерело и перекосилось, что на него стало неприятно смотреть.

— Он поселился здесь после Второй мировой войны. Они все были знакомы с ним — миссис Рот, моя бабушка, Шейферы. Он, видите ли, исчез. Вы этого не знали?

Эйприл пристально наблюдала за лицом Сета, поэтому от ее взгляда не утаился ни малейший проблеск узнавания.

— Нет, — промямлил он, после чего собрался с силами и заговорил нормальным голосом: — А как звали этого художника? Я сам учился в школе искусств.

Он сразу же понял, что речь идет о художнике. Его тело и бегающие испуганные глаза выдавали его. Он что-то знает. Он проводит здесь все ночи, слышит, видит, сталкивается с чем угодно. Эйприл содрогнулась, представив, что может бродить по здешним коридорам ночью. Что может выбираться из необитаемой, но все еще живой квартиры. Квартиры, которую миссис Рот купила, чтобы там было тихо, как будто можно купить место преступления. Стивен рассказал, что миссис Рот владеет квартирой и никого не пускает в нее уже пятьдесят лет. Петр с Джорджем просто недоуменно моргали или изумлялись, когда она расспрашивала их о миссис Рот и Шейферах. А вот Стивен окаменел. И теперь Сет дергается.

— Феликс Хессен. — Эйприл внимательно смотрела в лицо портье.

Тот глядел в пустоту, сощурившись, как будто силится вспомнить имя.

— Что-то знакомое. Но я такого художника не знаю.

— Сохранились только его рисунки. И он впал в немилость высшего света из-за своих политических убеждений. Он был фашистом и увлекался странными учениями. Например, оккультизмом. Рисовал трупы и все в этом роде. По-настоящему жуткие вещи. Потом он переехал в этот дом и исчез. Просто испарился из своей квартиры. А вы не знали?

Сет быстро поднялся. Вид у него был такой, как будто его сейчас вырвет. Он потер рот и закрыл глаза, после чего стремительно ушел за стойку, схватил карандаш и бумагу.

— Вы говорите, Феликс Хессен. — Его голос упал до шепота. — Фамилия немецкая вроде бы.

— Он наполовину австриец наполовину швейцарец.

— Невероятно, — пробормотал самому себе Сет, записывая имя в блокнот.

Зубы у него были в ужасных пятнах. Коричневые. Эйприл не знала, что пережил этот молодой человек, но печать неухоженности, меланхолии и внутреннего напряжения вынуждала предположить, что у него на душе лежит тяжкий груз, депрессия. И, да, возможно, имеется некое раздвоение личности. Она узнавала признаки маниакальной одержимости, какие некогда наблюдала у матери и у Тони, своего соседа по квартире.

— Но почему здесь? — не удержалась от вопроса Эйприл.

Сет снова отвлекся и смотрел куда-то в глубь фойе, как будто ее уже не было рядом.

— Простите, что вы сказали?

— Почему вы работаете здесь?

Сет внезапно зарделся.

— Я... Я тоже художник.

Эйприл на несколько секунд ошеломленно застыла.

— Но с чего бы художнику сидеть тут по ночам? Мне казалось, вам нужно естественное освещение и специальная студия.

Он смутился. Кажется, этот вопрос тоже причинял ему неудобство.

— Ну, я здесь только рисую. Ничего особенного, простые наброски. Время от времени. Идеи всякие. Я думал, это будет идеальное место. Ну, вы понимаете, мир и покой, одиночество ночи. Вот поэтому они и искали художника, считая, что работа как раз для него подходящая.

— Они?

— Дом. Правление дома. Я увидел объявление, в котором говорилось, что работа идеально подходит для студента-художника. Но потом... Потом все оказалось не совсем так. К тому же... — Сет снова как будто отвлекся, напуганный и встревоженный.

Эйприл заметила в кожаном кресле за стойкой большие белые листы и коробку с карандашами. Она встала и направилась к конторке.

— Это ваши наброски?

Наверное, она помешала ему своим появлением. Он рисовал, хотя ей по-прежнему было не видно, что именно. Наклонившись над стойкой, она сощурилась и склонила голову набок, чтобы рассмотреть.

Заметив ее интерес к своей работе, Сет схватил папку и прижал рисунки к груди, оставляя Эйприл лишь воспоминание о том, что она увидела мельком. И что в тот же миг ее ошеломило.

Сет тяжело задышал и начал потеть. Эйприл видела, как блестит его лоб.

— Пожалуйста, позвольте мне посмотреть. Я хочу увидеть. Это действительно ваше?

Она не смогла удержаться. Не сумела скрыть интерес, даже отчаянное желание увидеть его рисунки.

Эйприл протянула руку к листам.

— Ну пожалуйста, позвольте мне посмотреть.

Сет отнял от груди папку.

— Простите. Но... Честно говоря, мои работы не слишком приятны взгляду... То есть рисунки не закончены... Они плохие. Я с радостью покажу вам, когда закончу.

Вдруг Сет посмотрел куда-то влево и с трудом сглотнул, как будто заметил что-то неприятное, даже опасное. Эйприл проследила за его взглядом, но увидела только стену и комнатное растение с длинными, словно восковыми листьями, свисающими до безупречно чистого ковра.

— Ну, давай, Сет. Покажи их хорошенькой леди. Твои рисунки недурны, приятель. Говорю тебе, покажи!

Жуткая вонь сырой золы, выгоревших химикалий и расплавленной ткани возникла на секунду раньше мальчика, внимательно наблюдавшего за ним. Однако предостерегающий запах никак не ослабил потрясения. Сет смотрел на фигуру в капюшоне с гораздо большим отвращением, чем раньше. В последние разы присутствие ребенка было знамением чьей-то неминуемой смерти. Сет потряс головой.

— Не надо стесняться, приятель. Ну, давай, покажи. Ей понравится. Я же говорил, что он пришлет тебе кое-что на сладкое. Это она повсюду сует свой нос. Выискивает их. Ну так давай, припугни сучку. — Ребенок захихикал, и капюшон затрясся, что показалось Сету просто омерзительным. — Ее бабка была точно такая же любопытная сука. Она увидела больше, чем ей полагалось.

Сет снова с трудом глотнул, прочистил горло и покачал головой, понимая теперь, что Эйприл внимательно на него смотрит.

— Ну же, Сет. — Голос мальчишки сделался низким, злобным и категоричным. — Делай, мать твою, что велено, приятель!

Эйприл мягко улыбнулась и заглянула Сету в глаза.

— Сет. То, что я успела увидеть... Хорошо. Пожалуйста, дайте мне посмотреть.

Портье оторвал взгляд от растения, с которым как будто бы вел неслышный диалог, и взглянул на то, что успел нарисовать. Он поморщился, сомневаясь, затем передал папку Эйприл. Как только ее пальцы с накрашенными ногтями коснулись листа бумаги, Сет сунул руки глубоко в карманы и уставился на свои ботинки, словно застенчивый, необщительный ребенок.

Эйприл немного отошла от стойки портье и вгляделась в переплетение теней, линий и штриховок — элементов, которые вместе образовывали сторбленную, лишенную лица, измученную пародию на старика или же нечто, сотворенное из прутьев, однако похожее все-таки больше на человека, чем на животное. Существо томилось внутри прозрачного куба или прямоугольника. Эйприл быстро перешла к следующему листу.

Сет попытался возразить, но Эйприл плохо слышала его, слишком поглощенная созерцанием птицеподобного существа, которое стискивало в руках некое невероятно худое создание. Затем она посмотрела на следующий рисунок, и на следующий, не сознавая и не придавая значения тому, как быстро колотится сердце, как порывисто вздымается и опускается грудь при виде чудовищных сцен терзаний, отчаяния, бессилия. Эйприл видела затравленные взгляды и вопящие рты персонажей с рисунков портье и понимала, что они заполняют ее сознание, лишая способности мыслить и чувствовать что-либо, кроме того, что они от нее хотят. Эйприл дошла до последнего наброска и заставила себя оторваться от листов, снова обретая способность рассуждать здраво. Сходство стилей налицо. Эти рисунки могут быть копиями работ Хессена.

— Не понимаю, почему вы утверждаете, будто не знакомы с Хессеном.

Сета, кажется, задел ее обвиняющий тон.

— Ведь ваши работы вторят его творчеству. Должно быть, вы видели его наброски.

Его взгляд метался из стороны в сторону, словно ища место, чтобы скрыться. Портье солгал ей. Вероятно, он узнал о Хессене от миссис Рот или кого-нибудь из старых жильцов, изучил его деятельность и начал так убедительно передавать его манеру, как будто... Сам Хессен водил его рукой или хотя бы наставлял его.

— Сет, прошу прощения, но я просто в растерянности. Эти рисунки запросто могли бы принадлежать Феликсу Хессену. Я не искусствовед, но они точно копируют его картины. Картины, которые я так долго ищу. Те, что могли уцелеть.

— Я... Я не знаю этого имени. Возможно, я когда-то видел что-то похожее...

Он был в ужасе. По-настоящему напуган ее словами. Если она не проявит осторожность, то потеряет его.

— Прошу вас, Сет, поймите, почему я настаиваю на своем. Я выясняю, что ночной портье в доме — художник, рисунки которого выглядят в точности как оригинальные

рисунки Хессена. Но вы утверждаете, что ничего не знаете о нем. Я в растерянности. Как же вы можете не знать?

Сет открыл было рот, чтобы ответить, но осекся. Попытался заговорить еще раз, снова умолк.

— Что все это значит? Объясните мне. Вы же хотите что-то сказать.

Он покачал головой.

— Я кое-что видел. — Сет посмотрел на нее, затем отвернулся. — Но я не знал, что эти картины принадлежат человеку по фамилии Хессен. Просто я не всегда выясняю подробности, когда вижу то, что мне нравится.

Он снова лжет. Болтает чепуху, чтобы скрыть смущение, и не смотрит ей в глаза.

— Где, Сет? Где вы это видели? Вы видели картины в доме?

Пока она задавала вопросы, он морщил лоб. Несколько раз глотнул, но не смог заговорить. Только глаза выдавали слишком многое. Это был единственный ответ, который ей требовался.

Мысли Эйприл бешено пустились вскачь. Что-то из работ Хессена сохранилось в Баррингтон-хаус. Том Шейфер сказал, они уничтожили все. Он, Артур Рот и бабушкин муж, Реджинальд, сорвали со стен «то дерьмо» и сожгли в подвальной печи. Возможно, заодно с телом художника. Однако не все вылетело с дымом.

История, которую поведал Шейфер об исчезновении Хессена, напугала Эйприл, однако здравый смысл все равно твердил, что старик не сказал правды. Не может быть, чтобы Хессен оказался каким-то там иллюзионистом с изуродованным лицом, способным испариться из запертой комнаты, полной зеркал и ритуальных надписей. Она постоянно повторяла себе, что это полная чушь. Весь день, с утра до вечера. Просто сумасшедшая миссис Шейфер слишком долго заставляла мужа скрывать правду. То же самое касается и миссис Рот, которая также пыталась признаться в чем-то слишком невероятном и жутком, чтобы об этом можно было говорить вслух. Например, в убийстве — убийстве, в котором все они были замешаны.

Но только переступив порог Баррингтон-хаус, Эйприл поверила. Она интуитивно знала, что ни один из них — ни Лилиан, ни Бетти Рот, ни Том Шейфер — не солгал. Зато лгал Стивен. И вот теперь еще Сет. Она прекрасно это видела. Оба портье скрывают что-то. Эйприл едва дышала.

Только придурки вроде «Друзей Феликса Хессена» могут верить в подобные ужасы. Но есть еще и Сет. Сейчас перед ней в доме Баррингтон-хаус стоит нервный, издергавшийся, испуганный консьерж, который служит здесь, где все это жило и живет до сих пор, не желая уходить.

— Они до сих пор в доме, верно? Его картины?

Руки у ночного портье дрожали, нога нервно стучала по полу.

Эйприл попыталась успокоить его улыбкой. Сет был напуган до смерти. Но хотя он был испуган, уязвим и вовсе не представлял угрозы, она решила, что Сет может быть опасен. И вероятно, он настолько не в себе, что просто не может признаться в том, что знает.

— Мне бы очень хотелось увидеть другие ваши рисунки. Такие же, как эти. И те работы, которые вас вдохновили. Те, что вы видели. Я не скажу ни одной живой душе, мы сохраним все в тайне. И взамен я поделюсь кое-чем с вами. Я кое-что знаю о Феликсе Хессене. О том, что он оставил по себе. О его наследии, сокрытом здесь, в доме. В Баррингтон-хаус. О чем не знает никто.

Сет не отвечал. Кажется, он был не в силах, он только все время сглатывал слюну.

Эйприл положила папку для набросков на стойку.

— Нам надо поговорить, Сет. Не здесь... — Она нервно огляделась по сторонам. — Завтра. Это возможно?

— Я не знаю.

Протянув руку, она коснулась его ладони.

— Я вовсе не собираюсь вас ни в чем обвинять, Сет. Мы просто хорошо пообедаем. И

поговорим. Похоже, это судьба, что мы с вами вот так встретились. Идя сегодня сюда, я никак не ожидала такого результата. Похоже, это судьба.

Сет принялся облизывать губы. Он хотел заговорить, но никак не мог совладать с голосом.

— Давайте я оставлю свой номер, — сказала Эйприл.

Она взяла со стойки блокнот и написала на верхней странице номер своего сотового телефона.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Сидя в одиночестве у окна театрального бара, который был пуст в этот ранний час, когда толпы желающих пообедать уже поредели, а клерки еще не повалили из контор заливать горести ушедшего дня, Сет ерзал на стуле и с тревогой оглядывал Аппер-стрит, высматривая Эйприл.

Он долго пролежал в ванне, первый раз за несколько недель, оделся во все самое чистое, что смог отыскать, после чего наскоро оглядел стены своей комнаты. Он решил, что Эйприл будет ошеломлена, в особенности когда узнает, что это лишь часть грандиозного замысла.

Заодно Сет расчистил пол, чтобы она могла походить и рассмотреть все с разных углов. Теперь изображениями были заняты три стены. И ни сероватый дневной свет, ни электрический, льющийся из голых лампочек, не могли разогнать исходившую от стен тьму, которая расползалась по полу и марала потолок. Даже стыки стен было трудно разглядеть, если не присматриваться специально.

И из этой лишенной проблесков света плоской темноты выступали фигуры. Из глубин, которые ставят зрителя в тупик. Как он сумел это сделать, обязательно спросит она. Как только возможно вообразить подобное расстояние? И передать ощущение жуткого холода, который пробирает, пока смотришь на изображение? Сет и сам не знал.

Притащив из кухни небольшую стремянку, Сет увеличил картины в высоту, чтобы усилить впечатление, будто персонажи болтаются в пустоте. Хотя он точно так же не смог бы сказать, как сумел передать в своих фигурах движение. Потому что все это еще и двигалось. Бесконечная ледяная темнота, в которой несчастные терпели свои вечные мучения, кажется, колыхалась из-за неведомых внутренних течений.

По временам, уходя в работу с головой, Сет склонялся к тому, чтобы поверить: стен больше нет, есть только огромное пространство, открывающееся в иное место, такое обширное и глубокое, что достигнуть его пределов невозможно. А фигуры, раскиданные под разными углами, которые всплывали на поверхность, как будто привлеченные светом его комнаты, до сих пор заставляли Сета вздрагивать каждый раз, когда он входил. Даже если он просто отлучался в уборную на несколько минут, он каждый раз в безмолвном потрясении смотрел на то, что сотворил, на то, что происходит с персонажами теперь.

К ним невозможно было привыкнуть, ко всем этим тварям, державшимся в темноте или же удерживаемым насильно, — его кисть передавала напряжение и сопротивление обрубков их конечностей или же в совершенстве воссоздавала глаз, широко раскрытый от ужаса, изгиб рта, только что испустившего отчаянный крик.

Все это замазывалось, переделывалось, доводилось до совершенства, пока для каждого не были найдены идеальные разворот и поза. Пока зубы не начали по-идиотски клацать, рты не раззявились в почти слышных криках, а глаза не налились кровью от боли, высекающей искры из нервных окончаний зрителя.

Ради Эйприл этим утром Сет удвоил усилия. Его руки двигались с большей осторожностью, когда он наносил мазки, исправляя и переделывая темно-красную и черную пелену, из которой рождались перекрученные фигуры, мокрые и завывающие. Он теперь как будто хотел что-то доказать, как будто готовил выставку для сочувствующей публики. Если ее привлекли его рисунки, то при виде картин она будет просто сражена.

Опасность ей не грозит. Не может грозить. У мальчишки в капюшоне и их друга из шестнадцатой квартиры ничего нет против нее. Она всего-то пробыла в доме пять минут. И Рот с Шейферами не имеют к ней никакого отношения, она просто не успела толком познакомиться с ними. К тому же если бы Эйприл узнала их получше, то зааплодировала бы их убийце. Старых уродов надо было приструнить. И наверное, за это его теперь и наградили. Они ведь могут устроить что угодно. Например, чтобы симпатичная девушка вошла в твою жизнь, когда твой разум разбит вдребезги. Вдруг появляется кто-то, кого восхищает твоя работа, кто хочет узнать тебя ближе. Кто-то, кто может сложить обратно осколки и сделать тебя цельным. Этот сукин сын в капюшоне намекал на что-то такое, он же сказал, что ему приготовили «награду», специально для него «кое-что на сладкое».

Смел ли Сет надеяться на что-нибудь подобное? Что получит такой подарок за все, что делал в той комнате, между зеркалами? Эйприл пробудила в нем нечто жизненно важное, давно умершее; за его непрезентабельной, потрепанной внешностью она разглядела что-то, интуитивно почувствовала в Сете нечто привлекательное. Посмотрев рисунки, она ведь даже заговорила о судьбе.

«Похоже, это судьба». И вот теперь она хочет увидеть другие его работы. И еще — есть и пить в его обществе. Эта особенная женщина, вероятно, даже придет к нему домой, чтобы взглянуть на его стены. Эти стены будут проверкой. Его творчество сразу же откроет ей, кто он такой. А она расскажет Сету о мастере и почему он вернулся и мстит тем, кто много лет назад поступил с ним нехорошо. Разве не это обещала ему Эйприл?

Может быть, с убийствами уже покончено и его работы будут становиться все лучше. Возможно, он даже получит тепленькое местечко старшего портье и сексуальную Эйприл в придачу. Они ведь могут сделать что угодно. Поставить тебя на колени, трясущегося от ужаса швырнуть, словно бревно, в морозную пустоту или же показать такие чудеса, что разинешь рот. Кажется, все складывается, его хотят наградить, повторял себе Сет снова и снова, пока сам не начинал верить в это, пусть ненадолго. Все должно сложиться в его пользу, просто обязано, потому что сам он ни над чем не властен.

Нельзя показывать свою нервозность, когда она придет. Он должен держать себя в руках, быть хладнокровным.

А она уже здесь. Медленно идет, разглядывая вывески на домах, высматривая то место, где он назначил ей свидание. Приятная дрожь прошла через все тело. Она прекрасна. И она для него, художника. Боже, он теперь художник. Наконец-то — художник!

Когда Эйприл вошла в бар, Сет поднялся, чтобы поприветствовать ее. Его ошеломил исходивший от нее сладкий головокружительный аромат — мистические свойства духов осознаешь в полной мере, когда ими веет от белой шеи прелестной женщины. Ее высокие каблуки зацокали по деревянному полу так звучно, что бармен обернулся.

Она нарядилась специально для Сета. Оделась, чтобы доставить ему удовольствие, — в простое, но элегантное черное платье и длинное пальто из тонкой и дорогой с виду шерсти. Вырез платья был довольно глубокий и частично открывал взгляду белые полукружья груди. Вечерний макияж аккуратно наложен на поразительно красивое лицо. Черные волосы, отливавшие синевой, закручены в изящный узел. Сет успел разглядеть выше черных туфель на шпильках совершенно прозрачные, сияющие чулки.

— Здравствуйте, Сет. Рада вас видеть, — сказала она и подалась вперед, чтобы поцеловать его в обе щеки.

Когда она приблизилась, Сет короткий миг упивался запахом ее помады и ароматом кожи. Он сразу же позабыл, с чего собирался начать. В его глазах загорелось восхищение. Сет покачал головой, выдавил из себя улыбку и проговорил:

— Вот это да!

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Эйприл рассмеялась, осознав, что ее усилия не пропали даром. Она несколько

перестаралась с нарядом просто потому, что обед с Сетом должен был перерасти в вечер с Сетом. Придется потратить немало времени, чтобы он перестал смущаться и доверился ей. Пить она будет очень умеренно. Сегодняшний день посвящен Сету. Тому, что он скажет. Эйприл знала: ее попытки произвести впечатление на мужчин обычно имеют успех.

Живот сводило нервной судорогой, но она понадеялась, что первый же глоток вина, которое Сет кинулся заказывать в баре, успокоит ее. Ей было трудно сохранять спокойствие с тех пор, как она познакомилась с Сетом. Эйприл пыталась отвлечься, посвятив весь день встречам с агентами и бесцельному блужданию по магазинам после разговора с Майлзом, который снова отказался верить в некий заговор, который привел к исчезновению Феликса Хессена из собственной гостиной с последующим сожжением его работ. Выслушав уверения в том, что присутствие Хессена в Баррингтон-хаус ощущается до сих пор, и узнав о ее намерении встретиться с Сетом и расспросить его, Майлз совсем спал с лица от беспокойства и огорчения. Как она может верить в подобные глупости?

Однако Сет, в этом она не сомневалась, обнаружил в Баррингтон-хаус работы Феликса Хессена. Должно быть, Том Шейфер ошибся: какие-то картины уцелели и до сих пор находятся где-то в доме. Вероятно, в самой шестнадцатой квартире. И портье их нашел. Эйприл намеревается узнать, как именно. Это просто неслыханно: Майлз ошибается, а «Друзья Феликса Хессена» правы!

В работах Сета безошибочно угадывался стиль и тематика Хессена, в них сквозит намек на истинное наследие Феликса Хессена как художника. Сет был очень способным. Он сумел симитировать то, что, должно быть, увидел в подлинной картине — масляном полотне, которое подняло ужас, заключавшийся в рисунках Хессена, на новый уровень. Майлз поверит ей, когда увидит работы Сета и подтвердит их сходство с творчеством Хессена.

И если она проявит должную осторожность, то, наверное, сумеет показать Майлзу невероятное: уцелевший оригинал. Нечто, обнаруженное в старом доме этим странноватым, одиноким ночным портье. Или переданное ему призраком Хессена. Однако то, что направляло руку молодого художника, вероятно, заставило его сыграть какую-то роль в убийстве самых старых жильцов. Эйприл признавала, что долговязый и погруженный в себя человек плохо ассоциируется с насилием, но кто-то же помог Хессену вернуться в дом. Кто-то был связан с не поддающимся осмыслению, но красноречивым злом, которое полвека обитает в Баррингтон-хаус. Теперь, когда Стивен начал ее избегать, подозреваемым номер один становится Сет. Он как-то замешан во всем этом, вчера вечером он сам себя выдал. Но как именно и почему, Эйприл даже не представляла, а чтобы двигаться дальше, требовалось кое-что понадежнее предположений и догадок. Здесь Майлз прав.

Сет вернулся от стойки бара с большим бокалом белого вина Эйприл сделала над собой усилие, чтобы сейчас же не засыпать его вопросами, напомнив себе, что надо соблюдать осторожность, если хочет добыть необходимую информацию. Точно так же, как она поступала в случае с Бетти Рот и Шейферами. Нужно задобрить собеседника. Рассказывая ей свою историю, старики ничего не выигрывали, зато, рассказав, многое потеряли. Во всяком случае, так кажется. Начинать разговор Эйприл предоставила Сету.

— Так расскажите же мне о Феликсе Хессене, — проговорил он, нервно прихлебывая пиво.

— Я, конечно, не специалист, однако, судя по тем вашим работам, какие мне удалось увидеть, вы можете поведать мне гораздо больше, чем я вам. Во всяком случае, о том, что касается стиля.

Сет смотрел на свои руки, мусолившие над столом папиросную бумагу. Она снова заставляет его нервничать. Эйприл сменила тему:

— Можете взять эту книгу. Я знакома с ее автором, Майлзом Батлером. Это единственная опубликованная работа о Феликсе Хессене. — Эйприл вынула из сумочки сочинение Майлза и протянула через стол. — Я уверена, на искусствоведа ваши работы тоже произвели бы неизгладимое впечатление. Он работает в галерее Тейт.

Сет залился румянцем и коротко кивнул, затем вцепился в книгу и положил себе на

колени.

— Вы так тепло отзывались о моих рисунках. До сих пор меня не особенно поддерживали. — Сет нервно рассмеялся. — Но все меняется. Я тружусь над весьма амбициозным проектом. У себя дома, прямо в комнате. Точнее сказать, в студии.

Глаза у него внезапно загорелись таким ярким огоньком, что Эйприл вздрогнула.

— Возможно, я мог бы показать свою работу этому вашему знакомому, прежде чем переносить на холст.

Эйприл медленно скрестила и вытянула ноги так, чтобы ему их было видно. После чего принялась расспрашивать Сета о нем самом: где родился, где учился, о семье, — из-за последнего вопроса Сет сейчас же снова смутился и ушел в себя. Казалось, собственное прошлое не имело для него никакого значения. Его, похоже, не занимало ничто, кроме последней работы, о которой он говорил с большой охотой, но как-то неопределенно. Или же, как подозревала Эйприл, был не в силах описать словами, что же он пытается породить.

Вернувшись к столу с третьей порцией напитков (Эйприл перешла на колу после первого бокала), Сет, кажется, сделался более откровенным.

— Эйприл, я уже даже не пытаюсь анализировать то, что получается. Это ни к чему не ведет. Но мне кажется, будто я напрямую связан с чем-то в самой глубине моего сознания. И оно имеет некое отношение к понятию запредельного. И вероятно, к тому, что наступает потом. Ну, вы понимаете, после этой жизни. Однако выразить это возможно только через образы. Тут не найдется подходящих слов. Я не могу объяснить.

Эйприл внимательно наблюдала за тем, как взгляд Сета быстро переходит с предмета на предмет, как молодой человек непрерывно курит и ерзает на стуле, но ей не казалось, будто бы он пытается нагнать тумана, чтобы набить цену своей работе. Причина была в чем-то ином. Она понимала, что Сет сильно встревожен, вероятно даже испытывает страх перед тем, что творит, несмотря на свое горячее желание продолжать.

Сет постоянно говорил о Лондоне, о его жителях и не мог найти добрых слов ни для первого, ни для второго.

— Это кошмарное место, Эйприл. Все здесь так трудно, все рассыпается на части. Этот город меняет людей. Любого, кто задерживается в нем. Энергетика повсюду нехорошая, здесь ничего не получается. Я пытался справиться с этим с того дня, как приехал сюда. — Сет постучал по обложке Майлзовой книги. — Мне кажется, Хессен чувствовал то же самое.

Иногда было трудно уследить за развитием мысли и уловить смысл слов Сета. Идеи и образы в его голове стремились одновременно выплеснуться наружу. Создавалось впечатление, что, высказываясь перед ней вслух, Сет пытается разобраться в собственной сумасшедшей логике. Казалось, портье измучен до предела. После того как он осушил третью пинту, Эйприл предложила пойти куда-нибудь перекусить, опасаясь, что иначе он напьется в стельку и не сможет рассказать ничего путного.

За обедом она выберет подходящий момент, чтобы расспросить о Баррингтон-хаус и шестнадцатой квартире. Сет делался все более словоохотливым и отчаянно пытался произвести на нее впечатление. Еще немного, и она вытянет из него, что он видел, что знает и что сделал.

Должно быть, прошла вечность с тех пор, когда Сет в последний раз общался с женщиной. Эйприл видела, какими глазами он смотрит на нее, и ей становилось неловко. Теперь речь уже не шла о том, чтобы вызвать доверие к себе, а скорее о том, чтобы справиться с последствиями. Однако в маленьком индийском ресторанчике, куда он привел ее, настроение Сета внезапно переменилось. После того как они сделали заказ, что-то за окном как будто привлекло его внимание. Эйприл повернула голову, следя за его взглядом, но не увидела ничего, кроме обычной пестрой толпы, заполняющей улицы города, который не в состоянии постоять спокойно хотя бы минутку.

— Кто там? Ваш знакомый? — спросила она.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Он был тут, стоял в переулке прямо напротив окна ресторана, где сидели они.

Силуэт соткался из мутных теней и оранжевого света окон соседнего бара. Руки в карманах, овальный зев капюшона развернут в их сторону — выжидает. Мальчик на короткий миг исчез, когда по улице прокатил девятнадцатый автобус, но затем снова появился.

— Баррингтон-хаус, — услышал Сет слова Эйприл, которые как будто послужили сигналом фигуре в капюшоне, чтобы явиться и нарушить их уединение.

И вот теперь Эйприл смотрела в ту же сторону. В темноту за окном, которая быстро сгущалась и смазывала детали: кирпичи сливались с бетоном, машины — с асфальтом, мелькающие ноги и блекнувшие краски исчезали в мутных лондонских сумерках. И каким бы острым ни был взгляд этих прекрасных глаз, Сет уже понимал, что Эйприл не сумеет увидеть его соглядатая. Выжидая и наблюдая, тот являлся к нему. К нему одному.

— Кто там? Ваш знакомый?

Сет покачал головой, его лицо совсем побелело, хотя он и так обычно был бледен.

— Нет. Просто показалось.

Сет снова обратил свое внимание на Эйприл, но никак не мог сосредоточиться на ее словах: взгляд постоянно обращался на улицу за окном, на то, что так внезапно отвлекло его от нее.

— Расскажите мне о Феликсе Хессене, — попросил он, внезапно посерьезнев и не заметив появления на столе двух тарелок, одной шипящей, а другой — исходящей паром. — Пожалуйста.

Он не обращал внимания на еду, внимательно слушая, пока Эйприл не закончила короткий рассказ фразой о том, что замысел художника остался незаконченным, поскольку ни одно из апокалипсических полотен не уцелело. Она так и не выдала ему всего. Эйприл часто мысленно одергивала себя, она опустила некоторые подробности. В особенности то, что составляло неофициальную версию, какую ей удалось сложить по кусочкам. Эйприл не стала говорить о том, как Бетти Рот, Шейферы и Лилиан замечали перемены в доме, о том, что именно всем им снилось после исчезновения Хессена. Обо всем, что они видели в зеркалах, картинах и на лестничных пролетах, о том, что слышали под дверью. Обо всем этом Эйприл умолчала, изобразив Хессена эдаким непонятым эксцентриком и отшельником, решив, что подобный портрет напомнит Сету его самого.

Сет принялся задавать сжатые, прямые вопросы. Выспрашивал ее об оккультных занятиях Хессена, о предположениях касательно исчезновения художника, о его идеях, его одержимости смертью, об изданиях, повествующих о его жизни, о том, почему он изучал анатомию, и чего, как кажется Эйприл, он пытался достичь. И, стараясь удовлетворить его ненасытное любопытство, Эйприл упомянула о Вихре.

Лицо Сета окаменело от потрясения или страха, она не смогла определить. Взгляд сделался диким, а голос дрожал, пока он снова и снова расспрашивал о Вихре, о горячем желании Хессена заглянуть внутрь его. Нет ли у Эйприл других книг? Можно ли ему почитать дневники ее двоюродной бабушки? Это важно, заявил он и даже протянул через стол руку, чтобы крепко взять Эйприл за запястье.

— Эйприл, мне необходимо знать, — сказал Сет, глядя на улицу, и его нижняя губа шевелилась, пока он бормотал что-то себе самому. — Прошу вас, это очень для меня важно. Для моей работы. Вы можете мне помочь?

— Но почему, Сет? Почему это так важно? — спросила она улыбаясь, стараясь немного отвлечь его.

— Я не могу рассказать вам. Пока не могу. Но возможно, позже...

— Сет, я очень хочу вам помочь, я сделаю все, что будет в моих силах. Меня так заинтриговала ваша работа, и Майлз тоже заинтересуется. Думаю, он начнет содействовать, как только увидит, какой вы талантливый. Уж он точно знает о Хессене гораздо больше меня.

У меня ведь нет специального образования.

— Вы все прекрасно изложили.

Сет уставился в тарелку и подцепил вилкой немного басмати. Он на несколько мгновений закрыл глаза, затем извинился и вышел в уборную, где и застрял минут на десять.

Когда он вернулся, одна рука у него дрожала. Эйприл сделала вид, будто ничего не замечает, однако спросила, отчего он не ест. На что Сет нервно хмыкнул и ответил, что предпочитает курить. После чего снова посмотрел на улицу, на какую-то точку, которая так его притягивала.

Эйприл его теряет. Он казался бесконечно несчастным. Теперь он ерзал на стуле как сумасшедший и силился выровнять дыхание, словно переживал внезапный приступ паники. Эйприл подозревала, что в любой момент он может извиниться и уйти.

Она потянулась к нему и взяла за руку.

— Происходит что-то не то, Сет. Не смущайтесь. Я вижу, что вы постоянно напряжены. Может быть, вам станет легче, если мы пойдем к вам? Вы покажете мне свою работу. Если здесь вы чувствуете себя неловко.

— Простите... — сказал он. — Я... Дело в том... Просто... — Но он так и не сумел закончить фразу.

— Давайте я попрошу счет. И пойдем в какое-нибудь другое место, где вам станет легче.

Оказавшись на улице, Сет зашагал так быстро, что Эйприл не поспевала за ним на каблучках, она попросила его сбавить шаг.

— Простите. Простите меня, Эйприл, — трижды повторил он.

— Все нормально. Честное слово.

Было холодно. В спину им дул сухой пыльный ветер.

— Иногда... Дело в том... Я должен... Это сложно описать.

— Тогда не надо. Просто идем к вам домой.

— Вы так добры. По-настоящему добры. Вы меня смущаете.

— Не говорите глупостей. Может, купить что-нибудь по дороге? Вина, например?

— Кажется, у меня есть. В холодильнике. В моей комнате мало мебели, только холодильник и кровать. Это скорее место для работы. Но вы все равно ужаснетесь. В смысле, там жуткий беспорядок.

— Не надо оправдываться, Сет. Видели бы вы мою прежнюю квартиру в Штатах!

— Правда?

Но он снова отвлекся и огляделся. Сет сверлил взглядом каждого, кто проходил мимо, всматривался в двери магазинов на противоположной стороне улицы, заглядывал в переулки.

Пока они шли от Аппер-стрит до его дома в Хакни, атмосфера вокруг менялась. Эйприл и почувствовала, и заметила это. На улицах попадалось все меньше людей, торговые точки закрывались. Они проходили мимо лавочек, непривлекательных пабов и многочисленных закусочных с рукописными объявлениями в витринах. Прямоугольные громады дешевых многоквартирных домов, обнесенные железными заборами, возвышались и нависали над провалами ветхих викторианских домиков.

— Надеюсь, я не тороплю события? Мне бы не хотелось навязываться.

— Нет. Вовсе нет, — проговорил Сет рассеянно, оглядываясь через плечо. — Мне очень важно узнать ваше мнение. Я хотел бы показать работу прежде всего вам, Эйприл. Мне кажется, вы поймете. Я уверен в этом.

— Почему?

— Просто вы говорили о видениях Хессена. Мне думается, я охочусь за тем же самым.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Поднимаясь по темной захлавленной лестнице, Эйприл с каждым шагом все больше

жалела, что выразила желание увидеть творение Сета. Но не из страха — она считала Сета безопасным. Эксцентричным, впечатлительным, чувствительным, но не агрессивным. Однако в его характере имелась и другая сторона, какую она только что начала узнавать. С его углубленностью в себя и сменой настроений, с нескончаемыми странными ремарками, которые то и дело проскальзывали в торопливых и взволнованных монологах, она могла примириться, однако этот затравленный взгляд, вызванный каким-то неведомым ужасом, сейчас тревожил ее сильнее, чем в ресторане. Потому что теперь Эйприл отчетливее замечала его. Как будто бы Сет все ближе подводит ее к тому, чего ей тоже следует опасаться.

Однако, представляя, как живет молодому человеку над этим паршивым пабом, среди ободранных стен, вонючих ковров и темных коридоров с грязными окнами, выходящими на загаженные дворы и размалеванные гаражи, Эйприл испытывала сочувствие к Сету и его убогому прозябанию. Бодрствовать ночами в Баррингтон-хаус в ослепительно-ярком свете фойе и отсыпаться днем в здешних мебелишках, в этом депрессивном окружении, среди ненормальных, опасных, выброшенных обществом личностей, в то же время пытаясь воплотить некое абстрактное, мучительное видение, — да тут кто угодно рехнется! Эйприл одернула себя, не давая состраданию отвлечь ее от главной цели: она пришла сюда, чтобы выяснить, насколько тесно связан Сет с тем кошмаром, с разрушительной силой, которая до сих пор обитает в Баррингтон-хаус.

Эйприл шла за портье по дому, провонявшему мужским потом, жареным беконом и мокрой одеждой на батарее. От всех этих запахов она морщилась, карабкаясь по многочисленным лестницам и огибая острые углы, а коридоры исчезали в темноте или же завершались бурыми дверями.

Когда Сет наконец-то повел ее через площадку, загроможденную старыми гардеробами, столами и сломанными стульями, а затем по узкому проходу к своей лачуге, Эйприл едва не падала от усталости. Она раздраженно взглянула на свою ногу, которой трижды в темноте натыкалась на что-то острое. По чулкам растянулись три длинные стрелки.

— Здесь кошмарный беспорядок. Поймите меня правильно, это просто студия. Обычно я так не живу.

— Я понимаю. Можно войти? Мне не хотелось бы стоять в коридоре.

Голос Эйприл от раздражения прозвучал жестче обычного. Она оглянулась через плечо на темный коридор, который они только что форсировали. Это место наверняка проклято. Как здесь вообще можно находиться?

«Обычно я так не живу».

Да и кто бы смог? Не лишившись при этом рассудка?

Он расписал паршивые стены.

Покрыв три четверти комнаты мазней, которую большинство психиатров признали бы работой безумца.

Из-за фигур, болтающихся во тьме, которой не было конца, все чувства Эйприл, кроме зрения, отключились. Работа была совершенно детской по своей простоте. Примитивизм, неприкрытый и громко заявляющий о себе, не допускающий проработки лиц. Он был призван сразить зрителя наповал уродством и физически ощущаемой паникой.

Эйприл пришлось сесть на кровать. Она и смотрела на стены, раскрыв рот, смотрела на перекрученные существа, скалящиеся или визжащие в темноте и бесконечности.

— Это просто лаборатория, где рождаются идеи. Пробные этюды. Предварительные наброски к ним у вас за спиной. Большинство из них я нарисовал за время ночных дежурств. А в чемодане и в этих папках у меня есть еще. На стенах я просто пытался найти цвет. И еще сочетание текстур в фоне, чтобы он по-настоящему... По-настоящему потрясал.

И этот фон, совершенно точно, потрясал. Если бы Хессен занялся живописью, то его работы выглядели бы именно так. Эйприл оторвала взгляд от стен и уставилась в пол, застеленный простынями в пятнах краски и чего-то жирного. В одном углу комнаты была свалена кучей одежда. Мебели, кроме пожелтевшего старого холодильника и пропотевшей

кровати, не было. Ни одному предмету не позволялось отвлекать ее от созерцания картины и тех, кто вызвал с нее: изуродованных, распятых, освежаванных, пригвожденных к пустоте.

Мучимые и пытаемые не стремились к диалогу, не пытались что-либо рассказать — они просто существовали, чтобы поглощать внимание публики. Эйприл ударило кулаком ужаса и окатило ледяной волной узнавания. Как будто самые безрадостные и болезненные моменты жизни любого зрителя — бессильные метания сомнений и отчаяния, удушливое отвращение и ненависть к себе, оцепенение горя и путы страха — персонифицировались в этих фигурах. Это были те же самые наводящие жуть образы, наполовину разрушенные болью, переживающие муки распада, которые Хессен изображал в своих рисунках с 1938 года. Однако Сет перевел эти идеи на следующую ступень, используя в качестве отправной точки наброски Хессена, чтобы все, обещанное ими, смогло воплотиться на большом холсте и в богатых оттенках масляных красок.

— Вы видели его работы, Сет. Где-то видели. Должны были видеть. Признайтесь мне, Сет. Прошу вас. Именно поэтому вы и служите в Баррингтон-хаус. Вы знали о нем.

Сет отрицательно покачал головой и отошел от окна, где стоял до сих пор, наблюдая потрясение Эйприл.

— Нет. Я ничего о нем не знал, ни разу за всю жизнь не слышал о нем. Я изучал Брейгеля и Босха, Дикса и Гросса. Все они были мне близки. Наверное, поэтому я и оказался подходящим кандидатом для этого дела. Для продолжения работы. А Лондон прекрасная среда для воплощения. Разделяющая грань здесь тоньше, все лезет наружу.

— Что вы хотите сказать? — спросила Эйприл, интуитивно почти понимая, но не желая воспринимать правду.

— Со мной что-то случилось, мне снились сны. На работе и здесь. И фрагменты этих снов остались со мной, когда я проснулся. После чего мир сделался не таким, каким был раньше. Я решил, что схожу с ума. Я начал грезить наяву, Эйприл! После того как в шестнадцатой квартире кто-то стал издавать странные звуки, будто для того, чтобы привлечь мое внимание. Поэтому я вошел туда. И увидел картины. И понял то, что вижу. То, что показывал мне во сне мой хозяин.

Сет замолчал. Выражение ее лица заставило его замолкнуть. Когда он заговорил о картинах в шестнадцатой квартире, Эйприл ощутила, как волосы на голове зашевелились.

— Картины? Картины Хессена до сих пор в доме? — Она поднялась. — Расскажите мне, Сет. Расскажите правду. Неужели картины до сих пор в его квартире?

Сет отвернулся и скроил такую гримасу, словно кто-то неприятный вошел в комнату, после чего произнес:

— Иди на хрен!

— Что?

— Простите. Это я не вам.

— Сет?

Он помотал головой, губы его шевельнулись, словно он собирался заговорить с дверью. Вдруг Сет отвернулся, закрыл руками белое искаженное лицо и вздохнул.

— Это... Это небезопасно.

— Небезопасно? Я не понимаю. О чем вы говорите?

Он тяжело шлепнулся на кровать, сжимая голову.

— Не могу рассказать, вы мне не поверите. Мне не следовало туда заходить. Это запрещено. Вы не должны упоминать об этом. Мне только нужно было узнать, не проник ли в квартиру вор, ведь оттуда доносился шум. И телефон звонил. Но потом я увидел их. Картины. Господи, эти картины!

Замолкнув, Сет снова посмотрел на красную дверь, словно кто-то постучал или окликнул его из коридора.

— Следи за базаром, гад, когда разговариваешь со мной! Сет, ты должен показать ей картины. Так говорит наш друг. Он хочет встретиться с этой сучкой, которая повсюду сует

свой нос. Как и ее бабка. Там будет на что посмотреть. Ты же знаешь это лучше многих, приятель. Так что приведи ее наверх. Ты знаешь куда. Она последняя! Ты почти справился, приятель. Закончишь, тогда получишь то, что заслужил. Он все для тебя устроит. Ты многое выиграешь, приятель. Будешь жить рядом с нами, будешь рисовать свои картины и жить внизу. Совсем близко. Мы всегда будем вместе. Так что делай, как тебе приказано, и тащи эту девку наверх!

— Какие картины? Картины Хессена?

Сет испустил тяжкий вздох, затем сглотнул комок в горле. Он оторвал взгляд от двери и посмотрел на нее, как показалось Эйприл, с жалостью.

— Вы должны понять. До сих пор ничто так не вдохновляло меня. Ни один другой художник не взывал ко мне так. Он заново научил меня всему. Показал, как обрести собственный голос, Эйприл. Но...

У Эйприл закружилась голова. Ей сделалось дурно от его сбивчивых полоумных речей и внезапного подтверждения, что картины Хессена все-таки существуют. Все равно что опять прочесть дневники Лилиан и получить доказательства всему в них сказанному — от этого нервного, одержимого молодого человека, у которого под глазами огромные синяки, как у смертельно больного.

— Мне нужно выпить.

Эйприл залпом проглотила дешевое белое вино, которое нашлось в холодильнике. Оно хотя бы было холодным. Затем она снова опустилась на кровать, пытаясь прийти в себя.

— Сет, я хочу знать, что обитает в шестнадцатой квартире.

Он поморщился и плеснул вина в грязную кофейную чашку, после чего закурил очередную сигарету.

— Я хочу знать, что произошло с моей двоюродной бабушкой и с остальными. Вы же знаете, Сет, что он убил их. Что он до сих пор находится в доме. Вы же знаете!

Сидя на краешке кровати, он весь как будто усох; уронил голову между коленями, выгнув дугой спину, отчего под тонкой тканью рубашки проступили острые позвонки. Эйприл так быстро закинула ногу на ногу, что чулки взвизгнули.

— Вы ему помогали?

— Меня обвели вокруг пальца.

— Как? Как вы это делали?

Сет поднял на нее лицо, бледное, дикое.

— Я просто позволял их забирать. Я не знаю... — Он сглотнул комок в горле и посмотрел на дверь, в широко раскрытых глазах блеснули слезы. — А потом становилось уже слишком поздно.

Эйприл положила руку ему на предплечье, Сет поглядел на нее и зарыдал.

Эйприл заговорила, обращаясь не только к Сету, но и к себе:

— Все равно никто нам не поверит. О том, что мы знаем, что знаем только мы. — В ее глазах загорелся такой решительный огонек, что Сет просто испугался. — Но, Сет, его необходимо отправить обратно, и вы это знаете. Ту дверь, через которую он явился, необходимо запереть. Он убил моих родных, и вы ему помогли. Так что теперь вы должны помочь мне. Иначе начнутся неприятности, и вам с ними будет не совладать. Майлз, мой друг, тоже в курсе. Он в курсе всего, поэтому со мной ничего не случится, когда я войду в шестнадцатую квартиру и заткну это чертову дыру. Вы меня понимаете?

В темном коридоре кто-то споткнулся и выругался с сильным ирландским акцентом. Сет и Эйприл разом вздрогнули, девушка схватилась рукой за сердце.

Сет дернул головой.

— Дело не в этом. Провести вас туда проще простого. Дело не в том.

— Тогда в чем?

Сет оглянулся на дверь и зашептал, как будто опасаясь, что его кто-нибудь подслушает:

— Это опасно.

Эйприл ощутила, как холодеет кожа, как по всему телу бегают мурашки.

— Почему?

— Эта квартира... Все изменяет. Заходить туда нельзя. И еще я сомневаюсь, что кто-нибудь другой сможет увидеть... Увидеть картины.

Последние слова Сет проговорил с такой убежденностью, что Эйприл содрогнулась — ее словно прохватило сквозняком от старого окна с деревянными рамами, которые были некогда выкрашены белой краской, но теперь совсем облупились.

Сет указал на стену.

— То, что он сотворил, ни с чем нельзя сравнить. Вот это всего лишь копия. А его картины... Они просто неправильные. Невероятные. Они движутся, они живые.

Сет отвернулся, словно был не в силах вынести выражение страха на ее лице.

— Он до сих пор там. Хессен. В той квартире. И он там не один.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Наконец-то настал тот час, когда он может вернуться в свою квартиру на цокольном этаже. Стивен шагал вниз, ощущая усталость в мозгу, спине и ногах, как будто все его существо было изнурено непосильным трудом. Он шел к жене. Обычно он спускался к ней на полчаса во время обеденного перерыва, а возвращался совсем в половину седьмого вечера, когда на смену заступал ночной портье.

Стивен составлял для Дженет все ее общество, был для нее единственным живым голосом, хотя давно уже считался молчуном. Обитатели дома предпочитали говорить сами и любили старшего портье за то, что он слушает, а не заполняет их пространство и время своей персоной. Подобная тактика имела ряд преимуществ. Чем меньше болтаешь, тем проще живется.

Стивен подошел к двери своей казенной квартиры в единственной части цокольного этажа, застеленной ковром. Рядом скрежетал, звякал и тяжело вздыхал мотор, приводивший в движение лифт — он заглушал даже далекое гудение бойлерной. Эти звуки населяли пространство внизу постоянно, стоит немного сосредоточиться, и услышишь. После переезда сюда, когда Стивен только получил эту работу, они оба с Дженет сомневались, что смогут привыкнуть к постоянному шуму. Но если Стивен и научился чему-либо, служа старшим портье в Баррингтон-хаус, так это тому, что человек быстро привыкает ко всему и смиряется с тем, что не в силах изменить.

Вставляя ключ в замочную скважину, он подумал, а сознает ли теперь Дженет грохот механизмов в подвале или гул машин, проезжающих по улице над их квартирой. Дженет ведь теперь вообще не выходит из дома, если только он не вывозит ее куда-нибудь. Но не дальше мили в любом направлении.

В их малюсенькой прихожей, где нельзя было даже толком наклониться, Стивен сбросил с ног ботинки. Теплый воздух и запах выделений больного человека немедленно ударили в лицо. Квартира мала даже для одного, не говоря уже о двоих. Однако Дженет почти не двигается, поэтому им хватает.

Протянув руку, Стивен нащупал выключатель рядом с дверью гостиной. Старые занавески и дешевый ковер задавали оранжевый тон, и этот цвет почему-то еще сильнее сжимал пространство. Стивен не любил задерживаться дома надолго и по вечерам почти сразу же ложился спать. Чтобы забыться после полного скорби дня.

В обед он не стал спускаться, чтобы включить Дженет телевизор. Сегодня не смог, наверху было полно работы. Поэтому Дженет так и провела весь день и часть вечера в темноте.

Безмолвная и неподвижная, она сидела в кресле точно в той же позе, в какой он оставил ее поутру, в розовом халате и с пледом в шотландскую клетку, брошенным на ноги.

Стивен почувствовал запах мочи.

Должно быть, она хочет пить — стакан с соломинкой на маленьком столике у нее под

рукой был пуст.

Но экскрементов не было. Ах да, она сходила утром, до того, как он ушел наверх.

Стивен с удовольствием открыл бы окно, чтобы проветрить маленькую комнатку — из-за близости к бойлеру жара стояла невыносимая, — однако окно располагалось прямо за креслом Дженет, а он не хотел, чтобы ее продуло.

В кухне, вечно напоминавшей ему о трейлерах, которые они арендовали в Девоне, Стивен открыл холодильник. Вся пластиковая мебель и миниатюрная встраиваемая техника были как будто созданы для кукольного домика. Тоже мне, жизнь.

Холодильник загудел и затрясся. Еще осталось три готовых обеда для микроволновки. Он разогреет жаркое по-ланкаширски. Карри что-то не хочется после того, как целый день нюхал подмышки Петра. Когда он подкрепится, то покормит Дженет макаронами с сыром, только сначала как следует остудит. Она не может пожаловаться, если слишком горячо, — приходится читать по глазам.

Когда микроволновка забурчала, позвякивая, и залилась светом, Стивен вошел в комнату и включил телевизор пультом и сейчас же убавил звук. Затем он медленно развязал серебристый галстук, расстегнул пуговицы на манжетах и закатал рукава. Дженет наблюдала за ним.

Стивен достал из маленького шкафчика над камином бутылку односолодового виски «Мистер Альфрези», подаренного ему на прошлое Рождество. Последняя бутылка, однако под Рождество жильцы особенно щедры. Заботься о них, и они позаботятся о тебе, он всегда так говорит своим подчиненным, и Сету скажет то же самое, когда будет сдавать ему казенную квартиру. Оставит несложные инструкции, даст пару советов — он мечтает об этом последние десять лет. И скоро свершится!

Стивен сделал два больших глотка прямо из бутылки и поморщился, когда обожгло горло. Да, это Рождество будет удачным.

На прошлое он получил три тысячи на чай, четыре бутылки шампанского, две бутылки хорошего красного вина и восемь — односолодового виски. А этот год будет еще лучше. Его жена сильно больна, и все об этом знают, к тому же ему пришлось улаживать формальности, связанные с внезапными смертями миссис Рот и старого Тома Шейфера, проявляя «громадное сострадание», как отметила миссис Глок. Дочь Бетти Рот даже пожалала ему обе руки и со слезами на глазах сообщила примерно то же самое. Кажется, ее мать очень его любила. Хотя лично Стивен не замечал этого.

Он прошелся по комнате и, испустив вздох, тяжело осел на диван рядом с Дженет. Затем поставил ноги на маленькую мягкую скамеечку, снял очки и потер глаза.

Дженет смотрела в пол перед своим креслом. На ее лице не отражалось никаких чувств. В последнее время она, кажется, ни на что не реагирует. За исключением одного. Только одно явление неизменно возвращает ее к жизни.

Стивен сделал еще глоток из бутылки и удовлетворенно вздохнул:

— Знаешь, дорогая, по правде сказать, я ужасно рад, что ни разу не видел того, что видела наверху ты. В той квартире. Сегодня ночью Сет пойдет туда и исполнит приказание мальчика. Он проводит ту симпатичную девушку, которая унаследовала старую квартиру Лил. Ее двоюродную. После чего я выйду из дела, дорогая моя. Раз и навсегда. Только меня и видели.

Дженет смотрела в пол. На самом деле она уже до смерти ему надоела. Если бы Стивен был честен с самим собой, то признал бы, что с ней никогда не было хорошо. Но что он мог понимать тогда, когда они только поженились? В те времена у молодых людей не было особых возможностей и права выбора, какие имеются сейчас. Если бы можно было вернуться назад, он бы все переиграл. Но скоро все изменится. Еще немного, и он выберется отсюда и заживет в свое удовольствие. Вместо того чтобы прозябать в этой душливой клетушке в подвале, угождая богатым уродам вроде Глок или Бетти Рот.

Стивен кивнул в сторону Дженет, подняв бровь, чтобы особо подчеркнуть свои слова:

— Мы с тобой слишком хорошо знаем, что бывает, когда вмешиваешься в подобные

дела, верно, дорогуша? Я говорил это раньше и скажу снова: мертвые должны оставаться с мертвыми. Верни их с того света, и хлопот не оберешься. Но ты же не захотела меня слушать.

Микроволновая печь на кухне звякнула. Стивен поднялся с дивана и вышел. Отдирая с жаркого дымящуюся крышку, он говорил, рассеянно оборачиваясь через плечо:

— Нет же, тебе надо было сунуться наверх на пару со старой Лил, болтаться по той квартире, выискивая нашего сына. Если бы ты не ходила туда и не искала его, ничего не случилось бы. Поэтому я и считаю, что это ты во всем виновата. И я совершенно серьезно. Если бы ты не вытащила нашего паршивца оттуда, где он в тот момент переворачивал все с ног на голову, старуха Рот и Шейферы до сих пор проедали бы плешь всем обитателям Баррингтон-хауса. А мы не застряли бы здесь до самой их смерти. Это ты знала? Теперь знай.

Стивен отвернулся от стола с коробкой, в которой был его ужин.

— Поверить не могу, что этот злобный подонок когда-то был нашей плотью и кровью. — Стивен покачал головой. — Господи, я до сих пор в шоке от того, что он заставил Сета сделать такое со старыми Шейферами и Бетти. Хотя, с другой стороны, чему я удивляюсь? Все те годы, что я служил нашей стране в Ирландии, ты позволяла этому гаденышу развлекаться в свое удовольствие, пока он не угодил в колонию для малолетних преступников. Разве не так все было? Ему нравилось находить неприятности на свою задницу, и в итоге его сожгли. Господь всемогущий! Но только мертвый он гораздо опаснее живого!

Стивен вывалил месиво из овощей и тушеного мяса в тарелку из жаропрочного стекла и оторвал пластмассовую вилку от бортика упаковки.

Дуя на еду и быстро отправляя ее в рот, Стивен говорил:

— Мне следовало бы догадаться, что Сет прекрасно справляется со своей работой. Так же как и я. Хотя могу не без гордости признать, что я заметаю следы куда тщательнее. Сет вечно оставляет двери открытыми, никогда не продумывает все до конца. Он слишком импульсивный для этого дела. Но я всегда за ним все прибираю, расставляю по местам. Как всегда, расставляю по местам в этой чертовой квартире. Проверяю, как велел наш сынок, чтобы символы оставались за картинами, все на нужных местах, сколько бы раз в доме ни переделывали интерьер. Я неплохо потрудились на лестницах в западном крыле, когда закупили новые репродукции. Пришлось попотеть над квартирами, которые указал мне сынок, чтобы сохранить все в неизменном виде и удержать некоторых жильцов в доме до самой их смерти. Которой Сет поспособствовал удивительно ловко. Честно говоря, нанимая его, я не верил, что этот парень вообще способен на такое, поэтому считаю, наш отпрыск и те другие, с которыми он связался теперь, довольны моей работой. Поразительно, как этот мелкий паразит прикидывается скромником. Сама застенчивость, когда является навестить мамочку.

Стивен откинулся на спинку дивана и облизнул губы. Провел языком по деснам.

— Однако я подозреваю, что Сету наверху показали примерно то же, что и тебе, когда ты провела там ночь. — Он взмахнул вилкой, подчеркивая свои слова. — Но Сет художник, как раз это он и хотел увидеть. Ну, понимаешь, для вдохновения. Художники нуждаются во вдохновении. Именно так сказал наш сынок, когда я в последний раз его видел. И Сет гораздо крепче других, он выносит все это. Подумать только! Не то что все мы. Или, если на то пошло, ты. Только взгляни на себя. Вот что бывает, когда лезешь куда не следует. Хотя интересно узнать, что ожидает эту девчонку, Эйприл. Я не спросил сына, как он заставил Сета согласиться отвести ее наверх, однако я никак не могу отделаться от мысли, что она увидит там нечто такое, чего никак не ожидает.

Стивен доел жаркое в задумчивом молчании. Он был голоден, поэтому подобрал все горошины на тарелке.

— Ладно. Приготовлю тебе макароны с сыром, дорогая. Когда-то ты их любила, хотя, по моему мнению, они выглядят и пахнут как дерьмо, да и на вкус не лучше.

Вернувшись в кухню, Стивен выбросил коробку от готового обеда в мусорное ведро, а тарелку поставил в голубую мойку.

Когда ужин Дженет был готов, он опустился на колени перед креслом, подцепляя на вилку макароны с края тарелки и дуя на них, чтобы наверняка остудить.

— Вот так должно быть в самый раз.

Не глядя ему в глаза, Дженет брала с вилки еду, вяло жевала и проглатывала.

— Но вот девушка, — снова заговорил Стивен. — Ее судьба все равно расстраивает меня. Потому-то я и пью. За этот вечер я приговорю всю бутылку, попомни мои слова. И я был бы заранее признателен, если сегодня вечером ты бы вела себя тихо.

Дженет посмотрела на мужа, и глаза у нее широко распахнулись.

— Она очень симпатичная, Дженет. Я уже рассказывал тебе. Прелестная девушка, к тому же с хорошими манерами. И, несмотря на эти ее татуировки, она такая же обходительная, какой была Лилиан. Эйприл очень напоминает мне старуху Лил, честное слово.

Он со вздохом покачал головой, сунув в рот Дженет подряд три вилки с макаронами. У Стивена заныли колени, и ему хотелось побыстрее покончить с ужином.

— Было очень неприятно смотреть на лица Бетти и старого Тома Шейфера, и я не хочу видеть, что они сделают с такой молодой и красивой женщиной, как Эйприл. Уверен, это просто неудачное стечение обстоятельств. Она всего лишь оказалась не в том месте и не в то время. Сунула нос куда не следовало, как и ты. Несчастный случай. Чертов случай, моя дорогая. И, как и ты, она вряд ли останется прежней. Никто не сохранил свое «я», однажды побывав рядом с ними. Ты-то знаешь, ты была. Эйприл еще повезет, если ее не разобьет паралич. Надеюсь, у нее просто не выдержит сердце. Честное слово, надеюсь, что она кончит не так, как ты.

Стивен бросил вилку на тарелку.

— Хватит. Мы же не хотим, чтобы ты снова растолстела. Заниматься физкультурой ты не можешь, а в этой жратве сплошной жир.

Стивен застонал и поднялся на ноги, оперевшись на подлокотник кресла Дженет.

— Принесу тряпку, а то у тебя весь подбородок заляпан.

Когда Стивен вернулся с мокрой тряпкой, которой вытирал столы в кухне, Дженет плакала. Он вытер ей подбородок.

— Если будешь капризничать, я снова посажу тебя в спальню и закрою чертову дверь. У меня был очень тяжелый день. Давай просто потерпим еще несколько недель, не капая друг другу на нервы. Тогда все закончится, все будет забыто. Полагаю, дочь миссис Рот продаст обе квартиры. Ты же не хуже меня знаешь, что жилье в этом доме идет нарасхват, и тогда я покончу со всем этим. Вряд ли я стану ждать больше месяца, потому что кто-нибудь наверняка въедет в шестнадцатую. И что тогда? Я могу застрять окончательно, снова вляпаться в это дерьмо. Благодаря тебе. Это уже рискованно. Две смерти подряд, миссис Шейфер в сумасшедшем доме, и девчонка на очереди. Так что я как можно скорее свалю эту головную боль на Сета и уберусь отсюда, моя дорогая. Как они и обещали. Тогда они отпустят меня. Я уже десять проклятых лет не могу уйти дальше Бонд-стрит.

Он пощелкал языком, глядя в потолок.

— Все это пойдет мне даже на пользу. Если подумать, то выглядеть все будет безупречно, комар носа не подточит. Я все продумал, дорогая. Не то что ты. Понимаешь ли, нервное напряжение из-за всех последних событий, долгие годы, полные забот о жене-инвалиде, наконец вдовство. Кто посмеет винить меня за то, что я просто оставлю записку? Просто-напросто соберу вещи и отправлюсь куда глаза глядят? Думаю, все обойдется.

Дженет застонала. Отрывистые вопли вырывались из глубины ее груди, взгляд блуждал по комнате, как будто она высматривала путь к спасению.

Стивен не обращал на жену внимания. Он разговаривал сам с собой, как будто она не слышала его. Расставлял для себя все по полочкам. Рассуждал вслух. Здесь многие так делают.

— Со мной у них не будет проблем. Я свои обязательства выполнил и теперь могу уйти. Наш сынок покажет, как убрать то дерьмо, которое не выпускает меня с этой квадратной

мили, изученной мною до последнего дюйма. Теперь очередь Сета. Они хотели художника, и я нашел художника. Хотя, надо сказать, Сет заключил с ними совсем иное соглашение. Я не поддался и не стал убивать стариков. Правда, видит бог, я часто подумывал об этом, мечтая выбраться отсюда. Но Сет согласился. Сразу. Господи, какой он бесчувственный. Так что я вытерплю еще пару недель, а потом снова отведу тебя туда. В последний раз. Одного визита будет достаточно. К тому же я заранее тебя предупредил. Так будет справедливо. Хотя точной даты я пока назвать не могу. Придется действовать, как только представится подходящая возможность, так что прояви терпение. А потом вы с малышом будете общаться сколько пожелаете.

Дженет попыталась приподняться. От напряжения глаза у нее выпучились, но Стивен, даже не глядя на нее, мягко обхватил жену под грудью и вжал обратно в кресло. Она выдохнула и снова замерла.

— Ну а что будет потом, ты понимаешь не хуже меня. Заметь, это всего лишь теория, потому что там для каждого свои правила, однако Сету отсюда не уйти далеко. Старине Сету вынесен приговор. Он будет жить в этой квартире, пока не подохнет. А ты нет, дорогая. Может, твое тело и умрет, когда все закончится, когда они найдут дорогу сюда. Но ты — никогда. Ты отправишься туда, куда ушел наш малыш, старуха Рот и Шейферы. Не исключено, что вы снова подружитесь. А мы и без того провели в обществе друг друга слишком много безрадостных мгновений, поэтому я не желаю видеть тебя в зеркалах и на картинах, что висят на лестницах. Это плохо сказывается на нервной системе. Мне кажется, ты, как никто другой, должна понимать это.

Стивен присел рядом с женой и снова приложился к бутылке. Дженет принялась издавать непрерывные ритмические рыдания.

— Нет смысла поднимать шум. Все это не имело к нам никакого отношения, пока ты не сунулась наверх.

Стивен снова поднялся и приблизился к креслу. Дженет отпрянула. Он снял тормоз с серых резиновых колес, откатил жену от стены и развернул к двери в спальню.

— Понятия не имею, что движет женщинами, честное слово, не знаю. Вечно суете нос куда не просят. А когда хорошенько получаете по нему, принимаетесь сокрушаться и стонать.

Стивен закатил кресло в крохотную спальню и остановил в углу рядом с кроватью.

— Я хочу остаться наедине с собой. Я весь день провел на ногах. Переодену тебя утром. Сейчас мне не хватит терпения.

Старший портье закрыл дверь, оставив жену в темноте. Снова усаживаясь на диван, он предположил, что жильцы будут особенно щедры в Рождество, когда он объявит о своем уходе с поста старшего портье Баррингтон-хаус.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

В час ночи, когда Эйприл пришла, дом Баррингтон-хаус окутывала сырая темнота. Огни почти во всех квартирах были потушены. Только в коридорах горели бесцветные электрические лампочки, освещающие затянутые мглой лестничные пролеты и угрюмые площадки. Но в этом свете не было ничего утешительного, ничего теплого, ничего, кроме тусклого мерцания, в котором никто не стал бы искать прибежища, даже если на улице сыро.

Из глубины холла Сет наблюдал, как Эйприл рассматривает сквозь стекло парадной двери стойку портье, место за которой он занял после захода солнца. Ночной воздух вокруг силуэта девушки растекался густой черной кляксой, словно на границе внешнего и внутреннего миров. Двух миров, разъединенных тонким стеклом.

Эйприл была одета в длинное темное пальто, волосы убраны под шарф. Сет почти ощущал ее запах, этот упоительно-сладкий аромат. Даже по другую сторону двери, до того, как она набрала код и вошла, Сет предвкушал ее вкус.

Позади стройного силуэта Эйприл Сет угадал дрожь автомобиля, а затем услышал шум мотора черного такси, проехавшего мимо. Неужели она приехала на машине? Он же велел ей

так не делать. Никто не должен видеть, как она входит в здание. Она никому не должна говорить, куда идет. Они ведь условились. Кто знает, как все обернется там, наверху? От одной мысли ему делалось дурно.

Сет взглянул на потолок. Часть того, что здесь обитает, должно быть, вырвалось из зеркальной комнаты еще в те времена, когда жильцы Баррингтон-хаус были молоды, еще до того, как здание состарилось под влиянием заразы, что живет теперь в обветшалых кирпичах.

Сет пришел к выводу, что нечто существует с начала времен, а здание Баррингтон-хаус всего лишь замочная скважина, сквозь которую вырывается сквознячок. Сам он может лишь догадываться о тех неведомых окольных путях, такими это влияние сумело распространиться. Хессен использовал поток, чтобы находить друзей и уничтожать врагов. А из всех, кто был с художником рядом, и из этих жутких существ, которые появляются во время приступов безумия или в ночных кошмарах, только люди, подобные Хессену, способны использовать Вихрь. И не пострадать при этом.

Хессен выжидал полвека, пока появится кто-нибудь, кому будет под силу завершить его работу. Он великий, в отличие от Сета, и Сет не может противиться его воле. Его наставник слишком долго ждал подобной возможности. Он даже стреножил миссис Рот и Шейферов, чтобы держать их при себе все это время, ни на секунду не забыв и не простив. Зато он отчетливо видел цель, как и полагается художнику.

Сет выбрался из-за стойки и пошел навстречу Эйприл.

— Вы приехали на такси. Я же просил вас не делать этого. Я же просил вас соблюдать осторожность.

— Ничего подобного. Я взяла такси только до Слоун-стрит, а оттуда шла пешком, как вы и велели. — Она протянула руку и коснулась его. — Все в порядке. Вы можете мне доверять, Сет. Я хочу, чтобы вы мне верили.

Глядя в ее красивые глаза, а затем задерживаясь взглядом на алых губах, блестящих от помады, которая так поразительно оттеняла белую кожу лица, Сет верил ей. Такси постоянно проезжают мимо, пытаясь найти пассажиров в самых зажиточных районах города. Так всегда было. Но, господа, как же он издергался.

— Ключи вы достали? — спросила она.

Сет выудил связку из кармана и позвенел ею у нее перед лицом.

— Помните, если кто-нибудь вас увидит, если вас увидит старший портье, ни в коем случае не упоминайте шестнадцатую квартиру. Стивена наверху быть не должно, но просто на всякий случай. Ладно?

— Конечно.

Эйприл нервничала, в глазах отражалось волнение. Это ему нравилось. Глупо, но Сету хотелось поцеловать ее, прежде чем отправиться наверх. Однако мысль о том, куда он поведет девушку, заставила Сета подавить желание и усилием воли погасить волну страха.

— Я захвачу пейджер, и мы пойдем наверх. Пешком: от лифта слишком много шума, иногда он застревает. Не хочу рисковать.

— Сет. То, что вы делаете... Необходимо прекратить. Вы это знаете. И мы идем туда, чтобы со всем покончить. Вместе. Вы ведь это понимаете? То, что вы вызвали к жизни, можно отправить назад. Наверняка есть способ.

Она так смотрела на него, что у Сета внутри что-то переворачивалось. Где-то в самом сердце его существа. Его пробирала не лишенная приятности дрожь, и немного кружилась голова. Эйприл из тех женщин, на которых хочется просто смотреть. Вечно.

Но она совершенно не понимает намеков.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Эйприл поднималась по лестнице вслед за Сетом, за его узкими плечами, обтянутыми синим блейзером, и длинными худыми ногами в мятых фланелевых брюках. Он шагал размашисто, и каждый раз, когда заворачивал на очередной лестничный пролет, в глаза

Эйприл бросалась его бледность. И еще то, как быстро движутся его губы, когда он что-то бормочет себе под нос.

Дыша тяжелее, чем ей хотелось бы или же чем, по ее мнению, требовалось, Эйприл поднималась по бесконечной лестнице, застланной толстым зеленым ковром. Дважды она едва не теряла равновесие из-за высоких каблуков, когда догоняла Сета, пытаясь подавить страх. Ей делалось дурно от тревожного волнения, когда она вспоминала, что придется войти в квартиру. Эйприл не имела отношения к кончине Хессена, не уничтожала его работ, однако все равно не могла отделаться от вопроса, как именно его дух будет защищать себя в случае вторжения или угрозы.

Хорошо, что хотя бы Майлз ждет перед домом ее сигнала. Она дала ему код от входной двери и объяснила, в какой части здания находится квартира. Если Эйприл ощутит, что ей угрожает опасность, она немедленно подаст знак. Майлз пытался отговорить ее, и в итоге они пришли к компромиссу.

Сет вдруг остановился. Он резко развернулся к Эйприл — его лицо было искажено волнением, руки сжаты в кулаки.

— Мы пришли, — прошептал он.

Его голос ослаб то ли из-за долгого подъема, то ли из страха перед незаконным вторжением на частную территорию.

Эйприл поглядела поверх плеча Сета на дверь с номером шестнадцать, латунной пластинкой на тиковом дереве.

Вот здесь жил и работал Хессен. Здесь он пытался укрыться от пристального внимания и слияния с городом, в котором черпал вдохновение. Вот место, где он страдал и где едва не изменил ход развития современного искусства. И еще место, где художник добился самого экстраординарного контакта с невидимым миром. И где ему изуродовали лицо, прежде чем он был убит ее родственниками.

Странное и невнятное признание Эйприл почерпнула из нескольких рукописных дневников. Но теперь это место необходимо запереть, и для этого недостаточно лишь входной двери. То, благодаря чему Хессен до сих пор существует, нужно удалить, уничтожить, и гораздо тщательнее, чем это сделали при первой попытке в 1949 году. Как именно осуществить задуманное, Эйприл не вполне понимала, но поклялась себе, что внимательный осмотр квартиры станет только первым шагом.

— Вы готовы? — прошептал Сет.

Эйприл кивнула.

— Давайте я пойду первым, а вы пока подождите здесь. Я вас позову.

— Конечно.

Эйприл показалось, что она ответила, но голос прозвучал так слабо, что просто слился с теплым воздухом и рассеялся где-то на уровне коленей.

Сет осторожно отпер дверь.

В тот миг, когда за Сетом закрылась входная дверь, Эйприл достала сотовый телефон и прошептала:

— Это я. Да, да, все в порядке. Я под дверью квартиры. Он пошел внутрь. Я не буду вешать трубку, а понесу телефон в руке, тогда ты все услышишь... Да, ладно... Хорошо... Со мной все будет в порядке.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Выдвинув щеколду, чтобы замок не захлопнулся, Сет плотно прикрыл за собой дверь.

В коридоре горел свет. Уходящий вдаль, похожий на красный тоннель, он казался сделанным из плоти и крови, а между лампами на полу плескались лужицы теней. В квартире стояла тишина. Все картины прятались под полотнищами, как было, когда он приходил сюда в последний раз, один. Отринув воспоминание, Сет дошел по залитому

кровавым светом коридору до комнаты с зеркалами, ощущая всей кожей, как колыхнется вокруг него воздух, словно некая беспокойная энергия накатывает волнами и сгущается во всех помещениях, даже когда здесь никого нет.

В зеркальной гостиной сегодня все было тихо. Из-за двери, из далекого вихря над потолком, не неслись ничьи крики. Не было слышно грохота, падений, ничто не волокли по полу, ничего не было видно. Ничего. Только неподвижный холодный воздух, и величайшие полотна, какие когда-либо знало человечество, под покрывалами.

Сет секунду помедлил. Кружение в голове замедлилось. Он собрался с силами, чтобы не дрогнуть перед тем, что, возможно, увидит, перед тем, чем с ним поделятся сегодня, перед тем, что случится с Эйприл, милой Эйприл. Вот здесь, в этой комнате. Она последняя. Мальчик так и сказал. А с совестью он примирится потом. Но что делать, если этот парень, Майлз, поднимет шум? Хотя что он, или кто другой, сможет доказать? Сет скажет, Эйприл просто заставила его показать ей квартиру, поскольку была одержима идеей раскрыть тайну смерти художника. Сету же требуется только собрать волю в кулак и держать дверь, пока те не получат что хотят. Вот только будет ли Эйприл потом дышать, как старая миссис Шейфер? Хорошо бы. Иначе что он станет делать с трупом? И где мальчик? Он должен переговорить с мальчиком, прежде чем впустить Эйприл в квартиру.

Сет сглотнул комок в горле, открыл дверь и заглянул в холодную, темную комнату. Ничего, только голый деревянный пол, закрытые кусками материи картины и пустые зеркала. По телу прошла дрожь облегчения. Может быть, этой ночью ничего и не произойдет? Никогда нельзя знать наверняка, когда имеешь дело с подобными явлениями, сказал себе Сет.

Сунув руку в комнату, Сет нащупал выступ выключателя и нажал, заливая пространство слабым красноватым светом. Какой-то невидимый зритель снова занавесил полотна, но оставил открытыми четыре больших зеркала, серебристые коридоры в них уводили к дальним пределам света и отражения. Сет осторожно вышел на середину комнаты, высматривая в тоннелях движение. Того, кто пожелал встретиться с Эйприл.

Но увидел только себя.

Сет уже мысленно примирился с тем, что сегодня ночью будет визжать, дергаться и метаться в золоченых рамах у него перед глазами. Все подготовлено. Но нужно ли снимать покрывала? Начнут ли тогда твари вылезать наружу?

Пора уже позвать гостью.

Но когда Сет развернулся к двери, неожиданное движение в зеркале справа, над пустым камином, привлекло его внимание. Портье огляделся, но увидел в стекле лишь отражение собственного понурого силуэта — ссутуленные плечи, напряженное и бледное лицо.

Там ничего нет. Просто подводит воображение.

Но затем снова, на периферии зрения, уже слева от себя, Сет уловил быстрое далекое движение в глубине другого зеркала. Он поспешно развернулся, чтобы посмотреть. Но снова ничего, кроме его собственных темных глаз.

Его вдруг осенило, что зеркала соединены между собой на дальних концах отражений. Получается, все четыре зеркала обращены друг к другу, чтобы то, что обитает внутри, могло перемещаться по зеркальным коридорам, выходя сюда. И уж только потом по ним уносят что-то отсюда.

Интуитивно угадывая круговое движение, Сет быстро взглянул на следующее зеркало, висевшее напротив двери, и увидел, как со дна серебристого прямоугольника взметнулся бледный силуэт, примерно в середине зеркального коридора, но гораздо ближе к поверхности стекла, чем прежде. На этот раз мелькнуло красное пятно, на миг расцвело багровым цветком у нижнего края рамы, как будто некто сторбленный поднял голову, заглядывая в комнату, где стоял Сет.

Сет был слишком напуган, чтобы повернуться и посмотреть, насколько ближе к поверхности следующего зеркала, расположенного у него за спиной, окажется существо. Шея покрылась гусиной кожей от статического электричества.

Он перевел взгляд вниз и вправо, но все-таки не осмелился повернуть голову. Сет стоял,

глядя в пол под ногами. И прислушивался.

Гудели лампы. Других звуков нет. Или все-таки есть? Где-то вдалеке. Может, это гул уличного движения из мира за окнами и стенами? Или же посвист приближающейся грозы, которая задевает подолом крыши, ущелья улиц и переулков, приближаясь к Баррингтон-хаус?

Нет. Звук движется не горизонтально, он падает сверху вниз, преодолевая громадное расстояние, которое сокращается с каждой секундой.

В тот же миг ослепляющий ужас заполнил все молекулы его тела. Сет вырвался из ошеломленного оцепенения и ринулся к выходу, но в проеме открытой двери его поджидал мальчик в капюшоне. Держа руки в карманах, пряча лицо в недрах капюшона, он заговорил:

— Они идут за девкой, Сет. Они хотят показать ей кое-что. Он не получил ее чертову бабу, зато получит девку, приятель. Можешь в этом не сомневаться.

От чудовищности того, о чем толковал малолетний преступник, у Сета перехватило дыхание. Он покачал головой. Он нервно улыбался, чувствуя себя из-за этой улыбки полным идиотом.

— Нет, я не хочу.

Он сделал шаг к мальчику. Капюшон закивал.

— Э, нет. Приведи ее, немедленно. Вихрь не будет долго стоять открытым. Я уже объяснял. Придется действовать быстро. Затолкнешь девку сюда и закроешь за собой проклятую дверь. Ты ведь знаешь, приятель, как это делается. У тебя отлично получалось. Так что не раскисай в самом конце. Она же просто использует тебя, дружище. Думает, тебя можно купить. Она пытается испортить нам всю малину. Поэтому она должна исчезнуть. Сегодня будет нечто особенное. Она шагнет прямо за край. Уйдет туда вместе с ним, с нашим другом.

— Но что я буду делать с телом? Не могу же я просто отнести ее в постель и уйти! Есть еще этот ее искусствовед. Он знает, куда она пошла.

Мальчик закрыл дверь в зеркальную комнату, не выпуская Сета. Он поднял голову.

— Не будет никакого тела, приятель. Я же тебе говорил. От этой сучки ничего не останется, когда она уйдет с ним. Она шагнет через край, как он сам. Как все они много лет назад. Вообще ничего не останется!

— Но...

— Он идет! Сейчас начнется, приятель!

Голос мальчика звенел от детского восторга. Он вынул руки из карманов, демонстрируя расплавленные и слипшиеся кончики пальцев.

Свет у них над головами мигнул, затем вдруг померк. Как будто облако нашло на солнце. Тень затянула помещение, и у Сета перед глазами потемнело. За пределами комнаты послышался чей-то голос, слишком далекий, чтобы принадлежать этому месту. И голос звал его по имени:

— Сет? Сет? Не пугайте меня! Где вы?

Это была Эйприл.

— Эйприл, нет! — выкрикнул он. — Не входите! Стойте там!

— Заткни пасть! — заорал мальчишка, вскидывая изуродованные руки, словно собираясь с ним драться.

Температура воздуха вдруг резко упала, мороз острыми иголками пронзил Сета до самых костей. То, что осталось от комнаты — стены, пол, плинтус, ребенок в капюшоне, сама материя, осязаемая и видимая, — так быстро растаяло в темноте, что Сет не различал теперь даже половиц под ногами.

Инстинкт говорил, что надо бежать. Быстро ринуться к двери и покинуть здание, увлекая за собой Эйприл. Но Сет знал, что ему не оставили выбора. С тех пор как он приехал в этот город, его возможности постоянно ограничивались, и собственной воли у него давно уже не было. А была ли она хоть когда-нибудь?

И эта встреча была неизбежна. То присутствие, которое наполняло его сны и наблюдало за ним издалека, которое раскрыло ему глаза на мир, в конце концов проявилось. Сет

постоянно этого ждал.

Он сделал два неверных шага в ту сторону, где, по его воспоминаниям, находилась дверь. Каждый мускул в теле трясся от пронизывающего холода и внезапных пронзительных криков, которые спускались сверху, бессильно крошащиеся в вихре, раздираемые на куски подвижным холодом.

За спиной кто-то вздохнул. Вздох пронесся по всей комнате, словно вырвавшись из громадных легких, какие не способна вместить ни одна грудная клетка. Выдох рассеивался морозными клубами по углам комнаты, раскатываясь по полу и поглощая последние фрагменты материального мира вокруг.

Его знакомого в куртке с капюшоном нигде не было. Он исчез без следа. Не было и тепла — вообще никаких доказательств того, что когда-то существовал иной мир.

И тут вниз посыпались все остальные. Откуда-то сверху, из водоворота бесчисленных далеких криков и стонов. Они неслись на Сета с такой скоростью, что от ужаса его едва не стошнило на невидимый пол.

Сет сделал несколько шагов на шатких ногах, которых больше не чувствовал, в полной уверенности, что сердце вот-вот остановится, кровь заледенеет, а сам он разобьется вдребезги, если кто-нибудь вдруг коснется его в крошечной темноте.

За спиной, теперь уже совсем близко, Сет услышал стук каблучков по дереву, и этот звук заглушил ураганный вой сверху оттуда, куда он не смел взглянуть из страха увидеть, как оно приближается.

Интонация протяжного вздоха, изливающегося и заполняющего темное пространство, изменилась: в нем угадывалось предвкушение. Или волнение. Окутанный саваном ужаса, Сет не смог определить точно. Он был не в состоянии здраво мыслить. Не понимал больше ничего: в какую сторону он обращен лицом, и если его ноги все еще стоят на полу, то каким образом тело отклонилось назад и валится вниз, вниз, вниз, туда, где должен быть этот самый пол? И почему в том месте, где нет ни севера, ни юга, ни земли, ни небес, он все равно видит далеко перед собой? Или же в дюйме от собственного носа? Однако Сет все время различал красное пятно, которое перемещалось каждый раз, стоило ему моргнуть или сфокусировать взгляд. И лишь на долю секунды, когда он уловил движение боковым зрением, стало ясно, что это красная ткань, обмотанная вокруг маленькой головы. И острые черты проступают под туго натянутой алой материей. И вздох выходит из подобия разинутого рта.

Сет закрыл глаза руками, когда ледяное дуновение обожгло ему щеки.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ

Сета не было уже больше пяти минут. Эйприл стояла под дверью шестнадцатой квартиры, нервно играя зажигалкой в глубоком кармане пальто и прислушиваясь к передвижениям Сета внутри.

Один раз ей показалось, будто он бежит на цыпочках по коридору, вроде бы возвращаясь, но дверь так и не открылась. А шаги были легкими, какими-то детскими.

Когда она прокричала имя портье, шаги замерли, и воспоминание о них стерлось, отчего Эйприл тут же поверила, что звук доносился из какой-то другой части здания, из другой квартиры, с другого этажа, скорее всего.

А затем ей послышалось, что в глубине шестнадцатой квартиры захлопнулась дверь. Где-то далеко, будто за пределами дома. Но опять-таки, этот звук мог прийти из другой части здания. Сложно определить наверняка.

Не может же она вечно стоять на лестнице. И вообще, чем он там занимается? Эйприл подумала, что Майлз, возможно, был прав. Это какая-то ловушка, засада. Ждать дольше нельзя. Она вынула руки из карманов.

— Алло! Это я.

— Эйприл! Ты в порядке?

— Да.

— Что там происходит?
— Понятия не имею.
— Ты в квартире?
— Нет, я все еще стою на площадке. А он внутри уже целую вечность. Я не знаю, что он там делает. Велел ждать его за дверью. Но не могу же я торчать тут всю ночь!
— Мне все это не нравится. Я вхожу!
— Нет, не надо. Ты все испортишь. Я ведь ему обещала.
— Возможно, это ловушка!
— Нет, говорю тебе... Я уверена, он не опасен, — произнесла Эйприл, чтобы успокоить Майлза, хотя сама уже не верила в это.
— Ты уверена, что он не опасен! Боже мой, Эйприл!
— Я просто не понимаю, что могло его так задержать. Поэтому я вхожу. Дверь на щеколде. Я оставляю ее открытой. Имей в виду на всякий случай.
— Эйприл, стой! Я не хочу, чтобы ты заходила туда. Это неправильно. Ты незаконно вторгаешься в частные владения. Мне все это не нравится!
— Все будет хорошо, поверь мне. Просто не убирай телефон. Чтобы наверняка. Я ненадолго, только посмотрю, что там делается, и через несколько минут спущусь.
— Мне все это до смерти надоело. Это какая-то глупость. Неужели ты не чувствуешь абсурдности происходящего?
Эйприл толкнула входную дверь.

Петли скрипнули и застонали, когда тяжелая дверь ушла внутрь. За ней оказался темный коридор. В свете ламп с площадки Эйприл разглядела теряющийся в тенях дальний конец коридора, уводящего в глубь старомодного пентхауса.

— Сет, — шепотом обратилась она к темноте. — Сет! Сет!

Шагнув за порог, Эйприл поискала выключатель. Она нащупала старинный керамический, похожий на перевернутую масленку ее бабушки, рычажок и опустила его, но тот только гулко щелкнул, а лампочки под стеклянными абажурами бра так и не загорелись.

Эйприл двинулась по пустому коридору, половицы под ногами поскрипывали. В квартире пахло пылью и спертым воздухом.

— Сет, — снова позвала она, на этот раз громче. — Сет! Где вы?

Проходя мимо двух следующих выключателей, Эйприл пощелкала ими — никакого эффекта. Не работают.

Свет с лестничной клетки дальше не проникал. Темнота квартиры поглощала желтое свечение, не давая ему разлиться дальше зева входной двери. А в следующий миг тьма вокруг нее сгустилась.

Обернувшись через плечо, Эйприл увидела, что входная дверь беззвучно прикрылась до половины и ее под собственной тяжестью притягивает к раме. Эйприл вернулась, пугаясь при каждом шаге стука собственных каблуков, широко распахнула дверь и, сунув в качестве клина пудреницу, снова дошла до середины коридора.

На этот раз она обратила внимание на двери в квартире. Небольшие, выкрашенные белой краской, должно быть, ведут в чуланы, решила Эйприл, а другие, по-видимому, закрывают комнаты, как и в квартире Лилиан.

— Сет!

Ее резкий окрик, в командном тоне которого звучало раздражение, прорезал тишину.

Вынув из кармана зажигалку, Эйприл щелкнула ею и подняла повыше. Стены были оклеены безобразными обоями. Бумага побурела от старости и была шершавой на ощупь. Здесь они были такими же голыми, как и во всех остальных квартирах этого дома, какие Эйприл успела посетить. Как будто стенам нельзя доверять. Не было ни картин, какие обещал показать портье, ни его самого.

— Сет? Сет? Не пугайте меня! Где вы?

Еще несколько шагов, и у Эйприл осталась лишь тонюсенькая полоска электрического

света и белесое мерцание дешевой зажигалки. Ее яркое, но короткое пламя тонуло в холодном, темном пространстве, освещая всего лишь маленький кружок. Однако Эйприл разглядела закрытую дверь слева по коридору. В квартире ее двоюродной бабушки здесь находилась гостиная. Эйприл услышала далекий голос.

— Сет? Это вы?

И он прокричал, как будто из бескрайнего пространства:

— Эйприл, нет! Не входите. Стойте!

Из щели под дверью вырывался сквозняк и обжег холодом руки. Пламя зажигалки замерцало синим, прижалось к металлической пластине, а затем погасло. Невероятно, такое впечатление, будто Сет кричит откуда-то издалека. Эйприл замерла на месте, все тело напряглось, по спине пробежали мурашки. Она прислушалась.

В комнате звучал еще один голос. Да, она точно слышит голос. Даже голоса. Это что, телевизор? Радио? Придвинувшись ближе, Эйприл прижалась ухом к двери. Звук несясь так, будто она проходит мимо стадиона «Янки Стадиум» во время домашней игры. Наверное, он зарождается где-то за пределами здания.

Ей на ум сейчас же пришли рассказы миссис Рот и мистера Шейфера. Эйприл прижала телефон к уху и отошла от двери.

— Майлз?

— Да, я здесь. Что там?

— Не знаю. Свет в квартире не горит, но я что-то слышу. Или это снаружи? Ты там внизу не слышишь никакого шума?

— На что похожего?

— На гул толпы.

— Как это?

— На улице ветрено?

— Что?

— Ветер дует? На улице?

— Нет. Здесь жутко холодно и сыро, но ветра пока нет. О чем ты вообще говоришь?

— Я здесь что-то слышу.

Она действительно слышала. И либо шум с каждой секундой усиливался, либо у нее обострялся слух. Похоже на рокот бури. Или же на какой-то по-настоящему громкий и далекий гул, но только смазанный. Ветер из-под двери усилился, и Эйприл отошла еще на шаг.

— Эйприл? Эйприл? — Она слышала, как голос Майлза бьется в трубке.

— Сет? Что вы там делаете? — выкрикнула она, выставляя перед собой зажигалку. Искра вылетела, но огонь на сквозняке не загорелся.

— Сюда.

Голос звал из комнаты, прямо из-под двери. Во всяком случае, ей так показалось. Неужели Сет?

— Что?

Ее пальцы поспешно, отчаянно чиркали по металлическому колесу зажигалки. Она поднесла к уху телефон.

— Мне кажется, там кто-то есть. В комнате.

— Эйприл, ты меня пугаешь! Что там, черт побери, творится?

Она подняла руку повыше. Искра вылетела, но потухла. Со следующей попытки огонек занялся. Эйприл неуверенно шагнула к двери, держа зажигалку перед лицом. Задыхаясь от бешеного сердцебиения, она сощурилась, чтобы лучше видеть, и решила заглянуть в комнату, выяснить, что же там делает Сет. Должно быть, это он. И с ним кто-то еще. Или же он разговаривает сам с собой? Она коснулась латунной ручки.

И дверь открылась.

Ее открыли с другой стороны. Эйприл испуганно ахнула. Крохотный огонек погас от внезапно вырвавшегося из комнаты чернильного холода. Ветер взревел, словно выжатый под

давлением из замкнутого, но полного жизни пространства. Да, все здесь было пронизано жизнью. Сам подвижный воздух был наполнен столькими криками, что Эйприл пошатнулась от его силы.

Тусклый свет с лестничной клетки пропал, и очертания предметов вокруг — грязные обои на стенах, смутное ощущение потолка, карнизы — растворились. Исчезло все, поглощенное чем-то настолько плотным и черным, что остался один лишь холод.

И когда прямо из пустоты выскочил Сет, волосы Эйприл прилипли к голове, а веки затрепетали от порыва арктического ветра. И вместе с ним явился оглушительный хор завывающих голосов, таких безумных и отчаянных, что Эйприл сама невольно испустила протяжный вопль. Но ее крик вырывался из еще живого рта.

ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ

Сет вывалился в коридор, за дверь, задыхаясь и рыдая. Он поднял голову и увидел слева, в паре шагов, мальчика в капюшоне, который взволнованно кивал на изломанную фигуру Эйприл. Она привалилась к стене справа от него, вывернув одну ногу под странным углом и уже не опираясь на нее. Входная дверь в конце коридора была открыта.

— Сет! Сет! — взвизгнул из глубины подрагивающего капюшона малолетний преступник. — Тащи эту суку туда! Сейчас же, а не то пожалеешь! Иначе он заберет вместо нее тебя! Выбирай — ты или она. Делай, мать твою, что приказано!

Эйприл потрясенно глядела на Сета, не в силах говорить.

— Он ждет встречи с вами, — произнес Сет, и ему самому показалось, что слова звучат лживо и напыщенно. — В этой комнате.

Эйприл помотала головой и развернулась, чтобы бежать.

— Сет! — выкрикнул мальчишка и кинулся в погоню. — Тащи ее внутрь. Там я смогу тебе помочь. Просто затолкни ее в комнату, а мы сделаем все остальное. Давай же!

Поднимаясь, Сет понял, что плачет.

— Эйприл, Эйприл!

Он схватил ее за ворот пальто и дернул назад. Она заваливалась по широкой дуге, ее ноги оторвались от пола. Эйприл с грохотом упала на деревянные половицы, и ее лицо исказилось в крике, она ударилась копчиком. Сет сейчас же принялся извиняться.

— Вот так, отлично. Она у тебя в руках!

Мальчишка глядел на сапоги на высоком каблуке, которые скребли по мраморному полу.

— Сет, не надо! — выкрикивала Эйприл между стонами и рыданиями, мешавшими ей бороться, лишаящими сил.

Двигаясь спиной вперед широкими шагами, Сет волок Эйприл за воротник. Шлепая руками по гладким половицам, она пыталась замедлить неукоснительное приближение к двери, которая содрогалась под ударами ураганного ветра, казалось, она дрожит от возбуждения. Воротник пальто задрался выше головы, пока Эйприл пыталась вывернуться из одежды. Сет плотно намотал ткань на кулак, оттягивая руки Эйприл назад и лишая ее возможности двигаться. Его собственное шумное дыхание отдавалось в ушах.

— Прости, прости, — рыдал он.

Мальчишка, в капюшоне шагал вслед за ними по коридору, с нейлоновым шелестом размахивая руками.

— Туда, туда, туда! — скандировал он.

— О нет, боже мой! Сет, умоляю!

Эйприл плакала, подводка для глаз растеклась; прелестное лицо покраснело, когда она повернула голову, чтобы взглянуть на ужасающую дверь. Жуткий мороз мешался с ощущением бескрайней черной пустоты, ожидавшей, чтобы поглотить ее.

Сет завел за спину руку и нащупал ручку. Эйприл отчаянно задержалась, когда он ослабил хватку, и почти сумела подняться. Но он сбил ее ногой, и она упала на бок, заливаясь

слезами, а перекрученное пальто скрыло лицо и шею. Оно превратилось в идеальную удавку, Сету остается только тянуть за нее.

Мальчишка в капюшоне метался из стороны в сторону, наблюдая за их борьбой, возбужденный, словно хорек у кроличьей норы. Он принялся топтать, и из темноты капюшона вырывалось сдавленное хныканье. Он готовился кинуться вслед за Эйприл в темноту, чтобы прикончить ее.

Дверь сама широко распахнулась, и наружу вырвался невероятный порыв морозного воздуха; он захлестнул их, как волна захлестывает палубу тонущего корабля. Сразу за дверью зазвучал хор тысяч голосов, рвущихся из ртов, которые Сет не хотел даже видеть. Вопли неслись сверху, поднимались снизу, напирали с боков и с силой накатывали на дверь, словно видели шанс обрести новую жизнь.

Собрав все силы, Сет снова шагнул в темноту и ветер. Он сделал еще шаг, затаскивая следом рыдающую девушку.

ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ

— Эйприл! Эйприл! Да что ж такое!

Майлз оторвал трубку от уха и ринулся к парадному входу Баррингтон-хаус. Он взлетел по лестнице, перепрыгивая через три ступени, и притормозил на мраморном крыльце перед стеклянными дверьми. Он метался из стороны в сторону, поскальзываясь на кожаных подметках, и задыхался от страха, потрясения, паники, какие вселил в него тот крик: в голосе Эйприл звенел неподдельный ужас, в трубке трещало от ураганного ветра, после чего наступила тишина.

Майлз подскочил к домофону и принялся нажимать на блестящие стальные кнопки. Единица. Девятка. Четверка. Девятка.

Внутри тяжелой латунной коробки, соединяющей створки стеклянных дверей, громко щелкнуло, когда запорный механизм ослаб. Майлз ворвался в дом и помчался по длинному, застеленному ковром коридору. Только приблизившись к широкому кругу со стойкой портье и уголком отдыха с безмолвными растениями в кадках, креслами и кофейным столиком с журналами и вазой сухих камышей, Майлз снова задышал. Впустил теплый воздух в легкие, непривычные к физическим нагрузкам.

Она сказала, через пожарный выход. Вот он, ведет к лестнице и лифту. Майлз слышал голос неискушенной горожанки Эйприл со всеми этими «лифтами» и «квартирами», словечками из киношных диалогов — они крутились, переплетаясь с его собственными мыслями, бега которых он не мог замедлить.

Майлз поскакал вверх по лестнице, затем остановился. И беспомощно замер — руки и ноги дрожали, а разум, уже несколько оправившийся от паники, твердил, что шестнадцатая квартира находится на восьмом этаже, а он и так уже чуть жив после пробежки через холл. Есть же лифт. Воспользуйся им. Лифт стоит на первом этаже. Да, Майлз видел кабину зеркало в задней стенке, деревянные панели, желтоватый свет, заливающий замкнутое пространство.

Когда он забрался внутрь, руки у него тряслись. Указательный палец попал не на ту кнопку, кнопку пятого этажа. Потом нажал девятый. Пятый остался гореть. И девятый тоже.

— Какого черта!

Майлз унял дрожь в пальцах и нажал восьмой: этаж, напротив которого значились номера шестнадцать и семнадцать.

Что он там натворил, этот чокнутый негодяй Сет? Напал на нее? Или еще хуже?

Скоро эта коробка зашевелится? Кажется, прошла добрая минута, пока кабина зазвенела, зажужжала и поползла вверх, к Эйприл.

Как он ей поможет? Только теперь, когда Майлз никуда не бежал, не тыкал в кнопки, а был вынужден стоять неподвижно и ждать, он задумался, а что, собственно, от него потребуется. Сможет ли он хотя бы драться, если дело до того дойдет? Кто его знает.

Последний раз он дрался в школе, несколько десятилетий назад.

— О господи, — проговорил Майлз, сознавая абсурдность ночного приключения.

О чем Эйприл вообще думала?

Когда лифт без толку остановился на пятом этаже, тревога за Эйприл превратилась в гнев. Эти безумные истории, дикие предположения относительно убийства, и вот теперь ночной поход с полоумным портье. Как какой-то детектив-любитель! Майлз проклинал себя за то, что позволил втянуть себя в эту авантюру. На самом деле он не смог до конца отделаться от подозрений, что Эйприл такая же чокнутая, как и ее бабка.

Лифт наконец-то остановился на восьмом этаже. Но теперь, когда Майлз был так близко к цели, ему не хотелось выходить. Он посмотрел через маленькое, затянутое сеткой окошко в дверце, проверяя, нет ли кого на площадке. Пусто, но дверь квартиры открыта. Должно быть, шестнадцатая.

— Черт!

Стараясь действовать как можно осторожнее, Майлз толкнул внешнюю створку лифта и поглядел по сторонам.

— Эйприл! — позвал он свистящим шепотом. — Эйприл!

Он подождал ответа, наполовину высунувшись из лифта.

Тишина.

Майлз подошел к порогу и заглянул в старую пустую квартиру.

Стоя в дверном проеме, он еще дважды окликнул ее, затем сощурился и вгляделся в дальний конец коридора, но там было слишком темно. Придется войти внутрь.

Он не верил самому себе — неужели он вламывается среди ночи в чужую квартиру в элитном доме? Майлз сделал по коридору всего пару шагов, после чего сжался и присел, громко выкрикнув: «Господи!»

Теперь он тоже слышал — гул толпы и бурю, голоса. Все то, о чем она рассказывала. Оно вращалось и неистовствовало за средней дверью по левой стороне коридора. Та самая комната, куда муж Лилиан втолкнул Хессена!

Стоя под дверью, Майлз сомневался, хватит ли у него духу, чтобы хотя бы коснуться ручки. Но в следующий миг он услышал ее. Где-то вдалеке, внутри, там. Она плакала. Среди рева и встревоженных криков — как будто стая обезьян на деревьях увидела внизу леопарда — Майлз услышал голос Эйприл. Едва слышные обрывки фраз. Она кричала и умоляла о пощаде.

— Господи!

Майлз рванул на себя дверь и попал в пустоту. В забвение.

В место, где был только обжигающий мороз и тысячи вопящих голосов. Он упал на твердый пол, которого не мог разглядеть, зажимая уши руками. А когда развернулся всем телом, чтобы отыскать кричащую девушку, то ощутил, как нога до голени провалилась куда-то, где было еще холоднее. Ураганный ветер поднимался вверх, словно натолкнувшись на поверхность огромной горы, отчего ему не осталось другого пути.

Попытившись, Майлз сумел отодвинуться от края, с которого едва не упал, и в следующий миг множество пальцев, тонких, как карандаши, и жестких, как кости, вцепилось ему в лодыжку, словно в перила, внезапно возникшие на жутком пути через забвение.

Майлз с трудом встал на колени, выставив перед собой руки, чтобы не скатиться в пропасть, которая, как он чувствовал, разверзлась вокруг него в непроглядной черноте. Рубашка вздулась пузырем, галстук хлестал по лицу, словно собачий хвост.

— Эйприл!

Он увидел ее, мечущуюся из стороны в сторону, она вскинула руки со скрюченными пальцами, обороняясь от двух сторбленных тварей. В отчаянной борьбе она отбивалась ногами в сапожках на высоком каблуке. Майлз видел, как мелькают серебристые набойки в слабом свете, сочившемся из-за открытой двери, через которую он сам упал сюда.

Встав на четвереньки, Майлз двинулся к эпицентру бури и увидел ребенка в куртке. Невероятно, этот мальчик в капюшоне так и молотил маленькими кулаками Эйприл по лицу,

и она мотала головой, пытаясь избежать ударов. А потом мучитель принялся пинать ее, толкая к... Майлз вспомнил, над чем только что свисала его нога. Второй противник, с трудом стоявший под ураганным ветром, хватал Эйприл за руки, пытаясь сдвинуть с места.

Майлз поднялся и сделал в их сторону два шага, которые напоминали скорее шатания пьяницы. Ему пришлось обхватить себя руками в отчаянной попытке подавить чудовищную дрожь, угрожавшую перебросить замерзшее тело через край. И в следующий миг Майлз приблизился к чему-то, то и дело мелькавшему в лишенной света пустоте над головами дерущихся.

Он увидел лица без плоти, рваное мясо на перекрученных костях, время от времени возникающих в слабом свете, чьи-то ноги, пинающие других существ, слепо хватающихся за все подряд. А на фоне этого чудовищного подвижного гобелена выделялось красное лицо и длинные коричневые руки, вытянувшиеся из невероятно узких плеч, которые так и стремились добраться до боровшейся троицы. Лицо и руки внезапно отдергивались назад в темноту, словно на некой невидимой упряжи, после чего существо снова лезло вперед, с каждым разом все ближе подбираясь к Эйприл и колышущимся на ветру силуэтам, для которых не будет обратной дороги из бездны.

Мальчишка в капюшоне поднял голову на Майлза в самый последний момент, когда нога мужчины уже ударила в середину груди. Подхваченный ветром, словно воздушный змей, ребенок завалился на спину, и его сейчас же поглотило море движущихся худосочных конечностей, слишком тонких, чтобы быть способными на что-то, кроме как царапать темноту. Под подметкой ботинка это существо в капюшоне показалось Майлзу вполне материальным, таким же плотным и плотским, как настоящий ребенок. И, падая, он почти разрушил невидимый борт, за который цеплялись все эти твари.

Майлз уже плохо соображал, каждый вдох давался ему все труднее, однако он понял, что человек в белой рубашке, с заиндевевшим лицом — Сет. Сумасшедший ночной портье из последних сил подтаскивал Эйприл за локоть к краю, пытаясь столкнуть в пропасть.

Она упала на живот, ее голова и плечи исчезли в бездне, полной извивающихся бледных тварей с цепкими клешнями. Парящее чудовище с красной головой было уже совсем близко.

Майлз перенес вес тела на выставленную вперед ногу и ударил Сета плечом в грудь.

Прежде чем завалиться на частично видимую, частично скрытую темнотой платформу, единственную надежную опору среди бушующего вихря, Майлз услышал пронзительный крик Сета. Боковым зрением он увидел, как тощая тварь с красной головой стиснула в жутком объятии машущего руками портье. Существо походило на краба, который клешнями засовывает в челюсти еду.

Затем голова Майлза на мгновение погрузилась в заросли папоротника и колючие прутья, а в следующий миг ударилась о холодную мертвую плоть. Он рывком отстранился от края, переместив свое тело за спасительную черту.

И видел Эйприл только от талии и ниже. Верхняя ее часть была словно отрезана краем платформы. Ее затягивало в пустоту нечто, по счастью почти скрытое темнотой. Стоя на коленях, Майлз тянул Эйприл за лодыжки, он вопил несколько секунд, прежде чем осознал, что это его собственный крик. Хватаясь онемевшими пальцами то за одну ногу, то за другую, он вытянул Эйприл на пол, которого по-прежнему не видел. Девушка закачалась из стороны в сторону, обхватив руками лицо, ослепленное и пронизанное жутким морозом.

Напрягая последние силы, крича так, что едва не лопались связки, Майлз снова взял ее за обтянутые сапогами лодыжки. Пятясь спиной к выходу, откидываясь назад, словно на веслах в ялике, Майлз тащил Эйприл за собой. Через открытую дверь, обратно в коридор.

Она пошевелилась. На полу, рядом с ним, лежа под стеной напротив двери, которую Майлз захлопнул, когда они вывалились наружу, замороженные и бредящие. По другую сторону того, что казалось обычной комнатой. Последние отголоски ураганного ветра и пронзительные крики проклятых наконец-то затихли.

Эйприл закопошилась и издала какой-то звук. Всхлип. Майлз развернулся к ней,

скрытой теньями и собственным пальто.

— Эйприл, Эйприл, Эйприл.

Он бормотал прежде всего для себя, чтобы ощутить в этом кошмарном месте что-нибудь реальное и знакомое.

— Это я, я здесь, милая.

Он протянул руку, чтобы коснуться ее кисти, но Эйприл дернулась, пряча конечности под пальто, закрывая лицо и негромко всхлипывая.

— Больно, — прорвался ее голос из рыданий.

— Эйприл, это я, Майлз. Все в порядке, милая. Я здесь.

Но она не отвечала, а только дрожала под своим пальто, вжимаясь в стену.

Оглядевшись в темноте по сторонам, Майлз убедился, что все двери закрыты. Где-то в глубине души зажглась и разгорелась искра гнева. Он встал на колени.

— Полиция уже едет, — прокричал он в гулкую пустоту. — Вы слышите?

Эйприл тихонько плакала и раскачивалась вперед-назад, словно от нестерпимой боли. Когда глаза немного привыкли к темноте и Майлз сумел разглядеть девушку, то понял, что она крепко прижимает к телу руки, низко опустив голову. Она серьезно ранена. Надо увести ее отсюда. Немедленно.

Эйприл поднялась с пола, не сопротивляясь, послушно встала на ноги, как будто привыкла, чтобы ею управляли. Но она по-прежнему не отрывала руки от груди, шла, сгорбившись, опустив лицо в пол, пока они не выбрались из квартиры на площадку перед лифтом, залитую желтым светом.

— Покажи мне, Эйприл. Покажи, где болит.

И только тогда она открыла ему свои раны.

Он увидел почерневшую кожу на запястьях и кистях рук, которые она выставяла перед собой, отбиваясь от ужасов из темноты. Эти недавно прелестные белые ручки теперь тускло поблескивали, словно обтянутые сыромятиной или съеденные морозом. И пальцев на них не хватало.

Покалеченные руки дрожали, когда Эйприл наконец подняла на Майлза лицо, бледное и в подтеках от слез, показав ему ту половину головы, с которой были начисто сорваны волосы.

Он прижал ее к груди, тяжело глотнув, крепко зажмурился и вспомнил, как выглядела та тварь, которая преследовала их до самого порога. Нечто, двигавшееся на четвереньках, вцепилось в Эйприл уже в дверном проеме. Пока она не ударила ногами. Всадила в него острые каблуки, собрав в кулак последние силы и остатки разума. Отшвырнула чудовище, словно вязанку хвороста. И Майлз знал, что чудовище, которое исчезло, утащенное обратно в кипящую пустоту, было всем, что осталось от Феликса Хессена. Майлз стоял к художнику достаточно близко, чтобы снова увидеть, и, вероятно, видеть каждую ночь до конца своих дней, как Хессен тянется к девушке длинными и тощими костлявыми руками.

ГЛАВА СОРОК ТРЕТЬЯ

Стивен метался по тесной гостиной, задевая штанинами форменных брюк неподвижные ступни Дженет, которые торчали из-под наброшенного на ноги одеяла в шотландскую клетку.

— И вот теперь Сета нигде нет. Полагаю, они забрали его без остатка. Поразительно, что такое происходит на самом деле! Понимаешь, я просмотрел утром пленки, прежде чем стереть и заново поставить на запись. Сет из здания не выходил. Видно, как он идет от стойки к лифту с этой девчонкой, Эйприл, и больше ничего. Он больше не спускался. Только представь, дорогая. Он так и не спустился! Но и в шестнадцатой квартире ничего нет. Я обыскал все, до последнего дюйма. Пусто. То, что, по-видимому, приходило, снова свернулось. Забрало, что ему нужно, а потом растаяло без следа. Полиция желает видеть Сета, но им придется здорово попотеть, разыскивая его.

Стивен засмеялся, однако в его смехе не было веселья. Он присел на диван, по которому

беспокойно ерзал на протяжении последних десяти лет так, что обивка уже лоснилась.

— Девушка уехала, ее увезла «скорая». И выглядела несчастная так себе.

Консьерж отхлебнул виски и поморщился, когда обожгло горло, после чего махнул булькнувшей бутылкой на безмолвную, неподвижную жену. Она следила за ним живыми глазами.

— Очевидно, все пошло не по плану, дорогая. Я понял это в тот момент, когда ее дружок, или кто он там ей, вытащил меня среди ночи из постели. Да, дорогая. Предполагаю, что план не сработал.

В следующий миг Стивен собирался спросить жену, не ощущает ли она запах, эту жуткую вонь чего-то горелого и гнилого одновременно. Но не успел. Он увидел, как за кругом света от торшера, в крохотной прихожей перед дверью возникла невысокая фигура.

Ребенок стоял неподвижно и не пытался войти в гостиную, за что они оба были ему признательны. Учитывая смрад, предваривший появление сына, старший портье бы не удивился, если бы его непокрытая голова до сих пор дымилась.

Стивен поднялся и сглотнул комок в горле. Дженет принялась издавать безумные стоны, зарождавшиеся где-то в глубине груди. Она раскачивалась в инвалидном кресле у окна, напрягая те немногие мышцы живота, которые еще функционировали после трех инсультов, последовавших друг за другом и уничтоживших девяносто процентов ее нервной системы в ту ночь, когда она отважилась подняться в шестнадцатую квартиру, чтобы в первый раз встретиться со своим мертвым сыном.

— Господи. — Стивен отшатнулся от ухмыляющегося призрака. — Господи Иисусе!

— Как скажешь, — проговорила закопченная голова.

Лицо мальчишки больше не скрывал капюшон. Казалось, он был вырван из куртки с мясом. Так же как и один рукав, заодно с рукой. В дыре поблескивало что-то черное. Остатки парки потемнели и были покрыты уродливыми вытянутыми пятнами, как будто кто-то вытирал о куртку мокрые ладони, пытаясь пробраться под ткань. Однако самой жуткой деталью его внешности — из-за чего Стивен даже громко вскрикнул и выронил бутылку с виски — была голова, из недр которой выходил голос.

Белки глаз и мелкие зубы, мерцающие в болезненном оскале, были такими яркими, что закопченные ошметки сохранившейся плоти на контрасте казались еще более жуткими.

— А я принес вам новости.

— Мы ничего не хотим знать. Хватит. Нам ничего от тебя не нужно. — Стивен снова сглотнул, отчаянно желая отвести взгляд от куска жженого мяса в дверях. — Все кончилось, осталось в прошлом! Я сделал все, о чем меня просили.

— Не-а. Кое-что изменилось.

— Только не для меня! Я выполнил все условия договора.

— Так ведь ничего же не получилось. Разве что, если ты сумеешь вернуть девку и затащишь ее в комнату к тем тварям, иначе никак. Правда, сомневаюсь, что она захочет вернуться в дом. А сам-то ты как думаешь?

Стивен медленно покачал головой, когда до него постепенно дошли слова покойного сына.

— Но у тебя лично все будет хорошо. Никто не знает, что ты здесь замешан. К тому же все равно кто-то должен оберегать знаки на стенах. И под половицами. Если не ты, то кто же?

— Нет, с меня хватит. У вас есть Сет. Мы же договорились!

Жуткий черный череп ухмыльнулся.

— Сет вышел за пределы полотна. У нас остался только ты.

Стивен упал на колени, стиснув руки в горячей мольбе:

— Скажи ему. Скажи этой твари... Я больше не хочу!

— Пойди и скажи ему сам. В темноту, где я только что побывал.

Ребенок взглянул на культу, оглядел грязную куртку и захихикал.

— Никуда ты не пойдешь, папочка. Останешься здесь и будешь заботиться о маме. Счастливая семейка!

ЭПИЛОГ

— Господи! Да твою ж мать! — выпалил Арчи, окинув взглядом стены. — Никак не могу привыкнуть.

Куин стоял рядом молча. Он только моргнул пару раз, словно на ярком солнце.

— Как думаешь, что это за хрень? — спросил Арчи, упираясь руками в бока в изножье неприбранной кровати.

Куин не захотел или не смог ответить. Прошло четыре недели с тех пор, как за комнату было уплачено в последний раз, и примерно столько же с момента, когда Сета видели в последний раз. Полиции, когда за постояльцем явились стражи порядка, они сказали то же самое.

Хозяину следовало проявлять побольше интереса к Сету, просто не хотелось лишний раз любопытствовать. У каждого имеются свои причины, чтобы жить в «Зеленом человечке». Причины, о которых не говорят. Поселиться здесь можно тогда, когда не остается иного выбора. А Сет был очень хорошим постояльцем — всегда вовремя платил и никого не беспокоил. Поэтому Куин не заволновался, когда тот немного опоздал с оплатой. Но четыре недели это уже слишком, кроме того, хозяину не хотелось, чтобы легавые снова совались в паб.

Когда месяц назад Арчи показывал комнату полиции, в ней было пусто, точно так же, как во все остальные разы, когда Куин пытался постучать или заглянуть в замочную скважину. Такое уже случалось раньше: человек живет здесь, иногда даже не один год, а потом вдруг исчезает, не сказав ни слова. Подвал забит вещами прежних жильцов. В «Зеленом человечке» не вели учетных книг и не задавали вопросов. В этом и заключалась прелесть меблированных комнат. Можешь проводить время за пределами гостиницы как угодно. Пока платишь семьдесят фунтов в неделю и никому не причиняешь неудобств, никто не станет задавать вопросов.

Но теперь Куин вроде бы припоминал, что Сет рассказывал о своих занятиях живописью. Обмолвился разок, давным-давно. Вроде бы. Хозяин толком не помнил. Но то, что Сет рисовал здесь, было очевидным фактом. Доказательства остались на стенах и на полке.

— А что делать с этим дерьмом?

Арчи указал на кучу одежды в углу, тюбики из-под красок, засохшие кисти, листы с набросками, раскиданные по пыльным простыням на полу, белое блюдо с горой изломанных сигаретных окурков и рюкзак у холодильника.

— Куин?

— Что?

— Я говорю, что с этим делать?

Куин оторвал взгляд от красных пятен на камине. Все равно что наблюдать вскрытие трупа.

— Оттащи в подвал. На случай, если он явится за вещами.

Арчи кивнул, затем взглянул на стену напротив двери.

— Бедняга совсем рехнулся. Сомневаюсь, что мы когда-нибудь увидим его.

Куин посмотрел на профиль Арчи, желая, чтобы тот развил свою мысль или же просто обменялся с ним понимающим взглядом. Но в следующий миг хозяин уже не знал, чего хочет на самом деле. Не понимал, что видит на этих стенах, что творится у него в голове, когда он глядит на них. Картины вселяли в него неуверенность и какое-то болезненное чувство, словно его что-то тревожит до тошноты. А потом Куин вовсе перестал понимать, на что вообще смотрит.

Арчи помотал головой.

— Это что, лицо или морда? Собака какая-то. Похоже, там сплошные зубы.

Старик говорит, чтобы как-то заглушить потрясение, какое они оба испытали, когда

зажгли свет и отдернули жидкие занавески. Они должны были бы разозлиться, увидев испорченные стены, или развеселиться и поиздеваться над тем, что натворил Сет. Даже преисполниться восхищения при виде мастерства, с каким художник сумел воплотить свои персонажи, поражающие зрителя с первого же взгляда. От которых захватывает дух. Но Куин не ощущал ничего, кроме тревожной неуверенности, которую не выразить словами, и желания крепко зажмуриться. Он больше не хотел на это смотреть.

— Простыни оставь на полу и сегодня же все закрась. Принеси белую эмульсию, оставшуюся от кухни, и покрой стены в два слоя.

— Возьму тогда валик.

— Да мне плевать, что ты возьмешь, только избавься от этого! Хочу, чтобы к пятнице комната была сдана. Кузен Кенни расстался со своей бабой, он ищет жилье. Пусть перекантуется здесь.

Арчи кивнул, не сводя со стен глаз. Куин вышел.

— Господи! — воскликнул Арчи.

Он покачал головой и снял очки.

Комнату надо красить вслепую, тогда он, по крайней мере, не сможет в подробностях рассмотреть тварей, которые карабкаются по стенам и ползут по потолку.

Но эти картины, даже замазанные, он вряд ли когда-нибудь забудет.

БЛАГОДАРНОСТИ

Особенности интерьера шестнадцатой квартиры и жизни Феликса Хессена были во многом навеяны следующими произведениями: «Уиндхем Льюис» Ричарда Хамфриса; «Кость под мясом. Рисунки Уиндхема Льюиса», под редакцией Джеки Клейн; «Фрэнсис Бэкон и потеря себя» Эрнста ван Альфена; «Фрэнсис Бэкон. Захват реальности врасплох» Кристофа Домино; «Интервью с Фрэнсисом Бэконом» Дэвида Сильвестра; «Гросс» Иво Кранцфельдера; «Диана Мосли» Энн де Курси; «Оккультные корни нацизма» Николаса Гудрик-Кларка.

Выражаю особенную благодарность Джулии Крисп за веру, внимательное чтение и замечания, а также моему литературному агенту Джону Джерольду — за то, что вывел меня на новый уровень. Я бесконечно признателен Рэмси Кэмбеллу и Питеру Краутеру из издательства «PS Publishing», которые первыми опубликовали мои произведения.

Я снова в долгу у моих читателей, Энн Пэрри, Джеймса Марриотта и Клайва Нэвилла, которые тратили на меня свое драгоценное время и талант критиков. Спасибо вам.

И наконец я хочу отдельно поблагодарить великолепные старые дома Найтсбриджа, Мейфэра и Мэрилбоуна, служившие мне с 2000-го по 2004 год писательским кабинетом, где я творил в духе «старой школы». Кажется, мне уже никогда не отойти от этого стиля.